ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Славяне и Россия

Балканы в вихре национально-освободительных движений

К 200-летию
начала Греческой революции
1821–1829 гг.

МОСКВА
2022

УДК 93/94
ББК 63.3(47)
С47

Никитинские чтения
«Славяне и Россия»

Авторы:
О.И. Агансон, Я.В. Вишняков, Т.В. Волокитина, Н.С. Гусев,
С.И. Данченко, И.М. Захарова, П.А. Искендеров, В.Б. Каширин,
Л.А. Кирилина, О.Е. Петрунина, Ар.А. Улунян,
М.М. Фролова, В.Б. Хлебникова

Редакционная коллегия:
С.И. Данченко (отв. ред.),
П.А. Искендеров,
М.М. Фролова

Рецензенты:
к.и.н. О.А. Дубовик,
к.и.н. А.С. Стыкалин

С47 **Славяне и Россия: Балканы в вихре национально-освободительных движений (К 200-летию начала Греческой революции 1821–1829 гг.).** Колл. монография / Отв. ред. С.И. Данченко. — М.: Институт славяноведения РАН, 2022. — 310 с.: ил. — (Никитинские чтения «Славяне и Россия»).

ISSN 2618-8570
ISBN 978-5-7576-0478-7
DOI 10.31168/7576-0478-7

Коллективная монография «Славяне и Россия: Балканы в вихре национально-освободительных движений (К 200-летию начала Греческой революции 1821–1829 гг.)» подготовлена по итогам научной конференции, состоявшейся 9–10 ноября 2021 г. в рамках XI Никитинских чтений, прошедших в Москве в стенах Института славяноведения РАН и Государственной публичной исторической библиотеки России. Ее авторы проанализировали ключевые аспекты балканских национально-освободительных движений, а также различные направления помощи, которую оказывала народам региона Россия (XVIII–XX вв.). Вошедшие в состав коллективной монографии очерки базируются на неопубликованных архивных документах.

Издание рассчитано на ученых-историков, преподавателей и широкий круг читателей, интересующихся историей России и Балканского полуострова.

УДК 93/94
ББК 63.3(47)

© Коллектив авторов, 2022
© Институт славяноведения РАН, 2022

Содержание

Предисловие
(*П.А. Искендеров*) 5

Бунт, восстание, революция?
200-летний юбилей «греческих событий» 1821 г.
в современных дискурсивных практиках обществ
ряда государств Балканского региона
(*Ар.А. Улунян*) 7

Революция 1821 г. в школьном курсе истории
в Греции и на Кипре
(*О.Е. Петрунина*) 48

История Греческой революции 1821–1829 гг.
и русско-греческих связей в трудах Г.Л. Арша
(*С.И. Данченко*) 61

«А называть можно их арнаутами»:
к вопросу о появлении иррегулярных формирований
из уроженцев Дунайско-Балканского региона в русской армии
в начале войны с Турцией 1768–1774 гг.
(*В.Б. Каширин*) 78

Дворянская грамота Николаю Алфераки в собрании Эрмитажа.
К истории рода Алфераки
(*И.М. Захарова*) 103

Из истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг.:
болгары и отряд генерал-майора В.Д. Дандевиля
(захват г. Этрополя 12 ноября 1877 г.)
(*М.М. Фролова*) 115

Сербская и болгарская пропаганда по македонскому вопросу
в России в конце XIX — начале XX вв.
(*Н.С. Гусев*) 149

Словенский либерал в поисках пути. По воспоминаниям
В. Равнихара (конец XIX — начало XX вв.)
(*Л.А. Кирилина*) 170

Албанское национальное движение (1878–1914 гг.)
в балканском контексте: общее и особенное
(*П.А. Искендеров*) 188

Внешнеполитические планы черногорского монарха Николы на рубеже XIX–XX вв. и русская финансовая помощь (*В.Б. Хлебникова*) 205

«Революция Гуди» и идеология сербской военной элиты (*Я.В. Вишняков*) 223

Национально-освободительное движение в Македонии как фактор балканской политики Лондона (*О.И. Агансон*) 242

Из истории послевоенного территориального урегулирования: болгарская составляющая «греческого вопроса». 1944–1946 гг. (*Т.В. Волокитина*) 258

Заключение (*П.А. Искендеров*) 293

Резюме 294

Summary 301

Сведения об авторах 308

DOI 10.31168/7576-0478-7.1

Предисловие

Вниманию читателей предлагается коллективная монография «Славяне и Россия: Балканы в вихре национально-освободительных движений (К 200-летию начала Греческой революции 1821–1829 гг.)», подготовленная по итогам научной конференции, состоявшейся 9–10 ноября 2021 г. в рамках XI Никитинских чтений, прошедших в Москве в стенах Института славяноведения РАН и Государственной публичной исторической библиотеки России. Научный размах мероприятия обусловил широкий спектр подготовленных авторами очерков. В них проанализированы практически все ключевые аспекты балканских национально-освободительных движений и той помощи, которую неизменно оказывала народам региона Россия. Хронологически материалы издания охватывают период с XVIII до середины XX вв.

Центральным блоком коллективной монографии закономерно выступают очерки, посвященные истории Греции. Это исследования, подготовленные Ар.А. Улуняном («Бунт, восстание, революция? 200-летний юбилей «греческих событий» 1821 г. в современных дискурсивных практиках обществ ряда государств Балканского региона»), О.Е. Петруниной («Революция 1821 г. в школьном курсе истории в Греции и на Кипре»), С.И. Данченко («История Греческой революции 1821–1829 гг. и русско-греческих связей в трудах Г.Л. Арша»).

Ряд очерков, вошедших в состав представленной коллективной монографии, посвящены анализу развития ситуации у народов-соседей Греции. Соответствующие вопросы проработаны в очерках Н.С. Гусева («Сербская и болгарская пропаганда по македонскому вопросу в России в конце XIX — начале XX вв.»), П.А. Искендерова [«Албанское национальное движение (1878–1914 гг.) в балканском контексте: общее и особенное»], В.Б. Хлебниковой («Внешнеполитические планы черногорского монарха Николы на рубеже XIX–XX вв. и русская финансовая помощь»), Я.В. Вишнякова («“Революция Гуди” и идеология сербской воен-

ной элиты»), О.И. Агансон («Национально-освободительное движение в Македонии как фактор балканской политики Лондона»), Т.В. Волокитиной («Из истории послевоенного территориального урегулирования: болгарская составляющая “греческого вопроса”. 1944–1946 гг.»).

Важное место в коллективной монографии занимают очерки, посвященные военно-политическим проблемам истории Балкан рассматриваемого периода. Это исследования В.Б. Каширина («А называть можно их арнаутами»: к вопросу о появлении иррегулярных формирований из уроженцев Дунайско-Балканского региона в русской армии в начале войны с Турцией 1768–1774 гг.) и М.М. Фроловой [«Из истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: болгары и отряд генерал-майора В.Д. Дандевиля (захват г. Этрополя 12 ноября 1877 г.)»].

Л.А. Кирилина посвятила свое исследование изучению жизненного и политического пути словенского либерала В. Равнихара [«Словенский либерал в поисках пути. По воспоминаниям В. Равнихара (конец XIX — начало XX вв.»)], а И.М. Захарова подготовила историко-культурный разбор хранящегося в собрании Государственного Эрмитажа важного греческого памятника («Дворянская грамота Николаю Алфераки в собрании Эрмитажа. К истории рода Алфераки»).

Вошедшие в состав коллективной монографии очерки подготовлены на высоком научном уровне, на основе архивных документов и других исторических источников, впервые вводимых в научный оборот.

Коллективная монография «Славяне и Россия: Балканы в вихре национально-освободительных движений (К 200-летию начала Греческой революции 1821–1829 гг.)», несомненно, найдет своего благодарного читателя в России и за ее пределами.

DOI 10.31168/7576-0478-7.2

Артём Акопович
УЛУНЯН

Бунт, восстание, революция? 200-летний юбилей «греческих событий» 1821 г. в современных дискурсивных практиках обществ ряда государств Балканского региона

Отмечавшийся в 2021 г. 200-летний юбилей начала вооруженной борьбы греков против османского владычества, приобретшей на протяжении всего периода с момента окончательного обретения Грецией в 1832 г. независимости общебалканское измерение в национальных нарративах обществ соседних народов и государств, стал ещё одним поводом для обращения к общим и особенным чертам современных дискурсивных практик в регионе по теме «Греция и греки в 1821–1832 гг.». Официальное объявление 25 марта национальным праздником Греции министром образования и вероисповеданий Г. Гларакисом 15 марта 1838 г., в соответствии с королевским указом № 980, стало важным этапом в становлении греческой этно-государственной идентичности. Одновременно формирование представлений о борьбе греков и о завоевании ими независимости проходило в национальной памяти соседних народов в контексте их этнополитического и общественного развития, а также становления и эволюции собственной государственности.

Создание 7 августа 2019 г. Комитета «Греция 2021» (в соответствии с 114 статьёй президентского указа № 4622/2919), которому предстояло заниматься комплексом мероприятий, посвященных 200-летию начала Греческой революции, вывело этот процесс уже с национального на международный уровень. В то же время в Балканских странах, как в академическом, так и общественном пространстве, ещё до начала подготовки к празднованию этого события отчётливо проявились основные черты национальных дискурсов с участием, помимо представителей профессионального научного сообщества, в ряде случаев, и официальных лиц, которые «актуализировали» конкретные тезисы в рамках уже

политической парадигмы. В последнем случае это дало основание ряду авторов, занимавшихся социо-политическим аспектом актуализации событий в коллективной исторической памяти и дискурсивными практиками, сделать вывод о том, что политическая конъюнктура определяет не только оценочные критерии конкретных событий, но и формирует соответствующий запрос на тематику научных исследований, что в определённой степени соответствует реалиям так называемой «исторической политики» (Geschichtspolitik), или «политики памяти»[1].

В определённой степени складывавшаяся на протяжении первых двух десятилетий ситуация свидетельствовала о «борьбе за Греческую революцию» в различных формах её интерпретации в контексте национального исторического нарратива. При этом два аспекта «греческих событий» 1821–1832 гг. имеют особое значение для развития общественного дискурса: во-первых, роль и место конкретного народа в Греческой революции 1821 г. и её значение для него с точки зрения его политического и государственного развития, во-вторых, само определение «греческих событий» 1821–1832 гг. выделяется особенно отчётливо в общественном и академическом дискурсах в обществах Балканских государств. Конкуренция за право собственной интерпретации Греческой революции и её наследие приобрела довольно широкий масштаб и имеет определённую историческую традицию.

Так, в частности, в болгарском национальном дискурсе по теме «греческих событий» 1821–1829(30) гг. основные тезисы и утверждения формировались на протяжении долгого времени, практически начиная с 30–40-х годов XIX в. и прошли достаточно долгую эволюцию. К началу XXI в. концептуальные основы происходивших на территории современной Греции событий определяются в нескольких терминах и формулировках, свидетельствующих о сложившейся в болгарском обществе, включая публичное и академическое пространства национального дискурса, традиции, что нашло своё отражение в дискурсивных общественных болгарских практиках накануне 2021 г., когда, помимо 200-летия Греческой революции, в Болгарии отмечалось 200-летие со дня рождения руководителя и героя болгарского национально-освободительного движения Г. Раковского.

В свою очередь формирование общенационального «исторического» дискурса в Румынии по теме борьбы греков за своё освобождение и создания их национального государства проходило в рамках обретшей вид параллельного развития, но, одновременно, и противопоставления, формулы «движение этеристов (А. Ипсиланти) и революция (движение) Т. Владимиреску» в Дунайских (Румынских) княжествах Молдове и Валахии в 1821 г. Последнее с точки зрения общенационального значения и хронологического первенства приобрело доминирующий характер, в то время как первое — фоновый, но от этого не менее важный для румынской истории.

На этом фоне актуализация в сербском общественном дискурсе темы Греческой революции 1821 г. накануне празднования её 200-летнего юбилея обладала своей особенностью, так как проходила под влиянием доминирующего в повестке дня более широкого дискурса по вопросам внутренней политики, общественно-политического развития и внешнеполитических ориентиров, что было во многом обусловлено последствиями так называемого «югокризиса» 1990-х годов — начала XXI в. В определённой степени эти относилось и к аналогичному процессу в Албании, с той лишь разницей, что тесная связь и взаимопереплетение албанского и греческого «исторических пространств», нередко порождавшее конфликтогенную ситуацию на межгосударственном уровне и в рамках формировавшихся национальных нарративов исторического развития двух народов и их борьбы за национальную государственность, создали особый характер восприятия отдельных событий греческой истории в албанском общественном дискурсе. Вхождение Албании в евро-атлантические структуры, что было бы невозможно при отрицательном отношении к этому со стороны Греции, тем не менее не изменило в целом отношение к историческому прошлому в самой Албании как на уровне общественного «интерпретирования» событийно-исторического ряда, так и отдельных фактов греческой истории, чему в немалой степени способствуют академическое сообщество Албании и роль СМИ в коммуницировании национального нарратива истории соседней страны.

В то же время из всех общенациональных дискурсов по теме Греческой революции, развивавшихся в обществах соседних с Грецией по региону государств, в общественном пространстве Республики Северная Македония его содержание было чётко определено формировавшимся на протяжении периода после Второй мировой войны этно-историческим нарративом, когда шло формулирование официального концепта этничности славянского населения и национальной государственности входившей в состав социалистической Югославии союзной республики Македонии. Сутью этой концепции является тезис о существовании македонского народа и преемственности македонского государства с древнейших времён. Относительно недавнее урегулирование вопроса названия бывшей югославской республики Македонии с Грецией и получение официально признанного названия Республика Северная Македония не изменили официальный этно-государственный концепт. Продолжающаяся дискуссионность и полемичность сущности «взаимоотношений» с национальной историей современной Греции как на академическом, так и на общественно-политическом уровне проходят в рамках отстаивания сформировавшейся за прошедшие со времени окончания Второй мировой войны традиции и соседствуют в общественном дискурсе, где «греческая тема» всегда актуализируется как часть общественно-политического нарратива на официальном уровне. В то же время, имея в виду особенность этнического состава населения страны, который представлен, помимо малочисленных этносов, прежде всего, славянами-македонцами и албанцами, общенациональный дискурс, в данном случае, объективно делится на два основных этнических нарратива.

Однако если для других государств-соседей Греции по региону общественный дискурс по теме Греческой революции 1821 г. являлся в какой-то степени схожим с точки зрения главной целевой установки национально-освободительных движений их народов в прошлом, то в случае с Турцией его формирование и эволюция оказались наиболее сложными и обладают высоким конфликтным потенциалом в связи с особенностью отношения к османскому наследию в современном обществе и перманентно

присутствующей напряженностью в двусторонних греко-турецких отношениях. Частично это объясняется как историческими факторами, так и серьёзными изменениями внутриполитической ситуации в современной Турции, её внешнеполитическим курсом, особенно после укрепления во власти позиций сил, ориентированных на использование так называемого «исторического наследия» Османской империи, идеологии тюркизма и апеллирования к конфессиональным, знаковым с политической точки зрения, символам. Несмотря на разнообразие общетурецкого дискурса по теме двусторонних отношений с Грецией, тем не менее, доминирующим трендом в нём на данном этапе, и при явном активном участии властей в формулировании повестки дня, является интерпретация прошлого и его экстраполяция на настоящее в рамках «суверенной справедливости» при существенной «редакции» даже кемалистского подхода к национальной турецкой истории. Несмотря на посылку президентом Турции Р.Т. Эрдоганом официального поздравления с национальным праздником по случаю 200-летия Греческой революции, в целом складывающаяся в общественном дискурсе при участии властей ситуация достаточно неоднозначная. Более того, обращение к истории, как отмечали сами турецкие исследователи, имеет вполне конъюнктурное объяснение, в связи с чем они приходили к выводу о том, что «в большинстве случаев историческая дискуссия выходит на повестку дня СМИ тогда, когда политики обращаются к прошлому, оценивая сегодняшние проблемы»[2]. В определённой степени это влияет и на эволюцию терминосистемы, характеризующей «греческие события» 1821–1832 гг., в Греции в общественном дискурсе и других государств региона.

В албанской версии дискурса, распространенной в общественном и академическом дискурсах албанцев как в собственно Республике Албании, в Республике Северная Македония, а также в непризнанной ООН Республике Косово, выдвигаются два основных тезиса. Первый из них, полностью совпадающий с греческой национальной версией, определяет события 1821–1832 гг. как Греческую революцию 1821 г. (Revolucioni grek i vitit 1821), но с определённой редакцией. Прежде всего подчер-

кивается значительная, а в некоторых случаях и решающая роль албанского (арванитского) населения Греции в начале восстания против Османской империи, его представителей в руководстве восстанием, а также боевыми действиями, и в создании первых органов новой государственной власти. Распространению этого тезиса во многом способствуют СМИ, в которых выступают представители академического сообщества. Так, в частности, ещё за три года до отмечавшегося в 2021 г. юбилея, в теледебатах на одном из каналов телевидения Республики Албании, в которых принимал участие и руководитель общественной организации греческого меньшинства в Албании П. Барке, известный историк, профессор университета в Дурресе Е. Коцачи заявила о том, что «в Греции не было греческого населения в том смысле, как об этом говорится в [современной] Греции, то есть греческого населения в момент, когда Греция стала государством», и что «сто тех, кто сражался, были сто арванитов в фустанелах, все эти албанцы возложили корону на короля, и там не было греков, так как это были православные албанцы»[3]. Подобная интерпретация событий вызвала возражения П. Барке.

Наличие нескольких векторов в публичном дискурсе характерно и для его болгарской версии. В нём актуализировалась тема участия болгар в Греческой революции, которая имеет давнюю традицию, способствовавшую формулированию так называемого исторического болгарского названия событий 1821–1829 гг. как «Греческий заговор» («Гръцката завера от 1821–1829 гг.»). Во многом это было данью прошлому, так как в болгарской традиции ряд восстаний, происходивших на территории современной Болгарии или имеющих отношение к болгарам, называются «заговорами». К их числу, например, относится так называемый «Велчский заговор» («Велчовата завера»), представлявший собой попытку восстания болгар в 1835 г. против Османской империи в районе г. Тырново и в Силистре.

При этом следует отметить, что до сих пор хронологический период данного события в болгарской «бытовой» и академической традиции определяется недостаточно точно и конечной датой указываются нередко несколько лет: от 1828 до 1832 гг. Само использование этого термина в болгарской традиции было

синонимом термина «греческое восстание 1821 г.» и тайной повстанческой организации освобождения христианских народов от Османской (Турецкой) империи. «Борьба» за Греческую революцию в форме подчеркивания значимости участия в ней и последующей войне за освобождение Греции болгар нашло своё проявление на историографическом уровне ещё в начале XX в., когда в публикациях болгарских авторов уделялось особое внимание болгарским участникам восстания[4]. В последующем это направление превратилось в отдельное, научное, и его академическая значимость была подтверждена серьёзными исследованиями болгарских историков[5].

В болгарских СМИ данный аспект дискурса имеет традиционную популярность, а в наиболее характерной форме и именно с использованием старого термина было продемонстрировано в одной из публикаций, называвшейся «“Греческий заговор” и болгары», автором которой был известный болгарский историк П. Павлов, в общенациональной газете «Труд»[6]. Одновременно выявилась и терминологическая особенность событийного ряда в болгарской интерпретации, в соответствии с которой «21 февраля/4 марта 1821 г. “Филики Этерия” начинает революцию с бунта в Галаце», за которым впоследствии «восстание на Пелопоннесе, вспыхнувшее 25 марта/6 апреля 1821 г. и завоевавшее симпатии цивилизованной Европы, закончилось завоеванием Грецией независимости (1829–1830 гг.). Разумеется, при решительном вмешательстве России и великих держав. На стороне греков воюют несколько тысяч болгар — добровольцы, дезертиры из вспомогательных частей турецкой армии и т. д.»[7]. Эта схема событий и использовавшаяся терминология характерны в целом для общеболгарского дискурса по теме Греческой революции 1821 г., когда использование определений проходило по «нарастанию» их значения: бунт, восстание, революция и независимость Греции (Гръцки бунт, Гръцко въстание, Гръцка революция, Гръцка независимост).

Примечательной в данном контексте являлась терминосистема общественного дискурса соседней Республики Северная Македония, когда в рамках общей темы славяно-македонского нарратива Греческой революции 1821 г. выделялись два его ос-

новных аспекта: во-первых, непосредственно сам факт её свершения и, во-вторых, создание национального греческого государства. В терминологическом отношении события в Греции в период 1821–1829 гг. определяются как освободительная война (ослободителната војна, 1821–1829) и греческая война за независимость (грчката војна за независност), а сама Греческая революция 1821 г. (Грчката револуција во 1821 година) или революция 1821 г. (Револуцијата од 1821 година) — в форме греческого восстания 1821 г. (Грчкото востание од 1821 година). Содержательная часть происходившего формулируется в виде начавшейся в 1821 г. греческой войны за независимость как «бунт греческих революционеров против власти Османской империи». При всей очевидности в целом фактического признания в славяно-македонском, как, впрочем, и в албано-македонском дискурсе по теме Греческой революции 1821 г., терминологии, принятой в греческом национальном нарративе, второй аспект этого события — создание национальной греческой государственности — содержит в дискурсивной практике вполне определённый акцент как на участии македонцев, так и на решающей роли «внешнего фактора» в этом событии[8]. В первом случае речь идёт об отдельных деятелях Греческой революции, которые рассматриваются как представители македонского народа. Это нашло отражение в активном продвижении данного тезиса как в справочной литературе, так и в публицистике с использованием электронных «площадок», позволяющих обеспечить максимальное распространение данного нарратива[9].

Весьма активно в общественный дискурс Республики Северная Македония вводился через СМИ, относящихся в политическом отношении к этно-национальному блоку по своей ориентации, тезис о «неоднозначности» процесса создания греческой национальной государственности[10] — со ссылками на появлявшиеся в самой Греции ещё накануне празднования 200-летия революции публицистические материалы. Особо выделялась телевизионная продукция, в частности, получивший громкий резонанс в Греции один из эпизодов документально-публицистического сериала «1821» телекомпании SKY, показанного в 2011 г. и называвшегося «1821 “Национальный миф”», который так-

же консультировал один из ведущих греческих историков Т. Веремис[11]. Делались ссылки как на его интервью, так и на ряд публикаций в греческой прессе о созданных на волне событий 1821 г. мифах, вошедших в национальную традицию памяти[12]. Главными среди них были неточности в «привязке» событий к конкретным географическим местам, слишком романтическое и не подкрепленное фактами возвеличивание отдельных деятелей и руководителей революции, искусственное возвеличивание исключительно местного «фактора» в создании национальной государственности и принижении роли именно внешних сил в этом процессе. В подтверждение мысли об искусственном характере нового греческого государства приводились слова из упоминавшегося выше фильма: «Выяснилось, что греки не способны иметь государство, не говоря уже о том, чтобы успешно управлять им… Глядя на то, что происходит в этой сфере, европейские державы уже нашли лекарство для несогласных греков. Нужно было только найти идеологию и лидера, чтобы объединить их. Так пришло время монархии и создания первого греческого королевства»[13].

Выдвижение на первый план внешнего фактора, как решающего для Греческой революции, соседствует в общественных дискурсах ряда государств Балканского региона с тезисом превалирующего значения развивавшихся хронологически ненамного раньше или параллельно национальных восстаний. В контексте сложившегося к настоящему моменту национального нарратива Румынии данная картина нашла своё отражение в определении двух связанных между собой, но раздельных по географии и, в какой-то степени, по идеологии событий. Первое из них — это действия А. Ипсиланти и этеристов, определяемые по форме как восстание против турок (revolta împotriva turcilor), начало Греческой революции (izbucnirea revoluței), соединившее свои усилия на определенном этапе с движением под руководством Т. Владимиреску. Последнее рассматривается в современном дискурсе после многолетней эволюции представлений о нём, по своей форме как движение, а по содержанию как революция. В этой связи следует отметить особенность эволюции взглядов на движение Т. Владимиреску в Румынии после Второй миро-

вой войны, о чём писал известный румынский историк Ф. Константиниу: «Историография коммунистического режима привела к длительному и бесплодному обсуждению событий 1821 года: каков был их характер, бунт, революционное движение или революция? Схоластика закостенелого марксизма требовала обрамления определением столь же жестким, сколь и спорным. Ирония ситуации порождалась тем, что, хотя марксизм-ленинизм и исключает возможность крестьянских революций (этой «способностью» обладали только буржуазия и пролетариат!), Маркс назвал действия Тудора “крестьянской революцией”»[14]. В 1982 г. движение Т. Владимиреску приобрело окончательную, «каноническую», терминологическую форму в виде его характеристики как революции, а его роли уже придавалось общеевропейское значение: «Революция 1821 года в Валахии была, конечно, частью серии похожих действий — более ранних, современных или более поздних — в Европе и особенно на юге и юго-востоке континента. Таким образом, это был революционный прорыв с Пиренейского полуострова в Грецию, но не будем забывать, что Священный союз переживал свои “золотые годы”, когда силы контрреволюции были сильнее, особенно в ситуации, когда народы поднялись на борьбу»[15].

«Валашский» и собственно «греческий» этапы Греческой революции исторически разделились в румынском национальном нарративе, а в современном общественном дискурсе это особо подчеркивалось в материалах СМИ, которые способствуют формированию в общественном пространстве «реперных» точек дискурса по теме Греческой революции 1821 г. Прежде всего особо подчеркивается тот факт, что «когда речь идёт о революции, начавшейся в 1821 г. за освобождение Греции, часто говорят, что событие, разбудившее ото сна императоров Европы и изменившее течение феодальной жизни балканских народов, “начинается в Яссах”»[16]. Одновременно отмечается, что «6 марта 1821 года в Валахии произошло первое восстание, но оно было быстро подавлено османами», а «25 марта знаменует собой начало Войны за независимость 1821 года, революции освобождения греческого народа от османского ига, после почти четырехвекового порабощения…»[17]. Выделяемая «поэтапность»

служит в дискурсивной практике национального нарратива также определённым аргументом в пользу важности «валашских событий», объединивших восстание этеристов и Т. Владимиреску, способствуя актуализации вопроса о степени подготовленности выступления А. Ипсиланти и выдвижению компромиссного утверждения о том, что « действия этеристов, начавшиеся в конце февраля 1821 г. в княжестве, представляют собой военную авантюру, в которую, взвесив риски и выгоды, Ипсиланти был вынужден ввязаться»[18]. Эта дискуссия лишний раз продемонстрировала степень соотношения позитивных и негативных оценок в общественном дискурсе по теме Греческой революции 1821 г. в Румынии.

В свою очередь, в Сербии, в рамках общей «юбилейной» темы, выявились основные акценты, которые делались в СМИ, одновременно формирующие и отражающие общественные настроения. Терминологические определения «греческих событий» в сложившейся сербской общественной традиции включают понятия «Греческое восстание против турок/Османской империи» (Grčki ustanak protiv Turaka/ Osmanskog carstva), «Греческая революция 1821 г.» (Grčka revolucija 1821) и «Греческая война за независимость» (Grčki rat za nezavisnost). В региональном отношении выделяются два основных театра действий — в Валахии и Молдове и собственно в Греции. При этом обращается внимание на ведущую роль организации «Филики Этерия». Это было достаточно наглядно отмечено в одном из многочисленных материалов, опубликованных в день празднования 200-летия революции, в котором заявлялось, что «25 марта 1821 года Германос, епископ Патрский, член “Филики Этерии” Пелопоннеса, поднял знамя восстания в монастыре Святой Лавры. На самом деле его жест не имел большого значения в событиях того времени, потому что заговор «Этерии» и народное восстание уже начали распространяться на всех греческих территориях, находящихся под османской оккупацией»[19]. Одновременно события 200-летней давности в сербском национальном дискурсе выступают в роли имеющего также конфессиональное объяснение современных двусторонних греко-турецких отношений в контексте положения о том, что для понимания «генезиса конфликта меж-

ду Грецией и Турцией» требуется обращение к 1821 году, «когда вспыхнула греческая революция против османского владычества»[20]. Этот тезис тесно связан с другим, артикуляция которого в сербском национальном нарративе в академическом пространстве ещё накануне празднования юбилея была выражена в формуле: «Греческий народ, как и другие народы Балканского полуострова, несмотря на многовековую жизнь в составе Османской империи, сохранил свою этничность и национальную идентичность»[21], а в хронологическом отношении выделяется период подготовки активной фазы борьбы греков с акцентом на вполне определённое событие сербской истории — «после событий Первого сербского восстания до восстания в Греции»[22].

При всей критичности оценок отдельных аспектов Греческой революции 1821 г., сербский общественный дискурс не направлен на «десакрализацию» самого события.

Намного сложнее обстоит дело с дискурсивными практиками по теме Греческой революции 1821 г. в Турции, где они испытывают на себе влияние как внутриполитических факторов, так и внешнеполитической конъюнктуры, приобретая политизированный характер[23]. Основные тезисы и постулаты общественного дискурса формируются и артикулируются как в академическом сообществе, так и в общественно-политических кругах при активной роли турецких СМИ, не только влияющих на повестку дня, но и отражающих её, а также распространяющих её «смыслы» как внутри страны, так и за рубежом[24]. Особенность сформировавшейся терминосистемы общественного дискурса по этой теме отмечалась самими турецкими учёными, обращавшими внимание на то, что события 1821 г. «в турецкой литературе обычно называют «Мора Исьяни» или «Мора Аякланмасы» (“Mora İsyanı” или “Mora Ayaklanması”). Это относится к бунту и восстанию. Очень редко можно назвать это “войной за независимость” в турецком контексте»[25]. Практически единичное использование этого словосочетания в 1944 г.[26] объясняется доминированием данной характеристики в политической традиции Турции применительно к борьбе под руководством К. Ататюрка, которая называется войной за независимость (İstiklâl Harbi) и, вероятно, не может отождествляться, имея в виду исторический

контекст, а ныне и официальное выдвижение тезиса «османского наследия», с Греческой революцией.

Терминологическое разнообразие при характеристике самого восстания, войны за независимость и в более широком смысле Греческой революции 1821 г. в целом представлено в современном общественном дискурсе небольшим набором синонимичных определений, для выяснения тонкой грани между которыми обычно требуется знание особенностей турецкой политико-лексической традиции[27]. Их использование в современной лексической практике и, соответственно, в общественном дискурсе, не ограничивается двумя вышеприведёнными и включает ещё несколько терминов. Вслед за уже упомянутыми и наиболее распространенными «İsyanı» (восстание, бунт, мятеж)[28] и «Ayaklanması» (восстание, бунт) по частоте задействования в дискурсивных практиках следуют «Ayaklanma» (бунт), «Devrim» (революция) и реже другой термин — «İhtilâli» (революция)[29]. Особенности терминосистемы, существующей в современном турецком дискурсе по теме Революции 1821 г., интерпретировались турецкими авторами в виде утверждения о том, что «создание греческого государства, независимого от Османского государства, определяется по-разному. Среди них основными можно считать Греческую войну за независимость [Yunan Bağımsızlık Savaşı], Греческое восстание [Yunan İsyanı] и Греческую революцию [Yunan Devrimi]. Какой из них использовать, зависит от нашей точки зрения. Грубо говоря, тот, кто смотрит на это с османо-турецкой стороны, сказал бы: греческое восстание [Yunan İsyanı]; а тот, кто смотрит со стороны Греции, может предпочесть назвать это греческой войной за независимость [Yunan Bağımsızlık Savaşı] или греческой революцией [Yunan Devrimi]… Академический мир, который, как ожидается, будет нейтральным, обычно использует термин “Греческая война за независимость”»[30]. Примечательным в данном контексте фактом является существующая исторически оформленная лексическая традиция как в греческом, так и турецком общественных дискурсах и применяемая для характеристики борьбы греков против Османской империи и самого её начала, в краткой форме, в греческом нарративе в виде «Революция 1821» (Επανάσταση), а в турецком — «вос-

стание/бунт/мятеж» (Yunan İsyanı). Одновременно турецкие исследователи отмечали и конфессиональный аспект происходившего, а именно — «мы видим, что сила ислама была эффективно использована в противодействии греческому восстанию»[31]. Эта попытка определить характеристики отдельных факторов, влиявших на развитие Греческой революции, а также событий, происходивших в период её развития, особенно тех из них, которые имели особый смысл, являлась частью более широкого процесса дискурсивных практик в обществах Балканских стран.

Так, в частности, в албанском общественном дискурсе получил развитие поиск легитимирующей Греческую революцию хронологии. В достаточно резкой форме это направление было артикулировано, как пример, в публикациях А. Лалы, заявившего, во-первых, что сама дата 25 марта не точна с точки зрения подлинной хронологии начала Греческого восстания 1821 г. (Kryengritja greke e vitit 1821), и, во-вторых, что «нет ни точной даты независимости, ни документа с подписями тех, кто провозгласил независимость, как в случае с провозглашением независимости Албании 28 ноября 1912 г.», так как провозглашенная А. Маврокордатосом 1 января 1822 г. независимость Греции и опубликованная 15 января того же года «Декларация независимости греческого народа» не были признаны одним из руководителей восстания Т. Колокотронисом[32].

Более того, сам факт начала Греческой революции и создание независимого греческого государства, являясь частью публичного общеалбанского дискурса, приобретают соответствующую интерпретацию и оказываются предметом критики в сформулированных сторонниками радикальной версии албанского национального нарратива Греческой революции. Они получили определённое распространение в этом дискурсе. Его формирование по теме Греческой революции 1821 г. и созданию независимого греческого государства оказывается под сильным влиянием идей, высказываемых лицами, имеющими определенный вес в различных профессиональных группах. Основные тезисы, выдвигаемые ими, становятся широко известными как через публицистические материалы, так и через электронные СМИ. Примером первого может считаться 200-страничная книга по-

пулярной направленности уже упоминавшегося выше А. Лалы «Арваниты, основатели новой Греции. (Мифы греческой историографии)»[33]. Автор обращался к теме революции и строительству греческого национального государства с точки зрения роли и места в данных процессах именно арванитского этнического элемента. Он фактически систематизировал аргументацию и интерпретацию этнических и политических аспектов участия арванитов в Греческой революции в соответствии с традицией, сложившейся в определенном «секторе» общественного национального албанского дискурса по данной теме.

Термин «Греческая революция» в данном контексте приобретает некоторую двусмысленность, примером чего может являться концепция, артикулированная Э. Имери — одним из представителей интеллектуальных кругов Албании, бывшим руководителем редакции изданий на иностранных языках и переводчиком трудов Э. Ходжи на английский и русский языки. В своём материале[34], опубликованном в различных албанских СМИ и формально посвященном статье «Арваниты со многими именами» известного албанского публициста и поэта А. Гьяты[35], он, со ссылкой на другие работы, актуализирует тезисы о доминирующей роли арванитов в Греческой революции и создании греческой государственности. В определённой степени эти положения получили распространение в публичном пространстве общеалбанского дискурса, при этом выразители и «публикаторы» данных тезисов ссылались как на иностранных современников или очевидцев событий, как это было, например, со свидетельствами баварского историка и публициста Якоба Филиппа Фальмерайера, когда в популярном общественно-политическом электронном издании «Faktor» в феврале 2020 г. была опубликована заметка под названием «Историк Якоб Филипп Фальмерайер: “Греческую революцию за независимость возглавили албанцы”»[36]. Не менее показательной с точки зрения присутствия в дискурсе по теме революции 1821 г. так называемого критического аспекта является озвученная известным албанским дипломатом и публицистом Ш. Мурати концепция, в соответствии с которой даже в албанских учебниках скрывается правда о том, что «Россия с помощью Англии и Франции является главным димиургом

образования независимого государства Греция в 20–30 гг. 19 в. на албанских территориях и с половиной албанского населения. Геополитические действия России были названы “греческой революцией”, а “греческая революция” началась в Афинах», при этом «официальная историография Албании сделала русскую сказку о “греческой революции” своим тезисом и никогда не упоминает и скрывает историческую правду о новом государстве Греции». При этом Ш. Мурати подчеркивал, что в действительности Греческая революция началась в Одессе, то есть в месте создания «Филики Этерии»[37]. Вполне естественной на этом фоне становится попытка продвижения в общеалбанском дискурсе концепции «Революция 1821 г. как гражданская война между албанцами» и её катастрофических последствий для них[38]. Во многом подобные взгляды на «греческие события» являются отражением ситуации, когда, как отмечали албанские исследователи, «два основных вопроса доминировали в албанско-греческих отношениях в течение последних более 100 лет, что также совпадает с современной историей албанского государства: вопрос о территориальных/пограничных спорах и вопрос об этнических меньшинствах — как типичные для двух соседних народов, так и государств»[39]. Обе проблемы в контексте актуализации темы Греческой революции 1821 г. в общеалбанском дискурсе влияют на конструирование тезисов, явно противоречивших исторической реальности, но отвечающих конъюнктурным интересам ряда групп и организаций в Албании, связанных с отдельными внешними силами или сотрудничающих с ними по разным причинам. Так, в частности, одним из направлений формирования общественного дискурса стало формулирование резко негативной оценки, сопровождаемой установкой на демонстративное публичное осуждение албанской национальной академической историографии за её «антиосманизм», когда, с одной стороны, утверждается, что «прошло двадцать лет с тех пор, как историография Албании официально навязала негативное отношение к Османской империи, вторжению турок на Балканы, восточной культуре, даже к любому наплыву, имеющему отношение к Востоку», а с другой, признается, но с «исключением» для албанского этноса, который «турки спасли от ассимиляции», что

«несомненно, оккупация Балкан турками нанесла тяжелый урон сербам, грекам, болгарам и некоторым другим народам Балкан, имевшим свое государство, церковную организацию, культуру, литературу и письменность. Турецкая оккупация положила конец процессу развития этих народов, а также затормозила их национальное и культурное пробуждение, организацию в качестве самобытных наций и участие в культурно-цивилизационных движениях Европы. Но этого нельзя сказать об албанском народе, потому что у него не было ничего из упомянутого нами. До прихода турок албанцы находились под властью иноземцев и под влиянием их культуры, постоянно ассимилировались в этническом и культурном отношении»[40].

В то же время интерпретация роли албанцев в «греческих событиях» имеет в формировавшемся общеалбанском дискурсе по теме «Греческая революция 1821 г.» и европейский аспект, обусловленный евро-атлантической ориентацией страны. Это создавало условия для формулирования тезиса влияния и значимости албанского этноса в более широком географическом пространстве, чем нынешняя Албания, что достаточно отчётливо было определено в публичном дискурсе за несколько лет до празднования 200-летнего юбилея, и типичным примером чего может служить утверждение политического обозревателя албанской газеты «Sot» Б. Бектеши в его материале под характерным названием «У соседей есть тоже героиня их государства албанка!» о том, что «одним из самых ярких и блистательных примеров великой роли албанцев в формировании государства является случай с Грецией. Именно греческая революция, а затем строительство государства королем Баварии Оттоном, показывает важность албанцев»[41]. Примечательным в данном контексте является продолжающееся доминирование в общенациональном албанском дискурсе применительно к «греческим событиям» 1821–1832 гг. термина «Греческая революция» над двумя другими — «Греческое восстание» и крайне редко используемым «национально-освободительная борьба 1821 г.» (Lufta Nacionalçlirimtare e vitit 1821). Во многом это обусловлено сформировавшейся исторической традицией, в соответствии с которой последнее из приведённых определений преимущественно

используется применительно к албанским реалиям, либо в отношении событийного ряда, не имеющего «двусмысленности» с точки зрения каких-либо конфликтных аспектов для албанского исторического нарратива[42]. На этом фоне особое значение приобретает факт появления в албанском общенациональном дискурсе по теме революции 1821 г. новой позитивной тенденции в отношении к историческому прошлому в рамках системы координат традиционных албано-греческих взаимоотношений, чему способствовали договорённости между властями Албании и Греции по гуманитарным вопросам. Симптоматичным в данной связи было использование с этой целью артикулированных иностранными учёными подходов к определению Греческой революции 1821 г. как формирующих новое дискурсное направление по данной теме. Примером подобного использования СМИ Албании «мнения третьей стороны» было помещение во влиятельной газете «ResPublica» перевода на албанский язык интервью известного британского неоэллиниста М. Мазовера, опубликованного в греческой газете «Η Καθημερινή». Отдавая дань сложившейся традиции, редакция албанского СМИ использовала для этого материала собственное название — «200 лет со дня греческой революции: проект национального государства провалился или преуспел?»[43], о чём сообщила в примечании. Знаковым в данном случае являлось сочетание в названии двух терминов: «Греческая революция» и «национальное государство», что было призвано подчеркнуть неразрывную связь между ними. Греческий оригинал статьи-интервью был «Марк Мазовер в “К”: 1821 год начался с большого поражения…»[44]. В то же время в самом тексте материала интервьюируемый учёный представил объективную картину событий, которая дала шанс на существенное «редактирование» предыдущих подходов как к самой Греческой революции 1821 г., так и её последствий, включая и «албанский аспект» проблемы. Аналогичный по своему содержанию нарратив стал проявляться в албаноязычных СМИ за пределами Республики Албании, что свидетельствует о расширении дискурса по теме Греческой революции 1821 г. за рамки этноцентричной повестки дня. Примерами могут считаться материалы, появившиеся в печати Республики Албании

и в албаноязычных изданиях соседних стран. За день до начала празднования юбилея влиятельная албанская газета «Tema» поместила перевод статьи известной греческой исследовательницы-историка М. Эвтимиу «Десять вещей, которые нужно знать о Греческой революции»[45], которая была опубликована в Греции в электронном виде в январе 2021 г., получив широкое распространение на многочисленных греческих электронных ресурсах как дидактический материал из курса прочтённых ею общественных лекций[46]. В виде ответов на наиболее важные вопросы о самой революции и строительстве греческой государственности на протяжении 1821–1830 гг. в материале давалось объяснение всем этим процессам в научной форме, что было, вероятно, важно для редакции албанской газеты с точки зрения ознакомления своих читателей с греческой точкой зрения. Не менее важным в данном контексте стала статья, помещённая на косовской албаноязычной влиятельной медиаплатформе «Periskopi» 25 марта 2021 г., то есть в день празднования 200-летия Греческой революции, называвшаяся «200-летие независимости Греции». В ней также подчеркивалась связь между революцией и независимостью (pavarësinë) и заявлялось о том, что «25 марта исполняется 200 лет Греческой революции 1821 года, которая привела к независимости страны от Османской империи»; среди главных черт самой борьбы упоминались «преданность Родине, воля к утверждению национальной идентичности, способность твердо верить в необходимость борьбы за независимость[47], а упоминавшиеся вожди и деятели революции рассматривались без обращения к их этническому происхождению. Последнее продолжает сохранять свою актуальность в общеалбанском общественном дискурсе, когда в тот же день, что и появившаяся вышеупомянутая публикация, в газете «Албанская диаспора» («Diaspora Shqiptare»), финансируемой правительством Швейцарии и Фондом развития албанской диаспоры, появился материал под названием «Арваниты в греческой революции, 200 лет спустя». В отличие от многих подобных предыдущих газетных статей, он содержал уже более «отредактированную» версию «арванитского аспекта» Греческой революции, в соответствии с которой акцент делался на необходимость признания вклада

арванитов в неё наравне с греками. В данной связи заявлялось о том, что «в этот исторический год упоминания о героях греческого восстания часты и полны глубокого арванитского колорита. Даже представители арванитов, известные личности и занимающие ключевые посты, главным образом местного самоуправления широкой области Аттики, не скрывали своего недовольства отсутствием арванитского голоса в специальной комиссии исторического юбилея» и что «правда заключается в том, что 25 марта — арванитский праздник, или, по крайней мере, также и арванитский праздник»[48].

Степень участия представителей соседних народов в Греческой революции 1821 г. и их роль в победе, а также в государственном строительстве, сохраняя своё место в общественном дискурсе ряда стран Балканского полуострова, тем не менее не является единственным, что достаточно хорошо видно на примере общеболгарского дискурса. Помимо «болгарского следа», «греческие события», признаваемые в нём как Греческая революция, соседствуют ещё с несколькими основными векторами. К их числу относятся характеристика борьбы греков и её болгарское «измерение» в политическом смысле с точки зрения её значения для положения в болгарских землях и их освобождения. В первом случае Греческая революция, именно так она определяется в болгарском общественном дискурсе, рассматривалась как «направленная против оккупации Османской империи»[49]. Во втором, касавшемся болгарского «измерения», в 90-е годы XX в. и в начале XXI в. начали происходить серьёзные изменения. Они были вызваны актуализацией евро-атлантического вектора как в общественных настроениях, так и на уровне официальной политики, несмотря на то, что в обоих случаях можно было бы говорить об усилении национально-государственной составляющей в восприятии «внешнего мира», включая его историческую ретроспективу. Появление так называемых «ревизионистских» подходов в общественном болгарском дискурсе по теме Греческой революции 1821 г. касается как использования соответствующей терминологии для определения периода 1821–1829 (30) гг., так и, прежде всего, места этого события в национальной болгарской истории. Наиболее характер-

ной в данной связи можно считать схему событий и их значения в изложении болгарского историка Я. Гочева, обращавшегося к содержательной части Греческой революции и отмечавшего, что поход А. Ипсиланти «привёл к восстанию, которое переросло в широкомасштабный антиосманский бунт в континентальной Греции», при этом «Греческая революция служила не только национальным греческим целям (освобождению греческого народа и восстановлению его государственности), но и имперским целям России в Восточном вопросе»[50]. В так называемой ревизионистской конструкции обращается внимание именно на данный аспект событийного ряда Греческой революции, и в нарративе этой схемы сочетаются понятия «бунт» и «восстание» в положительном смысле.

В то же время основная направленность общественного болгарского дискурса в контексте празднования 200-летнего юбилея Греческой революции, как это отражалось в различных СМИ страны, была ориентирована именно на подчеркивание факта восстания как формы борьбы греков за своё освобождение от Османской империи[51]. В её содержательную часть, в дополнение к существующему определению «Греческая революция» (Гръцката революция), была добавлена этнополитическая характеристика как значимого для греков и их государственности события, что расширяло его до понятия «Греческая национальная революция». Именно таким образом оно усиливало его смысл, противопоставляя его османской власти (Гръцката национална революция срещу османската власт), а само восстание (при использовании данного термина) рассматривалось как «греческое восстание за независимость». В сложившейся исторически терминологической практике в общественном дискурсе, и это нашло своё отражение в современных болгарских СМИ, произошло также объединение понятий, что достаточно отчётливо проявилось в формуле «греческая война за независимость, также называемая Греческой революцией», а сама дата — 25 марта — рассматривается как начало борьбы греков за независимость.

Одновременно особое место в национальных общественных дискурсах Балканских стран занимал тезис участия в решении

«греческого вопроса» внешних сил. Так, в частности, постулирование основного тезиса по внешнеполитическому аспекту Греческой революции 1821 г. в Республике Северная Македония проходило активно в СМИ и научных изданиях страны уже в период празднования 200-летнего юбилея, в связи с чем заявлялось: «Без помощи Европы Греция не стала бы независимым государством. Европа также дала молодому государству короля. Европа вдохновлялась идеализированными идеями демократии и Древней Греции, а греки предавались мечте о “Мегали идее”, мечте о великом греческом государстве в границах старой Византийской империи. Они хотели не Афины, а Константинополь в качестве своей столицы; их ориентиром является не классическая древность, а средние века»[52]. При этом, однако, признавалось значение борьбы греков для всех народов Балканского полуострова. Оценка международных событий, связанных с развитием ситуации в регионе, актуализируется на уровне «академического подхода», симплифицированная версия которого озвучивается в СМИ страны и в определённой степени влияет на публичную часть дискурса, с традиционным учётом концепции формирования и развития македонской нации и её государственности. Это находит своё отражение, в контексте Греческой революции, в виде положения о том, что «ускорение колониальной эпохи после Венского конгресса и активизация политических процессов в Европе отразились и на Балканах, где постепенно начинают пробуждаться национальные движения, начиная с греческого, болгарского и сербского, и контуры македонского вопроса начинают контролироваться (особенно после образования греческого независимого государства и восстановления Болгарского экзархата)»[53]. Примечательным в данном контексте является признание в СМИ роли общественности в оказании давления на политиков и проводимый правительствами стран Балканского полуострова внешнеполитический курс при решении спорных вопросов в межгосударственных двусторонних отношениях. Для Республики Северная Македония этот факт имеет особое значение, имея в виду наличие проблемных «исторических» вопросов между ней, Болгарией и Грецией. Созданные двусторонние комиссии с этими странами были призва-

ны их решить, однако, как отмечалось самими авторами из этой страны, «работа двух комиссий отягощена политическим давлением со всех сторон, а также ожиданиями и критикой общественности»[54]. В контексте дискурса по теме Революции 1821 г. это нашло своё отражение в необходимости признания греческой стороной то, что «в северной Греции в 1821 г. происходило Македонское восстание»[55], то есть, в македонской официальной версии Негушское восстание (февраль–апрель 1822 г.) и известное в международной исторической традиции восстание в г. Науссе, вошедшее в новогреческую историю под названием «Наусская резня» (Ολοκαύτωμα της Νάουσας). Таким образом, признание Греческой революции как факта новогреческой истории сопровождается в общественном дискурсе страны обсуждением аспектов этого события с точки зрения развитой после Второй мировой войны традиции освещения в национальном нарративе вопросов этно-государственного развития современной македонской нации. Выдвижение на первое место именно национальной истории или её сконструированной и принятой на официальном и общественном уровнях модели является характерной чертой общественных дискурсов Балканских стран.

В контексте румынских реалий, происходившие трансформации терминологии при определении характера движения под руководством Т. Владимиреску имели принципиальное значение для национального дискурса, так как формулировали смысл трактовки этих событий в публичном пространстве. Данный факт был отмечен во влиятельном румынском ежедневном издании «Lumina», органе Румынской православной церкви, когда в одном из «юбилейных» материалов обращалось внимание на то, что «со временем историографическое определение событий, происходивших в 1821 г., было оформлено в терминах восстания, крестьянского бунта или революции (revoltă, răscoală țărănească ori revoluție), а на народном языке того времени оно получило название “заверэ”»[56]. Второе событие — это собственно борьба греков в самой Греции.

В соответствии с этой схемой, начало Греческой революции датируется 6 марта (по новому стилю) 1821 г., когда А. Ипсиланти перешёл р. Прут во главе отряда членов организации «Филики

Этерия», планируя восстание с целью мобилизации христианских народов Балканского полуострова и с участием, в конечном счёте, России для освобождения Греции. Таким образом, речь шла прежде всего о национальной независимости Греции, что и определялось терминологически как «война за независимость Греции» (Războiul de independență al Greciei), которая выступает синонимом «Греческой революции» (Revoluția greacă или Revoluția elenă). Эта концепция, формировавшаяся на протяжении долгого времени и артикулированная в академическом историографическом пространстве, впоследствии вошедшая в общественно-политический дискурс Румынии в силу политической актуализации на разных исторических этапах конкретных исторических событий как в рамках официальной пропаганды, так и на уровне отдельных политиков, к 200-летнему юбилею Греческой революции усилила своё присутствие через СМИ. При этом в современном общественном дискурсе особое место занимает уточнение, ставшее результатом сложившейся традиции в отношении определения значимости именно «дунайского похода» А. Ипсиланти, когда на официальном уровне выдвигается тезис «начала Греческой революции на румынской земле» (Revoluția elenă pe pământ românesc), рассматриваемой как «исторический момент освободительной революции греческого народа на молдавско-валашской территории»[57]. В то же время содержательная часть обеих революций — начатой А. Ипсиланти и Т. Владимиреску — исторически разделена в румынском национальном дискурсе до степени конфликтности в случае политической актуализации различий между греческим и румынским движением, как это было в отдельные периоды на протяжении практически всего XX века, когда дискурс приобретал черты официоза, использовавшего либо национальный, либо социальный (что было взаимосвязано) аспект. В латентной дискурсивной практике эта тема присутствовала всегда, но с разной степенью остроты, что лишний раз нашло подтверждение в ряде материалов румынских СМИ накануне празднования 200-летия Греческой революции. В артикулированной авторами таких материалов форме данный факт отмечался в виде утверждения о том, что 18 января 1821 г. — это «начало революции Тудора Владимиреску, революю-

ции, ознаменовавшей конец правления фанариотов»[58]. Последние в сложившейся румынской исторической общественно-политической традиции рассматриваются с враждебных позиций как, с одной стороны, представители греческой аристократии на службе Османской империи, а с другой, как преследовавшие собственные цели в отданных под их власть румынских землях, население которых подвергалось эксплуатации. Принадлежность самого А. Ипсиланти к фанариотскому роду, а также его близкие отношения с фанариотскими правителями Дунайских княжеств создавали определённую почву для критики его действий, а затем и осуждения за убийство Т. Владимиреску по его приказу, когда последний фактически отказался от борьбы против Османской империи, видя именно в фанариотах основную угрозу. В свою очередь обращалось внимание и на то, что «Филики Этерия» «выступила с инициативой организации восстания в румынских землях в 1821 г., но поначалу отводила ему лишь второстепенную роль, а основное противостояние должно было произойти между греками и турками на Пелопоннесе»[59]. Таким образом лишний раз подчеркивался «вспомогательный» характер движения Т. Владимиреску в планах этеристов, в то время как оно преследовало цель социального и политического освобождения румын от фанариотского режима. Примечательным фактом в этой связи было активное участие румынских СМИ в актуализации темы восстания Владимиреску на фоне начала Греческой революции и определения характера движения в Валахии и Молдове с точки зрения целей его вождя. При этом выдвигался тезис — «наиболее важным и влиятельным [из тайных обществ] являлось Филики Этерия (Этерия) во главе с Александром Ипсиланти, которому удалось зажечь в румынских княжествах пламя свободы благодаря сотрудничеству с Тудором Владимиреску…. Революционная война также приобрела религиозный оттенок, несмотря на осуждение движения патриархом и Священным Синодом из-за жестоких османских возражений. Так родилось новое национальное самосознание среди греческого православного населения»[60]. Деятельность самого руководителя валашского движения определялась именно в контексте её социально-политической значимости в общена-

циональном масштабе и подчеркивалась в юбилейных публикациях румынских СМИ в виде вывода: «Герой и революционер Тудор Владимиреску был настоящим революционером, он понимал, что не может способствовать процветанию своего народа и своей страны без создания прочной программной основы, которая была бы руководящим актом, “конституцией” для румын»[61]. В данном контексте вполне естественным становилось объяснение различий греческого и валашского вождей, когда заявлялось о том, что «из революционных программных документов косвенно видно, что союз Тудора Владимиреску с Этерией и Александром Ипсиланти был случайным, разграничивая цели двух главных действующих лиц момента 1821 года. Тудор хотел как максимум независимости Валахии, а как минимум отмены режима фанариотов и модернизации с согласия османов. Александр Ипсиланти хотел, в качестве максимальной цели, способствовать успеху греческой войны за независимость, которая должна была разразиться весной 1821 года, а в качестве минимальной цели он установил возможность быть правителем в Валахии и Молдавии, и, очевидно, Тудор Владимиреску мог быть препятствием»[62]. Оценка деятельности двух вождей делается через призму их значимости как для европейской, так и румынской истории. Восстание под руководством Т. Владимиреску характеризовалось как «революция 1821 г.», а действия под руководством А. Ипсиланти как «движение этеристов». При этом оба события «предопределили два последствия, которые отмечались в первоначальных стратегических планах: вмешательство России и интернационализация греческой и румынской проблем. Действия Ипсиланти в княжестве, не соответствовавшие первоначальным планам Этерии, служили только интересам греческой революции, нанося серьезный ущерб интересам румын»[63]. Выдвижение тезиса «национального эгоизма» в данном случае отражает особенности румынского национального нарратива и традиций его формирования. Эта тенденция в различной степени оказалась присуща и национальным нарративам других народов полуострова из числа тех, чья государственность появилась в результате борьбы с Османской империей.

В этой связи интерес представляет его сербская версия в рамках общественного дискурса, когда немаловажную роль в формировании образа событий 1821 г. и греко-сербских связей играют, как и у соседних народов, публицистика и СМИ. Появление в юбилейном 2021 г. книги бывшего многолетнего посла Сербии в Греции Душана Спасоевича «Война за независимость, создание государства и возрождение нации»[64], изданной совместно несколькими общественными и научными организациями, получило широкое освещение в печати. Характерным было выделение в рецензиях на эту книгу ряда тем, судя по всему, определяющих восприятие Греческой революции 1821 г. в сербском общественном дискурсе. Так, в частности, в одном из таких материалов, озаглавленном «Карагеоргий также стал жертвой греческой революции: “Сербы любят, но не знают греков…”», подчеркивалось, что «это не история о редких сербских друзьях из 1990-х, которые некритично нас поддержали. Это рассказ об одной из самых труднообъяснимых исторических связей между этими двумя народами, о дружбе (или братстве), возведенной в ранг мифа»[65]. Особое внимание в данном контексте уделялось взаимоотношениям вождя Первого сербского восстания Г. Петровича Карагеоргия с «Филики Этерией», в связи с чем делался вывод о том, что «греческие заговорщики считали, что Карагеоргий будет им полезен и что с началом восстания в Сербии и на Пелопоннесе одновременно Турция окажется в более тяжелом положении. Действительно, в 1817 году Карагеоргий выступал за одновременное поднятие восстания в Сербии и на Пелопоннесе»[66]. Такой подход к взаимоотношениям, в которых очередное сербское восстание должно было сыграть роль отвлекающего от главного события — греческого восстания, сохраняется в сербском национальном нарративе и имеет нередко крайне негативный оценочный характер. Одновременно делается акцент на первенствующую роль и место важного для сербского народа и его государственности Первого сербского восстания (Први српски устанак) 1804–1813 гг. под руководством Карагеоргия. Буквально за месяц до юбилея Греческой революции этот тезис также был актуализирован сербскими СМИ в материале под характерным названием «Пример пора-

бощенным народам: Значение сербской революции в создании и формировании современного государства» и в форме утверждения о том, что «сербская революция (так было названо Первое 1804–1813 гг. и Второе 1815 г. сербские восстания. — *Ар. У.*) была одним из самых значительных событий, но также и процессом в балканской и европейской истории первой половины XIX в. Она же представляла собой первую в череде национально-освободительных революций балканских народов (греческая революция, восстания в Валахии и Молдавии) начала XIX в.»[67]. Одновременно при обращении к Греческой революции в общественном дискурсе актуализируется тема роли внешнего фактора — России, Великобритании и Франции — в приобретении Грецией независимости, активное участие которых объясняется гражданской войной, ослабившей силы повстанцев[68]. Тональность используемых определений задаётся этно-национальными и конфессиональными характеристиками, которые выступают в роли определений этих событий. И в этой связи примечательным становится предоставление возможности формулирования данной точки зрения представителям греческого академического сообщества с последующим озвучиванием её в сербском дискурсе с помощью СМИ. Степень значимости этой темы была продемонстрирована в период празднования 200-летия революции. Буквально через три дня после начала юбилейных мероприятий во влиятельной газете «Новости», параллельно с греческой газетой «Η Καθημερινή», был опубликован материал профессора Салоникского университета Сп. Сфетаса под символичным заголовком «Балканское греколюбие: профессор Спиридон Сфетас объясняет, что восстание греков против турок было важно для всех православных народов». Уже в самом начале текста подчеркивалось, что «восстание греков против турок, со времени которого прошло два века, стало важным событием не только для Греции, но и для всех Балкан»[69]. При этом, однако, отмечалось, с упоминанием особенности «сербского фактора», что «не было ни тщательно продуманных планов политической организации Балкан, ни сведений об условиях, царивших в Дунайских княжествах, где влияние эллинизма было значительным при фанариотах, но греки были численно меньшинством. В эти планы

не входили уже восставшая Сербия, которая после Второго сербского восстания 1815 г. пошла по пути дипломатии, а также еще не проснувшиеся национально болгары»[70]. В контексте значимости Греческой революции для региона вполне очевидным становится тема знакомства с греками и Грецией «внешнего мира», прежде всего Европы, а также восприятия самими греками «других», прежде всего, соседних народов.

Это нашло своё отражение в академическом и общественном дискурсе Турции. Обращая внимание на греческий национальный нарратив Греческой революции 1821 г., отраженный в греческих учебниках истории и касавшийся восприятия «мы (греки)/они (турки)», турецкие авторы отмечали, с явной неудовлетворенностью, что в нём доминирует тезис: «Греки являются продолжением славной древнегреческой цивилизации. Однако их историческая преемственность была прервана “турками”. Это господство, нежелательное для греков, длилось 400 лет, по мнению одних исследователей, и 600 лет, по мнению других. Этот период был в основном турецким правлением»[71], то есть туркократией. В связи с чем отмечается, что в учебниках «не только восстание [Ayaklanması] 1821 г., ныне называемое революцией [Devrim], но и различные виды борьбы греков против туркократии являются темой многих текстов»[72]. Столь однозначная характеристика сфокусированности именно на данной тематике греческих учебников, при всём доминировании взгляда на греческую позицию как одностороннюю, тем не менее, начинает соседствовать в турецком общественном и академическом дискурсе с новым явлением — попыткой представить деятельность отдельных фигур греческого освободительного и революционного движения накануне Революции 1821 г. в более широком «общеосманском» масштабе. Так, в частности, несмотря на свою новизну и пока ещё малую распространенность, интерес представляет тезис, в соответствии с которым известный греческий революционер Ригас Велестинлис (Фереос), выступивший со своей конституцией по фактическому переустройству Османской империи, принадлежит к числу идеологов и мыслителей более широкого, чем исключительно греческое, демократического движения в Империи, в связи с чем отмечается его вклад в общеосманское общественно-политическое наследие[73].

Учитывая большую роль СМИ в формировании и отражении повестки дня общественного дискурса по теме Греческой революции в Турции, как и в других Балканских государствах, следует отметить среди основных направлений развития общетурецких дискурсивных практик два — это, во-первых, отношение к самому 200-летнему юбилею и, во-вторых, к отдельным аспектам (эпизодам) борьбы греков против Османской империи за независимость и их государственность.

В первом случае делается акцент на существовавшую ранее принадлежность Греции общеосманскому государственно-политическому пространству, примером чему может служить заголовок одной из статей, опубликованной 25 марта 2021 г.: «Это была территория Османской империи 363 года! Греция отмечает 200-летие восстания»[74].

Одновременно с этим обращается внимание на решающую роль «внешнего фактора» в лице великих держав, фактически обеспечивших, в соответствии с такой точкой зрения, достижение греками независимости. Эта тема имеет давнюю традицию как в устной части турецкого общественного дискурса, так и в академическом пространстве. Наиболее точно данная идея, популярная в дискурсивных практиках, была сформулирована ещё накануне юбилейных торжеств в виде формулы «Европа ласкает Грецию уже 200 лет»[75], что логически ставит на повестку дня вопрос об исключительно предвзятом взгляде европейцев на Грецию. Не менее примечательным является отражение в ряде публикаций в академических изданиях распространённых в общественном дискурсе на бытовом уровне и всё больше используемых официальными кругами идей «европейского заговора» против Османской империи (что, при определённых обстоятельствах, легко экстраполировать в официальной пропаганде и на современную Турцию). В наиболее артикулированной форме и применительно к Греческой революции 1821 г. такая повестка дня формулировалась в виде положения: «Греческое восстание 1821 года — один из важнейших примеров, раскрывающих основную структуру и курс политики европейских государств по отношению к Османской империи в Новое время. Видно, что европейские государства принимали участие

почти на всех этапах восстания, и как подготовка, так и возникновение восстания и его успех происходили благодаря поддержке европейских государств»[76], а «исследования востоковедов и миссионерская деятельность, которая началась задолго до Венского конгресса с целью подготовить подходящую почву для распада Османской империи и достижения военного и политического успеха европейских государств, должны также считаться исторической причиной, которая подготовила греческое восстание»[77]. Сам факт создания греческого государства в этой конструкции объясняется исключительно иностранным вмешательством. Это достаточно активно популяризируется на уровне публичного пространства: в частности, в сообщении о выступлении одного из представителей научного сообщества страны особо отмечалось, что он «утверждал, что главным действующим лицом процесса, начавшегося в 1821 г. и закончившегося созданием независимого греческого государства в 1830 г., была Англия, а не Греция»[78]. Не менее примечательным и во многом отражающим определённый спектр турецкого общественного дискурса является другой тезис, который имеет широкое распространение и в академических изданиях, в частности, опубликованных в юбилейный 2021 год, когда заявляется о том, что «греки, жившие в мире и процветании под властью Османской империи в течение пяти столетий, спланировали восстание против Османской империи под влиянием либеральных и либертарианских движений, возникших в Европе в XVIII и начале XIX вв.»[79].

Вторым направлением дискурсивных практик, упоминавшимся выше, является обращение к событийному ряду Греческой революции, что приобрело в последнее время вполне конкретную форму при явном участии официальных властей и выдвигаемых ими идейно-политических конструкций, рассчитанных на внутреннюю и внешнюю аудиторию, актуализированных в соответствии с официально провозглашаемыми внешнеполитическими интересами. Обострение отношений с Грецией по широкому кругу вопросов обусловило попытки выдвижения в споре с ней исторической «наступательной аргументации» в отношении неё и в период как подготовки, так и проведения юбилейных торжеств,

что повлияло на содержательную часть повестки дня турецкого общественного дискурса. Это выразилось в выдвижении на первый план характеристики действий восставших в отношении турецкого населения греческих земель, куда оно было перемещено османскими властями как в военно-политических, так и хозяйственных целях для создания опоры Империи на завоеванных территориях. Подобная политика, наряду с насильственной исламизацией, использовалась не только в Греции, но и в целом на Балканах, а на Ближнем Востоке аналогичные переселенческие меры использовались в отношении выходцев с Северного Кавказа для создания имперской опоры среди арабского населения. Получивший в конце 90-х годов XX — начале XXI вв. в общественном турецком дискурсе по теме Греческой революции развитие нарратив, в продвижении которого активно участвовали официальные лица, общественные деятели и турецкие СМИ, вовлекались сотрудники турецких высших учебных заведений, был направлен на формирование отрицательного образа Греческой революции и борьбы греков против Османской империи за независимость. Наиболее характерные названия публикаций университетских сотрудников по этой теме формулировались следующим образом: «Как турки Пелопоннеса были истреблены во время греческого восстания?», «Первая драма на Балканах: Пелопоннесские турки, которых мы забыли», «Турки Мореи, уничтоженные в процессе обретения Грецией независимости»[80]. Буквально в дни празднеств в турецкой прессе начали появляться статьи под достаточно симптоматичными названиями и соответствующего содержания. Так, в частности, в материале «Десять тысяч турок были убиты за два дня в инцидентах 1821 г.» издательство «Билги[81] анонсировало очередное переиздание книги турецкого дипломата и историка Б. Шимшира «Румелийские турки в Балканских войнах; крымчане-массовые убийства-миграция. 1821–1913»[82]. Активное участие в распространении этого нарратива общественного дискурса по теме Греческой революции приняли общественные организации[83].

Данная часть нарратива, стимулируемая на институциональном государственном уровне в рамках общественного дискурса, активно используется и во внешнеполитической деятельности.

Так, в частности, в публикации СМИ под заголовком «Заявление Министерства иностранных дел о “Триполицкой резне”: история, отмеченная чёрной меткой» сообщалось об официальном заявлении МИД Турции по поводу событий в Триполице: «Эта бесчеловечная резня, направленная на то, чтобы не дать выжить ни одному турку на Пелопоннесе, была вписана как черная метка в историю… Те, кто совершает ошибку, обучая других, искажая исторические факты при каждой возможности, должны знать, что их собственные злодеяния никогда не будут забыты, и они должны трезво смотреть правде в глаза»[84]. В крайне критическом тоне в ряде турецких СМИ, в частности в газете «Hürriyet», была представлена информация о начале празднования 200-летнего юбилея, когда, в соответствии с существующей в общественном дискурсе интерпретацией, события 1821 г. рассматривались как результат иностранного заговора. Так, в частности, одна из публикаций в газете «Takvim», близкой к правительству, была посвящена прибытию официальных делегаций Великобритании, России и Франции в Грецию и имела заголовок «Те, кто спровоцировал восстание Греции против Османской империи, появились в Афинах спустя 200 лет». В самом тексте заметки делалось заявление, не оставлявшее сомнений относительно оценки Греческой революции, а именно: «Греция восстала против Османской империи. Она обрела независимость с помощью Запада. Те, кто спровоцировал этот мятеж, появились спустя 200 лет. В Афинах собралось столько турецких врагов, сколько их было»[85]. Столь радикальная оценка, даваемая на основе негативно интерпретируемой исторической памяти, во многом была проявлением распространявшегося, не без помощи и активного участия властей, «нового подхода» к истории Османской империи. В то же время, общая картина общественного дискурса по теме Греческой революции в государствах Балканского региона, имея и «частное» национальное измерение, позволяет сделать определённые выводы

К началу XXI в. основные черты образа «греческих событий 1821–1832» были сформулированы в национальных дискурсах балканских обществ на основании трёх основных взаимосвязанных компонентов: 1) бытовых интерпретаций и оценок в рам-

ках общественного мнения; 2) официозного и использующегося по конъюнктурным соображениям властями этих государств подхода с акцентом на конкретные тезисы в необходимый для них момент; 3) сложившейся в национальном академическом пространстве традиции. Коммуницирование как на горизонтальном уровне в самом обществе, так и вертикальном, то есть между обществом и властью, в XXI веке взяли на себя СМИ различных форм и, прежде всего, электронные, доступность которых позволяет не только распространять, но и формировать основные направления общественного дискурса по конкретным вопросам. Имея в виду значимость достижения Грецией независимости для народов региона (ныне в зарубежной историографии этому событию уже придаётся общеевропейское значение)[86] как первого национального государства на Балканском полуострове, образовавшегося в результате освобождения греков от Османской империи, данная тема представляет стратегический характер для региональных дискурсивных практик с точки зрения определения роли и места конкретного народа/государства полуострова как субъекта системы международных отношений на современном этапе. Этот процесс, как показала практика, продолжает сохранять свой конфронтационный потенциал в виде этно-национальных претензий к соседям и реализуемых в рамках «враждебной парадигмы» конструкций исторического прошлого. На этом фоне развивался процесс, когда «с секуляризацией современного общества религия всё чаще заменяется образом священного прошлого (мифом о происхождении), которое становится важной основой этнического самосознания и широко применяется для легитимизации политических, экономических, социальных и культурных прав этнической группы»[87].

В то же время, предпринимавшиеся в конце 90-х годов XX — начале XXI вв. попытки представителей общественности и академического сообщества государств региона добиться формирования невраждебной национальной памяти и реализовать это в рамках международных образовательных проектов при ведущей роли европейских партнёров лишь частично достигли поставленных целей[88]. Поэтому в общественных, а также и в академических дискурсах Балканских стран продолжает до-

минировать национальный нарратив как собственной истории, так и соседних народов и государств. В контексте темы «Греция в 1821–1832 гг.» это означало развитие прежних оценок и суждений в новых условиях XXI века при изменявшейся внутриполитической ситуации в странах полуострова, а также в целом региональной и общеевропейской международной конъюнктуры, но при сохранении базовых «смыслов», заложенных ещё ранее и «редактировавшихся» в процессе этих изменений. Поэтому во многом от национальной версии собственной истории, представлявшей собой господствующий в публичном и академическом пространстве нарратив, зависело и содержание дискурса о роли, месте, характере «греческих событий» в национальной истории в целом.

Примечания

1 Geschichtspolitik und sozialwissenschaftliche Theorie. H.-A. Heinrich, M. Kohlstruck (Hrsg.) Stuttgart: Steiner Verlag, 2008; *Steinbach P.* Geschichte im politischen Kampf. Wie historische Argumente die öffentliche Meinung manipulieren. Bonn: J.H.W. Dietz Verlag, 2012.

2 *Paksoy A.F.* The Meaning of the Greek Revolt of 1821 in Contemporary Turkey // İletişim Çalışmaları Dergisi. 2021. Cilt. 7. Sayı 2. S. 197–218.

3 «Ata 100 që shpallën Greqinë shtet ishin të gjithë shqiptarë me fustanella» // Dita. 2018. 20. IX. URL: http://www.gazetadita.al/ata-100-qe-shpallen-greqine-shtet-ishin-te-gjithe-shqiptare-me-fustanella/ (дата обращения: 20.01.2022).

4 *Тодоров Н.* Филики етерия и българите. София: БАН, 1965.

5 Българи участници в борбите за освобождението на Гърция. Сборник документи / Ред. Н. Тодоров, В. Трайков В. София: БАН, 1971; *Тодоров Н., Трайков В.* Сто и петдесет години от гръцкото въстание 1821–1828. Балкани. София: БАН, 1972. N 3; *Трайков В.* Идеологически течения и програми в национално-освободителните движения на Балканите до 1878 година. София: Наука и изкуство, 1978.

6 *Павлов П.* «Гръцката завера» и българите // Труд. 2021. 26. II. URL: https://trud.bg/%D0%B3%D1%80%D1%8A%D1%86%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B0-%D0%B7%D0%B0%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B0-%D0%B8-%D0%B1%D1%8A%D0%BB%D0%B3%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B5/ (дата обращения: 20.01.2022).

7 Ibidem.

8 См. пример подобной критической направленности в отношении новосозданного греческого государства и содержащей набор соответственных аргументов сторонников таких взглядов в славяно-македонском, а в определённой степени и в албанском национальном дискурсе, включая его «северо-македонскую»: *Љоровски Д.* Вамваковски Создавање на грчката нација-држава: градење на националниот мит // Гласник. 2014. N 1–2. С. 105–121.

9 Македонците во Грчкото востание // Дигитална Македонска Енциклопедија.URL: https://www.macedonism.org/%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D0%B5%D0%B4%D0%B

E%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0-%D0%95%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%BA%D0%BB%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%98%D0%B0/%D0%BC%-D0%B0%D0%BA%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%82%D0%B5-%D0%B2%D0%BE-%D0%B3%D1%80%D1%87%D0%BA%D0%BE%D1%82%D0%BE-%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5/index.html (дата обращения: 20.01.2022).

10 *Гроздановски С.* Вистината за создавањето на Грчката држава // Македонска нација. 2018. 18.IV. URL: http://www.mn.mk/iselenici-region/14463 (дата обращения: 20.01.2022); *Idem.* Вистината за создавањето на грчката држава (2. дел) // Македонска нација. 2018. 25. IV. URL: http://www.mn.mk/istorija/14497 (дата обращения: 20.01.2022); *Idem.* Вистината за создавањето на грчката држава (3. дел) // Македонска нација. 2018. 2.V. URL: http://www.mn.mk/istorija/14531 (дата обращения: 20.01.2022).

11 1821 «Ο Εθνικός Μύθος». SKAI E8 (2011). URL: https://www.youtube.com/watch?v=uHkG1ZtUs4M (дата обращения: 20.01.2022).

12 *Πανταζόπουλος Γι.* Μύθοι και αλήθειες της Επανάστασης του 1821 // LIFO. 2017. 25.III. URL: https://www.lifo.gr/print/buzz/mythoi-kai-alitheies-tis-epanastasis-toy-1821 (дата обращения: 20.01.2022).

13 *Гроздановски С.* Вистината за создавањето…

14 *Constantiniu F.* O istorie sinceră a poporului roman. Ediția revăzută și adăugită. București: Univers Enciclopedic, 2011. P. 204.

15 *Iscru G. D.* Revoluția din 1821 condusă de Tudor Vladimirescu. București: Albatros, 1982. P. 49.

16 *Mitican I.* Începuturile românești ale mişcării pentru eliberarea Greciei // Ziarul Lumina. 2008. 25 .II. URL:https://ziarullumina.ro/actualitate-religioasa/documentar/inceputurile-romanesti-ale-miscarii-pentru-eliberarea-greciei-60970.html (дата обращения: 20.01.2022).

17 *Butnariu M.* 25 martie — Ziua Independenței Greciei // Gazeta de Sud. 2021.25.III. URL: https://www.gds.ro/Actualitate/2021-03-25/25-martie-ziua-independenteigreciei/ (дата обращения: 20.01.2022).

18 *Ardeleanu C.* Insurecția eteristă în Principate — acțiune prestabilită sauaven-tură politico-militară? // Revista ERASMUS. 2001. N 12. P. 158. Эта тема являлась на протяжении 70–80-х годов XX в. предметом дискуссий среди румынских историков. Часть исследователей считала восстание этеристов хорошо подготовленным планом. К числу сторонников данной точки зрения относились И. Филитти и А. Оцетя // *Filitti I. C.* Frământări politice și sociale în Principatele române de la 1821 la 1828. București: Editura Cartea Românească, 1932; *Oțetea A.* Tudor Vladimirescu și revoluția din 1821. București: Editura Științifică, 1971. Другие, в частности, М. Раду и Г. Искру, характеризовали действия А. Ипсиланти как авантюру // *Iscru G. D.* Revoluția din 1821 condusă de Tudor Vladimirescu. București: Albatros, 1982; *Radu M. T.* 1821. Tudor Vladimirescu și revoluția din Țara Românească, Editura Scrisul românesc, Craiova, 1978; *Ardeleanu C.* Insurecția eteristă… P. 152.

19 *Manić A.* Grčki ustanak protiv Turaka i oslobodilački rat — dvestota godišnjica // Balkan Magazin. 2021. 25.III. URL: www.balkanmagazin.net/istorija/cid170-270469/grcki-ustanak-protiv-turaka-i-oslobodilacki-rat-dvestota-godisnjica (дата обращения: 20.01.2022).

20 *Spasić Z.* Odnosi Grčke i Turske — između krsta i polumeseca // Danas. 2019.27.VI. URL: https://www.danas.rs/svet/odnosi-grcke-i-turske-izmedju-krsta-i-polumeseca/ (дата обращения: 20.01.2022).

21 *Tošić Malešević N.* Grčki ustanak protiv Osmanskog carstva i osnivanje moderne Grčke države // Vojno delo. 2018. N 3. S. 528.

[22] Ibid. S. 530.

[23] О роли и месте истории в двусторонних отношениях см.: *Gürel Ş.S.* Tarihsel Boyutları İçinde Türk-Yunan İlişkileri 1821–1923. Ankara: İmge Kitabevi, 2018.

[24] Отдельный предмет исследования представляет роль СМИ в греко-турецких отношениях, на что обратили внимание турецкие исследователи: *Bayramoğlu N.* Türk-Yunan Yakınlaşmasında Yunan Medyasının Rolü? 1999–2006. Ankara: Ebabil Yayınları, 2006.

[25] *Paksoy A. F.* The Meaning of the Greek Revolt… S. 200.

[26] *Kurtoğlu F.* Yunan İstiklâl Harbi ve Navarin Muharebesi (Çengeloğlu Tahir Paşa). İstanbul: Genelkurmay Başkanlığı, 1944.

[27] О формировании терминосистемы османских властей в отношении Греческой революции см.: *Karabıçak Y. Z.* Ottoman Attempts to Define the Rebels During the Greek War of Independence // Studia Islamica. 2020. Vol. 114. Iss. 3. P. 316–354.

[28] Нередко используется выражение «Yunan İsyanı», то есть определение «морейский» заменяется на «греческий».

[29] По аналогии с использованием терминов «Fransız Devrimi» или «Fransız İhtilâli» в отношении Великой французской революции.

[30] *Kara Y.* Yunan Bağımsızlığı ve Osmanlı Yöneticilerinin İsyan Karşısındaki Tutumları // Academia. P. 2. URL: https://www.academia.edu/10114967/Yunan_Ba%C4%9F%C4%B1ms%C4%B1zl%C4%B1%C4%9F%C4%B1_ve_Osmanl%C4%B1_Y%C3%B6neticilerinin_%C4%B0syan_Kar%C5%9F%C4%B1s%C4%B1ndaki_Tutumlar%C4%B1 (дата обращения: 20.01.2022).

[31] Ibid. P. 3, 4.

[32] *Llalla A.* Mitet e festës kombëtare greke të 25 Marsit 1821 // Illiria News. 2021.21.III. URL: https://ina-online.net/mitet-e-festes-kombetare-greke-te-25-marsit-1821/ (дата обращения: 20.01.2022).

[33] *Llalla A.* Arvanitët, themeluesit e Greqisë së re. (Mitet e historiografisë greke). (Heronjtë, kryeministrat, akademikët, piktorët.Botimet e para në gjuhën shqipe me shkronja greke, libra,shkrime, poema, poezi. Mitet e historiografisë greke). Tetovë: Luma grafik, 2020.

[34] *Ymeri E.* Arvanitas me shumë emër // Telegrafi.com, 1.06.2020 — https://telegrafi.com/arvanitas-shume-emer/; «Revolucioni për pavarësinë e Greqisë ishte një revolucion shqiptar dhe jo grek». Grekët dhe kompleksi i inferioritetit para etnisë shqiptare. Prof. dr. Eshref Ymeri//MekuliPress.com. 2020.20.VIII. URL: https://www.mekulipress.com/revolucioni-per-pavaresine-e-greqise-ishte-nje-revolucion-shqiptar-dhe-jo-grek/ (дата обращения: 20.01.2022). Примечательным было название этого материала, озаглавленного «” Революция за независимость Греции была албанской революцией, а не греческой”. Греки и комплекс неполноценности перед албанским этносом». См. статью аналогичного содержания: *Haruni A.* Revolucioni i vitit 1821 në Greqi, ishte revolucion i shqiptarëve // Telegrafi.al. 2019.28.II. URL: https://telegrafi.com/revolucioni-vitit-1821-ne-greqi-ishte-revolucion-shqiptareve/ (дата обращения: 20.01.2022).

[35] *Gjata A. V.* Arvanitas me shumë emër // Fjala e Lirë. 2020.26.V. URL: https://www.fjalaelire.com/post/arvanita-me-shum%C3%AB-em%C3%ABr (дата обращения: 20.01.2022).

[36] Historiani Jakob PhilippFallmeryer: «Revolucioni Grekpër Pavarsi u udhëhoq ngas-hqiptarët» // Faktor. 2020.5.II. URL: https://www.faktor.al/2020/02/05/historiani-jakob-philipp-fallmeryer-revolucioni-grek-per-pavarsi-u-udhehoq-nga-shqiptaret/

[37] «Një e vërtetë e fshehur historike: “Revolucioni grek” filloi në Odesë, jo në Athinë, e çuditshme pse nuk përmendet as në tekstet tona të histories» // Dita. 2020.27.VIII.

URL: http://www.gazetadita.al/nje-e-vertete-e-fshehur-historike-revolucioni-grek-filloi-ne-odese-jo-ne-athine-e-cuditshme-pse-nuk-permendet-as-ne-tekstet-tona-te-historise/ (дата обращения: 20.01.2022).

38 Revolucioni arvanit i ashtuquajtur grek, ishte vëllavrasje mes shqiptarëve // Lexo-Shqip. 2021.25.III. URL: https://lexo-shqip.net/archives/188546 (дата обращения: 20.01.2022).

39 *Rakipi A.* Understanding Albanian-Greek relations: Deconstructing paradoxes and myths // Albania and Greece. Understanding and Explaining. Albanian Institute for Foreign Studies. Friedrich Ebert Stiftung. Tiranë: Friedrich Ebert Stiftung Office, 2018. P. 17.

40 Turqit ndërprenë asimilimin e shqiptarëve // Koha net. 2015. 11.VII. URL: https://archive.koha.net/?id=1&l=65997 (дата обращения: 20.01.2022).

41 *Bekteshi B.* Fqinjët që dhe heroinën e shtetit të tyre e kanë shqiptare! // Sot. 2014.16.XI. URL: https://sot.com.al/opinione/fqinjët-që-dhe-heroinën-e-shtetit-të-tyre-e-kanë-shqiptare (дата обращения: 20.01.2022).

42 Об особенностях историографических нарративов албано-греческих отношений в начале XXI в. в двух странах см: *Giakoumis K.* Greek-Albanian Relations in Greek and Albanian Historiography of the 2000s // Albania and Greece… P. 137–161.

43 200 vjet nga Revolucioni Grek: Dështoi apo pati sukses projekti i shtetit-komb? Intervistoi: Nikolas Zois // ResPublica. 2021. 16.VI. URL: http://www.respublica.al/2021/06/16/200-vjet-nga-revolucioni-grek-d-shtoi-apo-pati-sukses-projekti-i-shtetit-komb (дата обращения: 20.01.2022).

44 *Ζώης Ν.* Μαρκ Μαζάουερ στην «Κ»: Το 1821 ξεκίνησε με μια μεγάλη ήττα…Συνέντευξη με τον Βρετανό ιστορικό — Η αποτίμηση της εθνικής επετείου, οι ήρωες του Αγώνα, τα έθνη κράτη και η πανδημία // Η Καθημερινή. 2021.15.VI.

45 Dhjetë gjëra që duhen njohurreth revolucionit grek // Gazeta Tema. 2021.24.III. URL: https://www.gazetatema.net/2021/03/24/dhjete-gjera-qe-duhen-njohur-reth-revolucionit-grek/ (дата обращения: 20.01.2022).

46 *Ευθυμίου Μ.* Τα δέκα πράγματα που πρέπει να γνωρίζει κανείς για την ελληνική επανάσταση. URL: http://1epal-amarous.att.sch.gr/wp-content/uploads/2021/03/T%CE%B1-%CE%B4%CE%AD%CE%BA%CE%B1-%CF%80%CF%81%CE%AC%CE%B3%CE%BC%CE%B1%CF%84%CE%B1-%CF%80%CE%BF%CF%85-%CF%80%CF%81%CE%AD%CF%80%CE%B5%CE%B9-%CE%BD%CE%B1-%CE%B3%CE%BD%CF%89%CF%81%CE%AF%CE%B6%CE%B5%CE%B9-%CE%BA%CE%B1%CE%BD%CE%B5%CE%AF%CF%82-%CE%B3%CE%B9%CE%B1-%CF%84%CE%B7%CE%BD-%CE%B5%CE%BB%CE%BB%CE%B7%CE%BD%CE%B9%CE%BA%CE%AE-%CE%B5%CF%80%CE%B1%CE%BD%CE%AC%CF%83%CF%84%CE%B1%CF%83%CE%B7.pdf (дата обращения: 20.01.2022); *Idem.* Δέκα πράγματα που πρέπει να γνωρίζουμε για την ελληνική επανάσταση // Larissa Pressa. 2021.31.I. URL: https://www.larissapress.gr/2021/01/31/maria-efthymiou-deka-pragmata-pou-prepei-na-gnorizoume-gia-tin-elliniki-epanastasi/ (дата обращения: 20.01.2022).

47 200 vjetori i pavarësisë greke // Periskopi. 2021.25.III. URL: https://www.periskopi.al/default-category/histori/200-vjetori-i-pavaresise-greke/ (дата обращения: 20.01.2022).

48 *Londo I.* Arvanitasit në Revolucionin Grek, 200 vjet më parë // Gazeta Diaspora Shqiptare, 25.03.2021 — https://diasporashqiptare.al/2021/03/25/arvanitasit-ne-revolucionin-grek-200-vjet-me-pare/(дата обращения: 20.01.2022).

49 См. анонс Болгарского национального телевидения (БНТ) совместного греко-российского фильма «Пират», который должен был демонстрироваться по каналу «Культура БНТ» 25 марта 2021 г. — «Пиратът» — филм за 200 години от Гръцката революция. Предаване: Култура. БГ, 25.03.2021 // БНТ. URL:

https://bnt.bg/news/piratat-film-za-200-godini-ot-grackata-revolyuciya-v293335-293487news.html (дата обращения: 20.01.2022).

50 *Гочев Я.* Защо Русия не освободи България през 1833 г.? // Сити българи заедно 2010.24.IV. URL: http://www.sitebulgarizaedno.com/index.php?option=com_content&view=article&id=711:ag&catid=29:2010-04-24-09-14-13&Itemid=61. (дата обращения: 20.01.2022). Он также является автором трёхтомного издания «Российская империя против Болгарии» — *Гочев Я.* Руската империя срещу България. Анико, София, 2006. Т. 1–3.

51 *Василева Е.* Гърция чества 200 г. от въстанието срещу османската власт // Днес.bg. 2021.25.III. URL: https://www.dnes.bg/balkani/2021/03/25/gyrciia-chestva-200-g-ot-vystanieto-sreshtu-osmanskata-vlast.484545 (дата обращения: 20.01.2022); Когато преди 200 години гърците въстанаха срещу Османската империя //Дневник. 2021.25.III. URL: https://www.dnevnik.bg/sviat/2021/03/25/4190086_kogato_predi_200_godini_gurcite_vustanaha_sreshtu/ (дата обращения: 20.01.2022).

52 *Поповски Љ.* Грција: Како нацијата доби држава? // Економија и бизнис. 2021.VI. URL: https://www.ekonomijaibiznis.mk/News.aspx?IdNews=24392 (дата обращения: 20.01.2022).

53 *Марковиќ Н.* Виенскиот конгрес-вовед во нова политичка ера на Европа // Политичка мисла. Балансирање на меѓународните односи: 200 години од Конгресот во Виена. 2015. N 50. С. 10.

54 *Павловска Ј.* За усогласувањата на историските разлики дознаваме од Грција и од Бугарија? // Нова Македонија. 2018.4.XII.

55 Там же.

56 *Stănescu D.* 200 de ani de la Revoluția lui Tudor Vladimirescu// Ziarul Lumina. 2021.31.I.

57 См. объявление о конкурсе под таким названием, организованном Управлением межэтнических отношений Правительства Республики Румыния — Revoluția elenă pe pământ românesc. 25.09.2020 // Departamentul pentru Relații Interetnice. URL: http://www.dri.gov.ro/w/revolutia-elena-pe-pamant-romanesc/ (дата обращения: 20.01.2022).

58 *Crișan A.* 18 ianuarie 1821: Începutul revoluției lui Tudor Vladimirescu, revoluție care a marcat sfârșitul domniilor fanariote // Unirea. 2021.18.I. URL: https://ziarulunirea.ro/18-ianuarie-1821-inceputul-revolutiei-lui-tudor-vladimirescu-revolutie-care-a-marcat-sfarsitul-domniilor-fanariote-608848/ (дата обращения: 20.01.2022).

59 Ibidem.

60 Leagan al unei civilizatii stravechi, Grecia isi leaga Ziua Nationala de timpurile mo-derne // Adevărul. 2004.25.III. URL: https://adevarul.ro/news/societate/leagan-civilizatii-stravechi-grecia-isi-leaga-ziua-nationala-timpurile-moderne-1_50ac0d287c42d5a66384492d/index.html (дата обращения: 20.01.2022).

61 *Zamfirescu C.* Cererile Norodului Românesc și Proclamația de la Padeș, două documente esențiale pentru modernizarea României elaborate în ianuarie 1821, acum două secole // Adevărul. 2021.23.I. URL: https://adevarul.ro/news/eveniment/cererile-norodului-romanesc-proclamatia-pades-doua-documente-esentiale-pentrumodernizarea-romaniei-elaborate-ianuarie-1821-doua-secole-1_600b69b2-5163ec42713a0564/index.html (дата обращения: 20.01.2022).

62 Ibidem.

63 *Popescu N.* Mişcarea secretă grecească «Eteria» si românii // Foaie Națională. Revistă liberă de luptă culturală și spirituală. 2011.20.II. URL: https://foaienationala.ro/eteria-si-romanii.html(дата обращения: 20.01.2022).

[64] *Спасојевић Д.* Грчка: Рат за независност, стварање државе и препород нације. Институт за новију историју Србије, Институт за европске студије, Фондација Шапер. Београд: Чигоја штампа, 2021.

[65] *Miladinović V.* I Karađorđe je bio žrtva Grčke revolucije: «Srbi vole, ali ne poznaju Grke…» // Nedeljnik. 2022.3.I. URL: https://www.nedeljnik.rs/i-karadorde-je-bio-zrtva-grcke-revolucije-srbi-vole-ali-ne-poznaju-grke/ (дата обращения: 20.01.2022).

[66] Ibidem.

[67] *Растовић А.* Узор поробљеним народима: Значај српске револуције у стварању и обликовању модерне државе // Новости. 2021.16.II. URL: https://www.novosti.rs/c/drustvo/vesti/965025/uzor-porobljenim-narodima-znacaj-srpske-revolucije-stvaranju-oblikovanju-moderne-drzave (дата обращения: 20.01.2022).

[68] *Manić A.* Grčki ustanak protiv Turaka i oslobodilački rat — dvestota godišn-jica // Balkan Magazin. 2021. 25.III. URL: www.balkanmagazin.net/istorija/cid170-270469/grcki-ustanak-protiv-turaka-i-oslobodilacki-rat-dvestota-godisnjica (дата обращения: 20.01.2022).

[69] *Sfetas S.* Balkansko grkoljublje: Profesor Spiridon Sfetas objašnjava da je ustanak Grka protiv Turaka imao značaj za sve pravoslavne narode // Новости. 2021.28.III. URL: https://www.novosti.rs/drustvo/vesti/979929/balkansko-grkoljublje-profesor-spiridon-sfetas-objasnjava-ustanak-grka-protiv-turaka-imao-znacaj-sve-pravoslavne-narode (дата обращения: 20.01.2022).

[70] Ibidem.

[71] *Demirözü D.* Yunan İlkokul Edebiyat Kitaplarında Türk İmajı // Litera Volume. 2017. N 2. S. 68.

[72] Ibid. S. 71.

[73] *Arif M.* Velestinli Rigas ve Osmanlı Anayasası // Teyfuli.com. 2021.27.VII. URL: https://www.tufeyli.com/velestinli-rigas-ve-osmanli-anayasasi/ (дата обращения: 20.01.2022).

[74] 363 yıl Osmanlı toprağıydı! Yunanistan isyanın 200. yılını kutladı // Milli Gazete. 2021.25.III. Url: https://www.milligazete.com.tr/haber/6813026/363-yil-osmanli-topragiydi-yunanistan-isyanin-200-yilini-kutladi (дата обращения: 20.01.2022).

[75] *Afyoncu E.* Avrupa 200 yıldır Yunanistan'ı şımartıyor // Sabah. 2020.30.VIII. URL: https://www.sabah.com.tr/yazarlar/erhan-afyoncu/2020/08/30/avrupa-200-yildir-yunanistani-simartiyor (дата обращения: 20.01.2022).

[76] *Turan M.* Avrupa Devletlerinin Osmanlı Politikaları ve 1821 Yunan İsyanı // Tehcirin 100. Yılında Osmanlı'nın Son Dönemindeki İsyanlar. (Uluslararası Sempozyum). Dicle Üniversitesi, Diyarbakır Valiliği ve Türk Tarih kurumu. Diyarbakır: Dicle Üniversitesi, 2015. S. 340.

[77] Ibid. S. 342.

[78] *Demirhan H.* İngiltere'nin Balkan Politikası ve Yunanistan (1821–1830) // Bilim ve Sanat Vakfı Bülten. 2016. N 91. S. 68.

[79] *Demirhan H.* Rum İsyanında İngiltere'nin rolü (1821–1830) // Rumeli Tarih Araştırmaları Dergisi. 2021. N 2. S. 51.

[80] *Sonyel S.* How The Turks of the Peloponnese were Exterminated During the Greek Rebellion? // BELLETEN. 1998. N 62 (233). S. 121–136; *Örenç A.F.* Balkanlarda İlk Dram: Unuttuğumuz Mora Türkleri. İstanbul: Babıali Kültür Yayıncılığı, 2011; *Örenç A.F.* Yunanistan'ın Bağımsızlığı Sürecinde Yok Edilen Mora Türkleri//Uluslararası Suçlar ve Tarih. 2011. N 11/12. S. 5–32.

[81] 1821 Olaylarında İki Günde On Bin Türk Katledilmişti // Bilgi Yayınevi. 2018.26.III. URL: https://www.bilgiyayinevi.com.tr/1821-olaylarinda-iki-gunde-on-bin-turk-katledilmisti (дата обращения: 20.01.2022).

[82] *Şimşir B.N.* Balkan Savaşlarında Rumeli Türkleri; Kırımlar-Kıyımlar-Göçler 1821–1913. Ankara: Bilgi Yayınevi, 2020.

[83] Balkan Rumel Türkler Konfederasyonu Mora'da yaşananları anlatacak // Heberler.com. 2021.23.III. URL: https://www.haberler.com/balkan-rumeli-turkleri-konfederasyonu-mora-da-14415541-haberi (дата обращения: 20.01.2022).

[84] Dışişleri'nden «Tripoliçe Katliamı» açıklaması: «Tarihe kara bir leke olarak yazılmıştır» // Hürriyet. 2021.5.XI. URL: https://www.hurriyet.com.tr/dunya/disislerinden-tripolice-katliami-aciklamasi-tarihe-kara-bir-leke-olarak-yazilmistir-41901569 (дата обращения: 20.01.2022).

[85] Yunanistan'in Osmanh'ya karşi olan isyanini kişkirtanlar 200 yil sonra Atina da ortaya çıktı // Takvim. 2021.6.III. URL: https://www.takvim.com.tr/guncel/2021/03/26/yunanistanin-osmanliya-karsi-olan-isyanini-kiskirtanlar-200-yil-sonra-atinada-ortaya-cikti (дата обращения: 20.01.2022).

[86] *Mazower M.* The Greek Revolution: 1821 and the Making of Modern Europe. New York: Penguin Press, 2021.

[87] *Шнирельман В.А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. С. 12.

[88] Подробнее об этом см.: *Улунян Ар.А.* Балканские народы друг о друге: явные пристрастия и тайные чувства в конце XX века // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 78–88; *он же*. Опыт невраждебного историописания: Балканские войны в контексте «новой историографии» региона // Модернизация vs. война: Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913) / Отв. ред.: Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. С. 46–59.

DOI 10.31168/7576-0478-7.3

Ольга Евгениевна
ПЕТРУНИНА

Революция 1821 г. в школьном курсе истории в Греции и на Кипре

Большинство современных государств являются национальными по своему характеру и в качестве таковых нуждаются в единой национальной истории как одной из важнейших составляющих национальной идентичности. Создаваемая на уровне академической науки национальная история поддерживается так называемой политикой памяти: закреплением положений официальной истории и пантеона героев в топонимах, мемориалах, публичных мероприятиях и др. Важнейший механизм трансляции формируемой таким образом идентичности населению — система школьного образования.

В Греции уже в XIX веке уроки истории и географии понимались как средство трансляции национальной идентичности, а также этнической гомогенизации населения. Особые отношения государства с Православной церковью определяли интерес и участие последней в школьном образовании: в «идеологические» предметы были включены православные (на языке греческих авторов — «греко-христианские») ценности[1]. Примечательно, что в конституции 1952 г. (ст. 16), действовавшей до 1975 г.[2], содержался следующий параграф: «Преподавание во всех школах начального среднего образования нацелено на моральное и духовное воспитание, а также развитие национального сознания молодежи на основе идеологических направлений греко-христианской цивилизации». Таким образом понятие греко-христианской цивилизации закреплялось законодательно. Впоследствии это положение из конституции изъяли, но в ныне действующем законе «О структуре и функционировании образования первой и второй ступеней» № 1566, принятом в 1985 г., говорится о том, что ученики должны овладеть «подлинными основами православной христианской традиции»[3].

На Кипре, несмотря на то, что Республика Кипр является независимым государством, в системе образования широко используются греческие школьные учебники. В частности, по ним ведется преподавание всеобщей истории. В кипрской школе есть отдельный предмет «История Кипра». Учебники по нему дополняют те моменты греческой истории, которые касаются непосредственно острова. Так что греческие учебники, которые будут рассматриваться далее, входят и в кипрскую школьную программу.

Национально-освободительная революция 1821 г. является одним из основополагающих событий национальной истории. С нее начинается отсчет собственно новогреческой истории. Согласно опросу, проведенному греческой исследовательницей Марией Эвстафиу среди учеников, греческие школьники предпочитают отечественную историю зарубежной, а революция 1821 г. с большим отрывом лидирует среди тем, вызывающих наибольший интерес[4]. В то же время около трети греческих учителей считает эту тему конфликтной и свыше 35% — очень конфликтной, что, возможно, является следствием новых подходов к изучению этих событий. Тем не менее, педагоги считают изучение ее в школе необходимым[5]. Негативная реакция учителей на новейшие исследования свидетельствует о разрыве между школьной и академической историей, которую еще не так давно объясняли «малообразованностью» учителей, доносящих до учеников не результаты научных изысканий, а традиционную мифологизированную и идеологизированную национальную историю[6].

Изложение истории революции 1821 г. транслирует новым поколениям традиционные стереотипические представления о турках-врагах: сама идея революции заключается в освобождении от их власти. Как справедливо заметила греческая исследовательница Стелла Калле, в греческих учебниках недооцениваются привилегии, предоставленные грекам османскими властями, а сам период османского владычества представляется как ущербный для греков. Напротив, турецким школьникам рассказывают о толерантности и снисхождении мусульманских властей к христианам, которые проявили неблагодарность, восстав против законной власти. При этом и греческий, и турец-

кий нарративы сходятся во мнении, что греческая революция продемонстрировала упадок Империи[7]. Надо отметить, что, несмотря на сохранение в целом традиционных оценок революции 1821 г., греческая историография мало-помалу снижает степень конфликтности этой темы, постепенно смягчая представления о положении греков в Османской империи. Пришедший из XIX века термин «османское иго» (οθωμανικό ζυγό) уже давно вышел из употребления и заменен на «османское владычество» (τουρκοκρατία), который тоже в последнее время ставится под сомнение, но пока еще сохраняется в учебниках. Его исчезновение сразу поставит вопросы о том, как оправдать стремление греков к освобождению от власти султана и можно ли в таком случае вообще говорить об освобождении. История революции 1821 г. — это повод поговорить о вкладе Церкви в сохранение национальной идентичности в период османского владычества и борьбы за независимость. Этот вклад подчеркнуть необходимо, с тем, чтобы показать, что Церковь и православие остаются частью греческой национальной идентичности и по сей день.

За время обучения в школе юные греки проходят три цикла изучения истории: в начальной школе, в гимназии и лицее. Курс истории каждый раз повторяется с углублением и прибавлением новых фактов и персоналий, более сложных понятий.

Младшие школьники испытывают трудности с представлениями о времени[8]. Поэтому многие исторические события, в случае успешной подачи материала, становятся частью их собственного мира. Возможно поэтому подробнее всего революция 1821 г. изучается именно в начальной школе. В учебнике для шестого класса ровно треть всего объема, 75 страниц, занимает раздел из 18 параграфов, посвященный революции[9]. При этом, к примеру, на изложение всей европейской истории с середины XV в. до конца Французской революции выделено всего 13 страниц, а царствованию первого греческого короля Оттона отведено всего 4 страницы. Значение революции подчеркивается также эпитетом «Великая». Ни французская, ни, тем более, американская революции этого эпитета не имеют. Как и весь учебник, данный раздел богато иллюстрирован и сопровождается выдержками из источников: текстом воззвания А. Ипсиланти, отрывками

из мемуаров ветеранов революции, сохранившихся документов. Имеются также и карты, но они даны бессистемно и в очень небольшом размере, что делает их малоинформативными.

Первый параграф посвящен подготовке революции тайным обществом «Филики Этерия». В нем излагается краткая история общества, называются имена его основателей и нескольких видных членов. Авторы пишут о том, что общество было создано в «российском городе Одессе» и воспроизводят памятную доску (на греческом и украинском языках) на здании, где произошло это событие, а также отмечают, что многие греки считали, будто за «Филики Этерией» «скрывалась сама Россия». При этом они подчеркивают, что Россия и ее союзники по Священному союзу «были противниками любого революционного движения»[10]. Но противоречие это никак не объясняется.

Отдельный параграф посвящен восстанию под руководством Александра Ипсиланти, которое рассматривается не как отдельное событие, а как начальный этап всей революции. Несмотря на поражение повстанцев, авторы учебника видят историческую роль восстания в том, что оно отвлекло на себя османские войска и ускорило восстание на территории Греции.

Далее несколько параграфов посвящено ходу восстания в различных частях Греции: на Пелопоннесе, в Центральной Греции, на островах, в Эпире, Фессалии, Македонии. Все эти районы сейчас входят в состав греческого государства. В отдельных параграфах разбираются крупнейшие сражения революции: взятие Триполи, битва при Дервенакья, оборона Мессолонги. Специальных параграфов удостоились некоторые выдающиеся военачальники: Маркос Боцарис, Караискакис, флотоводец Константинос Канарис. Эти и другие герои представлены в идеализированном виде и демонстрируют только лучшие качества: любовь к Родине, храбрость, готовность к самопожертвованию. Авторы с таким пафосом рассказывают о героях, что вновь употребляют термин «османское иго»[11]. Среди героев революции присутствуют и женщины: Мандо Мавроенус и Ласкарине Бубулине посвящена отдельная врезка (но параграфа они не удостоились). Таким образом, история революции в данном учебнике, хотя и занимает почти треть его объема, изложена не как последовательность

взаимосвязанных событий, а как сборник рассказов о героях и отдельных героических деяниях.

Параллельно с ним ведется повествование об отношении к революции великих держав. Оно присутствует не в основном тексте, а во врезках: в них говорится о Лайбахском и Веронском конгрессах Священного союза, продемонстрировавших единую негативную позицию европейских держав по греческому вопросу. Исключения составляют параграфы о филэллинском движении и Наваринском сражении.

Текст параграфа о филэллинах вызывает недоумение. Среди филэллинов многих национальностей — немцев, поляков, швейцарцев и других — не упомянуты русские. Ничего не сказано о поддержке греческих повстанцев декабристами, российской общественностью; создании благотворительных фондов в помощь пострадавшим грекам; прибытии в Грецию русских волонтеров, прежде всего, Николая Райко, командовавшего крупными частями греков во многих сражениях; о том, что Россия приняла многих греческих беженцев. А эти факты хорошо известны греческим историкам[12]. Зато авторы сочли важным обозначить позицию тогдашнего президента США Джеймса Монро, на словах посочувствовавшего восставшим.

Несколько противоречивое отношение России к революции описано в следующем параграфе, где речь идет о политике великих держав и Наваринском сражении. Повторив, что Священный союз отнесся к восстанию греков отрицательно, авторы всё же отмечают отъезд российского посланника из Константинополя и ухудшение российско-турецких отношений после начала репрессий в отношении греков[13]. Дальнейшие действия России в греческом вопросе авторы оценивают как вынужденные: Россия не хотела отдавать инициативу британцам и потому совершала дипломатические шаги в пользу греков. В целом, мнение авторов о политике России (не только в греческом вопросе) не в пользу последней[14], но коллективное вмешательство великих держав в греко-турецкие дела оценивается как существенное и положительное: победа в Наваринском сражении сыграла решающую роль в дальнейшем развитии событий, а русско-турецкая война 1828–1829 гг. вынудила Высокую Порту пойти на уступки, после чего Англия и Франция добились для греков независимости[15].

Два параграфа посвящены политическому развитию восставшей Греции. В одном из них рассказывается о Национальных собраниях, первых греческих конституциях и органах власти, а также о зарождении ориентированных на великие державы политических группировок и их лидерах, однако о гражданских войнах упоминается лишь вскользь. В другом параграфе довольно подробно говорится о различных направлениях политики первого греческого президента Иоанниса Каподистрии, но не дается общая оценка деятельности этого крупнейшего греческого политика XIX века. Завершают главу о революции 1821 г. краткие выводы, в которых подчеркивается, что греки самостоятельно добились своей независимости, хотя на определенном этапе этому способствовала благоприятная позиция великих держав.

Примерно треть кипрских учителей находит, что в учебниках присутствуют негативные стереотипы и образы «другого»[16]. Если говорить о подаче материала о революции 1821 г. в этом учебнике, то единственным негативным «другим» здесь выступают турки, поскольку они враги. Однако авторы стремятся смягчить их образ. В тексте, к примеру, говорится о семьях турецких военачальников: они, хоть и враги, но тоже люди. Турецкое население взятого повстанцами города Триполи пострадало от резни и грабежей. К врагам авторы проявляют и уважение. Так, они признают за египетской армией Ибрагима-паши высокий уровень организации и европейскую выучку.

Значимость революции 1821 г. для греческой истории подчеркивается также тем, что ссылки на нее присутствуют и в других частях учебника. К примеру, приведенная в параграфе о греко-итальянской войне выдержка из источника демонстрирует ученикам преемственность борьбы их народа за свободу, сравнивая греческие войска, отражавшие итальянскую агрессию на отрогах Пинда, со спартанцами Леонида и бойцами 1821 г. В главе о Второй мировой войне воспроизводится также рисунок из коммунистической газеты «Ризоспастис» («Радикал») от 25 марта 1945 г., на котором боец 1821 г. пожимает руку партизану греческого Сопротивления. В один ряд с героями революции поставил партизан Сопротивления и премьер-министр Андреас Папандреу в своей речи в августе 1982 г., отрывок из которой приведен в учебнике[17].

Младшие школьники, даже еще не изучавшие курса истории, активно участвуют в костюмированных парадах по случаю национального праздника Дня независимости 25 марта. Они с удовольствием облачаются в костюмы бойцов и героев революции. Известная исследовательница исторического образования в Греции Эфи Авдела справедливо отметила, что школьные мероприятия по случаю национальных праздников дополняют историческое образование и формирование у школьников чувства национальной идентичности[18].

В третьем классе гимназии греческие школьники вновь обращаются к изучению революции 1821 г. В гимназическом учебнике[19] национальная история также остается стержнем исторического процесса, но авторы постарались вписать события в Греции в мировую историю. Материал о революции 1821 г. размещен в главе «Греческая революция 1821 г. в рамках развития национальных идей и либерализма в Европе». В ней революция описывается в контексте революционных движений в Европе второй четверти XIX в. Они поделены на три революционные волны, в соответствии с концепцией Э. Хобсбаума[20], которой очевидно придерживаются авторы. Вся глава занимает 15 страниц, но в них значительно больше текста и меньше визуального контента, чем в «книжке с картинками» для начальной школы.

Изложение начинается с описания изменений в греческом обществе в XVIII — начале XIX вв. Здесь же говорится и о роли Православной церкви в данный период, но скорее отрицательно: если многим поколениям греков внушали, что Церковь сыграла позитивную роль в сохранении национальной идентичности в эпоху османского владычества, то авторы данного учебника говорят лишь о том, что Церковь препятствовала распространению идей Просвещения из Европы[21]. В этом же параграфе школьникам напоминают о греческом Просвещении и крупнейших повстанческих движениях того времени.

Рассказ собственно о революции 1821 г. опять начинается с «Филики Этерии» и восстания Александра Ипсиланти. Но на этот раз школьники узнаю́т, что у Ипсиланти в Валахии (ошибочно указаны Яссы, столица Молдавии) был союзник в лице Тудора Владимиреску. Об отношениях между греческим и валашским движениями

авторы умалчивают, но сообщают, что Владимиреску был казнен как предатель.

Ходу военных действий на территории Греции посвящен всего один параграф[22]. Хотя в нем опять много места занимает перечисление имен героев, но материал изложен систематически и в хронологической последовательности. История революции до 1827 г. включительно поделена на два этапа: период успехов (1821–1824) и период спада (1825–1827). Второй период фактически охватывает вторжение на Пелопоннес турецко-египетских войск под командованием Ибрагима-паши и заканчивается Наваринским сражением. Как и в учебнике для шестого класса, отдельный параграф посвящен политическому развитию греков в период революции. Его новым элементом является подпараграф о гражданских войнах 1823–1825 гг. Сообщая о них, авторы стараются быть беспристрастными и не выделять кого-то из политиков или военачальников[23].

Что касается общих оценок, даваемых авторами, то они в целом повторяют оценки учебника для начальной школы, но с одним уточнением: революция нигде не называется Великой. Позиция России в отношении революции оценивается как враждебная, а ее дипломатические шаги в пользу греков — как вынужденные Британией, которая и оказала грекам наибольшую из великих держав помощь.

Используемый ныне учебник по истории для третьего класса лицеев (выпускного класса средней школы) был впервые издан в 2007 г. и прошел проверку временем[24]. По объему изложения революция 1821 г. занимает в учебнике 17 страниц. Из них чуть больше 10 страниц занимает текст, остальное приходится на иллюстрации, карту, хронологическую таблицу, вопросы. Параграф начинается с характеристики сущности национально-освободительного движения и его сопоставления с национальными движениями в странах Европы. Греческое движение характеризуется исключительно как идейно-политическое. Авторы подчеркивают в нем развитие национальной и европейской идентичности греков, справедливо отмечая распространение в греческом мире пришедших из Европы представлений о национальном суверенитете и национальном государстве. Понятие «родина» при-

менительно к этому периоду они употребляют в политическом смысле: если раньше родина понималась как родные места, то теперь это синоним национального государства. О причинах и предпосылках революции ничего не говорится[25].

Непропорционально большое внимание (почти три страницы) уделено тайному обществу «Филики Этерия» и восстанию в Дунайских княжествах под руководством Александра Ипсиланти. Желая подчеркнуть общеевропейскую значимость этого события, авторы отмечают, что большую часть отряда Ипсиланти составляли представители других народов. Перечислены они довольно странным образом: «молдаване, влахи, албанцы, эпироты, македонцы, уроженцы Ионических островов, сербы, болгары, казаки и даже множество улан (кавалеристов) из германских государств, Польши и Венгрии…»[26]. Этот сумбурный перечень ставит больше вопросов, чем дает ответов. В нем перемешались этнические и географические характеристики. Ясно, что болгары и сербы — это этнические группы, а эпироты и жители Ионических островов — географические. Македонцы — тоже греки, это школьникам должно быть понятно из предшествующего курса истории и официальной пропаганды. Но вот о добровольцах из России авторы говорить не хотят и называют их казаками. Терминологические неточности характерны для этого учебника в целом.

Большое внимание авторы уделили героям революции. Они старательно перечислили множество лиц, стоявших у истоков революции в разных областях Греции. Наиболее известные полководцы, такие как Теодорос Колокотронис, Маркос Боцарис, Одиссеас Андруцос, удостоены насколько возможно подробных рассказов об их героических деяниях. Они составляют основу традиционного пантеона героев революции, который и воспроизводит учебник. Среди них есть и одна женщина — Ласкарина Бубулина, «ярчайший пример вклада женщин в дело революции»[27]. Отметим, что Бубулине посвящена врезка на полях, в основном тексте учебника женщины не упомянуты. Еще один традиционный герой революции, Константинопольский патриарх Григорий V, упомянут не как герой, а как жертва мести со стороны турок. О вкладе Церкви в подготовку революции и ее уча-

стии в революционной борьбе авторы специально не говорят, но отдельные представители духовенства названы среди членов «Филики Этерии» и организаторов локальных восстаний. Это подчеркивает светский характер учебника и одновременно ослабляет его этноцентрическую установку, лишая ее православной составляющей. Добродетели героев революции можно считать общечеловеческими: это любовь к Родине, готовность умереть за свободу, военные доблести. Среди этих героев нет мучеников за веру.

Политическому развитию Греции в период революции уделено гораздо меньше внимания. Около страницы авторы посвятили разбору противоречий в лагере греков на начальном этапе революции, но о причинах гражданских войн ничего не говорится. Второе и третье Национальные собрания упомянуты только в хронологической таблице без конкретизации их повестки. Гражданские политические деятели, например, из числа фанариотов, либо не упомянуты вовсе, либо упомянуты только в связи с началом восстания. Даже Иоаннису Каподистрии, которого многие греки и сейчас считают крупнейшим политиком в новогреческой истории, в основном тексте уделено всего несколько строк. Во врезке на полях отмечен его «бесценный вклад в создание и организацию греческого государства», но не сказано, в чем именно он состоит[28].

Как справедливо отметили детально проанализировавшие этот учебник С. Вури и П. Гацотис, в нем сохранены традиционные идеологические установки, прежде всего, этноцентризм и представление истории как непрерывной борьбы за свободу; одновременно сделана попытка вписать его в общеевропейские ценности[29], что настоятельно требуется Евросоюзом, на 3/4 финансирующим издание школьных учебников в Греции. Впрочем, это замечание относится и к предыдущим учебникам.

Отдельного внимания заслуживают кипрские учебники по предмету «История Кипра». Он, как и всеобщая история, преподается на всех ступенях школы. Концептуально кипрская история преподается как дополнение к истории Греции[30]. Этим поддерживается культурное единство двух греческих государств, стремящихся и к единству политическому. При этом свыше 60%

учителей истории на Кипре считают действующие программы по истории устаревшими[31]. Действительно, новейшая история острова в нынешних учебниках не отражена, а сами они были написаны много лет назад[32]. Можно сказать, что они принадлежат еще к предыдущему поколению учебников. В этих книгах реализован тот же подход, что и в греческих: на каждом уровне обучения школьники изучают материал более системно и глубоко. Дополнением к этим учебникам является пособие «Наша оккупированная земля», в котором рассматриваются элементы недавней истории, природа и культурное наследие территорий, вошедших в состав созданной после турецкого вторжения Турецкой республики Северного Кипра[33].

Поскольку тему «Революция 1821 года» школьники уже изучали по греческим учебникам, то в кипрских учебниках говорится только о том, что связано с островом. Кипр не принимал участие в вооруженном восстании 1821 г., но сильно пострадал от репрессий. Материал учебников, которые отчасти повторяют друг друга, посвящен изложению причин, по которым киприоты не могли выступить с оружием, подробному описанию репрессий, а также рассказу о выходцах с острова, отправившихся сражаться в Грецию[34]. История Кипра таким образом вписывается в общегреческую национальную историю.

Итак, мы видим, что в современных учебниках революция 1821 г. продолжает занимать место одного из важнейших событий национальной истории. Учебники в целом сохраняют прежний этноцентристский дискурс: национальная история является центром мировой, а национальная независимость, за которую сражались греки в 1821 г., остается одной из базовых ценностей. Попытки вписать эти события в мировой исторический процесс пока не меняют основного подхода к преподаванию этой темы. Этноцентристский дискурс характеризует и кипрские учебники, созданные как дополнение к греческим. Этноцентризмом объясняется сохранение в учебниках прежних стереотипов, таких как негативный образ «другого» (турки, болгары), позиционирование собственной нации как жертвы сначала османского ига, а затем политики великих держав.

Примечания

[1] *Μαυροσκούφης Δ.* Οι κυρίαρχες ιδεολογικές επιρροές στην ελληνική εκπαίδευση: το παράδειγμα της σχολικής ιστορίας // Παιδαγωγική επιθεώρηση. 1997. № 26. Σ. 43–44.

[2] В 1973 г. диктатура «черных полковников» ввела в действие новую, свою конституцию. Но она действовала только до лета 1974 г., когда диктатура пала и было восстановлено действие конституции 1952 г.

[3] Νόμος 1566/1985 // ΦΕΚ 167/Α/30-9-1985.

[4] *Ευσταθίου Μ.* Η αξιοποίηση σύγχρονων διδακτικών προσεγγίσεων στην εκπαιδευτική πράξη: εφαρμογές στη διδασκαλία του μαθήματος της ιστορίας στο γυμνάσιο και στο λύκειο. Διδακτορική διατριβή. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, 2005. Σ. 124–125.

[5] *Κογκούλη Π.* Η διδασκαλία «συγκρουσιακών θεμάτων» στο μάθημα της ιστορίας στη δευτεροβάθμια εκπαίδευση. Διδακτορική διατριβή. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, 2016. Σ. 126, 128, 137–138.

[6] *Κόκκινος Γ., Γατσωτής Π.* Επιστημολογία της Ιστορίας, Διδακτική της Ιστορίας και εκπαιδευτική έρευνα // Η Διδακτική της Ιστορίας στην Ελλάδα και η Ερευνα στα Σχολικά Εγχειρίδια. Επιμ. Ανδρέου Α. Αθήνα: Μεταίχμιο, 2007. Σ. 438–439.

[7] *Καλλέ Σ.* Επίμαχα ιστορικά θέματα στα ελληνικά και τουρκικά εγχειρίδια Ιστορίας (1950–1974): Συγκλίσεις και αποκλίσεις // Η Κλειώ πάει σχολείο ΙΙ. Η διδασκαλία της ιστορίας και η δημόσια παιδαγωγική (Πρακτικά διημερίδας, 1–2 Νοεμβρίου 2019). Αθήνα: Ομιλος για την Ιστορική Εκπαίδευση στην Ελλάδα, 2020. Σ. 157–160.

[8] *Σολωμού Αι.* Η διδασκαλία του μαθήματος της Ιστορίας στην πρωτοβάθμια εκπαίδευση: Οι αντιλήψεις των Κύπριων εκπαιδευτικών // Παιδαγωγική επιθεώρηση. 2017. № 63. Σ. 138.

[9] *Κολιόπουλος Ι., Καλλιαντώνης Α., Μιχαηλίδης Ι., Μηνάογλου Χ.* Ιστορία του νεότερου και σύγχρονου κόσμου. Στ΄ Δημοτικού. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018. Σ. 71–146.

[10] *Κολιόπουλος Ι., Καλλιαντώνης Α., Μιχαηλίδης Ι., Μηνάογλου Χ.* Στο ίδιο. Σ. 74 — 77.

[11] *Κολιόπουλος Ι., Καλλιαντώνης Α., Μιχαηλίδης Ι., Μηνάογλου Χ.* Στο ίδιο. Σ. 87.

[12] См., напр.: *Λουκάτος Σ.* Ρωσικός φιλελληνισμός στα χρόνια του ’21 // Μνημοσύνη. Τ. 10. 1985–1987. Σ. 97–176; *Λούκος Χ.* Ενας Ρώσος στην Ελλάδα κατά την Καποδιστριακή περίοδο: Ο φιλέλληνας Νικόλαος Ράικο // Μνήμων. Τ. 11. 1987. Σ. 154–198.

[13] *Κολιόπουλος Ι., Καλλιαντώνης Α., Μιχαηλίδης Ι., Μηνάογλου Χ.* Στο ίδιο. Σ. 131.

[14] Подробнее см.: *Петрунина О.Е.* Образ России в национальном образовании Греции // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 78. Февраль 2020 г. С. 245–267. http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item_1208, http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2020/vipusk__78._fevral_2020_g./upravlenie_obrazovaniem/14-03-59petrunina.pdf

[15] *Κολιόπουλος Ι., Καλλιαντώνης Α., Μιχαηλίδης Ι., Μηνάογλου Χ.* Στο ίδιο. Σ. 131, 143.

[16] *Σολωμού Αι.* Η διδασκαλία. Σ. 145.

[17] *Κολιόπουλος Ι., Καλλιαντώνης Α., Μιχαηλίδης Ι., Μηνάογλου Χ.* Στο ίδιο. Σ. 206, 217, 232.

[18] *Αβδελά Ε.* Η συγκρότηση της εθνικής ταυτότητας στο ελληνικό σχολείο: «εμείς» και οι «άλλοι» // Τι ειν’ η πατρίδα μας; Εθνοκεντρισμός στην Εκπαίδευση. Επιμ. Φραγκουδάκη Α., Δραγώνα Θ. Αθήνα: Αλεξάνδρεια, 1997. Σ. 27–45.

[19] *Λούβη Ε., Ξιφαράς Δ.* Νεότερη και Σύγχρονη Ιστορία Γ΄ Γυμνασίου. Αθήνα: Ινστιτούτο τεχνολογίας υπολογιστών και εκδόσεων «Διόφαντος», 2018.

[20] *Hobsbawm E.* The Age of Revolution. 1789–1848. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1962 (рус. пер.: *Хобсбаум Э.* Век революции. 1789–1848. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999).

[21] *Λούβη Ε., Ξιφαράς Δ.* Στο ίδιο. Σ. 23.

[22] *Λούβη Ε., Ξιφαράς Δ.* Στο ίδιο. Σ. 30–32.

[23] *Λούβη Ε., Ξιφαράς Δ.* Στο ίδιο. Σ. 34.

[24] *Κολιόπουλος Ι., Σβολόπουλος Κ., Χατζηβασιλείου Ε., Νημάς Θ., Σχολινάκη-Χελιώτη Χ.* Ιστορία του νεότερου και του σύγχρονου κόσμου (από το 1815 έως σήμερα). Γ΄ τάξη Γενικού Λυκείου και Δ΄ τάξη Εσπερινού Λυκείου Γενικής Παιδείας. Αθήνα: Οργανισμός εκδόσεως διδακτικών βιβλίων, 2007. С 2011 г. книга переиздается Институтом компьютерных и издательских технологий «Диофант».

[25] *Κολιόπουλος Ι., Σβολόπουλος Κ., Χατζηβασιλείου Ε., Νημάς Θ., Σχολινάκη-Χελιώτη Χ.* Ιστορία του νεότερου και του σύγχρονου κόσμου… Σ. 16.

[26] *Κολιόπουλος Ι., Σβολόπουλος Κ., Χατζηβασιλείου Ε., Νημάς Θ., Σχολινάκη-Χελιώτη Χ.* Ιστορία του νεότερου και του σύγχρονου κόσμου… Σ. 20.

[27] *Κολιόπουλος Ι., Σβολόπουλος Κ., Χατζηβασιλείου Ε., Νημάς Θ., Σχολινάκη-Χελιώτη Χ.* Ιστορία του νεότερου και του σύγχρονου κόσμου… Σ. 23.

[28] *Κολιόπουλος Ι., Σβολόπουλος Κ., Χατζηβασιλείου Ε., Νημάς Θ., Σχολινάκη-Χελιώτη Χ.* Ιστορία του νεότερου και του σύγχρονου κόσμου… Σ. 32.

[29] *Βούρη Σ., Γατσωτής Π.* Ζητήματα διδασκαλίας της Ιστορίας στην Ελλάδα. Αδράνειες και καινοτομίες στο σχολικό εγχειρίδιο για το μάθημα «Ιστορία Γενικής Παιδείας» της Γ΄ Λυκείου (2007) // Επιστημονική Επετηρίδα Παιδαγωγικού Τμήματος Δ. Ε. Πανεπιστημίου Ιωαννίνων. 2011. Τ. 23. Σ. 37–68.

[30] *Παύλου Π.* Ο αόρατος «άλλος» και η ανθεκτικότητα του εθνικού αφηγήματος των Ελληνοκυπρίων: Ιστορία και πολιτικοί στόχοι, σχολείο και Τουρκοκύπριοι // Η Κλειώ πάει σχολείο ΙΙ. Η διδασκαλία της ιστορίας και η δημόσια παιδαγωγική (Πρακτικά διημερίδας, 1–2 Νοεμβρίου 2019). Αθήνα: Ομιλος για την Ιστορική Εκπαίδευση στην Ελλάδα, 2020. Σ. 91–92.

[31] *Σολωμού Αι.* Η διδασκαλία. Σ. 146.

[32] *Πολυδώρου Α.* Ιστορία της Κύπρου. Ιστορία Ε΄ και Στ΄ Δημοτικού. Λευκωσία, 1991; *Παντελίδου Α., Πρωτοπαπά Κ., Γιαλλουρίδης Σ.* Ιστορία της Κύπρου για το Γυμνάσιο. Λευκωσία, 1994; *Παντελίδου Α., Χατζηκωστή Κ.* Ιστορία της Κύπρου. Μεσαιωνική — Νεότερη (1192–1974). Λευκωσία, 1992.

[33] *Πρωτοπαπά Π.* Η κατεχόμενη γη μας. Λευκωσία, 1991.

[34] *Παντελίδου Α., Πρωτοπαπά Κ., Γιαλλουρίδης Σ.* Στο ίδιο. Σ. 102–105; *Παντελίδου Α., Χατζηκωστή Κ.* Σ. 114–121.

DOI 10.31168/7576-0478-7.4

Светлана Ивановна
ДАНЧЕНКО

История Греческой революции 1821–1829 гг. и русско-греческих связей в трудах Г.Л. Арша

200-летие начала Греческой революции 1821–1829 гг., которое в 2021 г. отмечалось в Греции, России да и по всему миру, где проживают греки, — выдающееся событие в истории. Разумеется, оно не могло не привлечь самого пристального внимания исследователей. К настоящему времени написаны и изданы многочисленные работы по данной проблеме, опубликованы тысячи уникальных документов. И отрадно сознавать, что немалую лепту в изучение Греческой революции внес наш соотечественник, наш бывший коллега, покойный Григорий Львович Арш (1925–2017). В последние годы своей жизни он часто говорил о приближающемся 200-летии Греческой революции и сокрушался, что не доживёт до этого торжества. «А как бы мне хотелось выступить по этому поводу, ведь мне есть что сказать и у меня есть новые материалы», — это его слова.

В память о Г.Л. Арше, замечательном учёном-балканисте, мы решили включить в коллективную монографию раздел о его вкладе в исследование Греческой революции и русско-греческих связей первой трети XIX в.

Как известно, начинал Григорий Львович свою научную деятельность с изучения не Греции, а Албании. К началу 1960-х годов он уже защитил кандидатскую диссертацию (1959 г.) и издал свою первую монографию «Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX вв. (Западно-балканские пашалыки Османской империи». Правда, Греция, по словам учёного, с самого начала его также очень привлекала, тем более, что в архивах ему попадались интересные документы, прежде всего о начале национально-освободительной борьбы греков.

В этот период по данной теме одна за другой выходят его статьи, в том числе во «Всемирной истории» (Т. 6, 7. М., 1959;

М., 1960), в «Исторической энциклопедии» (около 30 заметок), разделы в вузовском учебнике «Новая история. 1640–1789» (М.,1964) и др. В 1965 г. в издательстве «Наука», впервые в советской историографии, была опубликована небольшая научно-популярная работа Г.Л. Арша «Тайное общество “Филики Этерия”» (в 1966 г. она была переведена на новогреческий язык и издана в Афинах). Его имя уже известно в Греции — коллегам ученого и широкой общественности. В 1963 г. в Афинах была издана его первая статья на новогреческом языке под названием «Давние дружеские связи греческого и русского народов». Впоследствии статьи Григория Львовича стали регулярно печататься в греческих изданиях. В 1964–1965 гг. греческая демократическая газета «Авги» («Заря») опубликовала пять рецензий и аннотаций на его работы.

Ведущую роль в подготовке Греческой революции сыграла тайная патриотическая организация «Филики Этерия», возникшая в 1814 г. на территории Российской империи. Эта тема была уже достаточно глубоко и основательно изучена греческими историками. Вместе с тем им практически не были известны материалы российских архивов по данной теме. Их-то в первую очередь и привлек Г.Л. Арш, с начала 1960-х годов приступивший к работе над историей этеристского движения в России. Свою первую книгу по истории Греции Григорий Львович подготовил к памятной дате — 150-летию со дня основания «Филики Этерии». В ней он прекрасным литературным стилем, в доходчивой форме для широкого читателя изложил целый комплекс важнейших вопросов истории Греции конца XVIII — начала XIX вв.: положение греческих земель в составе Османской империи, социально-экономические предпосылки греческого национально-освободительного движения, развитие греческого судоходства, русско-греческие связи и формирование в России филэллинских настроений и др. В центре повествования — детально изученная автором история возникновения «Филики Этерии» и деятельность ее создателей — Николаоса Скуфаса, Афанасиоса Цакалова и Эммануила Ксантоса, выработавших организационную структуру общества и завербовавших с помощью «апостолов» не одну тысячу членов в его ряды. О их роли Г.Л. Арш писал:

«Освобождение Греции от турецкого рабства было неизбежным. Оно диктовалось всем ходом экономического и политического развития страны. Но нужно было, чтобы кто-то занялся идейной и организационной подготовкой восстания, чтобы нашлись люди, которые… довели это дело до конца. Такими людьми и явились основатели «Филики Этерии» и все те, кто пошел за ними. Без их энергии, патриотизма, революционной смелости греческий народ мог бы еще долгие годы терпеть беспросветное, унизительное рабство»[1].

Наряду с этой книгой в 1960-е годы одна за другой выходят статьи и публикации документов Григория Львовича по данной теме[2], а в 1970 г. — монография «Этеристское движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи». Последовательно, по мере открытия им архивных материалов, ученый изучил весь комплекс вопросов, входящих в данную проблему. Им была создана целостная картина этого сложного явления, значительного во всех отношениях. Движение этеристов в России — это прежде всего важная составляющая истории греческого национально-освободительного движения, ее органическая часть. Но и для истории России оно не прошло бесследно: «этеристский вопрос» занял немаловажное место и в официальной балканской политике последних лет царствования Александра I, и в общественной жизни.

Важно подчеркнуть, что в монографии «Этеристское движение в России», согласно традиции, существовавшей в советской историографии, значительное место уделено анализу социально-экономического положения Греции в составе Османской империи, начиная со второй половины XVIII в., — состоянию сельского хозяйства, торговли, ремесленного производства, судоходства, ибо, как отмечает автор, именно «социально-экономическими процессами, постепенно изменившими облик греческого общества», в конечном итоге определялось развитие освободительной борьбы греческого народа[3]. Григорий Львович привлек обширный корпус разнообразных источников, прежде всего донесения консулов, которые позволили создать достоверную, впечатляющую картину положения Греции в рассматриваемый период и систему вопиющей эксплуатации бесправного греческого на-

селения. «Лишь одна отрасль греческой экономики, — пишет исследователь, — в этих губительных условиях смогла достичь значительного прогресса. Это было греческое судоходство. Три небольших острова: Идра, Спецце и Псарра сыграли решающую роль в его развитии». Автор много внимания уделил этому вопросу, приведя целый ряд важных фактов (например, о том, что перед восстанием 1821 г. греческий флот насчитывал около 500 кораблей, совершавших дальние плавания)[4].

В предыстории этеристского движения Г.Л. Арш выделил и исследовал комплекс следующих вопросов: основные этапы греческой эмиграции в Россию, создание на юге Империи греческих колоний (Нежин, Керчь, Херсон, Измаил, Одесса, Таганрог), положение фанариотских семей в Константинополе, высшее греческое духовенство во главе с Константинопольской патриархией и др.

При анализе социального состава греческих общин, появившихся за рубежом в конце XVIII — начале XIX вв., ученый делает очень важный, на наш взгляд, вывод — о преобладании в них демократических элементов, что было связано с особенностями формирования этих общин. «Они сложились, — пишет Григорий Львович, — из представителей различных местностей Греции и различных слоев ее народа: мореотов и эпиротов, островитян и горцев, крестьян и ремесленников, моряков и купцов. Одним словом, это был сгусток демократических слоев греческого народа… это была среда, особо восприимчивая к передовым, освободительным идеям своего времени»[5]. Неслучайно поэтому, заключает автор, «именно в греческих заграничных колониях зародились идеи национально-освободительной борьбы и началось практическое их осуществление»[6].

Формирование греческого национально-освободительного движения было ускорено масштабными по их международному влиянию событиями той эпохи: Великой Французской революцией и русско-турецкими войнами. Последним Григорий Львович уделил значительное внимание, особенно русско-греческому боевому содружеству того периода и русско-греческим связям различной направленности.

В монографии, впервые в советской историографии, автор рассмотрел деятельность отважного греческого моряка, командующего греческой флотилией в войне с турками (начиная с 1788 г.) — Ламброса Кацониса, благодаря операциям которого в Эгейском море возник «второй морской фронт» русско-турецкой войны 1787–1791 гг.[7]. Впоследствии борьба Л. Кацониса и его моряков за свободу Греции еще не раз станет объектом всестороннего, глубокого исследования Г.Л. Арша, чему в немалой степени будут способствовать те уникальные материалы, которые он откроет во время своих архивных поисков.

Греческое национально-освободительное движение выдвинуло целый ряд выдающихся деятелей, Титанов своего времени. Одним из них, безусловно, был родоначальник революционно-демократической традиции в греческой общественной мысли, создатель первой «Этерии» — Ригас Велестинлис. В 1963 г. Г.Л. Арш обнаружил в Архиве внешней политики России (ныне — Архив внешней политики Российской империи) полный русский перевод принадлежащей его перу подпольной брошюры, содержавшей его революционные произведения, в том числе знаменитый «Военный гимн» (сам тираж в 1797 г. почти весь был уничтожен австрийской полицией при аресте Р. Велестинлиса). Этого греческого революционера Григорий Львович считал «духовным отцом “Филики Этерии”»[8].

Детально, с привлечением всего имевшегося в его распоряжении материала, автор рассмотрел деятельность основателей «Филики Этерии» — Э. Ксантоса, А. Цакалова и Н. Скуфаса, хотя данный вопрос по-прежнему, из-за недостатка документов, является одной из неясных страниц в истории этой революционной организации.

Среди наиболее важных и интересных вопросов исследователи выделяют вопрос об отношении русского правительства и самого императора Александра I к «Филики Этерии». В широком историческом плане официальная русская политика объективно содействовала подготовке Греческой революции 1821–1829 гг., создав благоприятные предпосылки для возникновения и процветания в России греческих колоний, ставших во втором десятилетии XIX в. основной опорной базой греческого освободительного

движения. Г.Л. Арш неоднократно подчеркивал в своих работах, что царское правительство знало о существовании «Филики Этерии». Этому способствовало так называемое «дело Галатиса», члена организации, приезжавшего в 1817 г. в Петербург. Однако, подчеркивает автор, открытие тайны существования «Филики Этерии» не привело к каким-либо отрицательным последствиям для нее. Статс-секретарь по иностранным делам России И. Каподистрия объективно сыграл большую роль в том, что эпизод с Галатисом не нанес ей ущерба. Но вместе с тем, констатирует Григорий Львович, «Филики Этерия» не была связана с царским правительством. В историографии по этому вопросу еще в 1970-е годы велась дискуссия. Г.Л. Арш писал, что «по существу предмет этой дискуссии значительно шире и касается самой природы этеристского общества: было ли оно революционно-патриотической организацией греческого народа или политическим инструментом иностранного правительства»[9]. В результате своего исследования он пришел к выводу, что позиция царского правительства по отношению к «Филики Этерии», вначале нейтральная, еще до выступления А. Ипсиланти в 1821 г. стала явно враждебной.

Против этой точки зрения Г.Л. Арша в своих работах 1970–1980-х годов выступал молдавский исследователь И.Ф. Иовва, утверждавший, что подготовка Греческой революции и, в частности, выступление А. Ипсиланти, проходили с ведома и согласия правительства Александра I. Однако большинство отечественных исследователей, в том числе академик А.Л. Нарочницкий и А.М. Станиславская, поддержали точку зрения Г.Л. Арша[10].

Впервые в отечественной историографии Григорий Львович поставил вопрос, тесно связанный с проблемой подготовки Греческой революции 1821–1829 гг., — развитие новогреческого Просвещения и влияние на него русской культуры. Начальный его этап, подчеркивает автор, был неотделим от России. Родоначальники новогреческого Просвещения ученые Е. Вулгарис и Н. Теотокис жили и творили на ее территории. Значительный вклад в его развитие внёс также Д. Гобделас, деятельность которого в 1811–1814 гг. и в 1821–1828 гг. также подробно изучена Г.Л. Аршем. В рамках этой темы он рассмотрел и другие ее со-

ставляющие: национально-культурную деятельность греческих общин Российской империи, историю греческого книгопечатания, патриотические акции видных греков — братьев Зосима, И. Вирвакиса и др., отношение русской общественности к новогреческому Просвещению, а также начальную историю Греческого коммерческого училища в Одессе и его деятельность в 1817–1830 гг., когда оно самым неразрывным образом было связано с Грецией, с борьбой ее народа за национальное освобождение и национальную культуру[11]. Новые документы, открытые им, позволили Григорию Львовичу прийти к выводу, что училище в этот период являлось важным очагом национального образования и патриотического воспитания греческой молодежи.

Значительное внимание уделил Г.Л. Арш деятельности «Филики Этерии» после лета 1818 г., когда ее штаб-квартира была перенесена в Константинополь, и отношению к этеристам Иоанна Каподистрии и Александра Ипсиланти. При этом вопрос о связях последнего с будущими декабристами исследователь рассмотрел впервые — об этом до него греческие историки не писали. И если И. Каподистрия считал этеристов авантюристами, чья деятельность угрожала навлечь на Грецию большие бедствия, то А. Ипсиланти был убежден в способности греков самостоятельно покончить с османским игом и дал согласие возглавить восстание.

Заслугой Г.Л. Арша является то, что он своими исследованиями существенно обогатил историографию «Филики Этерии» новым знанием, собрав множество фактов (почерпнутых в основном из архивных документов) о сборах средств в греческих общинах России на «патриотические цели».

В связи с главной темой — создание «Филики Этерии» — автор обратился к очень важной, на наш взгляд, проблеме формирования идеологии греческого национально-освободительного движения, важным элементом которой была идея о способности греков своими собственными силами добиться освобождения. Широкое распространение этой идеи в греческом обществе, подчеркивает Григорий Львович, сыграло огромную роль в подготовке Революции 1821–1829 гг. и помогло грекам перенести все тяготы и испытания восьмилетней войны за независимость. «В то же

время, — пишет он, — в ходе непосредственной подготовки освободительного восстания греческие революционеры вполне учитывали и стремились использовать благоприятствовавшие делу освобождения Греции международные факторы. Важнейшими из них были русско-турецкие противоречия и соперничество держав в Восточном Средиземноморье»[12].

В рамках периода, предшествующего Греческой революции 1821–1829 гг., значительный интерес представляет вопрос о деятельности в России Иоанна Каподистрии (1809–1822 гг.), который изучен Г.Л. Аршем глубоко и всесторонне — в многочисленных статьях и двух монографиях[13].

Государственный секретарь первого греческого государства Нового времени — Ионической республики в начале XIX в., затем, с 1809 г., — дипломат на русской службе, занимавший ряд высоких постов, в том числе статс-секретаря по иностранным делам России, И. Каподистрия развернул в России активную национально-патриотическую деятельность, стараясь привлечь внимание русской общественности, а также Александра I и других европейских правителей к «греческому вопросу». В 1823–1826 гг., будучи в почетной ссылке в Швейцарии, он содействовал развитию филэллинского движения в Европе. В последние четыре года своей жизни Каподистрия пребывал на посту правителя Греческого независимого государства.

Портрет своего героя Григорий Львович, с присущей ему основательностью, дал на широком историческом фоне, в тесной взаимосвязи с развитием греческого освободительного движения, «в динамике и во взаимодействии всех основных его элементов»[14]. При этом, анализируя деятельность Каподистрии в России на протяжении 13 лет, он учитывал очень важный момент — постоянные и нередко мучительные поиски им гармонии между долгом служебным и долгом патриотическим.

Труды Г.Л. Арша вошли в мировой фонд литературы о И. Каподистрии. Разумеется, он досконально изучил греческую историографию по этому вопросу, в частности, работы Т. Макриса, П. Петридиса, Е. Кукку и др. Он ссылается на них, отдает должное их авторам. Вместе с тем, открытые Григорием Львовичем материалы (личные бумаги, дипломатическая переписка, много-

численные записки) позволили ему дополнить имевшиеся к тому времени сведения о Каподистрии, а также высказать по ряду вопросов собственную точку зрения.

В 1960-е годы американская исследовательница П. Кеннеди-Гримстед, обследовавшая в поисках материалов о Каподистрии основные европейские архивы, пришла к заключению, что «большая часть личных бумаг Каподистрии, относящихся к периоду его русской службы, либо потеряна, либо уничтожена»[15]. Активная изыскательская работа Григория Львовича доказала, что это не так. Теперь известно, что российский «Архив Каподистрии» весьма обширен, и эти документы позволили ученому создать труды высочайшего уровня.

В монографии, изданной в 2003 г., Г.Л. Арш последовательно представил все этапы пребывания И. Каподистрии в России — начиная с января 1809 г., прибытия в Петербург; его связи с греками и молдаванами, жившими в столице, затем — с греческой общиной Вены, где он находился на дипломатической службе; и, наконец, его деятельность в качестве статс-секретаря по иностранным делам Российской империи. В книге также опубликован целый ряд важных документов по теме, в том числе, подлинник знаменитой «Записки о нынешнем состоянии греков» (1811 г.), написанный рукой самого И. Каподистрии; его переписка в связи с деятельностью общества «Филомузос Этерия» и др.

Важно подчеркнуть, что Григорий Львович уделил значительное внимание не только биографии своего героя, но также анализу тех новых реалий, при которых стало возможным такое возвышение не родовитого русского аристократа, а «ионического графа», пусть и воспитанного, благородного и европейски образованного. Ученый подчеркнул, что для политики царизма начала XIX в., контрреволюционной по своему существу, была характерна определенная тенденция приспособиться к тогдашней политической обстановке в Европе с ее новыми либеральными идеями. Умный, просвещенный И. Каподистрия, противник революции, либерал и демократ, был человеком нового века, и император Александр I, много общавшийся с ним во время Венского конгресса 1814 г., видел в нем «полномочного представителя духа времени»[16], взгляды которого могут быть полезны

при проведении политики контактов и компромиссов с новыми политическими силами Европы.

Важным вкладом Г.Л. Арша в изучение данной проблемы является анализ мировоззрения Каподистрии и его взглядов на решение «греческого вопроса». Исследователь показал, что Каподистрия выступал против революционных методов национально-освободительной борьбы. По его мнению, Греция, не прошедшая долгий путь духовного развития народа, просвещения и нравственного усовершенствования, не была готова к свержению османского ига. Но это было утопией в рамках деспотичного управления турецких пашей, как справедливо отмечает Григорий Львович. Взгляды Каподистрии, делает он вывод, основывались на недооценке внутренних сил и возможностей греческого народа и преувеличении внешнего фактора в борьбе Греции за освобождение, прежде всего роли России.

Немало внимания уделил Г.Л. Арш ионической проблеме в дипломатической деятельности Каподистрии, показав те конкретные шаги, которые тот предпринял для обеспечения в рамках британского протектората после Венского конгресса максимально широкой национальной автономии для своей родины[17].

Разумеется, в рассматриваемой монографии автор не мог не затронуть вопрос об отношении Каподистрии к «Филики Этерии» и выступлению в 1821 г. А. Ипсиланти. Эти сюжеты уже были подробно изучены Григорием Львовичем в более ранних его трудах. Тем не менее им были использованы новые документы по теме — о связях Каподистрии с этеристами и его отношении к готовящимся революционным акциям, позволившие подтвердить и углубить прежние выводы ученого. Среди них хотелось бы выделить следующие, на наш взгляд, наиболее важные: «Не сообщив Александру I о замыслах греческих патриотов и удержав от этого шага Александра Ипсиланти, Каподистрия… объективно оказал большую услугу делу освобождения Греции». И далее: «Цель Каподистрии состояла в том, чтобы сделать русскую политику более благоприятной для Греции и помешать вмешательству на стороне султана Англии и Австрии, занявших особенно враждебную позицию в отношении греческой революции»[18].

Несмотря на отказ Александра I от решительных действий в Восточном вопросе и отставку Каподистрии, последний, тем не менее, прилагал значительные усилия для того, чтобы обеспечить восставшей Греции политическую и военную поддержку России. И это также подробно изучено Г.Л. Аршем.

Анализ «русского» этапа жизни и деятельности И. Каподистрии, его взглядов и ярких дарований позволил автору констатировать: «Пребывание Каподистрии в России является значительным событием … в плане русско-греческих связей. Каподистрия был близок к некоторым видным деятелям русской культуры, относился с большим уважением к историческим и культурным ценностям России… И для русского общества не прошли бесследно контакты с Каподистрией и другими греческими деятелями, нашедшими убежище в России в конце XVIII — начале XIX в. Они способствовали усилению филэллинских настроений, особенно сильно проявившихся в период греческой революции 1821–1829 гг.»[19].

Другому выдающемуся деятелю греческого освободительного движения, генералу Александру Ипсиланти, Г.Л. Арш также уделил внимание в своих исследованиях, хотя и не написал о нем отдельной монографии. Тем не менее в его работах, посвященных этеристскому движению, приведен ценный биографический материал и рассмотрен вопрос о связях генерал-майора М.Ф. Орлова — командира 16-й дивизии, стоявшей в Бессарабии на границе с Турцией, и кишиневских декабристов с А. Ипсиланти и другими руководителями «Филики Этерии». Значительный интерес представляет и документальный очерк Г.Л. Арша о последних годах жизни А. Ипсиланти[20]. Автором был обнаружен ряд уникальных, до него не известных материалов, из которых следует, что российский дипломатический представитель в Константинополе Г.А. Строганов после поражения восстания 1821 г. пытался спасти жизнь и сохранить свободу А. Ипсиланти. Однако он, его братья и друзья по распоряжению Меттерниха были захвачены на австрийской территории и оказались в плену в Мукачевском замке, а затем в Терезиене.

В конце 1990-х годов Григорий Львович вернулся к теме «Александр Ипсиланти, Россия и Греция». Ему удалось издать

в Салониках, в соавторстве с греческим ученым К. Сволопулосом, неопубликованную переписку А. Ипсиланти, относящуюся к 1816–1828 гг.

Тема Греческой революции нашла отражение в коллективных трудах Института славяноведения и прежде всего в серии «Международные отношения на Балканах». Автором соответствующих разделов являлся Г.Л. Арш. Разумеется, они были написаны на основе прежних работ ученого. Однако жанр коллективного обобщающего труда, каковым являются «Международные отношения на Балканах», предполагает иную, чем в индивидуальных монографиях, форму подачи материала. Часто это нелегкая задача для исследователя, с которой Григорий Львович, безусловно, справился.

Если в более ранних своих трудах он досконально и глубоко изучил различные аспекты ее подготовки и начальный этап, то в «Международных отношениях на Балканах» представил Греческую революцию как часть Восточного кризиса 1820-х годов. Впервые в отечественной историографии Г.Л. Арш проанализировал события в Греции в 1823–1825 гг., когда Пелопоннес (Морея) стал ареной гражданской войны, и изучил отношение великих держав, прежде всего Англии и России, к Греческой революции. Григорий Львович высоко оценил важнейший документ этого периода — «Мемуар об умиротворении Греции» (январь 1824 г.), подготовленный в МИД России и являвшийся «первым конкретным предложением о новом политическом устройстве греческих земель»[21].

Анализируя внешнеполитический аспект «греческого вопроса» после 1830 г., Г.Л. Арш отмечает: «В отличие от Сербии и Дунайских княжеств, автономия которых была зафиксирована в двусторонних соглашениях между Российской и Османской империями, политический статус Греции был определен целым рядом международных соглашений с участием России, Англии, Франции и Порты»[22]. Автор подчеркивает, что независимость Греции, согласно Лондонскому протоколу от 3 февраля 1830 г., Порта признала, и в немалой степени это объяснялось согласием России в этом случае снизить сумму налагаемой на Турцию контрибуции после русско-турецкой войны 1828–1829 гг. на 1 млн дукатов[23].

В конце XX века и начале нынешнего столетия Григорий Львович был по-прежнему в «научном строю» и много работал над статьями и разделами по истории Греции в период вплоть до окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — для целого ряда обобщающих трудов. Но всё-таки его любимой темой оставалась история Греческой революции. Изучая и углубляя её, он находился в постоянном архивном поиске, открывая всё новые документы. Незадолго до своего 90-летнего юбилея Григорий Львович подготовил монографию «Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. Очерки» (М., 2013). Это в какой-то степени его итоговая книга. И хотя он обозначил очерковую форму изложения обширного фактического материала, но это не научно-популярный, а сугубо научный, фундаментальный, академический, в полном смысле этого слова, труд. А 12 глав книги — это 12 наиболее значимых проблем греческой истории указанного периода, по которым у Григория Львовича, как у исследователя, было что сказать. Примечательно то, что в этой монографии, помимо многочисленного, открытого в последние годы материала, присутствует немало глубоких авторских оценок, являющихся результатом размышлений автора по проблемам русско-греческих связей конца XVIII — первой трети XIX вв.

«Греческая революция 1821–1829 гг., — пишет Григорий Львович в этой книге, — была заключительным этапом большого общественно-политического движения — национального Возрождения, начавшегося во 2-й половине XVIII в. и охватившего все сферы греческой жизни: политику, экономику, культуру. Движение это самым тесным образом было связано с Россией, чьи духовные и политические отношения с Грецией со времен средневековья были весьма тесными». При этом автор подчеркивает, что при изучении ряда вопросов истории греческого национального Возрождения «можно было дать ответ только посредством привлечения материалов из различных архивов бывшего СССР и России»[24].

Примерно половина содержания этой монографии посвящена событиям XVIII столетия. Среди очерков, относящихся к веку XIX-му, хочется отметить прежде всего исторический

портрет Александра Ипсиланти. До сих пор его научная биография не написана. «Существующие биографии руководителя Филики Этерии, — отмечает Григорий Львович, — носят популярный характер и имеют существенные пробелы, особенно в части пребывания А. Ипсиланти в России и его взаимоотношений с русским правительством»[25]. Еще в 1859–1861 гг. греческий историк И. Филимон, участник Революции 1821–1829 гг., издал четырехтомный труд «Исторический очерк Греческой революции», в котором большое внимание уделил жизни и деятельности А. Ипсиланти. В нем было использовано и опубликовано много ценных документов из несохранившегося семейного архива Ипсиланти. В то же время, по словам Г.Л. Арша, изучение документов из российских архивов показывает наличие ряда неточностей в материалах, опубликованных И. Филимоном.

Одним из самых значительных событий в истории русско-греческих связей периода Революции 1821–1829 гг. была Наваринская битва 8(20) октября 1827 г., явившаяся важнейшей военной акцией (наряду с русско-турецкой войной 1828–1829 гг. и высадкой французского корпуса в Морее) в поддержку восставшей Греции. Григорий Львович, разумеется, не мог обойти вниманием эту тему и посвятил ей замечательный очерк «Русские моряки в Наваринском сражении». Автор считает эту битву не только одной из самых крупных в эпоху парусного флота, но и важной страницей истории международных отношений 20-х годов XIX в., в которых доминировал «греческий вопрос». Историография этого события весьма обширна, но Григорий Львович находит свой аспект — отношение русских моряков к Греции, к борьбе греков за освобождение. «…Каждому из нас хочется помогать грекам», и «…мы более всего мечтаем о Средиземном море. Это был бы верх счастья…»[26]. Эти слова молодого лейтенанта Александра Рыкачева, участника Наваринского сражения, приведенные Григорием Львовичем, прекрасно свидетельствуют о настроениях русских моряков того периода.

Важным вкладом в историографию является исследование Г.Л. Аршем военной и политической деятельности адмирала Петра Ивановича Рикорда в Греции в 1828–1833 гг. Этот аспект русско-греческих связей относится к числу практически не изученных.

На новых архивных материалах (из АВПРИ и РГА ВМФ) и опубликованных в XIX веке источниках из редких русских изданий автору удалось ликвидировать этот пробел. Так, впервые в историографии он изучил вопрос о 10-месячной блокаде эскадрой Рикорда в зимнее время Константинополя и Дарданелл, что способствовало успешному завершению борьбы греков за независимость. Григорий Львович привел немало фактов: о материальной помощи русских моряков грекам — беженцам с Крита и Самоса; о контактах П.И. Рикорда с И. Каподистрией и поддержке его против действий оппозиции; об акциях доблестного адмирала, направленных на прекращение междоусобиц в Греции и восстановление национального согласия.

И, разумеется, в «Очерках» Григорий Львович не мог обойти вниманием вопрос о своем любимом герое — И. Каподистрии, выбрав на этот раз в качестве предмета рассмотрения отношение к нему его русских современников: Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, И.И. Дмитриева, генерала А.П. Ермолова.

Ценным дополнением к этой монографии Г.Л. Арша является публикация в Приложении целого ряда важных, малоизвестных документов с комментариями, в том числе письма́ А. Ипсиланти Александру I от 24 февраля (8 марта) 1821 г. о его решении возглавить освободительное восстание греков.

В заключение следует отметить, что в трудах Григория Львовича по истории Греции и Греческой революции, если прочесть их друг за другом, начиная с первой книги «Тайное общество “Филики Этерия”», убедительно показано, как формировались демократические традиции греков, являющиеся ценнейшим достоянием этого народа и спустя 200 лет после начала Революции 1821–1829 гг., которая привела к созданию независимого Греческого государства. Ученый неоднократно подчеркивал в своих трудах: греки при турецком господстве считали себя не рабами, а военнопленными, всегда верили в свое освобождение и боролись за него.

Григорий Львович писал о героических страницах греческого национально-освободительного движения без дешевого пафоса и смешной патетики, сдержанно, опираясь только на факты, излагая событие за событием, как и положено в академических

трудах. Но у внимательного читателя складывается впечатление, что он читает увлекательный исторический роман с элементами детектива. И главное — автор какими-то собственными, «фирменными» приемами создает эффект присутствия в той далекой исторической эпохе: в горах и на море, в отряде арматолов, на паруснике Ламброса Кацониса, в петербургской гостиной Иоанна Каподистрии или в Одессе на тайном собрании этеристов. Да, и в эпоху тотальной интернетизации научного пространства никто и ничто не заменит талантливого ученого!

Примечания

[1] *Арш Г.Л.* Тайное общество «Филики Этерия». М., 1965. С. 124.

[2] *Арш Г.Л.* Историография «Филики Этерии» // Новая и новейшая история (далее — НиНИ.). 1964. № 3; *он же*. Новые данные об отношении царского правительства к «Филики Этерии» // Первый конгресс балканских исследований (София, 26 августа — 1 сентября 1966 г.). Сообщения советской делегации. М., 1966; *он же*. Деятельность «Филики Этерии» в России в период восстания Ипсиланти // НиНИ. 1969. № 2; *он же*. Русское правительство и «Филики Этерия» в 1820–1821 гг. // Etudes balkaniques. 1969. № 1 и др.

[3] *Арш Г.Л.* Этеристское движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М., 1970. С. 77.

[4] Там же. С. 56, 58.

[5] Там же. С. 76.

[6] Там же.

[7] Там же. С. 89.

[8] Там же. С. 21. См. также статьи*: Арш Г.Л.* К вопросу об идейном воздействии Великой французской революции на балканские народы (Неизвестный текст конституции и «Военного гимна» Ригаса Велестинлиса) // Французский ежегодник. 1963. М., 1964; *он же.* Великая французская революция и Греция (Политическая программа Ригаса Велестинлиса) // Европа в новое и новейшее время. Сб. памяти академика Н.М. Лукина. М., 1966; *он же*. Ригас Велестинлис — греческий революционер-демократ, борец против османского ига (Его практическая революционная деятельность) // Балканский исторический сборник. Вып. 1. Кишинев, 1968.

[9] *Арш Г.Л*. Этеристское движение в России. С. 347–348.

[10] См. рецензии на монографию «Этеристское движение в России…»: А.Л. Нарочницкого (НиНИ. 1971. № 1) и А.М. Станиславской (Вопросы истории (далее — ВИ.). 1971. № 9), а также: *Нарочницкий А.Л*. Греческое национально-освободительное движение и Россия (1801–1831) // Балканские исследования (далее — БИ.). Вып. 7. М., 1982. С. 119.

[11] Помимо монографии см. также: *Арш Г.Л*. Греческий ученый Д. Гобделас в России // БИ. Вып. 6. М., 1980; *он же.* Новогреческое просвещение и Россия (К постановке проблемы) // БИ. Вып. 9. М., 1984; *он же*. Греческое коммерческое училище Одессы в 1817–1830 гг. (Из истории новогреческого Просвещения) // БИ. Вып. 10. М., 1987.

[12] *Арш Г.Л.* Этеристское движение в России. С. 349.

[13] *Арш Г.Л.* Записка о нынешнем состоянии греков (1811 г.) И. Каподистрии // Славяно-балканские исследования. М., 1972; *он же*. Иоанис Каподистрия и началото на гръцката революция // Сто и петдесет години от гръцкото въстание 1821–1828. София, 1973; *он же*. Балканские горизонты и проекты И. Каподистрии накануне революции 1821 г. // III Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы. Доклады и сообщения советской делегации. М., 1974; *он же.* Иоанн Каподистрия в России // ВИ. 1976. № 5; *он же*. Иоанн Каподистрия и греческая национально-освободительная революция 1821 г. // НиНИ. 1976. № 3; *он же.* И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809–1822 гг. М., 1976; *он же.* И. Каподистрия о своем пребывании в Греции накануне революции 1821 г. // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986; *он же*. Иоанн Каподистрия в России.1809–1822. СПб., 2003 и др.

[14] *Арш Г.Л.* Иоанн Каподистрия в России. 1809–1822. СПб., 2003. С. 7.

[15] Там же. С. 11, 12.

[16] Там же. С. 33.

[17] Там же. С. 114.

[18] Там же. С. 186, 196–197.

[19] Там же. С. 225.

[20] *Арш Г.Л.* Тайный узник венского двора: Александр Ипсиланти в австрийских крепостях // НиНИ. 1987. № 2.

[21] Международные отношения на Балканах. 1815–1830 гг. М., 1983. С. 168.

[22] Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. М., 1990. С. 87.

[23] Там же.

[24] *Арш Г.Л.* Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. Очерки. М., 2013. С. 7, 9.

[25] Там же. С. 131.

[26] Там же. С. 179.

DOI 10.31168/7576-0478-7.5

Василий Борисович
КАШИРИН

«А называть можно их арнаутами»: к вопросу о появлении иррегулярных формирований из уроженцев Дунайско-Балканского региона в русской армии в начале войны с Турцией 1768–1774 гг.

История и историография национально-освободительной борьбы против османского владычества на Балканах в Новое время имеют одно любопытное диалектическое противоречие. Конкретные акты этой борьбы — восстания, повстанческая борьба, участие местного населения в войнах европейских государств против Турции — почти всегда имели сложный мультиэтнический и многонациональный характер (к слову, как и вооруженные силы Османской империи, Габсбургской монархии и России). В эту борьбу на разных ее этапах оказывались синхронно и в причудливых сочетаниях вовлечены представители самых разных этносов и конфессиональных групп, что было естественным следствием складывавшейся на протяжении тысячелетий пестроты населения самого Дунайско-Балканского региона. Едва ли хоть один из актов этой борьбы мог считаться этнически монолитным. Напротив, лагерь участников этой борьбы в большинстве случаев был гетерогенным в этническом, языковом, сословно-корпоративном и культурно-ценностном отношении, и внутри него, одновременно с важными внешними событиями вооружённого сопротивления османскому игу, протекали сложные и неоднозначные процессы взаимодействия между разными группами.

Тем не менее, национальные историографии государств региона практически с момента своего появления и вплоть до наших дней воспринимают и трактуют освободительную борьбу против османского владычества через призму органически присущего им этноцентризма и национализма. По сути, мы наблюдаем по-

пытки «национальной приватизации» ярких событий, достижений и действующих лиц этой борьбы. Психологическая и идеологическая подоплёка этого представляется достаточно понятной. С точки зрения местных балканских историографий, подобные трактовки служат целям доказательства зрелости и самостоятельности автохтонного национально-освободительного движения, его этнической монолитности, а также того, что именно это псевдогомогенное движение внесло решающий вклад в сокрушение османского господства на определенной территории и в будущее завоевание государственной независимости. В дальнейшем это используется для культивирования национальной военно-патриотической мифологии.

Подспудная и подчас наивная по методологии, но далеко не безобидная по своей природе историографическая борьба ведётся по вопросам этнической принадлежности и отдельных выдающих деятелей освободительного движения, и целых вооружённых сообществ и формирований. Примером первого может служить спор между болгарами и греками о том, кем был по национальности знаменитый Савва-Бинбаши (Савва Фокианос), видный соратник князя Александра Ипсиланти-младшего в 1821 г., а до того — командир арнаутов господаря Валахии. Это последнее обстоятельство примечательно и далеко не случайно, так как именно арнаутские отряды на службе в Дунайских княжествах, оттуда прямо перешедшие и в русскую армию, самым активным образом участвовали в различных драматических событиях национально-освободительной борьбы народов региона и при этом были ярким примером упомянутого выше сложного и причудливого сочетания разных этносов.

Начиная с Прутского похода царя Петра I и до крушения империи Романовых в 1917 г. Российское государство вело девять войн в Дунайско-Балканском регионе*, и в ходе каждой из них в составе русской армии действовали вооруженные подразделения из местных уроженцев. В 1711 г. это были союзные контингенты из молдавской и валашской легкой конницы Димитрия Кантемира

* Считая действия на Балканском, Добруджанском и Румынском фронтах Первой мировой войны, но не считая Средиземноморский поход Ф.Ф. Ушакова 1798–1800 гг. и российско-турецкую военную интервенцию в Дунайские княжества в 1848 г.

и Томы Кантакузино; в 1736–1739 гг. — волошские (молдавские) гусарские команды; в Крымскую войну 1853–1856 гг. — волонтерские отряды из греков и болгар, в Освободительную войну 1877–1878 гг. — знаменитое Болгарское ополчение; наконец, в Добруджанской экспедиции русской армии 1916 г. — Сербская добровольческая дивизия, укомплектованная военнопленными из габсбургских подданных.

Однако самые яркие и своеобразные страницы участия балканских уроженцев в русско-турецких войнах связаны с периодом от начала 1-й Екатерининской войны с Турцией 1768–1774 г. (военные действия были открыты в 1769 г.) до завершения войны 1828–1829 гг. На этот 60-летний период, по сути, на время активной жизни двух поколений, пришлось четыре полномасштабных военных конфликта между Россией и Турцией, результаты которых до неузнаваемости преобразили регион в политическом и демографическом отношении. В каждой из этих четырех войн в рядах русской армии действовали иррегулярные мультиэтничные формирования из арнаутов (волонтеров), укомплектованные представителями самых разных национальностей Дунайских княжеств и Балканского полуострова. Подобно казакам российской службы, они действовали в основном в качестве легкой конницы, в авангарде и зачастую в отрыве от главных сил армии, в боевом и походном охранении, занимались партизанскими и рейдовыми операциями, выполняли задачи войсковой и агентурной разведки, содействовали налаживанию взаимодействия регулярной русской армии с местным населением.

Эти арнаутские формирования были исключительно колоритны и по своему внешнему облику и манере поведения, и еще более — по своему этносоциальному составу. И потому они привлекали к себе внимание как современников, так и позднейших историков. Отдельные упоминания об этих формированиях русской армии встречаются в массе исторических исследований и опубликованных источников. Однако подробная и фундаментальная история их пока не написана. В частности, сравнительно малоизученным является начальный период существования арнаутов в русской армии — время Екатерининских войн с Турцией. Никто не занимался специально вопросом, когда и при каких

конкретно обстоятельствах впервые появились арнаутские формирования в действующей русской армии, каков был их состав в этническом и профессионально-корпоративном отношении, какая роль отводилась им в военных и иных планах командования.

Тем не менее, с арнаутами в русской армии той эпохи связан ряд исторических мифов или предвзятых трактовок. Так, молдавская историография еще с советских времён доказывала, что с начала русско-турецкой войны в княжестве Молдавия началось массовое и достаточно организованное движение местного населения, которое по собственному почину стало формировать добровольческие отряды для борьбы с турками. При этом называются явно завышенные цифры — 10–12 тыс. таких добровольцев. Румынская историография стремится доказать, что изгнание турок из Бухареста и с большей части территории Валахии в октябре-ноябре 1769 г. было прежде всего заслугой автохтонного повстанческого движения. Историки из Болгарии вообще демонстрируют достаточно наивные попытки доказать, что именно болгарский этнический элемент был преобладающим в арнаутских формированиях русской армии.

В действительности, ситуация была существенно сложнее, многограннее, в чем-то запутаннее, и реальные факты зачастую не вписываются в каноны националистических историографий. И ценные новые сведения об этом содержат документы командования русской действующей армии, в том числе неопубликованные, хранящиеся в фонде Военно-ученого архива в Российском государственном военно-историческом архиве (далее — РГВИА) и архива походной канцелярии генерала Х.Ф. фон Штофельна в Российском государственном архиве древних актов (далее — РГАДА).

Итак, откуда суть пошли арнауты в армии Российской империи? Со времён Петра I уроженцы Дунайско-Балканского региона служили в русской армии в легкой коннице, в гусарских полках. К началу русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в русской армии существовало три «старых» гусарских полка — Сербский, Венгерский и Грузинский, пять территориальных — Сумской, Ахтырский, Харьковский, Изюмский и Острогожский (бывшие слободские казачьи, преобразованы в 1765 г.), а также поселенные —

Жёлтый и Чёрный (по цвету обмундирования) гусарские полки в Новой Сербии и Бахмутский гусарский — в Славяносербии.

В начале первой кампании войны с Турцией в 1769 г. из перечисленных полков в состав главной русской 1-й армии, которая была предназначена для действий на Днестре и в Дунайских княжествах, изначально входили Сербский, Венгерский, Харьковский, Ахтырский и Острогожский гусарские полки. В кадровом и командном составе этих полков было представлено немалое число уроженцев Дунайско-Балканского региона, в подавляющем большинстве — российских подданных, проживающих в России. В частности, там служило значительное число этнических молдаван («волохов», как их тогда называли, — не путать с «валахами»). Многие из них, помимо родного молдавского, владели турецким языком, и поэтому ещё до войны использовались командованием в качестве лазутчиков в османских владениях. Именно эти гусары-молдаване сыграли видную роль в появлении арнаутов на русской службе.

Однако у руководства Российской империи не было никаких заблаговременных и продуманных планов по ведению войны против Турции и, в частности, по привлечению местного населения на свою сторону. У командования русской армии к началу войны не было никаких замыслов по формированию новых иррегулярных подразделений из жителей Балкан и Дунайских княжеств. Поэтому эти мероприятия во многом имели импровизационный и ситуативный характер и развивались под влиянием обстановки на театре военных действий и получаемой информации о действиях и намерениях противника.

Появление арнаутских отрядов в русской армии было неразрывно связано с теми военно-политическими процессами, которые происходили в XVIII столетии в Дунайских княжествах при установленном в них Портой режиме правления греков-фанариотов. В Османской империи турецкое слово «арнаут», или «арнавут» (тур. *arnavut*), традиционно служило этнонимом для обозначения албанцев вообще[1]. Представители воинственного и архаического по своему общественному строю албанского народа издревле играли особую роль в военных событиях на Балканах. Для Дунайских княжеств эпоха фанариотского господ-

ства в XVIII в. стала временем серьезной деградации местных вооруженных сил. Молдавия и Валахия при фанариотах были лишены сколько-нибудь значимых вооруженных формирований из коренного населения, а содержали лишь небольшие наемные отряды из чужестранцев, выполнявшие полицейские, курьерские и тому подобные функции. Такие наемники назывались «лефеджии» (рум. мн. ч. *lefegii*).

Регулярные упоминания об арнаутах на службе в Дунайских княжествах появляются с начала XVIII столетия. В течение неоднократных правлений в Молдавии и Валахии господаря Константина Маврокордата местная придворная гвардия была реорганизована, и ее место заняли отряды арнаутов. Как видно из названия, изначально службу в них несли этнические албанцы, выходцы не только из нынешней Албании, но из разных областей Балкан с албанским этническим и греческим языковым и культурным присутствием — из Эпира, Мореи, Македонии и т.д. Позднее арнаутские отряды в Княжествах стали укомплектовывать жившими там представителями разных этносов Балканского полуострова — албанцами, черногорцами, сербами, босняками, болгарами. В командном составе арнаутов, судя по известным именам начальников их отрядов, были широко представлены греки или эллинизированные албанцы (арваниты). Арнауты господарской стражи проживали непосредственно при дворце. Такие же наемники-арнауты служили в личной страже наиболее могущественных валашских и молдавских бояр. И достаточно скоро понятие «арнэут» (рум. *arnăut*) в Дунайских княжествах перестало быть этнонимом и превратилось в профессионально-корпоративное обозначение этих наемных солдат[2].

Отдельные отряды арнаутов назывались капитани́ями (рум. *căpitănie*), а их командиры в офицерском ранге — капитанами. В целом же структура и названия арнаутских подразделений и должностей были турецкими. Об этом позволяет судить проект положения об организации конного полка из мунтянских арнаутов на российской службе, составленный в 1772 г. По этому проекту, полк должен был подразделяться на пять «орт» (рот), а каждая орта — на пять «байраков» (взводов). Орта состояла из одного старшего и четырех младших прапорщиков (ротного и взводных

офицеров), пяти байрактаров и 10 чаушей (старших и младших унтер-офицеров) и 100 рядовых[3].

Точных данных о численности арнаутов в Молдавии и Валахии не так много. В мирное время арнаутская гвардия в каждом из Дунайских княжеств не превышала нескольких сотен человек. По свидетельству ученого-путешественника Руджера Иосипа Бошковича, уроженца Рагузы (Дубровника), в 1762 г. на службе у господаря Григория Каллимаки в Молдавии состояло 500 арнаутов[4]. В соседней Валахии при господаре Штефане Раковицэ-Чехане (1764–1765 гг.) в 17 жудецах Княжества насчитывалось в общей сложности 84 капитании с 2048 служилыми людьми, а в столичном Бухаресте — 21 капитания с 1381 служилым, причем в это число входил также и невоенный персонал[5].

Арнауты на службе в Молдавии и Валахии представляли собой войско конное и разнообразно вооруженное. По своим повадкам эти наемники были абсолютно недисциплинированны, жестоки и склонны к самому безудержному мародерству. По описаниям современников, воин арнаутских отрядов обыкновенно имел кремневое ружье, два-три пистолета, саблю, ятаган, кинжал или ханджар, боевой топорик или чекан. Они обыкновенно брили головы наголо, носили «польские шапки» и богато расшитые одежды в стиле западнобалканских горцев, близком к турецкому. Традиционным цветом облачения арнаутов в Княжествах был зеленый. Его носили арнауты молдавского господаря в начале XVIII в.[6], а по проекту положения 1772 г. арнаутов на российской службе также предполагалось обмундировать, следуя существующему образцу, в кафтан и шаровары зеленого сукна, в красные камзолы немецкого сукна, черные барашковые шапки и черные кушаки из каразеи (грубая шерстяная ткань)[7].

В условиях большой войны османские власти обыкновенно набирали в свое войско дополнительные контингенты арнаутов из балканских удальцов, как мусульман, так и христиан, и приказывали делать то же самое господарям Валахии и Молдавии. Зимой 1768/69 года Порта повелела Григорию Каллимаки навербовать из числа местных жителей и задунайских выходцев шеститысячный корпус арнаутов для усиления турецкой армии. Сведения об этом быстро поступили к русскому командованию,

информаторы которого поначалу называли это формирование «гусарами». Посланный князем А.А. Прозоровским на молдавскую границу лазутчик, нежинский грек Афанасий Софронов, докладывал 30 января 1769 г., что «в Яссах молдавской князь набирает гусаров, по указу Отоманской Порты велено набрать ему гусаров 6000, которых и набрано с молдавского народа по сие число до 1000 человек с определением кажому жалованья на месяц по 7ми левков, т.е. по 4 рубля по 20ти копеек»[8].

Получив донесение грека Софронова 2 февраля, князь Прозоровский отнесся к этой информации серьезно и решил действовать на упреждение, так как опасался, что формируемый неприятелем в Молдавии гусарский корпус может быть подчинен «хорошему командиру […] определенному от французского двора»[9]. И этот шеститысячный корпус превосходил бы всю легкую кавалерию русской армии, особенно если бы действовал совместно с массами татарской конницы. Поэтому Прозоровский докладывал главнокомандующему 1-й армией князю А.М. Голицыну о своем намерении: «Выбрав той же нации из наших старых и надежных гусар человека три или четыре и туда их отправлю, переодев в простое платье, если иначе невозможно, то б оне в те гусары служить пошли, а между тем чтоб уговаривали их, чтоб оне все сюды ко мне бежали, и которой придет, то от меня на руку червонной получить имеет»[10]. И там же Прозоровский, заглядывая вперед, предлагал в случае перехода на российскую сторону достаточного числа молдавских «гусаров» сформировать из них отдельные эскадроны, поскольку «во время военное оне лишние не будут, но после войны можно их реформировать»[11]. А об исполнении этого замысла он позже писал в своем журнале: «Почему я, выбрав из волохов двух гусар надежных и переодев их в простое платье, отправил в Яссы с тем, что естьли иначе не возможно, то бы, вступя в число сих намереваемых гусар службу, между тем уговаривали их всех сюда бежать с обнадеживанием, что всякой оттуда пришедший от меня на руку деньги получит. Сии посланные имели также повеление изобразить оным гусарам все то, что только пристойно и удобно будет к побуждению их к побегу»[12].

К началу войны 1768–1774 гг. кавалерия русской армии, как регулярная, так и иррегулярная, не только существенно уступала

турецкой по численности, но и испытывала перед той застарелую боязнь. По поводу конного боя на хотинской дороге 17 апреля 1769 г. Прозоровский вспоминал: «В сем деле видел я, какой страх остался от прошлой войны в войсках наших от конницы турецкой: насилу могли принудить гусар в сабли рубить»[13]. Значительная часть нерегулярных конных сил России — калмыки, запорожцы, малороссийские казаки, бóльшая часть донцов — была направлена в состав 2-й армии, предназначенной действовать против Крымского ханства. В этой ситуации в 1-й армии особенно сильно ощущалась нехватка подвижной легкой кавалерии, тем более что она была особо необходима и в Польше для преследования конфедератских отрядов. Для действий против турецко-татарских сил на Днестре русской легкой кавалерии оставалось совсем немного. По словам крупного дореволюционного военного историка А.Н. Петрова, «в легких войсках более всего и ощущался недостаток»[14].

В том числе и поэтому князь Прозоровский активно предлагал усилить легкую конницу приемом на службу выходцев из Молдавии и польской Правобережной Украины. К нему с начала военных действий являлись местные жители, желавшие служить в русской армии, и Прозоровский начал принимать их, в том числе и для того, чтобы предупредить вербовку их конфедератами. К началу февраля 1769 г. у Прозоровского было уже около трехсот таких «полских украинских казаков»[15]. Одновременно князь Прозоровский настаивал на приеме на службу в российские гусарские полки и молдавских выходцев, «как в числе наших гусаров довольно есть людей их нации»[16]. Это должно было подорвать усилия противника по формированию своих «гусарских» или «арнаутских» контингентов и одновременно усилить русскую легкую конницу.

12 февраля 1769 г. Совет при Высочайшем Дворе одобрил проект рескрипта князю А.М. Голицыну, которым ему повелевалось «принимать волохов и украинских польских казаков, употребляя их в казацкую службу с произвождением нужного пропитания и денежного жалованья против казачьего окладу, если же оных число умножится, то их содержать отделенным особо корпусом»[17]. Однако если Прозоровский предлагал зачи-

слять молдаван сразу в гусарские полки, то члены Совета сочли более целесообразным держать их и польских украинцев при иррегулярных войсках на казачьих основаниях и не включать их в армейские части. Впоследствии же предполагалось обеспечивать корпус из польских и молдавских добровольцев за счет контрибуций с нелояльного России населения Польши[18]. Вскоре на основании решения Совета был сформирован так называемый Вербованный казачий полк из польских казаков — фактически отдельная воинская часть «легионного» типа, укомплектованная иностранными подданными. По выражению А.Н. Петрова, полк этот предназначался «для разъездов и разорения деревень по Днестру»[19].

Инициатива князя А.А. Прозоровского по разложению неприятельских арнаутских формирований стала быстро приносить плоды. К русским передовым партиям на Днестре начали переходить мелкие группы и целые подразделения арнаутов со знаменами. Первый такой случай был отмечен уже 18 февраля 1769 г. под Могилёвом-Подольским. Прозоровский докладывал: «Я, взяв подполковника Бринка и один эскадрон гусар, поехал на ту сторону (Днестра. — *В. К.*) с полмили для примечания мест, где явились ко мне арнаутов конных булгар нашего закона девять человек, из которых один харунжей, и принесли с собой их знамя, которым я, яко первым дезертирам от турецкаго войска, дал десять червонных»[20]. В дальнейшем такие переходы продолжались: «На сих днях явилось так же несколько арнаутов из самого неприятельского войска. Я им дал всем по червонцу»[21]. Как и обещал командир русского авангарда, эти перебежчики находили вполне радушный прием.

Главнокомандующий 1-й армией князь А.М. Голицын в ордере Прозоровскому от 23 февраля полностью одобрил его действия и дал указание продолжать агитацию: «Извольте, Ваше сиятельство, выбрав из помянутых арнаутов одного или двух человек попроворнее и поумнее и дав им еще червонных по два-три назад отпустить с тем, чтобы они за обещаемое им дальное (дальнейшее. — *В. К.*) награждение старалися и других им подобных из неприятельских войск на побеги к нам уговаривать и склонять, рассказывая и толкая им, что все добровольно сюда

приходившие с такою ж, как и они сами милостию и благодеянием принимаемы будут»[22].

А 28 февраля Голицын докладывал императрице из Киева по этому же вопросу: «Князь Прозоровской мне репортует, что пришли к нему вновь три человека арнаутов христиан с желанием в нашу службу и с единогласным объявлением, что хотя прежде бывшие известии о наборе неприятелем в Валахии гусар неосновательны, но тем не меньше набирает господарь Волоской по салтанскому указу двенатцать тысяч человек арнаутов как христиан, так и магометан волных особыми корпусами, однако ж христиане конечно все к нам перейдут, сколь скоро сведают, что здесь их принимают ласково и в службу определяют. А как он, князь Прозоровской, и без того уже всевозможные способы и средства употребляет, сих и тому подобных людей к побегу в нашу сторону уговаривать, то и не сумневается получить их вскоре знатное число, тем наипаче, что во первых из посыланных от него за тем старых наших волоской нации гусар один уже к нему возвратился […] с наилутчею надеждою, […] а сверх того он, князь Прозоровской, и из самых к нам пришедших арнаутов одного в том же намерении с нарочно сочиненным увещевателным писмом к их офицерам в помянутые корпусы послал»[23].

В мае 1769 г., после первого отхода русской армии за Днестр, арнауты молдавской службы всё продолжали переходить на российскую сторону. 7 мая к находившемуся с конной партией в Покутье капитану М. Ангелову «явились служащие у волоского господаря капитанов три с тремя знамями и при них команды арнаутов шездесят пять человек со всем вооружением, в том числе два раненые по случаю пробираючись чрез турецкое войско к нашему войску»[24]. По этому же поводу в журнале Прозоровского было записано: «Они были самые те, которых шпион принял за гусар. Они подтвердили тогда, что тот слух был истинный, что от Порты повеление было собрать 6000 арнаутов, ибо они и сами были из числа тех, кои в сию службу вступили»[25]. Когда этот перешедший на русскую сторону отряд арнаутов прибыл в расположение Прозоровского, обнаружилась любопытная деталь: один из трех арнаутских капитанов, а также один рядовой арнаут оказались беглыми капралами российского поселенно-

го Черного гусарского полка из Елисаветградской провинции. В связи с этим Прозоровский испрашивал у главнокомандующего прощения для них[26]. И это служит лишним свидетельством того, насколько пестрым был состав арнаутских отрядов в Молдавии и какие беспокойные люди в них служили.

Молдавские источники, со своей стороны, подробнее рассказывают о подоплеке этих событий. В столичных Яссах стояли как арнауты-христиане, набранные под знамена господаря Григория Каллимаки, так и некоторое количество турецких войск. Буйная и неукротимая арнаутская вольница держалась вызывающе; османы же за века своего владычества не привыкли сносить подобное, и это сделало неизбежным столкновения, к вящей пользе российской стороны. Еще 16 сентября 1768 г. ехавший через Бендеры курьер из Константинополя прапорщик Фатеев лично наблюдал, что в тот день по неизвестной причине «между арнаутами и янчарами возмущение учинилось, и великая драка была, в которой с обоих сторон побито до 50, а ранено более ста человек»[27]. К весне 1769 г. трения обострились еще сильнее. По сообщению молдавской летописи Енаки Когэльничану, арнауты господарской службы расхаживали по улицам Ясс с разнообразным оружием (т.е. по своему обыкновению вооруженные до зубов). Это не понравилось туркам, которые попытались их разоружить. Произошла стычка, в которой один арнаут был застрелен. Желая пресечь беспорядки, турецкий паша приказал повесить еще двоих арнаутов. Тогда эти наемники втайне сговорились между собой перейти на сторону русских и целым конным отрядом двинулись из Ясс к реке Прут. Узнав об этом, турки выслали погоню, но арнауты спешились, дали бой и нанесли поражение преследователям, после чего благополучно исполнили свое намерение[28].

Энтузиастом переманивания арнаутов на русскую службу и организации их в отдельные подразделения неизменно оставался генерал-майор князь А.А. Прозоровский. 10 мая он докладывал главнокомандующему о перешедшем отряде арнаутов: «Оне заслуживают некотораго денежнаго награждения, то редовым хотя по червонному дать, а капитанам сколко приказать изволите, а щитая с прежними, я уже имею совсем конных и вооруженных до ста человек, так думал бы я, ваше сиятелство,

чтоб из них зделать роту или эскадрон и привесть их в верности службы Ея Императорскаго Величества к присяге, а лутче б еще было, если б им дать знамя, а притом хотя уж толко им провиант и фураж давать, а естли ваше сиятелство позволите полеваго гусара жалованье, в протчем им можно объявить, что когда их более соберетца, то тогда им и настоящее определение будет. […] А называть можно их арнаутами, а естли им иногда оное имя противно будет, потому что оне в турецком тож название имели, то не прикажете ли их назвать волонтерами»[29].

Генерал-аншеф князь А.М. Голицын по-прежнему одобрял все предложения Прозоровского по этому вопросу и «новопришедших арнаутов, которых теперь с прежними уже до ста человек, приказал до времяни умножения их числа содержать при наших легких войсках особым ескадроном на гусарском довольствии, выдав при том для большаго их приласкания и для поощрения других, рядовым по червонцу, а капитанам по десяти»[30]. В то время русское командование применительно к арнаутам вообще обыкновенно ориентировалось на штаты и уставы гусарских полков, которые отражали достаточно успешный опыт использования балканских уроженцев на русской службе.

В последующие дни приток на русскую сторону всё новых арнаутов не иссякал. 31 мая Прозоровский докладывал: «Получил я репорт от полковника Краснощокова, что чрез Снятин два капитана с двумя знаменами и тритцать редовых к нему пришли, и оные до прибытия моего в Баре находятца, которых я сходственно прежнего вашего сиятелства повелению к прежним присоединю и будут на том же основании»[31]. Фактически в это время, в мае — начале июня 1769 г., на сторону русских перешла значительная часть военных сил молдавского господаря Григория Каллимаки. Тот безуспешно пытался оправдаться перед великим визирем, который как раз тогда прибыл с главными силами к урочищу Рябая Могила на Пруте. Несомненно, переход молдавских арнаутов на сторону русских в мае 1769 г. послужил для турок весомым доказательством измены Григораки-воеводы. Уже 14 июня 1769 г. он был смещен с престола господаря Молдавии и арестован, а 28 августа (8 сентября) того же года казнен в Константинополе[32].

И с этого же времени, еще до решающих событий летней кампании 1769 г., в составе передового корпуса легких войск князя А.А. Прозоровского, наряду с донскими казачьими полками и Вербованным полком из польских казаков, оказалось целое подразделение из арнаутов прежней молдавской службы. По распоряжению командования арнаутский эскадрон оставался в команде капитана поселенного Желтого гусарского полка Моски Ангелова, «умеющаго турецкой язык», как было сказано о нем в одном документе[33]. Судя по имени, полку и лингвистическим навыкам, он был несомненным балканским выходцем. И очевидно, именно турецкий язык был наиболее универсальным средством общения с арнаутами. В большинстве своем те не владели русским языком, поэтому успешно командовать ими могли только офицеры с балканскими корнями, умеющие изъясняться по-турецки и, быть может, по-гречески и по-болгарски.

На российской службе арнауты сохраняли свою балканскую одежду и внешне были практически неотличимы от османской легкой конницы. В качестве опознавательного знака они носили перья на шапке или белую повязку на рукаве; кроме того, зримое различие составляла чалма, которую носили турки. Последним иногда удавалось довольно ловко использовать внешнее сходство для обмана местного населения и русских войск. К примеру, в августе 1769 г. в северной части Молдавии «как они за шапками своими носят перья так, как российские казаки и арнауты, то чрез то много людей и на полях половили»[34]. А несколько позже, в апреле 1770 г., во время боевых действий на реке Арджеш в Валахии, «неприятели употребили в сем случае обман, и, не завязав головы свои белыми завивалами, но обвив белыми платками свои руки, приняты были нашими двумя пикетами за своих арнаутов, и по сей оплошности напав на них в одно время, принудили их к ретираде, что при том ими убит один гусар и из казаков один ранен, и один же взят в полон»[35].

Этот совсем незначительный эпизод вызвал сильное недовольство главнокомандующего графа П.А. Румянцева. В своем ордере командующему русскими войсками в Дунайских княжествах генералу Х.Ф. фон Штофельну от 24 апреля 1770 г. он писал, что «сие приключение наводит весьма предосуждение тамош-

ним нашим командам, когда неприятель, так сказать, учит нас военной хитрости, к которой и мы не меньше имеем способов, однакож их не отведываем», и далее указывал, что «не неудачна бы могла быть употребляемая и от нас стратагема, чтоб отрядить несколько арноутов, дав им вид строю турецкого, которых турки ради знания их языка и всех обычаев конечно примут за свои команды, а сии в том их оплошность и могут обратить в крайней свой авантаж на истребление разъездов неприятельских, которые больше отважны, нежели усилены»[36]. То есть арнауты воспринимались русским командованием как воины, которые благодаря своему сходству и близости с турками были пригодны для исполнения особых поручений.

В начале летней кампании 1769 г. эскадрон арнаутов («или, по сему им ненавистному имени, ныне так названных волонтеров») действовал в составе команды майора Сербского гусарского полка Григория Гейкина (Гейкинга) при селе Велика-Костница на Днестре близ Сороки[37]. В подчинении Гейкина также находились три эскадрона вербованных казаков, несколько сотен донских казаков и небольшое число гусар. В ходе поиска партии майора Гейкина и нападения на турецкий лагерь при Черной долине на правом берегу Днестра, напротив Рыбницы, арнауты «особливую храбрость и усердие отменным образом доказали»[38]. Примечательны цитированные слова русского командования о том, что название «арнаут» было им «ненавистно». Очевидно, среди конкретно этих арнаутов было совсем мало или не было вовсе этнических албанцев, а преобладали греки, болгары и местное население — молдаване и валахи. Впрочем, в дальнейшем их всё равно постоянно продолжали называть «ненавистным» словом «арнауты», в том числе и в официальных документах русского командования.

В ходе второго, летнего наступления 1-й армии на Хотин арнаутский эскадрон всё время действовал в составе легкого корпуса Прозоровского, выдвинутого дальше в глубь Молдавии. Прозоровский пишет, что 4 июля 1769 г. он «капитана Ангелова со всеми арнаутами и тремя стами казаков приказал командировать за реку Прут к Батушанам, чтоб он, находясь с партией, переменял места, как то должно, а меж тем посылал бы как мож-

но близко патрули к Яссам и к стороне Дуная, а в случае нужды может ретироватца на Чернауцы»[39].

Прекрасно знавшие Молдавию арнауты постоянно находились в самом авангарде, участвовали в стычках с противником, совершали отчаянно храбрые разведки, как конные, так и в качестве тайных лазутчиков, поддерживали связь с пророссийски настроенными молдавскими боярами в Яссах (ряд представителей местной аристократии и духовенства прибыли к Голицыну и попытались заручиться его покровительством еще в ходе блокады Хотина в июле 1769 г.). При этом в Молдавии против турок действовали и самостоятельные отряды арнаутов, покинувших господарскую службу, но пока не присоединившихся к русской армии.

8 июля Прозоровский докладывал: «Посланные мои отставной гусарской вахмистр и Чернаго гусарскаго полку гусар в Ясах с писмом от меня к боярам были, из которых вахмистр ко мне возвратился от бояр с тем уверением, что провиянтов и фуражей есть доволное число и еще заготовлять будут, толко чтоб ваше сиятелство с армией туда придвинулись. […] Гусар же посланной остался с капитаном арнауцким, у котораго сто арнаутов, которой и писмо ко мне прислал, перевод со онаго при сем приобщаю, а оныя находятся на Сырете и бегущих отсюда турок много, сказывают, перебили. Я сего числа с тем же вахмистром повеление посылаю, чтоб вышесказанной капитан с капитаном Ангеловым соединился»[40].

В дальнейшем арнауты оставались незаменимы для поддержания связи с пророссийски настроенной частью боярства Молдавии и получения разведывательных данных. 10 июля капитан Моска Ангелов докладывал, что, двигаясь по ясской дороге, он прибыл в местечко Ботошаны и отправил оттуда на разведку дальше к Яссам отставного вахмистра Ивана Сакадотьева с донскими казаками, а также группу волонтеров под началом арнаутского капитана Гаврилы. Большинство капитанов арнаутских отрядов в русских документах именовались лишь по одному имени, без фамилий и прозвищ, что затрудняет выяснение подробностей о них. Но упомянутый капитан Гаврила был одним из самых выдающихся начальников арнаутов в ту войну, его многократно

упоминало русское командование, отмечая в том числе его блестящие качества воина-кавалериста[41]. Эта отправленная Ангеловым передовая партия, «подъехавши близ Яс, послали от себя одного арнаутскаго капитана Рудя, перебравшись в мужичье платье, которой и был в Ясах у самых панов волоских, где и застав тысяч до двух турков, да столко ж в окружности Ясов было, но из них болше в Ясах не осталось, как до пяти сот, и Караман паша раненой и визиря чоходар[42] со всею казною визирскою там находитца и капича баша[43], которой на место господаря волоскаго, и конфедерацкой весь обоз близ Яс в суконной фабрике, от Ясов в 7ми верстах, а до двух тысяч турков в окружности Ясов находятца, а протчие ушли, и так волоския паны онаго капитана Рудя тайным образом из Ясов отправили при своих двух верных людях к нам, где я с осталною командою находился, которыя волоския паны чрез своих людей весма просили, чтоб войска российскаго прислать хотя до двух тысяч, а и они с своими людьми помочь дадут, чтобы оных турков разбить и разогнать»[44]. Получив столь ценные данные разведки, Прозоровский задумал было совершить внезапное нападение на Яссы, чтобы завладеть господарской казной, и даже послал к Ангелову на подкрепление два эскадрона гусар и триста казаков[45]. Но затем дополнительная разведка показала, что в Яссах имелись обнесенный каменной стеной дворец господаря, еще один каменный монастырь, пригодный для обороны, а также несколько пушек. Это вынудило Прозоровского с сожалением отложить свой план[46].

Как и арнаутский капитан Гаврила, упомянутый капитан Рудь являлся примечательной фигурой. Это был Андронаки Рудь (Ругь, рум. *Andronachi Rudi / Rughi*), представитель старинной молдавской дворянской семьи. Его родовые вотчины, сёла Рудь, Слобозия Рудь и Самойловка, располагались в Сорокском цинуте, у самого Днестра[47]. В самом начале русско-турецкой войны Андронаки Рудь из своих людей сформировал отряд, с которым и начал действовать в Бричанском лесу, на севере будущей Бессарабии. Позднее, в мае 1770 г., капитан Рудь так докладывал генерал-майору И.М. Подгоричани: «Прошлого 1769 г. 3 марта месяца, когда услышал я приближение российской армии к турецким границам, то как в бывшие пред сим турецкие войны предки мои

в российской армии служили, так против устремившегося врага и я по самохотному желанию […] намерясь возобновить ту предков моих службу, собрал из поданства своего человек до пятидесяти военных людей»[48]. Несомненно, ядро этого отряда составляли коренные местные жители-молдаване, а не пришлые задунайские арнауты. Андронаки Рудь не только возглавлял свой отряд в действиях против турок, но и лично совершал смертельно опасные разведки в Яссах. Позднее, уже после войны, в 1777 г., братья Андронаки и Теодор Руди стали ктиторами известного в Молдавии Рудьского монастыря Св. Троицы.

Интересны и судьбы других арнаутских вожаков, в том числе и не из местных уроженцев. Так, еще 11 мая 1769 г. капитан арнаутов Фёдор Михайлов на допросе в Баре у князя Прозоровского показал следующее. Он был родом из «турецкого местечка Зачара» (т.е., очевидно, современного города Заечар в Восточной Сербии, на границе с Болгарией), около 10 лет назад поступил на службу арнаутом к правившему в Молдавии господарю Константину Раковице, через два года был повышен до капитана, а затем переведен на службу в Бухарест, в валашские владения того же господаря. После начала русско-турецкой войны Михайлов «по единоверию Российской империи» пожелал поступить на русскую службу, и тогда он «в тамошных местах разных наций людей навербовал 150 людей». Его отряд до времени скрывался в горах где-то на Буковине под Черновцами. А сам Фёдор Михайлов еще зимой 1768/69 года под видом купца выехал из Ясс в город Львов, явился там к подполковнику Венгерского гусарского полка Константину Бошняку и предложил свои услуги. Из-за перемены тамошних военачальников русской армии его просьба так и не была рассмотрена, и тогда спустя полгода Михайлов с пятнадцатью своими людьми явился к самому генералу Прозоровскому. Он вновь предложил свою службу и обещал привести из-за Днестра весь остальной отряд. При этом Михайлов заявлял, что он и его люди не хотят ни денежного жалованья, ни зачисления в гусарские полки и просят лишь снабжать их провиантом и фуражом и выдать бумагу о «вольности»[49]. Дальнейшую судьбу арнаутского капитана Фёдора Михайлова выяснить не удалось. Озвученные им условия должны были казаться русскому коман-

дованию довольно подозрительными, так как они легко позволили бы арнаутской вольнице свободно и беспрепятственно грабить на театре военных действий.

Согласно сводной табели личного состава 1-й армии, в середине сентября 1769 г. в ней числилось «арнаутов названных валунтирами» 3 капитана и 355 рядовых[50]. Это было сравнительно совсем небольшое число, которое отражало лишь тех арнаутов, которые переходили на русскую службу начиная с февраля 1769 г. и были официально занесены в списки. Кроме того, автономно или полуавтономно действовали и другие арнаутские отряды. К тому же эти данные относились к периоду до вступления корпуса генерала И.К. Эльмпта в Молдавию, после которого началось широкое формирование новых арнаутских отрядов.

Фактически, эти новые подразделения арнаутов были территориальными отрядами обороны местного населения, преимущественно титульного молдавского. В первую очередь они были предназначены для защиты линии реки Прут от ожидавшихся в холодное время года опустошительных набегов из татарского Буджака. Формирование этих отрядов было во многом вынужденной мерой со стороны русского командования в условиях малочисленности войск в Молдавии. По этому поводу временно командующий русскими войсками в Яссах бригадир С.М. Ржевский докладывал: «По малости лехкаго войска, здесь обретающагося, набрано арнаутов и волонтеров с их капитанами до тысячи пятисот человек. Войско сие такого состояния, что никакой твердой надежды на них положить невозможно не от недостатку их к службе охоты, но оттого, что набираемы оные люди были волными капитанами без разбору добраго человека и дурнаго, и для того метались по болшой части такия волонтеры, которые или от долгов партикулярных или от поборов земских чрез то себя избавить думали. Следователно болшая часть из них есть худоконные с недостаточным оружием, а и иные и в нужной самой одежде».

Еще один источник притока арнаутов-волонтеров на русскую службу возник в связи с начавшимся в октябре 1769 г. антиосманским восстанием в княжестве Валахия, фактическим руководителем и координатором которого стал командир русского отряда подполковник Назар Александрович Каразин. В эти арнаутские

формирования вошло небольшое число прибывших с Каразиным из Молдавии арнаутов и местных добровольцев, валашские повстанцы, в том числе из трансильванских переселенцев, а также арнауты, дезертировавшие прямо со службы господаря Валахии Григория III Гики (к примеру, отряд числом около сотни человек под началом капитана Георгия Згурали). По составленной Каразиным в конце ноября 1769 г. «Ведомости о состоянии волоского княжения арнауцких команд» в общей сложности в его подчинении в княжестве Валахия находилось 4433 волонтера (или арнаута; для Каразина эти понятия были тождественны)[51]. Кроме того, несколько сотен человек оставались на границе с Молдавией в Фокшанах. Значительная часть их действовала автономно и лишь формально подчинялась командованию русской армии. Тем не менее, эти отряды сыграли значительную роль в событиях зимней кампании 1769-1770 гг. в Дунайских княжествах во время отражения двух наступлений османской армии, а затем в ходе военных действий корпуса русских войск генерала Х.Ф. фон Штофельна.

Фундаментальной проблемой, связанной с арнаутскими подразделениями на русской службе, была их крайне низкая дисциплина и склонность к мародерству. Армейское командование было вынуждено угрожать суровыми репрессиями. К примеру, 16 января 1770 г. главнокомандующий 1-й армией граф П.А. Румянцев требовал от генерала Х.Ф. фон Штофельна применять жёсткие меры для наведения порядка: «Приметить я должен вам те жалобы, что от Волоского, равно и Молдавского княжеств приносятся на тамошних арноутов, что они без пощады грабят и разоряют всех жителей. Я уже до сего подтверждал, чтоб командирам над ними строгую повелеть иметь дисциплину, а и теперь принужден прибавить, чтоб ваше превосходительство рекомендовали г. Замятину (генерал-майор А.Г.Замятнин/Замятин, командующий передовым отрядом русских войск в Бухаресте. — *В. К.*) против тамошних волонтеров, на коих наибольше идет жалобы, приняться уже за крайности, то есть унимать их от грабежей и насилия телесным наказанием, ежели они страхом токмо казни воздержаны быть не могут, чем самым и в Молдавии народныя обиды предохраните»[52].

В целом, несмотря на все сложности с неоднородностью состава арнаутских формирований, объективно невысокие боевые качества в тот период значительной части их, а также проблемы с дисциплиной, к началу кампании 1770 г. командование русской армии располагало в обоих Дунайских княжествах отрядами арнаутов суммарной численностью в несколько тысяч человек. В дальнейшем они с успехом использовались в ходе боевых действий с турками всех следующих кампаний войны, в том числе и на правом берегу Дуная в 1773 и 1774 гг.

Изложенное в этом исследовании позволяет сделать несколько общих выводов. Ко времени начала русско-турецкой войны Российская империя уже обладала небезуспешным опытом привлечения на военную службу уроженцев Дунайско-Балканского региона. Однако никаких конкретных планов по формированию добровольческих подразделений из местных уроженцев ни петербургский кабинет, ни командование 1-й армии не имели. Первые попытки в этом направлении имели характер импровизации. Решающую роль в этом сыграл командующий передовым корпусом генерал-майор князь А.А. Прозоровский, будущий генерал-фельдмаршал и признанный авторитет в вопросах командования легкими войсками. Именно он на месте проявил решающую инициативу по переманиванию арнаутов на сторону русской армии, что имело характер, говоря современным языком, разведывательно-пропагандистской и подрывной операции.

Ядро первых арнаутских эскадронов в составе русской армии составили арнауты, дезертировавшие со службы господаря Молдавии Григория Каллимаки. Среди них было немало этнических болгар, но говорить об исключительно болгарском характере этого формирования нет оснований. В этническом отношении эти подразделения имели самый пестрый состав, и в дальнейшем русское командование и не пыталось этого менять. Вопрос о наименовании этих отрядов также решался русским командованием в текущем порядке. Рассматривались варианты названий «арнауты» и «волонтёры», однако в итоге никакого формального выбора так и не было сделано. И в повседневном обиходе, и в официальных документах русской армии понятия «арнауты» и «волонтеры» были полностью синонимичны и тождественны. Иными словами,

никакой этнической привязки эти понятия в тот период не имели, и неправомерно утверждать, что «арнауты» были этническими болгарами, а «волонтеры» — местными молдаванами и валахами. Лишь в отдельных конкретных случаях, когда надо было обособлять иррегулярные подразделения собственно русской армии (в которых служили представители всех народностей Дунайско-Балканского региона) и местные добровольческие отряды самообороны, использовались оба эти понятия одновременно, причем, термин «волонтеры» относился к местным уроженцам. Отметим, между прочим, что именно с тех пор понятие «волонтер» в форме «волонтир» (рум. *volontir*) прочно вошло в речевой обиход жителей Молдавии и даже укоренилось там в качестве фамильного имени. Вероятно, самый известный его обладатель — советский и молдавский актер театра и кино, народный артист СССР Михай Ермолаевич Волонтир (1934–2015).

В целом же, формирование арнаутских подразделений и началось, и продолжалось как во многом стихийная практика. Несмотря на все недостатки данного вида местных иррегулярных формирований, практическая военная польза от них явно превышала все издержки. Именно это предопределило то, что и в течение трех следующих войн с Турцией русское командование, опираясь на полученный опыт, раз за разом прибегало к образованию иррегулярных добровольческих формирований из жителей Дунайских княжеств и задунайских выходцев. Дальнейшее подробное исследование действий арнаутских и волонтерских формирований русской армии в ходе русско-турецких войн по документам российских архивов и иным источникам обещает приносить всё новые ценные выводы об особенностях военной политики России в отношении различных этнических и социальных групп Дунайско-Балканского региона и о взаимодействии их с русским командованием и регулярными войсками в условиях военного времени.

Примечания

[1] Это слово происходило от искаженного греческого «арванитис», «арбанитис» (греч. *Αρβανίτες*), которое служило для обозначения исповедующих православие албанцев, близко смешавшихся с греками в Эпире и других соседних областях Балкан.

[2] Об арнаутских формированиях на службе в Дунайских княжествах подробнее см.: *Neagoe C.* Arnăuții în oștile Moldovei și Țării Românești (secolul al XVIII-lea și începutul secolului al XIX-lea) // Muzeului Județean Argeș. Argesis — Studii și comunicări. Seria istorie. Tom XIV, 2005. P. 423–433; *Idem.* Arnăuții în Țările Române (secolele XVIII–XIX). București, 2010.

[3] См.: Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1938. Л. 295 об. – 297 об. Р.-В.И. фон Эссен — П.А. Румянцеву. Рапорт и приложение — проект «Положения» о полке из мунтянских волонтиров. 28 ноября 1772 г.

[4] См.: *Boscovich R.G.* Jurnalul călătoriei de la Constantinopol in Polonia // Călători straini despre Țările Romane. Vol. IX. București, 1997. P. 488.

[5] См.: *Neagoe C.* Arnăuții în Țările Române (secolele XVIII–XIX). Bucureşti, 2010. P. 16.

[6] Ibidem.

[7] См.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1938. Л. 295 об. – 297 об. Р.-В.И. фон Эссен — П.А. Румянцеву. 28 ноября 1772 г. Рапорт и приложение — проект «Положения» о полке из мунтянских волонтиров.

[8] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1845. Л. 261–261 об. Копия с репорта грека Сафронова к князю Прозоровскому, в 30^{е} генваря 1769 г. поданного.

[9] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1825. Л. 253–258 об. А.А. Прозоровский — А.М. Голицыну. Рапорт. 11 февраля 1769 г.

[10] Там же. Л. 201–202 об. А.А. Прозоровский — А.М. Голицыну. Рапорт. [Начало февраля 1769 г.]

[11] Там же.

[12] Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского (1756–1776). М., 2003. С. 199.

[13] Там же. С. 234.

[14] *Петров А.Н.* Война России с Турцией и польскими конфедератами. С 1769–1774 год / Сост., преимущественно из неизвестных по сие время рукописных материалов, Генерального штаба капитаном А. Петровым. Т. 1. Год 1769. СПб., 1866. С. 139.

[15] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1845. Л. 266–267 об. А.М. Голицын — императрице Екатерине II. Реляция. 12 февраля 1769 г. № 15. Из Киева. По словам же Прозоровского, их было около 400, и он рассчитывал довести их численность до 500 человек. На решимость польских украинцев записываться в русскую армию немало повлиял и опустошительный татарский набег, только что прошедший по их землям. См.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1825. Л. 253–258 об. А.А. Прозоровский — А.М. Голицыну. Рапорт. 11 февраля 1769 г.

[16] Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. С. 206.

[17] Архив Государственного совета. Т. 1. Совет в царствование императрицы Екатерины II-й (1768–1796 гг.). СПб., 1869. Стлб. 19. О том же см.: Екатерина II — П.А. Румянцеву. Рескрипт. 13 февраля 1769 г. // Сборник Русского исторического общества. Т. 87. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть пятая. 1768–1769 гг. СПб., 1893. С. 332.

[18] См.: Архив Государственного Совета. Т. 1. Стлб. 19.

[19] *Петров А.Н.* Война России с Турцией и польскими конфедератами. Т. 1. С. 139.

[20] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1825. Л. 289–291. А.А. Прозоровский — А.М. Голицыну. Рапорт. 11 февраля 1769 г. Из Могилёва-Подольского; о том же см.: Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. С. 210.

[21] Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. С. 211.

[22] Там же. С. 211–212.

[23] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1845. Л. 298–299 об. А.М. Голицын — императрице Екатерине II. Реляция. 28 февраля 1769 г. № 22. Из Киева; донесение Прозоровского об этом см.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1825. Л. 293–299. А.А. Прозоровский — А.М. Голицыну. Рапорт. 21 февраля 1769 г. Из Бара.

[24] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1825. Л. 541. Подполковник Желтого гусарского полка И. Хорват — А.А. Прозоровскому. Рапорт. 9 мая 1769 г. Об этом же см.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1845. Л. 363–364 об. А.М. Голицын — императрице Екатерине II. Реляция. 14 мая 1769 г. № 22. В лагере при Деражне. Сообщение было почти дословно воспроизведено и в Журнале военных действий, с тем лишь уточнением, что эти арнауты были христианами. См.: Журнал военных действий армий Ея Императорского Величества 1769 года. СПб., [1770] (далее — ЖВД 1769). С. 20–21.

[25] Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. С. 247.

[26] См.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1825. Л. 553. А.А. Прозоровский — А.М. Голицыну. Рапорт. 15 мая 1769 г. Из Бара.

[27] Ф.М. Воейков — императрице Екатерине II. Всеподданнейшая реляция. 4 октября 1768 г. № 63 // Реляции киевского генерал-губернатора за 1768 и 1769 гг. / Сообщил А.А. Андриевский. Киев, 1892 (оттиск из VII-й книги «Чтения в Историческом Обществе Нестора Летописца»). С. 35–36. Правда, из данного сообщения не вполне ясно, имелись ли в виду «арнауты» как балканские наемники, или «арнауты» как этноним албанцев. К примеру, по описанию Ф. де Тотта, в зимнем нашествии Крым-Гирея на Елисаветградскую провинцию принимал участие многочисленный отряд турецких сипахов из грекоязычных албанцев с Западных Балкан.

[28] [*Kogălniceanu E.*]. Leatopisețul Țerei Moldovei de la domniea întêiŭ și pânĕ la a patra domnie a luĭ Constantinŭ Mavrocordatŭ V.V. Scrisŭ in Țarigradŭ de Enaki Kogălniceanu, biv vătaf de aprozi (1733–1744) // Cronicele României séu Letopisețele Moldaviei și Valahiei / Ed. II revedută, îndestrată cu note, biografii și facsimile, cuprindendu mai multe cronice nepublicate încă; și, ca adaosu: Tablele istorice ale Romăniei de la 1766 pâna la 11 februarie 1866, de Mihail Kogălniceanu. Tomu 3. București, 1874. P. 261–262.

[29] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1825. Л. 539–539 об. А.А. Прозоровский — А.М. Голицыну. Рапорт. 10 мая 1769 г. Из Бара; это же донесение Прозоровский почти дословно воспроизвел в своем журнале: Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. С. 247–248.

[30] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1845. Л. 363–364 об. А.М. Голицын — императрице Екатерине II. Реляция. 14 мая 1769 г. № 22. О том же см.: ЖВД 1769. С. 20–21.

[31] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1825. Л. 596–599. А.А. Прозоровский — А.М. Голицыну. Рапорт. 31 мая 1769 г.; о том же см.: ЖВД 1769. С. 25.

[32] См.: Documente privitoare la Istoria Românilor. Urmare la colecțiunea lui Eudoxiu de Hurmuzaki. Suplement I. Vol. I. 1518–1780. Bucuresci, 1886. P. 788.

[33] См.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1853. Ч. 2. Л. 538–549. П.П. Веселицкий — Е.А. Щербинину. Копия письма. [Осень 1770 г.]

[34] Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. С. 306.

[35] Журнал военных действий армий Ея Императорского Величества 1770 года. СПб., [1771] (далее — ЖВД 1770). С. 31–32.

[36] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1866. Л. 217–218. П.А. Румянцев — Х.Ф. фон Штофельну. Ордер. 24 апреля 1770 г. (по журналу исходящих бумаг П.А. Румянцева). О том же см.: ЖВД 1770. С. 31–32.

[37] См.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1845. Л. 417–419 об. А.М. Голицын — императрице Екатерине II. Реляция. 3 июня 1769 г. Из лагеря при Деражня. О том же см.: ЖВД 1769. С. 24.

[38] Там же; ЖВД 1769. С. 25.

[39] Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. С. 286.

[40] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1825. Л. 686–687. А.А. Прозоровский — А.М. Голицыну. Рапорт. 8 июля 1769 г.; о том же см.: Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. С. 287; ЖВД 1769. С. 51.

[41] В рапорте о сражении под Галацем 5 ноября 1769 г. подполковник Ф.И. Фабрициан писал: «Еще ж вашему сиятелству отдаю во особливую милость арнауцкаго капитана Гаврилу, которой изо всех как арнаутов, так и казаков показал себя, и он толко один, которой выезжал с отменною храбростию против неприятеля» (Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 5375. Л. 2–5 об. Ф.И. Фабрициан — А.А. Прозоровскому. Рапорт. 6 ноября 1769 г. Из Галаца).

[42] *Чоходáр, чуходáр* (тур. *çuhodar*, рум. *ciohodar*) — в Османской империи и Дунайских княжествах должность придворного служителя. — *Примеч. В.К.*

[43] Так в документе. Имеется в виду должность *капыджи-башú* (тур. *kapıcı başı*) — в Османской империи начальник службы дворцовых привратников, ответственный за охрану ворот, а также церемониймейстер. — *Примеч. В.К.*

[44] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1825. Л. 688–688 об. М. Ангелов — И.Ф. Бринку. Рапорт. 10 июля 1769 г.; о том же см.: Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. С. 288; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1845. Л. 474–475. А.М. Голицын — императрице Екатерине II. Реляция. 13 июля 1769 г.

[45] См.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1825. Л. 693. А.А. Прозоровский — А.М. Голицыну. Рапорт. 12 июля 1769 г.

[46] Там же. Л. 697. А.А. Прозоровский — А.М. Голицыну. Рапорт. 12 июля 1769 г.

[47] О тех местах и семье Рудь см.: *Bulat N.* Pogorâre la Rughi. Soroca, 2020.

[48] Цит. по: *Котенко И.А.* Из истории освободительного движения в Молдавии в период русско-турецкой войны 1768−1774 гг. // Ученые записки Тираспольского государственного педагогического института им. Т.Г. Шевченко. Вып. 3. Кишинев, 1957. С. 26.

[49] См.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1825. Л. 734–735 об. Копия показаний арнаута Фёдора Михайлова. 11 мая 1769 г.

[50] См.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1832. Л. 42–46 об. А.М. Голицын. Табель о первой армии войск Ея Императорскаго Величества, под командою моей состоящей. [Сентябрь 1769 г.]

[51] См.: РГАДА. Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 5479. Л. 2–3 об. Ведомость о состоянии волоского княжения арнауцких команд кто в них начальник и где с коликим числом арнаут находятца. Ноябрь 1769 г. (Приложение к рапорту Н.А. Каразина от 8 декабря 1769 г.).

[52] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1866. Л. 154–155. П.А. Румянцев — Х.Ф. фон Штофельну. Ордер. 16 января 1770 г. Из Летичева (по журналу исходящих бумаг Румянцева).

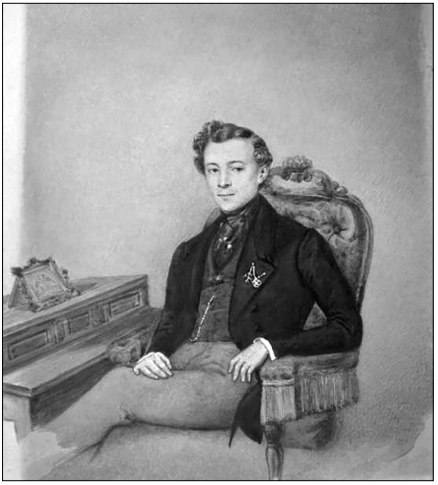
DOI 10.31168/7576-0478-7.6

Ирина Михайловна
ЗАХАРОВА

Дворянская грамота Николаю Алфераки в собрании Эрмитажа. К истории рода Алфераки

Тематика, касающаяся русских греков, расселения и деятельности греческой диаспоры в России, истории и генеалогии отдельных греческих родов и достижений греков на российской службе, хорошо исследована отечественной историографией[1]. Однако возможность добавить к этим уже изученным сюжетам новые факты, ранее не попадавшие в поле зрения историков, всё же существует, прежде всего, за счет введения в научный оборот новых источников.

В собрании Государственного Эрмитажа хранится грамота о возведении в дворянское достоинство, с пожалованием герба российского подданного, грека по происхождению Николая Дмитриевича Алфераки (1815–1860)[2]. Эта грамота, помимо того, что является интересным памятником дипломатики, палеографии и сфрагистики, может служить источником дополнительных сведений о биографии Н.Д. Алфераки, позволяет приоткрыть завесу над историей рода Алфераки и его нахождением на российской службе, а также опосредованно пролить свет на историю русско-греческих отношений последней трети XVIII–XIX вв.



Портрет Н.Д. Алфераки
(Неизвестный художник. 1840-е гг.)

Грамота, данная Александром II действительному статскому советнику Н.Д. Алфераки 1 июля 1860 г., состоит из шести листов, обрамленных акварельной орнаментальной рамкой. На первом листе — герб Российской империи и гербы губерний, также в рамке. На последнем листе — автограф императора Александра II. Грамота заключена в темно-зеленый бархатный переплет на белой шелковой подкладке. На переплете с лицевой стороны — шитый золотом вензель Александра II с короной над ним в богатой, шитой золотом раме из дубовых листьев с желудями. На оборотной стороне переплета — герб Российской империи, шитый золотом и шелком с эмалевым на серебре щитком с изображением Георгия Победоносца на груди орла и восемью эмалевыми на серебре щитками — гербами на крыльях орла. Герб обрамлен богатой рамкой из дубовых листьев и желудей, шитой золотом. Грамота с вислой печатью из красного сургуча в кустодии* с крышкой с изображением герба России. Кустодия серебря-

Дворянская грамота Н.Д. Алфераки
(ЭРДр-1774. 1860 г.)

* Кустодия или ковчег — круглая металлическая (серебряная или медная) золоченая коробочка с государственным гербом на крышке. В кустодию вкладывалась вислая сургучная печать.

ная золоченая, на шитом золотом шнуре с двумя кистями. Грамота хотя и экспонировалась в 1997 г. на выставке в Государственном Эрмитаже, посвященной 500-летию Российского герба[3], но никогда не публиковалась и в научный оборот не введена.

Инициатором появления этой грамоты явился Н.Д. Алфераки — сын от второго брака основателя российской ветви рода Алфераки, — Дмитрия Ильича Алефереоса, который прибыл в Россию из Мистры* и с 1769 г. служил на флоте, участвовал во многих сражениях русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в Архипелаге, проявил личную доблесть, а в 1784 г. был по болезни отставлен от службы с чином секунд-майора, на который ему был выдан патент[4]. В том же году Дмитрий Алфераки ездил в Санкт-Петербург представляться императрице Екатерине II. Тогда же ему было пожаловано 6500 десятин земли при впадении р. Миус в Азовское море, где он основал усадьбу Лакедемоновка, поступил на гражданскую службу и занялся благотворительностью. В 1791 г. он был причислен к дворянству Екатеринославской губернии. В 1800–1809 гг. Алфераки занимал должность Ростовского уездного предводителя дворянства[5]. Он был женат два раза, вторым браком — на Марии Федоровне Депальдо, принадлежавшей к венецианскому дворянскому роду. Во втором браке родились сыновья Ахиллес, Дмитрий и Николай и дочь Александра[6].

Николай, как и другие дети Дмитрия Алфераки, получил прекрасное образование. Окончив Московский университетский благородный пансион, где он сдружился с будущим военным министром России графом Д.А. Милютиным, Николай Алфераки поступил в Московский университет, из которого перевелся в Харьковский. По окончании в 1832 или в 1833 гг.[7] Харьковского университета со степенью кандидата юридического факультета Н.Д. Алфераки в 1836 г. поступил на службу в военно-походную канцелярию его императорского величества в чине коллежского секретаря[8]. В том же году за усердную службу он был всемилостивейше пожалован перстнем[9]. В конце 1830-х — начале 1840-х

---

* Мистра, или Мистра́с, — город, расположенный на горе Тайгет, недалеко от древней Спарты. Его жители поддержали восстание, организованное А.Г. Орловым в 1770 г. Впоследствии город был разграблен турками и разрушен. В 1989 г. его руины (крепость, дворец, монастыри и церкви) были объявлены объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО и частично восстановлены.

годов Алфераки принимал участие в ревизии делопроизводства департаментов военного министерства, в составлении военных законов, служил помощником управляющего делами Комитета по устройству Закавказского края. К моменту выхода в отставку в 1843 г. в чине коллежского советника являлся кавалером орденов Св. Анны 3-й степени, Св. Владимира 4-й степени, Св. Станислава 2-й степени[10]. Будучи человеком обаятельным, с прекрасным характером и благородными манерами, Алфераки находился в хороших отношениях с сослуживцами, что подтверждается их по-дружески теплой перепиской. Так, тон письма от производителя дел военно-походной канцелярии и чиновника особых поручений VI класса при военном министре А.П. Суковкина, с которым Н.Д. Алфераки прослужил несколько лет, свидетельствует о дружеских отношениях, осведомленности о семейных делах друг друга и возможности рассчитывать на взаимную помощь[11].

В 1844 г. Алфераки вновь поступил на службу — в Почтовый департамент с откомандированием в Харьковскую губернскую почтовую контору, так как здоровье его супруги требовало нахождения на юге. В департаменте он прослужил до 1848 г., был уволен по прошению, будучи аттестованным «способным и достойным»[12]. В 1854 г., вернувшись на службу, Алфераки решил сосредоточиться на благотворительной деятельности, став почетным членом Санкт-Петербургского совета детских приютов[13], что при условии ежегодных взносов в пользу Совета в размере 300 рублей давало право на получение чина VI класса и производство в чины до статского советника включительно. В 1856 г. он был произведен в статские советники и назначен чиновником особых поручений V класса при Главном попечительстве Императорского человеколюбивого общества. В марте 1860 г. был произведен в чин действительного статского советника[14]. Таким образом, Алфераки сумел сделать неплохую карьеру на государственной службе, дослужившись до высокого чина и регулярно получая за службу российские и иностранные ордена.

Помимо успешной государственной службы, Николай преуспевал и на коммерческом поприще. Унаследовав от матери огромное состояние Депальдо и часть родовых капиталов Алфераки, он укрепил свои экономические позиции, женившись

на дочери богатейшего харьковского купца и коммерции советника К.Н. Кузина — Любови Кузьминичне и получив за ней солидное приданое. Сфера коммерческих интересов Николая Алфераки была чрезвычайно широкой: управление делом своего умершего тестя, которое включало винные откупа, паи в золотодобывающих компаниях, строительство пароходов, торговлю, а также собственные торговые предприятия (более 20 магазинов и бондарен в Таганроге[15]). Огромны были и капиталы, которыми ему приходилось управлять. Однако Николай Дмитриевич не ограничивался руководством семейными предприятиями и рассматривал возможности участия в новых торговых компаниях. В 1856 г. он наводил справки о состоявшем под покровительством Александра II «Русском Обществе пароходства и торговли»[16]. Известные предприниматели того времени приглашали его вступить в число акционеров новых коммерческих предприятий. Так, один из учредителей созданного в 1857 г. «Акционерного общества для приготовления продовольственных и разных животных веществ, а также торговли ими»[17] Д.Е. Бенардаки предложил ему приобрести акции Общества, несмотря на то, что они были «все разобраны»[18].

Помимо бизнеса Николай Дмитриевич занимался благотворительностью, финансируя Харьковский театр, помогая нуждающимся артистам[19], поддерживая Императорское человеколюбивое общество и жертвуя крупные суммы на детские приюты, за что был удостоен благодарности от императрицы Марии Александровны[20]. Будучи человеком блестяще образованным и утонченным, Алфераки окружил себя в быту красивыми и дорогими вещами, был ценителем произведений искусства, сам занимался писательской деятельностью* и рисовал, собирал библиотеку, коллекционировал оружие, трости, чубуки, картины русских и зарубежных художников. В его коллекции находились работы кисти Рубенса, Рембрандта, Буше, Веронезе, Снайдерса, Веласкеса, Айвазовского, Брюллова, Орловского, Матвеева[21]. К.П. Брюллов,

* Н.Д. Алфераки упоминается в дореволюционных источниках как писатель. См. напр.: *Венгеров С.А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). СПб., Т. 1. Вып. 1–3. Аарон–Куликов. Пг., 1915. С. 15. Однако литературные труды Н.Д. Алфераки пока обнаружить не удалось.

с которым Алфераки состоял в дружеских отношениях, написал портрет самого Николая Дмитриевича, который висел в кабинете его супруги Любови Кузьминичны в харьковском доме[22].

Имея несколько домов в Таганроге и Харькове, проживая в Санкт-Петербурге в доме князя П.А. Урусова[23], он, по примеру знатного и титулованного российского дворянства, построил в 1848 г. для своей семьи, по проекту архитектора А.И. Штакеншнейдера, роскошный дворец в Таганроге[24], в котором останавливался наследник цесаревич Николай Александрович во время своего путешествия по России в 1863 г.[25] и о котором современники оставили восторженные отзывы[26]. Казалось бы, столь успешному человеку нечего более и желать и уж тем более не о чем беспокоиться.

Однако всё же причина для волнений у Николая Алфераки была, а именно — его положение сына греческого эмигранта в российском обществе, а также отсутствие дворянского статуса у его детей. Вероятно поэтому Николай Алфераки инициировал еще в 40-е годы XIX в. в департаменте герольдии Сената получение потомственного дворянства для себя, супруги Любови Кузьминичны и сыновей Дмитрия, Николая и Ахиллеса (на тот момент, в конце 40-х годов XIX в., у Николая Алфераки было три сына — Дмитрий, Николай и Ахиллес, Сергей и Михаил родились позже) не по собственным заслугам, на что он имел право благодаря службе и благотворительной деятельности, а по заслугам своего отца — Дмитрия Ильича Алфераки[27]. Переписка по делу между ним, департаментом герольдии Сената, военным министерством и Государственным советом длилась несколько лет. Камнем преткновения являлось отсутствие документального подтверждения статуса российского подданного у Дмитрия Алфераки. В качестве обоснования этого факта Николай представил в Сенат документы о принадлежности к дворянству своего отца, о его земельных владениях и крепостных крестьянах, о службе в течение трех сроков ростовским уездным предводителем дворянства. Однако Сенат, в отсутствие прямых доказательств, отказал Николаю Алфераки в праве быть причисленным к российскому дворянству по заслугам его отца[28]. Не желая мириться с несправедливым решением Сената, Николай Дмитриевич

добился рассмотрения его дела Государственным советом, который вынес решение о возможности ходатайства перед императором «…об утверждении… коллежского советника Николая, с потомством, в виде особой милости, в дворянстве по заслугам отца…»[29]. Николай I пошел навстречу своему подданному, представителю второго поколения греков, доблестно служивших России на военном и гражданском поприщах, а также на коммерческой стезе, и 7 июля 1854 г. одобрил решение Государственного совета[30]. В сентябре 1854 г. Алфераки обратился к императору с прошением о выдаче ему диплома, сообщая о том, что им еще в 1849 г. была уплачена в Герольдию пошлина в размере 98 руб. серебром и представлен ковчег с кистями. К прошению Алфераки также приложил свидетельство об уплате дополнительных пошлин в сумме 55 руб. серебром и проект герба[31]. Таким образом, дело о дворянстве Алфераки, длившееся несколько лет, было окончено в его пользу, результатом чего явилась вышеописанная грамота — о причислении его с сыновьями Дмитрием, Ахиллесом, Сергеем и Михаилом* к российскому дворянству по заслугам его отца, Дмитрия Ильича Алфераки[32].

Можно предположить, что интенсивная служебная и предпринимательская деятельность, переживания из-за дела о дворянстве отняли у Николая Дмитриевича много сил и подорвали его считавшееся богатырским здоровье, поскольку, вернувшись осенью 1860 г. в Таганрог из поездки в Санкт-Петербург, Алфераки занемог и скончался 23 ноября 1860 г.[33]. Неожиданная и безвременная кончина Николая Алфераки отозвалась в сердцах не только его родных и близких, но и широкого круга людей в столице, где 4 декабря 1860 г. в церкви Института слепых Императорского человеколюбивого общества состоялась панихида за упокой его души. На панихиде присутствовало около 200 человек, среди которых были государственные деятели, финансисты и артисты, которым он всегда оказывал поддержку[34].

После смерти Николая Алфераки дворец в Таганроге был продан и состояние было поделено между его детьми[35]. Не вдаваясь в подробности семейного раздела имущества и его не всегда

* К 1860 г. сын Николай уже не фигурирует в документах, а в грамоту вписаны Дмитрий, Ахиллес, Сергей и Михаил. Скорее всего, Николай умер.

эффективного управления впоследствии, отметим лишь тот факт, что семейные документы, включая дворянские грамоты, патенты на чины и переписку, унаследовал сын Николая — Михаил Алфераки (1852–1915). Его деятельность, в отличие от отца, жившего и работавшего на три города, почти полностью протекала в Санкт-Петербурге, где он начал свою служебную деятельность в министерстве государственных имуществ[36], дослужившись до чина действительного статского советника и камергера высочайшего двора[37], и водил широкое знакомство в среде русской аристократии и музыкальной элиты, которая принимала его уже как равного.

Михаил Николаевич очень гордился своей принадлежностью к роду Алфераки, мечтал написать воспоминания и историю своего рода, для чего много лет занимался сбором документальных материалов. Вступив в переписку с греческими официальными лицами, он получил интересные сведения о дороссийском периоде жизни своих предков[38]. Переводом с греческого языка полученных материалов занимался по просьбе Михаила его брат Ахиллес (1846–1919)[39], известный композитор и государственный деятель. И хотя эти сведения никакими документами не подтверждались, Михаил Алфераки в набросках к истории рода на их основании удревнил род Алфераки, сравнивая его по положению одновременно с древнеримскими состоятельными патрицианскими фамилиями и средневековыми европейскими рыцарскими родами, владевшими замками и имевшими огромную лично преданную клиентеллу[40].

Несмотря на серьезные намерения и немалую подготовительную работу по сбору материалов, Михаилу Алфераки не удалось создать семейную хронику, зато это частично было осуществлено его братом, известным орнитологом и лепидоптерологом* Сергеем Николаевичем (1850–1918), оставившим интересные воспоминания[41]. Те сведения, которые он приводит по истории рода, весьма созвучны с материалами, собранными Михаилом Николаевичем. Таким образом, представители третьего поколе-

* Лепидоптеролог — ученый-энтомолог, изучающий бабочек. Название профессии, как и слово «лепидоптерология» — наука о бабочках, произошло от латинского «lepidoptera» — бабочка.

ния рода Алфераки уже совершенно не сомневались в его древнем происхождении, знатности и богатстве.

После кончины Михаила Николаевича, а возможно и при его жизни, документальные реликвии рода были переданы его дочери Марии Михайловне (1887–1982) или Мае, прекрасно образованной и писавшей дошедшие до нас стихи. Мария Михайловна Алфераки вышла замуж за Юрия Андреевича Бетулинского (1888–1918), принадлежавшего к малороссийскому дворянскому роду. Ю.А. Бетулинский был выпускником Московского императорского лицея в память цесаревича Николая (Катковского лицея) и дипломатической школы в Париже, служил в Сенате помощником обер-секретаря[42]. Бетулинский является автором весьма интересного документа — приходо-расходной книги за 1917–1918 гг.[43], которая может служить важным источником экономических сведений о ценообразовании в Петрограде, а также о жизни дворянской семьи, чье богатство осталось в далеком прошлом, и вынужденной жить на жалованье ее главы. Описывая расходы и доходы, Бетулинский фиксировал важнейшие события семейной жизни в тяжелые времена. Так, в книге под 12 июля 1918 г. есть запись: «Кончина Сергея Николаевича Алфераки»[44], который в последние годы жизни недомогал и, видимо, очень нуждался. Но были и счастливые события. В октябре 1917 г., подводя баланс ежемесячных расходов, Бетулинский зафиксировал радостный факт своей семейной жизни — «рождение Анночки»[45]. Этой Анночкой была вторая дочь четы Бетулинских — Анна Юрьевна Бетулинская, в будущем известная в эмиграции певица и поэтесса, автор марша партизан и «соловей» французского Сопротивления в годы Второй мировой войны Анна Марли, принявшая орден Почетного легиона из рук самого Шарля де Голля. На основе фамильных документов и фотографий А. Марли написала книгу воспоминаний, в которой также затронула историю рода Алфераки, к которому она относилась по материнской линии[46]. В октябре 1918 г. Ю.А. Бетулинский был арестован как участник контрреволюционной организации доктора В. П. Ковалевского, существовавшей в Петрограде в 1918 г. и занимавшейся шпионажем в пользу англичан[47]. Можно предположить, что Бетулинский не принимал участия в контрреволюционной деятельности

и был арестован как родственник адмирала М.М. Веселкина. 13 декабря того же года он был расстрелян в Петропавловской крепости[48]. Во время его ареста, вероятно, был произведен обыск с конфискацией имущества. Возможно, некоторые родовые документы Алфераки, которые хранились в семье Бетулинских, включая жалованную грамоту о дворянстве Николая Алфераки, были конфискованы во время ареста главы семьи, а затем переданы в Ленинградский музей революции. Впоследствии, в середине 1950-х годов, многие документальные материалы по истории российского дворянства, равно как и вышеописанная грамота, были переданы из этого музея на хранение в Государственный Эрмитаж, и в настоящее время планомерно вводятся в научный оборот.

Подводя итоги нашего исследования, следует отметить, что хранящаяся в Эрмитаже дворянская грамота Николаю Алфераки, вкупе с другими малоизвестными архивными источниками, позволяет пролить свет на некоторые не исследованные ранее факты биографии Н.Д. Алфераки, акцентировать внимание на статусе основателя рода и его потомков в сословной иерархии российского общества и сквозь призму истории этого рода представить один из интересных эпизодов в истории русско-греческих связей последней трети XVIII–XIX вв.

Примечания

[1] *Сафонов С.* Остатки греческих легионов в России, или нынешнее население Балаклавы. Исторический очерк // Записки Одесского Императорского общества истории и древностей. Одесса, 1844. Т. I; *Арш Г.Л.* Греческая эмиграция в Россию в конце XVIII — начале XIX вв. // Советская этнография. 1967. № 3. С. 85–92; *он же.* А. Палладоклис — греко-русский писатель и дипломат // 1000 лет вместе: ключевые моменты истории России и Греции. Сб. статей / Отв. ред. О.В. Соколовская. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 100–109; *он же.* Иоанн Каподистрия в России (1809–1822). СПб.: Алетейя, 2003; *Высоцкая Е.П.* Морская династия Алексиано-Сарандинаки // 1000 лет вместе: ключевые моменты истории России и Греции. Сб. статей / Отв. ред. О.В. Соколовская. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 110–121; *Мосхури И.В.* Греки в истории Севастополя. Севастополь, 2006. Т. 1; *Николопулос И.* Греки и Россия XVII–XX вв.: сборник статей / Иоаннис Николопулос; отв. ред.: Г.Л. Арш. СПб.: Алетейя: Историческая книга, 2007; Греки России и Украины / Сост., отв. ред. Ю.В. Иванова. СПб.: Алетейя, 2004; *Янници Ф.* Греческий мир в конце XVIII — начале XX вв. СПб.: Алетейя: Историческая книга, 2005; *Узбек Е.* История украинских греков Алфераки // Хронос. Мариуполь: [б. и.]. 2007. № 2; *Захарова И.М.* Антон Константинович Псаро // Вопросы истории. 2015. № 11. С. 19–33.

[2] Отдел истории русской культуры Государственного Эрмитажа (далее — ОИРК ГЭ). ЭРДр-1774.

[3] «Государственный герб России. 500 лет». Временная выставка в Государственном Эрмитаже. 30.05.1997 — 10.08.1997. Георгиевский зал. Витрина № 40.

[4] Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1343 (Третий департамент Сената). Оп. 16. Д. 1376. Л. 19.

[5] Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (далее — РО ИРЛИ РАН). Ф. 4 (Архив Н.Д. Алфераки). Д. 9. Л. 59–62 об.

[6] Там же. Л. 63 об.–64 об.

[7] Там же. Л. 64 об.

[8] РГИА. Ф. 1343. Оп. 16. Д. 1376. Л. 5.

[9] Там же. Л. 5 об.

[10] Там же. Л. 5 об.–6.

[11] РО ИРЛИ РАН. Ф. 4. Д. 7. Л. 62–63.

[12] РГИА. Ф. 1343. Оп. 16. Д. 1376. Л. 6 об.

[13] Там же. Л. 57–58 об.

[14] ОИРК ГЭ. ЭРДр-1774. Л. 3 об.–4.

[15] РО ИРЛИ РАН. Ф. 4. Д. 4. Л. 6 об.–7.

[16] РО ИРЛИ РАН. Ф. 4. Д. 7. Л. 81–82.

[17] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., 1857. Т. XXXII. Отделение 1. № 32025. С. 565–570.

[18] РО ИРЛИ РАН. Ф. 4. Д. 7. Л. 79.

[19] РО ИРЛИ РАН. Ф. 265 (Архив журнала «Русская старина»). Оп.2. Д. 1025. Л. 1–2.

[20] ОИРК ГЭ. ЭРДр-1774. Л. 3 об.

[21] РО ИРЛИ РАН. Ф. 4. Д. 4. Л. 34–50.

[22] Там же. Л. 151.

[23] Известно, что в начале 1850-х годов Н.Д. Алфераки указывал дом князя П.А. Урусова в качестве места проживания в Санкт-Петербурге и хранил там множество предметов мебели работы Г.Д. Гамбса, фарфоровые и стеклянные сервизы, серебряную посуду. См.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 16. Д. 1376. Л. 300 об.; РО ИРЛИ РАН. Ф. 4. Д. 4. Л. 74–96 об.

[24] *Орлов Г.Н., Найговзин Л.И., Цымбал А.А.* Памятники архитектуры, истории и культуры Таганрога на старых открытках и фотографиях. Таганрог: Лукоморье, 2004. С. 112. В настоящее время в доме Алфераки (ул. Фрунзе, 41 / пер. Глушко, 13) находится филиал Таганрогского государственного литературного и историко-архитектурного музея-заповедника.

[25] *Бабст И.К., Победоносцев К.П.* Письма о путешествии Государя Наследника Цесаревича по России. От Петербурга до Крыма. М.: в тип. Грачева и К°, 1864. С. 556–557.

[26] См., напр.: *Боголюбов А.П.* Записки моряка-художника. Самара: Издательский дом «Агни», 2006. С. 142.

[27] РГИА. Ф. 1343. Оп. 16. Д. 1376. Л. 3.

[28] Там же. Л. 275–275 об.

[29] Там же. Л. 279–281.

[30] Там же. Л. 279.

[31] Там же. Л. 300–300 об.

[32] ОИРК ГЭ. ЭРДр-1774.

[33] Николай Дмитриевич Алфераки // Северная Пчела. 1860. № 284. Среда. 21 декабря.

[34] Там же.

[35] *Цымбал А.А.* Талантливый род Алфераки // Донской временник. Год 2015-й / Дон. гос. публ. б-ка. Ростов-на-Дону, 2014. Вып. 23. С. 52–57. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m2/3/art.aspx?art_id=1362.

[36] РО ИРЛИ РАН. Ф. 4. Д. 9. Л. 41.

[37] РО ИРЛИ РАН. Ф. 4. Д. 1. Л. 1.

[38] РО ИРЛИ РАН. Ф. 4. Д. 9. Л. 10–10 об., 43, 48–49.

[39] Там же. Л. 26–27.

[40] Там же. Л. 59–59 об.

[41] Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник (ТГЛИАМЗ). Фонд письменных источников (ФПИ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 5. Воспоминания С. Н. Алфераки.

[42] *Ратьковский И.С.* Хроника красного террора ВЧК. Карающий меч революции. М.*:* Яуза: Эксмо, 2017. С. 137.

[43] РО ИРЛИ РАН. Ф. 4. Д. 3.

[44] Там же. Л. 83.

[45] Там же. Л. 51 об.

[46] *Anna Marly*. Troubadour de la résistance: mémoires. Paris, Tallandier, Historia, 2000; *Смирнова-Марли А*. Дорога домой. М.: Русский путь, 2004.

[47] *Ратьковский И.С.* Хроника красного террора ВЧК. С. 121–138.

[48] Петроградская правда. 20 декабря 1918 г. С. 3.

DOI 10.31168/7576-0478-7.7

Марина Михайловна
ФРОЛОВА

Из истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: болгары и отряд генерал-майора В.Д. Дандевиля (захват г. Этрополя 12 ноября 1877 г.)

История и многочисленные сражения русско-турецкой войны 1877–1878 гг. наиболее полно освещены в известном многотомном издании «Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове». Взятие г. Этрополь (ныне — Етрополе) 12 ноября 1877 г. также подробно представлено в исследовании Н.А. Епанчина (1857–1941), в 1877 г. прапорщика лейб-гвардии Преображенского полка, впоследствии генерала от инфантерии[1]. Однако дореволюционные военные историки уделяли мало внимания участию в ней болгар, что было впоследствии восполнено марксистской историографией, в которой русско-турецкая война сопрягалась с национально-освободительной борьбой болгарского народа, а его участие в событиях 1877–1878 гг. рассматривалось сквозь призму воззваний Болгарского центрального благотворительного общества, ее руководящего органа: «Отечество нас призывает к оружию! При первом выстреле русской пушки мы должны быть готовы к этой священной борьбе»[2] или «Болгары! Мы все должны стать как один человек, чтобы приветствовать наших братьев-освободителей и содействовать всеми нашими силами русской армии»[3]. Изучение опубликованных документов из многотомного «Сборника материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове» и воспоминаний русских офицеров, участников войны, показывает, что отношение болгар к войне было гораздо сложнее и не столь однозначным. В настоящей работе будут рассмотрены взаимоотношения с болгарами отряда генерал-майора В.Д. Дандевиля в контексте взятия г. Этрополя 12 ноября 1877 г. Именно взаимодействие русских и болгар, а не военная сторона,

которая достаточно хорошо изучена, является предметом данного исследования.

Несколько слов необходимо сказать о Викторе Дезидерьевиче Дандевиле (1826–1907), замечательном человеке и военачальнике. Он родился в семье Д. д'Андевиля, француза, участника нашествия Наполеона в Россию в 1812 г., попавшего в русский плен, а затем принятого в российское подданство и приписанного к Оренбургскому казачьему войску. Его сын Виктор после окончания Неплюевского Оренбургского кадетского корпуса (1844 г.) поступил на службу хорунжим в конную артиллерию Оренбургского казачьего войска и затем продолжил свое образование в Императорской военной академии, которую закончил в 1848 г. В Венгерской кампании при занятии г. Бартфельда (1848 г.) за храбрость он получил свои первые награды — орден св. Анны 4-й степени и производство в новый чин — есаула. Как капитан Генерального штаба Дандевиль отличился при взятии кокандской крепости Ак-Мечеть (1853 г.) и был произведен в подполковники. В 1859 г. он возглавил экспедицию на восточное побережье Каспийского моря, в задачу которой входило исследование земель у Красноводского залива. В 1862 г. В.Д. Дандевиль был назначен исполняющим дела наказного атамана Уральского казачьего войска; в следующем году, получив чин генерал-майора, был утвержден в этой должности. В 1867–1871 гг. служил начальником штаба Туркестанского военного округа, но из-за расстроенного здоровья был вынужден оставить Туркестан. С 1872 г. он занимал должность начальника Главного управления иррегулярных войск. Когда в 1876 г. началась сербско-турецкая война и в России возникло добровольческое движение, по предложению Славянского комитета Дандевилю доверили руководить «вербовочным присутствием» в Петербурге, а затем он выехал в Белград, где продолжал заниматься приемом русских добровольцев, формированием отрядов и отправкой их на театр военных действий[4]. Генерал-майор принимал активное участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и был награжден орденами св. Георгия 4-й и 3-й степеней, а также чином генерал-лейтенанта. После войны Дандевиль в течение 10 лет командовал 3-й гвардейской пехотной дивизией, в 1887 г. — V армейским корпусом, в 1889 г. —

X армейским корпусом, в 1890 г. он был назначен членом Военного совета, а в следующем году был произведен в генералы от инфантерии. Незадолго до кончины (1907 г.) Дандевиль вышел в отставку. Он опубликовал в журнале «Военный сборник» много разных материалов, а также издал свои мемуары, благодаря которым ожили лаконичные строки донесений, реляций и записей в «Журнале военных действий 3-й пехотной дивизии».

✦ ✦ ✦

17 сентября 1877 г. генерал-майор Дандевиль, назначенный временно командующим 1-й бригадой 3-й пехотной дивизии, прибыл к дивизии[5] и был направлен в г. Сельви (ныне — Севлиево), где стояла бригада. 19 октября генерал-лейтенант П.П. Карцов, начальник 3-й пехотной дивизии и Ловче-Сельвинского отряда*, получил телеграмму от главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, в которой приказывалось немедленно форсированным маршем выслать целую бригаду в Турский Извор (ныне — Болгарски-Извор) и «оттуда действовать сообразно обстоятельствам к Яблоницам (ныне — Ябланица) и Луковицам (ныне — Лакавица)»[6]. Командование над этим отрядом (2-й бригадой 3-й пехотной дивизии и кавалерией) было поручено генерал-майору В.Д. Давыдову, младшему сыну известного поэта-партизана Д.В. Давыдова. В Ябланице, куда отряд Давыдова вступил 24 октября, везде стоял запах водки и вина, доносил генерал-майор, поэтому он приказал назначить патрули. Ночью пылали деревни в окрестностях Ябланицы. Говорили, что «болгары перепились и неистовствуют»[7], — сообщал Давыдов Карцову 26 октября. Между тем Карцов был недоволен медлительностью продвижения отряда Давыдова, который задержался на целых два дня в Турском Изворе и упустил возможность нагнать на Софийском шоссе «если не все силы бежавшего от Луковиц Шефкета-паши, то его обозы»[8].

---

* 3-я пехотная дивизия подошла к Дунаю в середине августа 1877 г., и на ее основе был сформирован Ловче-Сельвинский отряд, цель которого состояла в том, чтобы «прикрыть правый фланг войск, расположенных у Тырново и в Балканских проходах, и левый фланг войск, стоящих против Плевны» // Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове (далее — СМ). СПб.: Государственная типография, 1905. Вып. 40. С. 1.

29 октября главнокомандующий приказал сменить генерала Давыдова и вместо него направить во 2-ю бригаду командующего 1-й бригадой генерал-майора Дандевиля. Однако тот 30 и 31 октября по распоряжению Карцова производил рекогносцировки Розелитского (Калоферского) и Троянского проходов, в которых принимал личное участие баварский принц Арнульф (1852–1907), племянник короля Баварии Людвига II (1864–1886 гг.). На вершины Дандевиль не поднимался, так как они оказались заняты турками, а «обнаруживать намерение исследовать проходы было не приказано»[9]. И только 2 ноября Дандевиль вступил в командование Ябланицким отрядом, который на тот момент, помимо 2-й бригады 3-й пехотной дивизии, включал лейб-гвардии Московский полк, Кавказскую казачью бригаду, 3½ сотни Донских казачьих полков № 4, 24, 30 и четыре артиллерийские батареи. Согласно приказу главнокомандующего, этот отряд был подчинен генерал-лейтенанту И.В. Гурко.

К концу октября 1877 г. блокадное кольцо вокруг Плевны (ныне — Плевен) замкнулось. Генерал Гурко во главе Отдельного западного отряда* был направлен к Орхание (ныне — Ботевград), а затем он должен был идти на Софию, чтобы помешать туркам сформировать сильный вспомогательный корпус под предводительством Мехмет-Али-паши и прийти на помощь Осман-паше, запертому в Плевне.

В авангарде гвардии, начавшей движение от Плевны по Софийскому шоссе 2 ноября, шел лейб-гвардии Московский полк, который 28 октября остановился на высотах правого берега р. Малый Искер (ныне — Мали-Искыр), не доходя до с. Осиковицы (24 октября это селение было занято Кавказской казачьей бригадой генерал-майора П.А. Черевина). Гвардейцы начали возводить укрепления в непосредственной близости от турок,

* В состав отряда вошли: 1-я и 2-я гвардейские пехотные дивизии, гвардейская стрелковая бригада, 2-я бригада 3-й пехотной дивизии, лейб-гвардии саперный батальон, 2-я гвардейская кавалерийская дивизия, Сводная драгунская бригада (8-й драгунский Астраханский и 4-й драгунский Екатеринославский полки), при ней 16-я конная батарея, Сводная казачья бригада генерала Курнакова, при ней 15-я Донская казачья батарея, Кавказская казачья бригада, при ней 8-я Донская казачья батарея, Казачья Донская № 19 батарея, конно-горная батарея. Всего: 43 батальона, 51 эскадрон и сотен, 120 пеших и 54 конных орудий // Описание русско-турецкой войны 1877–78 г. на Балканском полуострове. Т. 7. Ч. 1. СПб.: Военная типография, 1911. С. 229.

позиции которых были выстроены у с. Правец. Здесь дорога на Софию разделялась на две — одна шла через Орхание и далее через перевал, а другая — через Этрополь на Златицу по ту сторону Балкан, где разместился резерв для пополнения турецких отрядов в Орхание, Правце и Этрополе.

Подошедшая гвардия сосредоточилась на биваках впереди и позади Ябланицы. В само́м селении, полуразрушенном и пустом, с трудом разместились все начальники и штабы. Австрийский военный агент капитан Бола просто поставил палатку в доме с разбитыми дверями и окнами, рядом с генералом Дандевилем[10]. Правда, ординарец генерала Гурко корнет Н.В. Яшвиль в письме к матери заверял, что Гурко и его штаб расположились «в отличном двухэтажном доме с высокими комнатами»[11].

В донесениях генерал-майора Черевина, командира Кавказской казачьей бригады, стоявшей в пяти верстах впереди передовой позиции лейб-гвардии Московского полка[12], имеется информация о болгарских четах (вооруженных отрядах) в этом районе. 5 ноября в 15 час. аванпосты бригады на левом фланге заметили шайку башибузуков у подножия горного хребта, шедшего вдоль дороги из Этрополя в Правец, которые зажгли пустые дома — выселки, разбросанные в ущелье, но казаки их прогнали. Разъезд, направленный по этропольскому ущелью, дойдя до колибы* Лакавица, встретил турецкую пехоту, которая спустилась в ложементы за указанной колибой и затем исчезла в лесу. Генерал выслал вечером разъезд, чтобы выяснить, что это были за части. Правда, сам Черевин считал, что это болгарская дружина. «Желательно было бы привести в известность, что делает эта болгарская дружина, скрывающаяся постоянно от нас»[13], — писал он.

8 ноября лейб-гвардии Московский полк отмечал свой полковой праздник, крики с его бивака вызвали тревогу в лагере турок, сотня черкесов через гору направилась к Осиковице, на гребне они рассыпались в цепь, человек 10 вышли на высоту, где захватили одного болгарина, но, заметив разъезд казаков, поспешили за свою цепь. В 6 час. вечера против левофлангового поста русских показалось около 15 человек, четверо из них сде-

* Колиба (болг.) — хижина, шалаш, домик. Колибами назывались горные деревушки.

лали по нему залп, а когда казаки ответили двумя выстрелами, те сняли шапки и закричали, чтобы по ним не стреляли, что они болгары. Посланный разъезд никого уже не нашел, за исключением одного больного болгарина, который подтвердил, что это действительно были болгары, вооруженные, и что они двинулись дальше вправо по ущелью[14]. Как видим, эти четы (или чета) явно избегали прямых контактов с русской кавалерией.

Бивак в Ябланице находился в 15–20 верстах от неприятеля, занявшего позиции в горах близ перевалов через Балканы. Во время этой стоянки производились многочисленные разведки. «Мы высматриваем, вынюхиваем, освещаем местность, лежащую впереди нас»[15], — вспоминал офицер лейб-гвардии Преображенского полка А.А. Берс*. Генералу Дандевилю удалось заслать лазутчика в Этрополь[16]. «Слухи о неприятеле, конечно, были разнообразные до бесконечности», — писал капитан лейб-гвардии Московского полка А.П. Паскин (1842–1899), выпускник Пажеского корпуса, впоследствии бранд-майор Петербурга (т.е. начальник пожарной охраны города), генерал-майор. Причем, число турок, занимавших Орхание и Этрополь, «увеличивалось, по словам братушек, чуть ли не каждую минуту и варьировалось от 10–15 таборов до 20 и даже 40 тыс. человек» в каждом населенном пункте. Болгары рассказывали очень много про укрепления турецких позиций, «но понять что-либо было трудно, кроме только того, что укрепления эти сильной профили и построены около полугода назад, до перехода наших войск через Дунай»[17].

Прибыв в Ябланицу, военный корреспондент Л.В. Шаховской** обратил внимание на внезапное исчезновение хорунжего, князя А.Н. Церетелева (Цертелева, Церетели) (1848–1883), слу-

---

* Александр Александрович Берс (1844–1921) — музыкант, полковник (с 1882 г.), автор книг на темы религии, нравственности и музыки. Он музицировал в любительском духовом оркестре вместе с будущим императором Александром III и играл на скрипке вместе с принцами Ольденбургскими: Александром, Георгием и Константином Петровичами. Позднее он организовал оркестр скрипачей в Москве, выступавший в течение трех лет. На его концерты приезжал Л.Н. Толстой со своей супругой Софьей Андреевной, в девичестве Берс. А.А. Берс был женат на ее родной, старшей, сестре Елизавете Андреевне, которая приходилась ему кузиной.

** Князь Лев Владимирович Шаховской (1849–1897) учился на юридическом факультете Московского университета, был сотрудником газет «Русский вестник» и «Московские ведомости», заведовал архивом и канцелярией Московской Оружейной палаты (1880–1883 гг.), затем был редактором статистического отделения Санкт-Петербургской городской управы.

жившего до войны помощником секретаря русского посольства в Константинополе. Он был послан генералом Гурко проверить заявления болгар о том, что обходная тропа по ущелью Черного Лома проходима для артиллерии. Вместе с Церетелевым отправился полковник Генерального штаба П.Д. Паренсов, начальник штаба генерал-адъютанта графа П.А. Шувалова, командира 2-й гвардейской пехотной дивизии, в сопровождении 50 осетин. Но сведения болгар не подтвердились, поскольку разведчики, пройдя вёрст 30 по плохой, непроходимой дороге, упёрлись в перевал, на который не было возможности подняться ни кавалерии, ни артиллерии. Кроме того, турки, наученные опытом Хаинкиойского обхода*, бдительно охраняли все горные тропинки[18].

В штабе генерала Гурко тщательно изучали информацию, которая поступала от болгар, бежавших из Орхание и Этрополя, о турках, засевших в горах. Констатации Шаховского, бывшего в курсе всех новостей и событий благодаря своей близости к штабу генерала Гурко, совпадали с мнением капитана А.П. Паскина. «По большей части болгары эти мало что знают, и их сведения о числе войск, о состоянии духа турецкого солдата — всегда ничтожны», — писал он. Правда, от болгар стало известно, что регулярная кавалерия заменила башибузуков в горах, а те, уходя, жгли болгарские деревни по ту сторону Балкан, и что жители-турки покинули Орхание и Этрополь, перебравшись в Софию[19]. Тем не менее, в донесении главнокомандующему от 6 ноября генерал Гурко привел следующие данные: в Орхание — от 10 до 12 таборов, в Правце — два табора, в Этрополе — от 6 до 8 таборов; всего около 37 таборов[20]. Информация вполне соотносилась с теми цифрами, которые великий князь сообщил Гурко в телеграмме от 6 ноября («В Этрополе и Орхание — 35–40 батальонов, в Софии около 10 батальонов дивизии Изет-паши, и могут скоро подойти 12 батальонов со стороны Ниша и 20 батальонов со стороны Константинополя»[21]).

---

* Передовой отряд генерал-лейтенанта И.В. Гурко после взятия с боя г. Тырново 25 июня 1877 г. преодолел труднодоступный Хаинкиойский перевал, который турки не охраняли. 2 июля авангард Передового отряда застал врасплох расположенные у с. Хаинкиой два табора, которым пришлось отступить в Иени-Загру (ныне — Нова-Загора). Затем отряд Гурко вышел в тыл турецкого отряда, стоявшего на Шипкинском перевале, и овладел им, атаковав турок совместно с авангардом VIII армейского корпуса.

«Но самые важные, самые свежие показания», по мнению Гурко, были даны сербом, 5 ноября бежавшим из тюрьмы в Орхание[22]. Интересные подробности о нем приводил Шаховской, согласно которому, это был не серб, а албанец-мусульманин, полюбивший сербскую девушку. Он убежал из войска, принял христианство, женился, перешел в сербское подданство и проживал в Ужице. Князь Церетелев вывез его из Сербии, уговорив стать разведчиком. В конце августа его переодели в костюм башибузука и проводили через русские аванпосты в Плевну. Осман-паша, к которому привели схваченного турками лазутчика, заподозрил того в шпионаже, поскольку сквозь русские аванпосты было невозможно пробраться незамеченным, но угрозу расстрела не привел в исполнение, убедившись через докторов, что перед ним мусульманин. Разведчика посадили в тюрьму. Через восемь дней вместе с четырьмя русскими пленными его повели по Софийскому шоссе, причем связанных русских вели с большим триумфом, при развернутых знаменах, с музыкой, в сопровождении 30 солдат низама. Русских отправили далее, вероятно, в Константинополь, а лазутчика опять посадили в тюрьму вместе с турецкими солдатами-дезертирами. 5 ноября, пользуясь туманом и суматохой в Орхание, он сумел бежать[23]. О числе турецких войск он сообщил немногое, поскольку содержался шесть недель под стражей, но рассказ о панике, охватившей турок, и о страхе турецких солдат, с которым они ждали прихода генерала Гурко (Гяурко-паши), был ценен для русского военачальника, планировавшего перейти в наступление[24].

Дело в том, что накануне из штаба Дунайской армии пришел приказ приостановить наступление на Орхание и окопаться рядом с ним, то есть отряду предназначалась роль простого обсервационного корпуса — пассивного заслона блокады Плевны со стороны Орхание и Софии[25]. Гурко в донесении от 6 ноября настаивал на необходимости наступательных действий, воспользовавшись паникой, чтобы не дать туркам собрать новую грозную армию[26]. 7 ноября главнокомандующий в телеграмме дал Гурко согласие на решительную деятельность: «И, если Бог благословит твое предприятие, то сумеешь воспользоваться всеми случайностями и, в случае успеха, не упустишь довести его до конца. И потому с Богом иди, не теряя времени»[27].

Приказом от 7 ноября Гурко разделил вверенные ему войска на три отряда: Передовой отряд под началом командира 2-й бригады 3-й пехотной дивизии генерал-майора Дандевиля (14 батальонов, 26 эскадронов и сотен, 32 пеших и 24 конных орудий); Правый летучий отряд во главе с командующим 2-й гвардейской кавалерийской дивизией генерал-майором Н.С. Леоновым (16 эскадронов и 14 конных орудий); Главные силы под командой начальника 2-й гвардейской пехотной дивизии генерал-адъютанта графа П.А. Шувалова (29 батальонов, 8 эскадронов, 88 пеших и 16 конных орудий).

7 ноября с большей частью Передового отряда генерал Дандевиль перешел из Осиковицы в Болгарский Извор, откуда, согласно приказу, избрав оборонительную позицию, он должен был выслать колонну к Этрополю горной дорогой через Брусен и Липен (ныне Лопян). Другая часть отряда Дандевиля во главе с генерал-майором принцем А.П. Ольденбургским, командиром 1-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии, должна была выступить из Осиковицы по направлению к Этрополю по высотам правого берега Искерского ущелья.

8 ноября генерал Дандевиль лично провел разведку дороги на Брусен и Липен и в поиске оборонительной позиции. Было известно, что 31 октября усиленная рекогносцировка подполковника 11-го пехотного Псковского полка Б.К. Кобордо Искерского ущелья встретила сильный отпор противника и что фронтальная атака на турок была невозможна из-за неприступности их позиций. Поэтому необходимо было действовать обходами. Из с. Липен, которое было почти пусто, разведотряд направился к Малому Искеру «горами, без дорог по обширным высотам, покрытым красивыми перелесками», и так как он вышел почти во фланг турецкой позиции в ущелье, то вскоре его разъезды завязали перестрелку с турецкими аванпостами. В это же время «по долине Искера поднялся дым нескольких пожаров: это турки жгли сено и отдельные хаты по речке, что означало, что они уже ожидали» наступления русских. Разъезды, посланные к ближайшим пылающим стогам, увидели только мчавшихся вверх по долине всадников да кое-где зарезанных болгар. «Тяжелое чувство производили на нас эти явления. Невольно думалось, что каждый шаг наш вперед сто́ит

жизни нескольким христианам; свежие трупы их на каждом брошенном турками месте становились обыкновенным зрелищем. Понятны чувства, одушевлявшие подчас наших солдат против турок»[28], — писал Дандевиль.

Осмотрев в бинокль видимую часть турецкой позиции, офицеры заметили по свежей земле, что некоторые окопы на турецком левом фланге явно были вырыты недавно. Болгары утверждали, что в октябре, во время рекогносцировки подполковника Кобордо, у турок было укреплено только само ущелье, где на высоком гребне виднелась батарея с ложементами, «аффилировавшая* русло речки». «Не в первый раз уже замечали мы, — констатировал Дандевиль, — что наши усиленные рекогносцировки служили туркам как бы указанием, где нас ожидать следует, что они принимали тут же к сведению и исполнению. Невольно из этого выводилось заключение, что рекогносцировки могли быть полезны перед самым боем, а не заблаговременно; и что шумные рекогносцировки, пожалуй, надобно делать там, куда мы не пойдем, а к пунктам нашего направления лучше посылать небольшие разъезды или отдельных соглядатаев. К сожалению, болгары плохо служили нам по этой части; уж очень велик был их страх перед турками; да и видели они всё не в том виде…»[29]. Начальник штаба полковник Тимрот выбрал оборонительную позицию при устье Липенки, на соединении путей, ведших долиной Искера прямо в г. Этрополь и в обход Хан-Лагской позиции** на Липен. 9 ноября отряд Дандевиля переместился сюда из Болгарского Извора.

Разведки подтверждали слова «всеведающих болгар», что в Орхание много турок и вся местность близ города изрыта редутами, взятие которых должно было быть сопряжено с большими потерями. Генерал Гурко решил не брать Орхание «открытой силой», а обойти его с двух сторон и «оцепить таким же кольцом, каким была украшена Плевна»[30]. Но сначала надо было овладеть селением Правец, которое занимало важное стратегическое положение на пересечении двух дорог, ведших в Софию через хребет. Болгары говорили: «Правец наш и Орхание наш». И дей-

---

* Аффилировать — связать, соединить с чем-либо, присоединить к чему-либо.

** Хан-Лаг находился в долине р. Малый Искер в пяти верстах к северу от Этрополя.

ствительно, после взятия Правца и одновременно Этрополя турки не решились остаться в Орхание, покинув его без выстрела, отмечал А.А. Берс[31].

Укрепления турок у Правца со стороны Осиковицы, с фронта, были практически неприступны, чему немало способствовал рельеф Балкан. «Единственный способ взять неприятеля в подобной позиции — это громить его ложементы артиллерией с других ближайших кряжей, пехотой обойти его в тыл, перерезать ему всякое сообщение с его главным базисом Орхание»[32], — пояснял корреспондент Шаховской своим читателям.

10 ноября, согласно диспозиции, данной генерал-лейтенантом Гурко, отряду генерал-адъютанта графа Шувалова предстояло взять Правец, для чего формировались две колонны: колонна генерал-майора А.В. Эллиса, командира лейб-гвардии стрелковой бригады, наступала по шоссе из Ябланицы к Правцу с фронта и должна была больше демонстрировать, чем атаковать; а колонне генерал-майора О.Е. Рауха, зайдя в тыл туркам, предстояло нанести главный удар. Отряды генерал-майора Дандевиля и генерал-майора Леонова получили задачу — одновременной демонстрацией (со стороны Этрополя, Лютаково и Новачина соответственно) отвлечь внимание неприятеля от центра наступления — Правца. Причем, в случае успеха Дандевилю следовало овладеть Этрополем, который являлся ключом к двум важным балканским проходам — к г. Златица и с. Стрыгл[33].

Но только 11 ноября из-за чрезвычайно трудной дороги колонна Рауха смогла зайти в тыл туркам и выбить их с позиций, обратив в беспорядочное бегство по направлению к Орхание. Правец был очищен от неприятеля. Офицер Генерального штаба А.К. Пузыревский, шедший в колонне Рауха, увидев на следующий день правецкую позицию с фронта — ложементы, блиндированные батареи, редуты, воскликнул: «Дорого бы стоили нам при фронтальной атаке»[34].

В данном исследовании в фокусе нашего внимания — отряд генерал-майора Дандевиля, своими действиями способствовавший этой победе, а затем захвативший г. Этрополь.

Важно подчеркнуть, что Дандевиль, как начальник 1-й бригады 3-й пехотной дивизии, входившей с сентября в состав Ловче-

Сельвинского отряда, принимал самое непосредственное участие в координации деятельности болгарских чет, которые были сформированы в этом районе. Вероятно поэтому именно Дандевиль сумел привлечь болгар к выполнению поставленной задачи — овладению Этрополем.

Этот город был расположен в горной долине на берегу реки Малый Искер. Здесь «неприятель занимал позицию к северу от города, где на левом берегу Малого Искера в направлении с запада на восток тянутся пять почти параллельных между собой хребтов с глубокими лощинами между ними. На западном конце четвертого хребта, считая от Этрополя, возвышается значительная господствующая над всей окружающей местностью высота Острома. Этот хребет был занят передовыми частями турецкой пехоты, расположенными в ложементах, а на самом верху Остромы было воздвигнуто укрепление, которое по значительной высоте и труднодоступности названо русскими “Орлиным гнездом”. На третьем хребте, считая от города, была расположена неприятельская артиллерия, часть которой находилась также на высотах правого берега, где, кроме того, были устроены ложементы, занятые неприятельской пехотой. В котловине, в которой лежит город, находился укрепленный лагерь, расположенный на высоком холме, и, наконец, восточнее города, у Троицкого монастыря, также имелась укрепленная позиция»[35], — указывается в монографии Н.А. Епанчина.

Предписанная диспозицией Гурко демонстрация 10 ноября производилась под общим командованием Дандевиля двумя отрядами: генерал-майора принца Ольденбургского* (правая колонна) и полковника Л.Д. Рыдзевского, командира 12-го пехотного Великолукского (Великолуцкого) полка (левая колонна).

Колонна принца Ольденбургского должна была направиться к Этрополю по ущелью р. Малый Искер для атаки с фронта турецких укреплений. Она разделилась на два отряда. Один отряд (3-й батальон Преображенского полка с двумя орудиями 1-й батареи лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады и полусотня

* Состав отряда — лейб-гвардии Преображенский полк, один батальон 11-го пехотного Псковского полка, четыре орудия 1-й батареи лейб-гвардии артиллерийской бригады, два орудия конно-горной батареи и три сотни Кавказской казачьей бригады.

кавказских казаков) под командованием флигель-адъютанта полковника Авилова направился по долине Малого Искера и к полудню подошел к позиции турок, которые встретили его гранатами.

Боевую операцию второго отряда под командованием принца Ольденбургского подробно описал А.А. Берс. 10 ноября, выйдя из Осиковицы, этот отряд сначала двинулся по шоссе, но вскоре свернул в горы. Изредка на его пути попадались отдельные болгарские домики, в которые обязательно заходили любопытные солдаты — «для обшаривания углов». Фельдфебели энергично подгоняли зевак и не давали колонне растягиваться в горах. Привал был сделан около одного такого домика, стоявшего особняком. Хозяйство, видимо, было в полном порядке, но болгарская семья со своим скотом покинула хутор, оставив в доме одного «совсем высохшего больного мальчика». Берс подчеркнул, что это была ошибка хозяина, поскольку в его отсутствие, несмотря на все старания офицеров, усадьбу буквально «разнесли»: моченую капусту, яблоки, белые бобы. «Всех кур переловили, а те, которые залетели на макушки деревьев, были спуганы оттуда дружными криками солдат, камнями и проч.». Берс был уверен, что этот «разнос», подобный «налету саранчи», не случился бы в присутствии самих хуторян. Данный случай дал пищу для размышлений офицера об отношении болгар к русским, которые, считаем, важно привести без сокращений:

«Многие обвиняют болгар в том, что они недружелюбно относились к нам, их освободителям, неласково нас принимали и часто отказывали даже в куске хлеба. Мысль болгарина не витает в политических сферах, высшие идеалы, из-за которых велась война, были для него недоступны. Он знал только одно, что он разорен и разорен не одними турками, но и русскими, которые залезли в его страну. Кто понимает натуру и склад мысли простого человека — землепашца, органически привязанного к своей земле, тот будет всегда справедлив в своих суждениях о болгарской недоброжелательности к нам и безучастии в деле освобождения страны. Я не буду говорить про болгар, что они безупречный народ; четырехсотлетнее иго, кнут и палка порядком их испортили. Но я всегда пойму, что должен чувствовать человек, у которого уничтожили его дом, расстроили семейство. Оставшиеся в жи-

вых его родные голодают где-нибудь в горах, сам он всё время находится под страхом возвращения турок. Весть о кровавой расправе турок с болгарами после летнего отступления генерала Гурко с южного склона Балкан на северный облетела всю Болгарию, так что страх засел гвоздем в голове у каждого болгарина. Он очутился меж двух огней и, как слабый между двумя сильными, он начал хитрить и служить нашим и вашим»[36].

После непродолжительного отдыха отряд двинулся дальше в горы, которые делались всё круче. Периодически густой туман окутывал путников, и они не знали, куда идут. Офицеры не понимали, почему отряд доверили вести какому-то болгарину, а не офицеру Генерального штаба, знакомого с местностью. Они с подозрением относились к проводнику и всё время следили за ним, чтобы «не удрал»[37]. На сто раз заданные вопросы — где неприятель? где Этрополь? — братушка, показывая рукой вперед, отвечал всё одно и тоже: «Тука, братушка, тука». Берс признавался, что его «дух» был в то время не спокоен: «бродить в незнакомых горах, в тумане, да еще с ненадежным проводником, было крайне неприятно»[38].

Артиллерия завязла в каком-то овраге, и командир 1-й батареи полковник Стрижевский, воспользовавшись остановкой, послал своего фельдфебеля Храпова вперед, чтобы осмотреть местность и найти более удобную дорогу. Вернувшийся через час Храпов обещал вывести артиллерию на такую гору, с которой открывался вид на весь неприятельский лагерь и с которой «можно будет в тот же вечер угостить неприятеля гранатами». Это известие придало всем «лихорадочную энергию»: артиллерия двинулась и более не застревала ни разу. Не прошло и часа, как отряд занял выгодную позицию, за пятым хребтом от Этрополя. Внизу открылась довольно узкая долина реки Малый Искер, в которой верстах в трех от отряда был расположен турецкий лагерь, а недалеко за ним в той же долине находился г. Этрополь. Хотя первый снаряд, выпущенный из орудия, не долетел до турецкого лагеря, но «произвел суету и беготню». Артиллерийский огонь пришлось скоро прекратить из-за наступившей темноты. Чтобы ввести неприятеля в заблуждение относительно сил отряда, разожгли значительное количество костров.

Ночью по приказу принца Ольденбургского была составлена команда из 100 охотников (добровольцев) под командой штабс-капитана Рейтерна. Им удалось занять редут без единого выстрела: оказалось, что турки на ночь покидали его (здесь ночью было очень холодно) и спали в лагере, расположенном в лощине. Преображенцы их опередили и встретили взбиравшихся турок огнем. Смелость русских заставила противника, забрав с собой два орудия, покинуть и второе укрепление. Его заняли подоспевшие преображенцы, которым затем пришлось «перекопать» захваченную позицию, обратив ее фронт к неприятелю. Правда, на Острому, вершину кряжа, орудия поднять не удалось. В подзорную трубу Берс следил за тем, что происходило в долине, где передвигались турецкие войска и артиллерия. Некоторые турецкие части носили белые фески. «Забавно было видеть, как турки, составив ружья, садились за ними все в ряд на отдых, поджав под себя по-турецки ноги»[39].

Принц Ольденбургский получил известие, что Правец еще не взят, затем поступил приказ генерал-адъютанта Гурко, в котором предписывалось оставаться на занимаемых местах и стараться разобщить этропольский и правецкий гарнизоны[40]. На правом фланге преображенцы заняли дорогу из Этрополя в Правец, порвав на ней телеграфную проволоку. Вечером вновь по всему гребню зажгли костры.

В реляции генерала Дандевиля действия левого обходного отряда* и его совместное наступление с колонной принца Ольденбургского на заключительном этапе операции (12 ноября) представлены следующим образом.

10 ноября был выслан вверх по ущелью р. Липенки в обход Этрополя с левой стороны отряд полковника Рыдзевского, которому не придавалась артиллерия из-за трудности горной тропы от Липена к Троицкому монастырю, а саперы получили приказ по возможности быстро «разработать дорогу» с тем, чтобы на другой день усилить отряд артиллерией. Полковник Рыдзевский, дойдя до неприятельской позиции у Троицкого монасты-

* Состав отряда — 12-й Великолукский пехотный полк, три сотни 2-го Кубанского казачьего полка и команда гвардейских саперов.

ря, был встречен сильным ружейным и артиллерийским огнем, и после неудачной атаки должен был отступить с потерей одного раненного офицера, 42 убитых и 24 раненных нижних чинов. В ту же ночь, с 10 на 11 ноября, Рыдзевскому прислали подкрепление — 2-й батальон лейб-гвардии Гренадерского полка под командой капитана Засулича. День прошел в перестрелке. Вечером 11 ноября, «убедившись из показаний болгар и донесений капитана Засулича, что поднятие орудий из Липена на высоты, командующие этропольской долиной, благодаря работам саперов возможно», генерал Дандевиль направил в Липен командира 4-й батареи 3-й артиллерийской бригады полковника Тизенгаузена с четырьмя орудиями под прикрытием двух рот лейб-гвардии Гренадерского полка. «К 8 час. утра 12 ноября болгары со своим предводителем Георгием Антоновым и с помощью великолукцев на двуконных болгарских арбах лихо и быстро втащили разобранные по частям орудия, неся снаряды на руках, на позицию полковника Рыдзевского, который в 10 час. открыл огонь по неприятелю, спустившемуся перед ним в этропольскую долину».

На рассвете 12 ноября по приказу принца Ольденбургского команда охотников Преображенского полка в 100 человек атаковала в штыки и заняла один из ложементов турок. Преображенцы заставили неприятеля постепенно отступить к своему лагерю, к которому в то же время спускался с высот командир лейб-гвардии Гренадерского полка полковник Ю.В. Любовицкий, с утра принявший командование левой обходной колонной (вместо полковника Рыдзевского). Турки покинули ущелье, которое заняли преображенцы, и отступили в свой лагерь, расположенный на высоком холме посреди этропольской долины, и оттуда отстреливались, «покуда совокупным движением колонн принца Ольденбургского и полковника Любовицкого около 18:30 принуждены были бежать по направлению к Араб-канаку». Преображенский полк, преследуя неприятеля, остановился с наступлением темноты биваком, пройдя г. Этрополь. Гренадеры и частью великолукцы заняли турецкий лагерь и потушили устроенный турками пожар, а другая часть великолукцев осталась ночевать при четырех орудиях, спуск которых с наступлением ночи по крутым скалам без дорог представлял большие затруднения[41].

В отличие от реляции, воспоминания Дандевиля об этой операции, прежде всего, о действиях левой колонны полковника Рыдзевского, очень интересны и важны своими подробностями, которым не может быть места в официальном документе.

Получив диспозицию на 10 ноября, Дандевиль обратился к болгарам за сведениями о количестве турок в Этрополе, но от них «ничего путного нельзя было добиться. Одни говорили, что в Этрополе турок видимо-невидимо, тысяч до 30; другие божились, что тут их очень мало; третьи скромно отговаривались тем, что давно в Этрополе не были и не знают ничего о настоящей силе турок»[42]. Генерал констатировал, что вооруженных болгар было множество вокруг отряда: они бродили по горам, составляя отдельные четы и признавая своим общим начальником Георгия Антонова. Тот явился к генералу Дандевилю, который ему приказал «немедленно собрать свою команду к отряду во избежание недоразумений (из коих одно чуть было и не случилось, когда кубанцы едва не порубили нескольких болгар, приняв их за турок) и отделяться от войск не иначе, как с ведома или по приказанию начальников. Болгары исполнили это с видимым удовольствием; оно всё же вернее»[43].

Следует сказать, что в историографии очень немного известно о Георгие Антонове Сураджиеве (1838–после 1910), а именно: что он родом из Кочани (Македония), участвовал в сербско-турецкой войне 1876 г. как предводитель четы, что во время русско-турецкой войны его конная чета действовала в районе Этрополя и Орхание, совершала разведывательную деятельность и охранительные операции, привлекала болгарское население в помощь русским войскам и закончила свой боевой путь в Софии, после ее освобождения. Сам Г. Антонов был награжден Георгиевским крестом за храбрость[44]. Воспоминания генерала Дандевиля не просто существенно пополняют наши знания об этом воеводе, но даже представляют нам его портрет. Позволим себе привести его характеристику без купюр: «Представитель этой добровольной рати (т.е. болгарских вооруженных отрядов: чет. — *М. Ф.*) Георгий Антонов совершенно походил с виду на русского солдата. Небольшого роста, широкоплечий, он носил густые и длинные светло-русые усы, коротко остриженные бакенбарды и бритый подбородок.

Расторопность, неутомимость, воинственная энергическая манера, бойкость в речах, исполнительность и привычка командовать — всё у него было, чтоб сделаться отличным унтер-офицером или фельдфебелем в любой роте. Он носил за поясом короткий широкий нож, а в руках длиннейшую старую винтовку, которой помахивал как перышком. Каждое слово его дышало ненавистью к туркам; но ему не нравилось, когда его спрашивали, за что он их так не жалует… Георгий Антонов не считал, по-видимому, турок за людей и имел глубокое убеждение, что для блага человечества их следует истреблять как волков, сусликов, саранчу и тому подобных вредных для поселян животных. Нас он старался всеми силами убедить, что турки совершенная дрянь — вот эти, что в Этрополе; что они непременно бегут от первого нашего выстрела, что не сто́ит и внимания обращать на их позицию с такими бравыми солдатами как наши, с которыми он очень любил калякать, развивая в них те же понятия о турках. Георгия Антонова удивляло, что наших солдат мало интересовало — сильна ли позиция, много ли турок, следует или не следует их всех до единого перерезать, стараться, чтобы ни один не ушел; что русский солдат знал только — идти, куда прикажут, вздуть, кого велят, и умел исполнить это с удивительной добросовестностью. (Последнее ему было известно в подробностях, потому что обо всех военных действиях с начала войны в Болгарии он знал лучше, нежели подписчики на “Военный листок”* г-на Крестовского.) Георгию Антонову хотелось вдохнуть в наших солдат ту же страстность, которая одушевляла всех болгар, ту же беспощадную ненависть к туркам — но он взялся за труд совсем неблагодарный. Когда он уж совсем выходил из себя, говоря ломаным, но понятным русским языком и страшно размахивая руками, наши добродушные ребята только посмеивались над ним и ещё подстрекали для пущей потехи, приговаривая: “эк его разбирает!”»[45].

10 ноября в голове обходной колонны Рыдзевского шли, «сохраняя возможную тишину», кубанцы. Их маленькие лошадки, привыкшие к горам, были незаменимы в предстоящей операции,

---

* Военный журналист В.В. Крестовский редактировал издаваемый при Главной квартире главнокомандующего «Военно-летучий листок», в котором сообщались фронтовые известия, а также сведения о потерях и наградах.

и начальник отряда, «по справедливости, называл Кавказскую бригаду идеальной и образцовой кавалерией». «Георгий Антонов со своими болгарами выступал тоже с великолукцами и непременно хотел втискаться в их ряды»[46], — вспоминал Дандевиль. После полудня полковник Рыдзевский, согласно приказу генерала, вышел из липенского ущелья «на вид Троицкого монастыря, укрепленного турками», выбрал на высотах удобную позицию и начал окапываться под выстрелами турок в ожидании новых приказов. Вскоре генерал получил записку от полковника, а доставивший ее болгарин принялся упрашивать Дандевиля, чтобы тот отдал приказ Рыдзевскому — выйти в тыл позиции турок у Троицкого монастыря. При этом болгарин уверял, что всех турок можно захватить, «обойдя по какой-то тропинке, ночью». Он старался как можно подробнее описать обходную тропу и жаловался, что Рыдзевский не слушает увещаний болгар, уговаривавших его на это предприятие. Генерал отказал этому болгарину и предоставил Рыдзевскому действовать по его усмотрению.

Военный историк Н.А. Епанчин писал, что вечером 10 ноября полковник Рыдзевский, основываясь на показаниях болгар о том, что позиция у Троицкого монастыря занята очень слабым отрядом турецкой пехоты, решился обойти в течение ночи правое крыло неприятеля[47]. Ночью Дандевилю пришло известие о неудачном предприятии Рыдзевского, «вероятно, поддавшегося увещаниям болгар и пошедшего с большой частью отряда в обход турецкой позиции под Троянским монастырем». Генералу так и осталось неизвестно, открыли ли турки во́время движение русских или болгары не так вывели великолукцев, но отряд впотьмах неожиданно наткнулся на сильнейшего противника, и был встречен «жестоким огнем, почти в упор». Полковнику Рыдзевскому пришлось отступить на прежнюю позицию. «Хорошо еще, что турки, не имеющие привычки преследовать отступающих, позволили великолукцам благополучно отойти»[48], — радовался такому обстоятельству Дандевиль. Тотчас же были высланы батальон лейб-гренадеров капитана Засулича, а также доктора и перевязочные материалы.

На следующее утро генерал Дандевиль встретился с принцем Ольденбургским, чтобы обсудить и согласовать дальнейшие

действия. С позиции Рыдзевского приходили неутешительные вести: несмотря на то, что отряд окопался, турки его сильно обстреливали гранатами. Капитан Засулич докладывал, что неприятеля можно атаковать, но только разом с трех сторон, и при этом хорошо бы иметь поддержку артиллерии. От начальника штаба гвардейского отряда генерал-майора Д.С. Нагловского пришло сообщение, что атака на Правец назначена на 11 ноября, и генерал Гурко приказал оставаться на тех же позициях, отвлекать турок под Этрополем и стараться разобщить их с Правцем[49].

С позиций Великолукского полка было видно, как турки втащили орудие на гору, где был расположен Троицкий монастырь, и скоро это орудие открыло огонь, причем, турки часто меняли его местоположение, «желая тем самым ввести в заблуждение русских относительно числа своей артиллерии»[50], полагал Епанчин. От Рыдзевского доставили записку, что он будет вынужден завтра отступить, если не будет прислана артиллерия, что турки подходили к нему из Троицкого монастыря, но 10 их атак были отбиты. И ему придется переменить невыгодную позицию. В этой записке полковник также указывал, что «по сведениям от болгар, в Этрополе имеется 10.000, определить вернее трудно, так как на их позиции лес и ложементы, в которые они прячутся. Стреляют три орудия»[51].

Генерал Дандевиль получил записку от подполковника Генерального штаба барона Криденера, в которой тот от имени Гурко просил генерала отправиться на позицию полковника Рыдзевского для личного осмотра расположений турок, что «было весьма необходимо и важно, в виду того, что представлялось сомнительным, чтобы в действительности турки могли произвести 10 атак на колонну полковника Рыдзевского»[52].

Офицер-сапер приехал доложить, что он «не мог многого сделать своими кирками и лопатами в камне, но что орудия поднять можно». С ним вместе явился Г. Антонов «в совершенном азарте» и объявил Дандевилю, что не уйдет, пока ему не дадут орудий, и что он головой ручается за их доставку к Рыдзевскому. «В доказательство возможности подъема орудий из липенского ущелья, болгары привезли показать двухколесную арбу, очень поворотливую с большой платформой». Антонов «рассказывал,

что на этих арбах, запряженных буйволами, они и не такие тяжести возят по горам; показывал, как орудие, снятое с лафета, будет уложено, как болгары понесут заряды. Болгары, стоявшие кругом, тоже о чём-то галдели, махая руками». В заключение их предводитель сказал генералу: «“Если завтра утром пушки не будут там”, он показал в сторону позиции Рыдзевского, “то Георгий Антонов буде тука!”, и энергическим жестом показал он на шею и потом вверх на висевшую над нами огромную дубовую ветвь». Все расхохотались, и начальник отряда, смеясь, послал за полковником Тизенгаузеном, который тут уже стоял за болгарами и только ждал приказа, — орудия были готовы к перевозке[53]. Полковник Любовицкий получил приказ принять команду от полковника Рыдзевского* и выехать на позиции на следующий день рано утром.

Сборы артиллеристов, полковника Любовицкого со штабом полка и «неистощимые разглагольствования Георгия Антонова, которого даже и генерал Краснов** приехал послушать, всё это оживляло нашу вечернюю беседу и настраивало на хорошее расположение духа»[54], — вспоминал Дандевиль. Совсем уже стемнело, когда четыре орудия с двумя ротами лейб-гренадеров тронулись в липенское ущелье, «провожаемые общими желаниями успеха». «Впереди их, взмахнув на плечо свою винтовку, бодро зашагал Георгий Антонов со своей четой, двухколесной

---

* «Полковника Рыдзевского я узнал, приняв бригаду в Ябланице, и скоро заметил его вялость и нераспорядительность. Замену его полковником Любовицким полагал сделать по случаю этой нераспорядительности», — объяснял свое решение генерал Дандевиль генерал-майору Нагловскому в полевой записке от 12 ноября (СМ. Вып. 57. Ч. 1. СПб.: «Столичная Скоропечатня», 1907. С. 182). Эта перемена в командовании была утверждена генералом Гурко (СМ. Вып. 57. Ч. 1. С. 162). Военный корреспондент В.В. Крестовский объяснял эту перемену следующим образом: «Начальство над этим отрядом Рыдзевский сдал, как старшему, командующему лейб-гвардии Гренадерским полком, флигель-адъютанту, полковнику Любовицкому». См.: *Крестовский В.В.* Двадцать месяцев в действующей армии (1877–1878). СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1879. Т. 2. С. 321.

** Даниил Васильевич Краснов (1817–1893) — генерал-майор, командир 26-го Донского казачьего полка. Он «успел уже побывать в первом походе Гурко за Балканы и в отряде генерала Крылова за Видом». «Вид этого веселого бодрого старика, постоянно на коне разъезжающего всюду в одиночку, его боевые рассказы, до которых он большой охотник, действовали магически на нашу молодежь, которая большей частью была еще мало обстреляна» // *В.* [*Дандевиль В.Д.*] Воспоминания об Этрополе. Из походных записок армейца // Сборник военных рассказов [составленных офицерами — участниками войны 1877–1878 гг.] (далее — СВР). СПб., 1879. Т. 3. С. 369.

арбой, запряженной парой волов, и саперами. Тут даже и тишину перестали соблюдать, все были уверены, что теперь уж туркам несдобровать»[55].

Все четыре орудия были благополучно подняты на высоту. Военный корреспондент Шаховской, со слов очевидцев, отмечал, что вскоре оказалось, что «ни буйволы, ни экипаж не могли подниматься по крутому склону и потребовалась помощь людей и веревок. Снаряды доставлялись верховыми казаками в башлыках»[56]. Но ровно в 10 час. утра полковник Тизенгаузен открыл стрельбу по туркам. «С каждым выстрелом с позиции Рыдзевского, у нас повторяли: “Молодец Тизенгаузен! Молодец Засулич, молодец Георгий Антонов!”», — писал Дандевиль. Впоследствии, в Этрополе, генерал узнал «от передавшегося к нам болгарина Цареградского*, служившего врачом в турецкой армии», что, услыхав выстрелы русских пушек перед Троицким монастырем, турки не хотели верить своим ушам. Двое пашей в Этрополе, не ладивших между собой, окончательно поссорились. «Младший паша, увидев, что дело плохо, что старший не хочет верить появлению русских орудий с восточной стороны Этрополя и даже при всех сказал ему, что он врёт и, струсивши, других пугает, — собрал свою часть и начал отступать из города, говоря, что если старший паша не верит тому, что все видят, так пусть же его уверяют в этом сами русские, когда придут в город»[57]. Перестрелка Тизенгаузена с Троицким монастырем продолжалась «медленно, ровно, спокойно»[58].

Вечером Дандевиль получил записку от полковника Любовицкого о том, что турки отступают из Этрополя. Штаб двинулся вверх по узкому липенскому ущелью. Проводниками были кубанские казаки, «болгар уже и духу не было»[59], — отметил генерал. Казаки отыскали начало дороги, по которой поднимались четы-

---

* Цариградски Георги Антонов (ок. 1845–1918) — обучался в военно-медицинском училище в Константинополе (1868–1874 гг.), куда был послан общиной г. Кюстендил. Служил в турецкой армии, но перешел на сторону русских. Цариградски находился в отряде Дандевиля на Врачешском перевале, принимал участие в переходе через Балканы. Генерал-майор с большой теплотой отзывался о нем: «Бесстрашный, кипящий деятельностью, неутомимый, хотя тщедушный, ненавидящий турок невозможной ненавистью, знающий пять языков, из которых хуже всех русский, он меня всегда удивлял своей нравственной живучестью и умением влиять на болгар». *Д.* [*Дандевиль В.Д.*] Воспоминания о Бабе-горе // СВР. Т. 3. С. 303.

ре орудия, и Дандевиль недоумевал: «Какая может быть дорога по этой стене, поросшей лесом». Карабкаясь вверх по ней, генерал поражался «и строителю этой дороги, и болгарам, сумевшим втащить здесь орудия»[60].

«Сильный по природной обстановке и важный по своему стратегическому назначению, Этрополь достался нам почти шутя, если не считать ночного дела у полковника Рыдзевского», — писал В.Д. Дандевиль. «Вместо ожидаемых 10.000, жители Этрополя насчитывали всего на всё от 6 до 7 тыс. турок и 5 орудий». «Зачем же это мы так церемонились с ними, будучи гораздо сильнее? Можно было, в самом деле, их живьем забрать, как говорили болгары. Жаль, что братушки из веры вышли. Из сильного желания, чтобы мы скорее побили турок, они не раз умышленно убавляли цифры их числительной силы и вводили нас в заблуждение; в другой раз, со страха, число турок у них двоилось. На более открытой местности, мы бы и сами могли заставить турок раскрыть свои силы, но в горной стране это трудно. А боевой глаз Данилы Васильевича Краснова оценивал верно наших противников, когда советовал атаковать их решительно. Во всяком случае, теперь доступы на Балканы для нас были открыты, и самый перевал, по словам болгар, не был занят турками». На следующий день, 14 ноября, генерал Краснов «отвел душу: екатеринославские драгуны нагнали в ущелье обоз с четырьмя таборами, отбили три орудия и 300 повозок с разными запасами»[61].

Дандевиль в реляции среди лиц, представляемых им к знакам отличия, указал и Г. Антонова: «Полагаю справедливым примерно поощрить труды и усердие начальника болгарской четы волонтеров Георгия Антонова, замечательного своим усердием, влиянием на болгар и умением воодушевить их на тяжкие труды»[62]. Антонов был удостоен Георгиевского креста. Это награждение, «сделавшееся повсеместно известным болгарам окрестностей Этрополя, много способствовало тому усердию, которое они выказали во время последних действий вверенного мне отряда», — констатировал Дандевиль в реляции о действиях отряда с 19 по 22 декабря 1877 г.[63].

Овладение Этрополем, удобным исходным пунктом для обхода всех позиций турок на Балканах, избранных ими для защиты

пути на Софию, было очень важно. Донося главнокомандующему о взятии Правца и Этрополя, генерал-адъютант Гурко закончил свою реляцию так: «С помощью Божией вход на Балканы открыт»[64].

Потери в отряде генерал-майора Дандевиля были невелики, что Н.А. Епанчин объяснял искусным маневрированием на местности, вследствие чего огонь турок, «весьма оживленный в течение всех трех дней, не мог быть достаточно действительным», а также тем, что турки только в немногих случаях вступали в рукопашный бой. Епанчин отмечал, что неприятель действовал крайне пассивно, хотя при разбросанности расположения русских отрядов была возможность временно перейти в наступление против одной из колонн и тем самым значительно задержать общий ход наступления отряда Дандевиля[65].

Этрополь «ничего особого не представляет: улицы узкие, кривые и плохо вымощены; дома, за исключением одного (в четыре этажа), малы и очень невысоки, оконные стёкла составляют здесь предмет роскоши, по большей же части их заменяет бумага и внутренние ставни, которыми окна закрываются на ночь; впрочем, внутренность большинства зданий отличается замечательной опрятностью»[66], — так описал город Н. Гредякин, офицер лейб-гвардии Гренадерского полка. «Турецкая мечеть находится в самом плачевном состоянии», в последнее время она была обращена в артиллерийский склад. «Болгарская церковь осталась нетронутой, что, впрочем, не следует считать доказательством порядочности турок; по словам болгар, 13 человек лучших* граждан города (в том числе и шесть священников) уведены турками в Орхание; причем, последние угрожают казнью этих заложников, если население не оставит Этрополя»[67], — писал Гредякин.

Об этом произволе турок сообщил и военный корреспондент Шаховской (правда, у него несколько иные цифры захваченных болгар). Этот факт турецких репрессий выявился при следующих обстоятельствах. Утром 13 ноября генерал-адъютант Гурко въехал в Этрополь, встреченный жителями «с величайшим вос-

* Лучшие граждане — это болгары, которые стояли во главе болгарской церковной общины, занимали административные должности в местном меджлисе, богатые и авторитетные люди города.

торгом», с крестом, хоругвями и хлебом-солью. Генерал сразу же отправился в церковь Михаила Архангела, чтобы отслужить благодарственный молебен, однако священник не появлялся. Оказалось, что турки, уходя из города, силой увели с собой всех болгарских священников (четырех человек), 15 лучших и богатейших граждан и нескольких самых красивых женщин и девушек. «Болгары стояли в церкви, понурив головы и печально посматривая на иконостас, иные усиленно крестились». Гурко через своего переводчика Хранова* велел передать болгарам, что русский царь избавит их от притеснителей веры и врагов, а завтра русский священник отслужит им здесь божественную литургию. «Эта церковь, лишенная священника, словно тело без души, производила на всех такое грустное впечатление, что у многих навернулись слезы». Гурко был, видимо, взволнован и обратился к болгарам со словами: «Молитесь Богу о даровании победы русскому оружию!» и вышел из церкви[68].

На следующий день была отслужена божественная литургия с хором певчих солдат, в присутствии Гурко и графа Шувалова с их штабами, ординарцами и иностранными агентами. В первый раз во время войны Дандевилю случилось стоять рядом в обществе тех же лиц, с которыми ему приходилось встречаться на выходах** и торжественных богослужениях в Петербурге, и он отметил резкую разницу не только в обстановке, но и «в са-

---

* Хранов Димо (Вылчев) (1845–1932) — родился в г. Лясковец (Тырновский санджак), служил учителем, продолжил свое образование в сельскохозяйственном училище в Крижевцах (Австрийская империя, Хорватия), в 1873 г. закончил сельскохозяйственную академию в г. Табор (Австрийская империя, Чехия), затем вновь учительствовал в Видине, а также издавал и редактировал первый болгарский сельскохозяйственный журнал «Ступан» [стопан, стопанин (болг.) — хозяин], первый номер которого вышел 1 января 1874 г. Но в следующем году Хранов переехал в Бухарест, где сотрудничал в журнале «Знание», издававшемся Л. Каравеловым. После войны он был болгарским посланником в Белграде, в 1885–1893 гг. занимался учебным делом в Македонии при Болгарском экзархате, являлся народным представителем в Народном собрании Болгарии (1893–1894 гг., 1894–1896 гг.). В историю Болгарии Хранов вошел как болгарский учитель и общественный деятель Возрождения.

** Выходы (большие и малые) — это торжественное шествие императорской четы с членами Дома Романовых по парадным залам Зимнего дворца, например, в дворцовую церковь по случаю какого-либо церковного праздника. В больших выходах помимо императорской фамилии принимали участие придворные чины, кавалеры и дамы. В особо торжественных случаях приглашались городские головы и купцы 1-й гильдии, высшее духовенство и дипломатический корпус. См. подробнее: https://statehistory.ru/books/TSarskaya-rabota--XIX---nachalo-XX-v/12

мих лицах». «Церковь была темненькая, — вспоминал он, — все были одеты в простой, боевой форме, самой пригодной и удобной для военного человека. Вместо эполет, золотого шитья и звёзд, цветных платков и лампасов, виднелись в полумраке поношенные, полинявшие от солнца и дождя сюртуки и погоны, бурки, высокие смазные сапоги… Отпущенные бороды давали всем знакомым, хотя и сильно загоревшим лицам, настоящий свой собственный вид, у которого ничего не было похищено или подделанного ни бритвой, ни парикмахером, — и физиономию, не лишенную новизны и глубокого интереса… Иные переменились к лучшему, другие — к худшему… Но на всех лежала печать тех ощущений, которые были неизбежным следствием начала успехов отряда генерал-адъютанта Гурко и вызывались предстоящими событиями. Салонных разговоров в церкви не было слышно. Все были сосредоточены, крестились усердно; на иных лицах было заметно, что думы их уносились куда-то вдаль…, на иных глазах безотчетно навертывались слезы…». Дандевиль обратил внимание на то, что французского языка, «о, ужас! совсем не было слышно». После краткой молитвы за павших в бою все вышли молча. «Русское чувство сказалось в каждом, даже и в тех, которые в обыденное время стараются заглушить его в себе или исказить… Солдаты молились как всегда и везде — кладя свои медные гроши на свечи…»[69]. Дандевиль был уверен, что именно «та душевная сила», которой «набирается русский человек в тихие минуты молитвы», дала «ту решимость, с которой войска полезли на перевал, ту настойчивость, с которой долезли до него, и то терпение, с которым простояли на нем целый месяц…»[70].

Любопытно сравнить впечатления Дандевиля от церковной службы 14 ноября с рассказом об этом же событии поручика Н.П. Михневича (1849–1927), впоследствии генерала от инфантерии, начальника Академии Генерального штаба, одного из крупнейших русских военных теоретиков. Михневич свидетельствовал, что в тот день служил священник лейб-гвардии Семеновского полка Е.В. Крюков. «Церковь — это снаружи большой одноэтажный дом с призматической пятиреберной крышей. Около нее выстроено какое-то подобие колокольни, где звонили

и ударяли в сухую доску мальчишки. Внутри церковь держится на четырех арках. Живопись вполне византийская и очень хорошая. Иконостас резной, направо от главного входа стои́т резное место для архиерея — великолепнейшей работы». Поручик заметил, что «болгары с удовольствием слушали русское служение и певчих»[71]. В конце молебна состоявший при штабе корпуса переводчик И.Д. Вылчев* «сказал прекрасно прочувствованную речь» на болгарском языке. Как говорили, он был уроженцем Этрополя, а его отец был уведен в тюрьму за то, что сын перешел на сторону русских. Вылчев «чрезвычайно живо и восторженно» упомянул об историческом единстве русских и болгар, отметил жертвы и лишения, которые нес русский народ, начиная от царя до последнего воина; указав, что «половина нашего дорогого отечества отбита от нашего вековечного врага», призвал болгар помочь русским «всеми нашими силами довести это святое дело до конца» и воскликнуть «от глубины нашего сердца: “Да живе русский царь!”, “Да живе русское победоносное воинство!”». И все присутствовавшие в церкви болгары отвечали: «Да живе!»[72].

Военный корреспондент Шаховской сообщил также, что 14 ноября в Этрополь возвратился один из четырех захваченных турками священников, который сумел убежать из Орхание, воспользовавшись паникой и суматохой, возникшей из-за победы русских у Правца. Он рассказал следующее. При приближении русских войск к Балканам, мирное турецкое население Этрополя обратилось в беспорядочное бегство по направлению к Софии. Губернатор города Назиф-эфенди, призвав к себе граждан города, уговаривал их бежать вместе с турецким населением и побудить к тому всех остальных болгар, жителей Этрополя. Он обещал даже предоставить всем телеги. Священник указывал, что «целью подобного подстрекательства болгар было желание губернатора и военных властей показать русским несочувствие бол-

---

* Вылчев Илья Дмитров, уроженец г. Этрополя, был учителем в браиловской болгарской прогимназии, поступил переводчиком при штабе Гвардейского корпуса 2 октября 1877 г., получал «содержания 80 руб. в месяц и фуражных на одну лошадь». «За переход через Балканы, усердие и распорядительность и бытность в сражениях под Горным Дубняком 12 октября 1877 г. и под Правцем 11 ноября» был награжден серебряной медалью на александровской ленте // См.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. М.: Наука, 1964. С. 482–483. После 1878 г. — известный адвокат в Софии, народный представитель в IV и X Народном собрании.

гар к России и их преданность туркам». Назиф-эфенди уверял болгар, что едва русские вступят в город, они всех их перережут и переколют. Но жители не желали покидать свои дома и церкви, за это их назвали друзьями русских, шпионами и, следовательно, открытыми врагами турок. 15 лучших граждан, всех священников, девушек и женщин богатых болгарских семейств схватили в качестве заложников и привели в Орхание. Где находились другие пленники и что с ними стало, священнику было неизвестно. А в Орхание бесчинствовали черкесы, поощряемые Шефкет-пашой, и столь возмутительно, что даже другие паши начали уговаривать Шефкет-пашу, чтобы тот обуздал свою дикую кавалерию. Но последний считал всех болгар шпионами, врагами Турции, поэтому полагал, что любое зверство над ними дозволено. Между Шефкет-пашой и остальными военачальниками издавна существовала некоторая рознь, паши послали донос в Константинополь о том, что Шефкет-паша распустил свое войско, и это стало якобы причиной его смены и отзыва в столицу Османской империи*. Священник подчеркнул, что турки в Орхание совсем не ожидали наступления русского войска и спокойно оставались в своих домах. Но как только раздались первые выстрелы русских орудий в горах, они обратились в такое поспешное бегство, что в клисуре (из Орхание во Вратешти) столпились масса телег и гурты скота, занявшие собой всё узкое ущелье. Вновь прибывавшие толпы турок, видя дорогу загроможденной и боясь наступления русских, начали сталкивать в пропасть телеги и скот, завязалась драка, в результате которой до 50 человек мирных турок были убиты своими же согражданами. Во время этого переполоха в городе и ущелье плененные священники успели спастись бегством, и один из них благополучно вернулся в родной город[73].

Поручик Михневич свидетельствовал, что болгары Этрополя принимали своих освободителей «чрезвычайно радушно; вводили в дома офицеров и солдат, не знали чем угостить; обнимались, крестились, целовали руки, просто, видно было, что не знали, чем бы выразить свою любовь и признательность к русским»[74].

---

* Командование армией в Орхание, назначенной для освобождения Плевны, было поручено муширу Мехмед-Али-паше.

О теплом отношении жителей Этрополя к русским сообщал и офицер лейб-гвардии Гренадерского полка Н. Гредякин: встретили хлебом-солью, «болгары не знают, как принять нас и чем угостить, солдатам многое они дают даром»[75].

Подобное отношение болгар для офицеров гвардии было удивительным и неожиданным. Дело в том, что русская пресса в начале войны была наполнена восторженными статьями о радостных встречах болгарами русских войск в городах и селениях, сопровождаемых щедрым угощением. Однако полки гвардии, вступавшие на правый берег Дуная в сентябре 1877 г. и затем шедшие к Плевне, ожидал в Придунайской Болгарии очень сдержанный, даже негостеприимный прием. При этом такое отношение местного населения превратилось в весьма серьезную проблему для офицеров и солдат в связи с постоянными затруднениями в обеспечении русских войск продовольствием. Обозы, на которых поначалу находились все вещи офицеров, включая палатки, одежду и продукты, отставали, надолго застревали в пути из-за бездорожья и осенней распутицы, не приходили к вечеру на бивуак, поэтому положение офицеров на стоянках подчас оказывалось совершенно плачевным. Подпоручик лейб-гвардии Саперного батальона М.Н. Соколович вспоминал: «Куры, яйца, масло, молоко и даже хлеб — всё это было для нас недоступно, болгары не хотели ни за что продавать. Станешь уговаривать, упрашивать, — они отделываются либо непониманием русского языка, либо обычным ответом: “Нима ништо, нима кон, нима бюйвол, нима краве, нима каруца*. Турка сичко порезàл, побирàл и на Плевен побегàл”. Случалось слышать и такие ответы: “Нима ништо, турка сичко побрал, гайда на Плевен, тамо и земешь!”»[76].

Разумеется, позиция жителей Придунайской Болгарии на тот момент вполне объяснима. После ликований при встрече авангарда русской армии в июне мимо их поселений по направлению к Плевне к 25 августа прошли более 50 тыс. русских войск[77]. Чувство самосохранения, забота о семье и обеспокоенность за будущий урожай заставляли болгар скрывать свой достаток, чтобы не остаться на зиму без продовольствия. Кроме того,

* Каруца — телега (рум.).

первые неудачи русского оружия усилили неуверенность болгар в возможной победе России, а также обострили память, поскольку, независимо от результатов предыдущих русско-турецких войн, турки всегда возвращались. И эти обстоятельства заметно отражались на отношении болгар к русским.

Офицеры прекрасно понимали положение местного населения, но война расставляла свои приоритеты. Так, генерал-майор В.Д. Давыдов замечал: «Бедствия болгар велики, слова нет, но едва ли они сравняются с бедствиями русского солдата, а нам, как военнослужащим, последние ближе к сердцу»[78]. Пройдя от Систово (ныне — Свиштов) до Плевны и вступив в Этрополь, офицеры обнаружили значительную разницу в отношении к русским. Так, Н. Гредякин констатировал: «Вообще этропольские болгары резко отличаются от своих соплеменников, живущих ближе к Дунаю: постоянное “Нема, братушка, нема” последних заменяется у первых полною готовностью отдать последний кусок»[79].

Офицер 5-й батареи 1-й гвардейской артиллерийской бригады, фамилия которого осталась неизвестной, размышлял над причинами такого различия в характерах и поступках болгар Придунайской Болгарии и «обитателей западных гор». Последние, по его наблюдениям, отличались «большим прямодушием и симпатичностью и за сходную цену охотно снабжали нас необходимыми съестными припасами». Причины этому, как полагал автор, заключались «отчасти в меньшем проценте здесь проживающих мусульман и отчасти в том, что эти горцы в первый раз принимали русские войска и подобно их братьям на равнине еще не испытывали печальных последствий и обманутых надежд многих с такой же целью начатых, но без результата оконченных войн»[80].

Турки отошли к заранее сильно укрепленным позициям у Араб-Канакского перевала, длиною по гребню на пять верст по обеим сторонам дороги Орхание–София, имея на фронте семь редутов (19 орудий). 15 ноября в 4:30 отряд Дандевиля, назначенный Гурко в авангард, начал свой путь на Балканы, где ему предстояло занять гребень Вратешского перевала* и, проявляя

* На австрийской карте этот перевал именовался Греата.

невероятное мужество и выносливость, выстоять в неимоверных тяжелых условиях зимних Балкан против мощнейшего укрепления № 1 (Ильдыз-табия или Гюльдис-табия), ключа турецкой позиции, выстроенного на высшей точке перевала, на горе Шандорник (Шиндарник, ныне пик Звездец, на 5446 футах или 1654,8 м над уровнем моря). Только 9 декабря отряд спустился в Этрополь на краткий отдых, чтобы затем форсировать Балканы. Но это уже материал для нового исследования.

Таким образом, рассмотренный нами один из эпизодов русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — захват Этрополя отрядом генерал-майора Дандевиля 12 ноября 1877 г. — вполне подтверждает факт непростых взаимоотношений между болгарами и русскими. В ноябре 1877 г. русские военачальники не доверяли информации, поступавшей от болгар, и стремились ее перепроверить. Нередко она оказывалась ложной, и ночной бой отряда полковника Рыдзевского — яркий тому пример. Кроме того, сведения болгар, которые были в большинстве своем крестьянами, зачастую не удовлетворяли военных.

Не всё было гладко и во взаимоотношениях болгарских чет с отрядом генерал-лейтенанта Гурко: четы не только не соотносили свои действия с русскими, но даже избегали их. Только реальная угроза быть уничтоженными казаками, которые принимали вооруженных людей, бродящих по горам, за башибузуков, заставила четников пристроиться к отряду Дандевиля. Ни в реляции, ни в воспоминаниях генерал-майора нет указаний на то, что болгары принимали участие в боевых действиях отряда. Но содействие, вóвремя оказанное Георгием Антоновым и его людьми в подъеме орудий, Дандевиль высоко оценил, ходатайствуя о награде предводителю. На наш взгляд, генерал хорошо знал психологию южных славян, поскольку благодаря этой награде число добровольных помощников среди местного населения значительно увеличилось, и 24 декабря Дандевиль представил уже целый список из пяти имен, достойных поощрения[81].

Жители Этрополя, впервые встретившиеся с русскими, своим дружелюбием и радушием изменили отношение гвардейцев к болгарам. Офицеры невольно сравнивали население Придунайской Болгарии и Балканских гор, отмечали причины разницы в их

характере и поведении, но при этом оправдывали жителей равнины, понимая их положение, которое заставляло в условиях тяжелой войны и неясности ее исхода приспосабливаться, чтобы выжить, и нередко служить и туркам, и русским.

Примечания

[1] *Епанчин Н.А.* Очерк действий Западного отряда генерал-адъютанта Гурко. СПб.: Типография штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1889. Ч. 1.

[2] Цит. по: *Дойнов Ст.* Българската общественост и руско-турската освободителна война (1877–1878). София: изд-во на Отечествения Фронт, 1978. С. 100–101.

[3] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. М.: Наука, 1961. С. 664.

[4] *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М.: Изд-во Московского университета, 1960. С. 314.

[5] Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове (далее — СМ.). СПб.: Военная типография, 1898. Вып. 6. С. 17.

[6] Там же. С. 32.

[7] СМ. Вып. 40. СПб.: Государственная типография, 1905. С. 124.

[8] СМ. Вып. 6. С. 33.

[9] Там же. С. 33–34.

[10] *В.* [*Дандевиль В.Д.*]. Воспоминания об Этрополе. Из походных записок армейца // Сборник военных рассказов [составленных офицерами-участниками войны 1877–1878 гг.] (далее — СВР). СПб., 1879. Т. 3. С. 365.

[11] *Яшвиль Н.В.* Походные письма (1877–1878 гг.). София: Акад. изд-во «Проф. М. Дринов», 2007. С. 137.

[12] СМ. Вып. 57. Ч. 1. СПб.: «Столичная Скоропечатня», 1907. С. 10.

[13] Там же. С. 39–40.

[14] Там же. С. 88–89.

[15] *Берс А.А.* Воспоминания офицера лейб-гвардии Преображенского полка о походе в Турцию в 1877–1878 г. // Русская старина (далее — РС). 1898. Т. 94. № 6. С. 669.

[16] СМ. Вып. 57. Ч. 1. С. 33.

[17] *Паскин А.П.* Из походных записок строевого офицера // СВР. Т. 6. С. 443.

[18] *Шаховской Л.В.* С театра войны 1877–78. Два похода за Балканы. М.: Университетская типография. 1878. С. 155–157.

[19] Там же. С. 157–158.

[20] СМ. Вып. 57. Ч. 1. С. 44.

[21] Там же. С. 42–43.

[22] Там же. С. 45.

[23] *Шаховской Л.В.* С театра войны 1877–78. С. 158–159.

[24] СМ. Вып. 57. Ч. 1. С. 45.

[25] Описание русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. СПб.: Военная типография, 1911. Т. 7. Ч. 1. С. 251.

[26] СМ. Вып. 57. Ч. 1. С. 43–45.

[27] Там же. С. 57.

[28] *В.* [*Дандевиль В.Д.*]. Воспоминания об Этрополе. Из походных записок армейца // СВР. Т. 3. С. 367.

[29] Там же. С. 268.

[30] *Берс А.А.* Воспоминания о походе в Турцию в 1877–1878 гг. СПб.: Типография М. Акинфиева и И. Леонтьева, 1900. С. 19 (Издание Постоянной комиссии народных чтений).

[31] *Берс А.А.* Воспоминания офицера… С. 670.

[32] *Шаховской Л.В.* С театра войны 1877–78. С. 162.

[33] СМ. Вып. 57. Ч. 1. С. 105–107.

[34] *Пузыревский А.К.* Воспоминания офицера Генерального штаба на войне 1877–1878 гг. в Европейской Турции // Военный сборник. 1879. Т. 126. № 3. С. 267.

[35] *Епанчин Н.А.* Очерк действий Западного отряда… С. 88.

[36] *Берс А.А.* Воспоминания офицера… // РС. 1898. Т. 95. № 7. С. 177–178.

[37] *Берс А.А.* Воспоминания о походе в Турцию в 1877–1878 гг. С. 47.

[38] *Берс А.А.* Воспоминания офицера… // РС. 1898. Т. 95. № 7. С. 178.

[39] Там же. С. 182.

[40] *Епанчин Н.А.* Очерк действий Западного отряда… С. 98.

[41] См.: СМ. Вып. 57. Ч. 1. С. 186–190.

[42] *В.* [*Дандевиль В.Д.*]. Воспоминания об Этрополе. С. 370.

[43] Там же.

[44] *Чолов П.* Българските въоръжени чети и отряди през XIX век. София: Академично издателство «Марин Дринов», 2003. С. 191.

[45] *В.* [*Дандевиль В.Д.*]. Воспоминания об Этрополе. С. 370–371.

[46] Там же. С. 372.

[47] *Епанчин Н.А.* Очерк действий Западного отряда… С. 94.

[48] *В.* [*Дандевиль В.Д.*]. Воспоминания об Этрополе. С. 374–375.

[49] См.: СМ. Вып. 57. Ч. 1. С. 115.

[50] *Епанчин Н.А.* Очерк действий Западного отряда… С. 95.

[51] СМ. Вып. 57. Ч. 1. С. 165–166.

[52] *Епанчин Н.А.* Очерк действий Западного отряда… С. 101.

[53] *В.* [*Дандевиль В.Д.*]. Воспоминания об Этрополе. С. 381–382.

[54] Там же. С. 383.

[55] Там же.

[56] *Шаховской Л.В.* С театра войны 1877–78. С. 174.

[57] *В.* [*Дандевиль В.Д.*]. Воспоминания об Этрополе. С. 384.

[58] Там же. С. 385.

[59] Там же. С. 386.

[60] Там же.

[61] Там же. С. 387.

[62] СМ. Вып. 57. Ч. 1. С. 190.

[63] СМ. Вып. 62. СПб.: Типография штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1908. С. 238.

[64] Описание русско-турецкой войны… С. 303.

[65] *Епанчин Н.А.* Очерк действий Западного отряда… С. 107.

[66] *Гредякин Н.* Дневник лейб-гренадера // СВР. СПб., 1879. Т. 4. С. 314.

[67] Там же. С. 315.

[68] *Шаховской Л.В.* С театра войны 1877–78. С. 176–177.

[69] *В.* [*Дандевиль В.Д.*]. Воспоминания об Этропольских Балканах (из походных записок армейца) // СВР. СПб., 1879. Т. 3. С. 389–390.

[70] Там же. С. 391.

[71] *Михневич Н.П.* Из похода лейб-гвардии Семеновского полка в 1877–1878 гг. // СВР. Т. 4. С. 429.

[72] Там же.

[73] *Шаховской Л.В.* С театра войны 1877–78. С. 178–179.

[74] *Михневич Н.П.* Из похода… С. 429.

[75] *Гредякин Н.* Дневник лейб-гренадера. С. 314–315.

[76] *Соколович М.Н.* Рассказ сапера (в походе и Горный Дубняк) // СВР. Т. 3. С. 242.

[77] Описание русско-турецкой войны… Т. 5. СПб.: Военная типография, 1903. С. 81; *Ростунов И.И*. Боевые действия русской армии на Балканах в 1877–1878 гг. // Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Балканы. М.: Наука, 1979. С. 21.

[78] СМ. Вып. 40. С. 116.

[79] *Гредякин Н.* Дневник лейб-гренадера. С. 314–315.

[80] Рассказы артиллериста. Несколько недель под Плевной и подъем на Балканы // СВР. СПб., 1879. Т. 6. С. 117.

[81] СМ. Вып. 62. С. 237–238.

DOI 10.31168/7576-0478-7.8

Никита Сергеевич ГУСЕВ

Сербская и болгарская пропаганда по македонскому вопросу в России в конце XIX — начале XX вв.

Порядок на Балканах, построенный на основе Берлинского трактата 1878 г., имел под собой шаткое основание. Освободившиеся из-под власти султана Сербия, Греция и Болгария открыто претендовали на оставшиеся в Европе османские владения. Причем их проекты национального объединения заведомо предполагали отсутствие возможности полюбовного разрешения вопроса, а главным камнем преткновения являлись македонские земли. В то же время было очевидно, что великие державы не позволят балканским народам самим определить свое будущее. В таких условиях особое значение приобретала внешнеполитическая пропаганда, нацеленная на формирование представлений о правах того или иного государства на спорные земли. Российской империи, как покровительнице славянских народов Балкан, в этом процессе отводилось особое место.

В самой России после 1878 г. постепенно «открывали» Македонию, поскольку до того сведения о ней были отрывочны. Ранее только описания путешествий В.И. Григоровича, М.Ф. Карловой и М.А. Хитрово могли быть известны публике. А на волне интереса к полуострову, связанной с русско-турецкой войной 1877–1878 гг., вышли переиздание очерка В.И. Григоровича и написанные во время путешествия 1865 г. записки архимандрита Антонина (Капустина). По ним русский читатель мог представить, что же за земли отторгли у Болгарии по Берлинскому трактату. Из отрывочных, полных неточностей и мифов рассказов становилось понятным главное: Македония — это страна, «где всё было множество раз наслоено, взрыто и перерыто, и всё перековеркано справа налево, спереду на зад, и сверху вниз», как

выразился архимандрит Антонин[1]. Впрочем, и приведённая информация устарела — после 1878 г. регион превратился в арену культурной, а нередко и вооружённой борьбы соседних государств. А потому вскоре в Македонию потянулись журналисты, учёные и даже добровольцы, сражавшиеся в рядах местных четников против турецких властей. В 1912–1913 гг. Болгария, Сербия, Греция и Черногория совместно нанесли поражение Османской империи. Однако за Первой Балканской войной последовала Вторая — союзники не сумели договориться о разделе Македонии. Указанные события лишь усилили интерес русского общества к Балканам и увеличили количество публикаций, посвящённых македонскому вопросу. Статьи и книги, дополняемые печатными трудами российских консулов, рисовали весьма противоречивую картину, из которой было сложно понять, кем же населён полуостров и чьи права на него более обоснованны.

Изучение этого массива источников, как и самой македонской проблемы, в отечественной исторической науке началось недавно, поскольку в Советском Союзе тематика находилась под табу в силу нежелания ввязываться в болгаро-югославский спор[2]. В 1990-е годы стали появляться работы по македонскому вопросу, а его отражение в русской науке и публицистике в период между Берлинским трактатом 1878 г. и Бухарестским миром 1913 г. рассматривалось отечественными учёными А.Н. Сквозниковым[3], Н.А. Учаевой[4], М.Л. Ямбаевым[5], автором настоящего исследования[6], их украинской коллегой В.А. Бурбыгой[7], болгарскими историками Й. Йоловым[8] и С. Германовым[9], македонскими Цв. Станоевским[10] и Г. Тодоровским[11].

В то же время исследователей интересовали в первую очередь мнения русских наблюдателей и публицистов, а активность самих балканских народов в стремлении доказать русскому обществу свои права на Македонию оставалась несколько в стороне. По данному вопросу специальных работ ощутимо меньше. На материалах периода Балканских войн 1912–1913 гг. к теме обращался автор настоящих строк[12], в Болгарии в целом внешнеполитическую пропаганду рассматривал И. Илчев, приведя немного материала касаемо России[13], в Сербии же исследователей больше занимает пропаганда в европейских странах. В самой

Македонии и в годы вхождения в Югославию, и в эпоху независимости данная тема вызывала особое внимание, поскольку именно на рубеже XIX–XX вв. формировалась национальная интеллигенция, провозгласившая международной общественности о существовании отдельного македонского народа. Наибольшую же активность она проявляла в России, и к столетию одесского журнала «Вардар» — попытки освещать македонский вопрос с македонской точки зрения — была проведена совместная российско-македонская конференция[14]. С разной степенью объективности к указанной теме обращались Р. Терзиоски[15], П. Стоянов[16], Г. Тодоровски[17] и Б. Ристовски[18]. Главным объектом их исследований являлась деятельность македонской колонии в Петербурге, а сербская и болгарская агитации в России остались малоизученными. Им и посвящена данная работа.

В первую очередь сто́ит отметить, что каналами донесения нужной точки зрения до русского общества могли послужить сами его представители. Путешествуя по Македонии, они так или иначе оказывались под воздействием своих сербских или болгарских сопровождающих. Назойливых сербских попутчиков вспоминал военный востоковед П.А. Риттих, впрочем, ему это не помешало сделать самостоятельные заключения о ситуации в регионе[19]. В то же время Б.Л. Тагеев, отправившийся в Македонию на излёте Илинденского восстания 1903 г., полностью попал под влияние позиций одной из болгарских организаций и ретранслировал русскому обществу историю македонского освободительного движения не просто с проболгарских позиций, а ещё и в интерпретации близкого к официальной Софии Верховного македонско-одринского комитета[20]. Прекрасно осознававшие возможность манипуляции болгары и сербы ревниво следили за возможными успехами друг друга. Так, когда в начале XX в. российский филолог Е.В. Петухов отправился в путешествие по Балканам для знакомства с этнографией и историей полуострова, болгарский дипломатический представитель в Белграде М. Георгиев просил министра просвещения приложить все усилия для теплого приёма исследователя. И выразил опасение, что сербы, выделившие в сопровождение Е.В. Петухову своего учёного, «сумеют представить искаженную информацию о не-

которых вопросах, а особенно — о Македонии». В Софии отреагировали на этот запрос и отправили в компанию российскому филологу профессора И. Шишманова[21].

«Правильное» сопровождение должно было внушить путешественнику ту или иную точку зрения на этнический характер народонаселения, двумя основными компонентами которого рассматривались язык и самосознание. Болгарам в этом плане было намного легче, поскольку значительная часть населения себя считала болгарами или являлась паствой болгарского экзархата. Об этом писало большинство учёных и публицистов, доводом в пользу болгарских претензий служил проект Сан-Стефанской Болгарии. Указанные факторы обусловили пассивную позицию Софии в деле внешнеполитической агитации по македонскому вопросу — казалось, что её проводниками невольно будут все побывавшие в этих землях.

Сербам же приходилось подстраиваться под ситуацию и браться за самостоятельное распространение нужной точки зрения о Македонии и её жителях. Как отметил современный сербский исследователь С. Терзич, в Белграде недооценивали роль общественного мнения в формировании позиций государств по международным вопросам, и до начала 1890-х годов было опубликовано мало работ, которые «информировали бы зарубежную публику о сербах и их национальных стремлениях на Балканах»[22]. Однако более точным рубежом представляется 1885 год. Его в таком качестве указал ещё в 1899 г. П.Н. Милюков, в 1898–1899 гг. объехавший Македонию. Как он справедливо отметил, присоединение к вассальному Болгарскому княжеству автономной провинции Восточная Румелия показало возможность аналогичной судьбы и третьей части Сан-Стефанской Болгарии. Вооружённым путём воспрепятствовать этому сербскому королю Милану не удалось, и Белград на македонском направлении стал предпринимать активные действия пропагандистского характера. Выросло количество сербской литературы, «имеющей целью доказать, что Македония населена сербской национальностью», появились ответные болгарские публикации, и обе стороны не ограничились «взаимной полемикой», а обратились к европейскому общественному мнению[23].

И в то же время, на наш взгляд, не обязательно наличие за спиной авторов произведений прямого государственного финансирования. Представители болгарской и сербской точек зрения могли проводить соответствующую пропаганду в России и по идейным соображениям. Кто-то видел истину такой, как описывал, кто-то искренне отстаивал интересы своих страны и народа, донося до русских свое представление о Македонии. Но, подчеркнем, набор аргументов, расстановка акцентов очевидно заимствовались из произведений, созданных внутри стран. И преломляясь через личные взгляды авторов и желание подстроиться под аудиторию, внутриполитический дискурс превращался во внешнеполитический.

При этом, важно отметить, со второй половины 1880-х годов отношения России с балканскими славянами стали непростыми. Сербского короля Милана считали проавстрийски настроенным, а потому фактически до смены династии в 1903 г. на желания Белграда смотрели без особого сочувствия. С Болгарией же отношения были и вовсе разорваны после переворота в стране и вокняжения Фердинанда Кобурга, легитимность которого Петербург не признавал фактически до 1894 г. Как ни удивительно, это не означало, что пропаганда по македонскому вопросу не велась.

В России первым развёрнутым произведением, выражавшим сербскую точку зрения, стал подготовленный российским дипломатом, бывшим консулом в Призрене И.С. Ястребовым сборник «Обычаи и песни турецких сербов (в Призрене, Ипеке, Мораве и Дибре). Из путевых записок» (СПб., 1886). На первых же страницах автор указал, что в том числе и в «Скопльском, Велесском, Прилепском, Битольском и Охридском уездах» говорят на «славяно-сербском наречии», соблюдают обряд Слава, а последнего «уже достаточно, чтобы славян этих пределов причислить к чисто сербской народности»[24]. Включённые в книгу песни, напечатанные сербской графикой, вызвали дискуссию относительно их языка. В неё оперативно включился уроженец Болгарии профессор Харьковского университета М.С. Дринов. В «Известиях Славянского благотворительного общества» он с научной точки зрения развёрнуто раскритиковал труд и указал на его схожесть с сербскими пропагандистскими публикациями[25]. В 1889 г. выш-

ло переиздание книги И.С. Ястребова, которое сопровождалось предисловием, носящим характер политического памфлета, и содержало дополнения, сразу же вызвавшие критику[26]. Переубедить публику это произведение не могло, но заложило основу будущей дискуссии.

С болгарской же стороны первыми проводниками пропаганды стали эмигранты, покинувшие родину после событий 1886–1887 г.*, что подтверждает наш тезис о возможности ведения пропаганды без содействия или указов государства. В 1889 г. в Петербурге был опубликован труд историка, юриста и государственного деятеля С. Бобчева, жившего в те годы в Одессе. В основе книги лежали статьи, ранее вышедшие на страницах газеты «Варшавский дневник». По словам С. Бобчева, переиздание казалось ему «не лишним», поскольку македонский вопрос «принимает с каждым днём более обостряющийся характер»[27].

Произведение уже содержало основные элементы всех будущих полемических произведений на эту тему. Неотъемлемыми атрибутами были: указание на собственную объективность[28], почему следовало пожурить и собственных ультрапатриотов; напоминание, что любые внутриславянские споры лишь на пользу «швабам» и «австро-мадьярам»[29]; перечисление авторитетов, поддерживавших нужную точку зрения[30]; и опора на какую-то книгу, написанную на родине, которую после лёгкой критики автор фактически пересказывал. С. Бобчев в этой роли использовал изданный в Пловдиве на французском языке труд дипломата А. Шопова[31], расценённый современниками как официальная пропагандистская позиция Болгарии[32].

А в 1890 г. была опубликована книга одного из руководителей пророссийского государственного переворота в Болгарии А. Бендерева, после контрпереворота эмигрировавшего в Россию и принятого на военную службу. Объемный труд о географии и статистике Македонии, вышедший в военной типографии, изначально производил впечатление беспристрастного научного произведения. А. Бендерев перечислял свои источники, чем до-

* М.С. Дринова нельзя к ним причислить, поскольку его судьба была давно связана с российской университетской средой и Харьковом в частности, куда он вернулся в 1879 г. после завершения работы Временного русского управления в Болгарии.

бавлял научной авторитетности работе, однако, приводя статистику, опирался на упомянутый труд А. Шопова. В итоге в Македонии, по его данным, жило более 1,5 млн болгар, а сербы, видимо, попадали в категорию разных народностей, которых, как указывалось, было всего 5 тыс. человек[33]. Более того, и в Сербии, согласно книге, 12,5 % населения составляли болгары[34]. Принципом решения македонского вопроса, считал А. Бендерев, должен служить этнографический[35], а «этнографические границы болгар совпадают с географическою границею Македонии». В подтверждение тому приводились и проект Сан-Стефанской Болгарии, и то, что жители региона принимали участие «во всех болгарских национальных движениях, как в греко-болгарском церковном споре, в сербско-болгарской войне, в русско-турецкой войне и проч.»[36]. Сербские же притязания рассматривались как расчет на легкую добычу после того, как Босния и Герцеговина перешли к Австро-Венгрии. И естественно, как было принято на протяжении всей дискуссии, заявлялось о поддержке Веной претензий соперника[37].

Проявлялась дискуссия и в периодической печати. Так, изданная Славянским благотворительным обществом карта славянских народностей, прилагаемая к «Русско-славянскому календарю» на 1890 год, спровоцировала возобновление дискуссии о Македонии. Сначала в орган общества журнал «Славянские ведомости» прислали свое письмо болгарские политэмигранты Д. Цанков, П. Груев и А. Бендерев, которые возмущались тем, что Македония «отмечена как страна, населенная каким-то особым славянским народцем». По их мнению, составитель карты ошибочно руководствовался произведениями сербских агитаторов и И.С. Ястребова, утверждавших, что жители региона «оболгарены в самое последнее время». В опровержение тому авторы письма привели перечень болгарских просветителей, родившихся или работавших в Македонии, и закончили его стихами уроженца спорных территорий Р. Жинзифова с завершающей строчкой «Болгары живут в этой стране»[38].

Умеренной похвалы этот календарь удостоился от И. Драгашевича, полковника сербского Генштаба. Он, правда, отметил, что издание не без некоторых огрехов, и для исправления их на-

правил свое открытое письмо. В нем он предложил свое описание македонского вопроса, применяя метод «совершенно новый, но — да будет позволено сказать — и единственно правильный»[39]. Суть его подхода к этногенезу балканских славян — описание всех как сербов. Вместе с гуннами и аварами на полуостров пришли «Трибальские сербы», через несколько веков — «Порфирогенетовы сербы» (сербы, описанные Константином Багрянородным). Раздельное существование частей единого племени и обусловило различие в культуре, принимаемое за доказательство этнических различий.

Еще более интересно объяснение применения древними авторами термина «болгары» к основной массе славян. По словам Драгашевича, в написанных по-гречески трудах византийских авторов этноним пришлых кочевников («булгары») ошибочно смешался с искаженной характеристикой населения Империи — «простолюдины» (vulgari)[40]. Тут же был высказан один из перманентных постулатов сербской пропаганды — при турках население отказывалось называть себя сербами, поскольку в глазах властей такая этническая характеристика приравнивалась к бунтовщику. Потому, спасаясь, настоящие сербы начинали именовать себя болгарами. И, как было принято, для убедительности автор апеллировал к русским ученым (Ястребову и Майкову), «которые в обществе и в науке занимают во всяком случае более почетные места, чем все эти ваши болгарские эмигранты». Единственно же верной этнографической картой И. Драгашевич назвал произведение С. Гопчевича[41].

Оно вышло на немецком языке в 1889 г., а на русском — лишь в 1899 г., когда македонский вопрос в русском обществе вновь стал активно обсуждаться. Книга С. Гопчевича отличалась от предыдущих материалов, поскольку принадлежала к другому жанру — популярным тогда путевым заметкам. Такой подход создавал впечатление объективности заявлений автора, что усиливалось и несколькими риторическими приемами. Так, путешествие якобы состоялось по инициативе и в сопровождении болгарского знакомого, желавшего показать, что регион населен болгарами, но разочаровывавшегося на каждом шагу. Суждения о сербской национальной принадлежности вкладывались

в уста формально нейтральных местных жителей — валахов[42] или крестьян, рассказывавших о себе. Сам автор регулярно выражал искреннее удивление открывшейся ему правдой, например, заявляя: «Я никак не предполагал, чтобы еще и за Велесом говорили по-сербски»[43]. В ошибочных, по мнению С. Гопчевича, представлениях о населении Македонии были виноваты напечатавшие «бессмыслицу» «неславянские путешественники, не знавшие ни языка, ни обычаев, ни народных песен, ни истории балканских национальностей». В итоге, по его словам, сами сербы в это уверовали и сложа руки смотрели на процесс «оболгаривания македонян»[44]. Публицист не раз выразил завуалированную мысль, что сербам надо искать счастья не за Дунаем, а в центре Балкан. Если не знать биографии С. Гопчевича, горячего сербского патриота, можно было бы даже предположить, что он хотел воздействовать на настроения соплеменников и перевести их взоры с австрийских владений. Однако книга была явно обращена не к ним, поскольку вышла на немецком и русском языках.

Впрочем, это произведение уже отстало от пропагандистской стратегии Белграда. Там, поняв бесперспективность попытки уверить европейскую общественность в том, что в Македонии живут только сербы, а болгар нет, решили хотя бы доказать, что население спорных территорий не болгары. Благодаря усилиям дипломата С. Новаковича ставка была сделана на выходцев из региона, настаивавших на этнической самобытности Македонии. Однако возник ряд проблем. Во-первых, такая постановка вопроса не устраивала сербских ультрапатриотов, к тому же негативно сказывалась на попытке объяснить народу необходимость в будущем с оружием в руках выступить на защиту иноплеменников. Во-вторых, сами македонцы не желали становиться послушным орудием в руках Белграда и начали вести деятельность, действительно нацеленную на пестование македонского народа. В итоге к 1903 г. в Сербии отказались от этой идеи[45]. В России данный этап пропаганды не имел серьёзного воплощения. Но нельзя было и вернуться к прежнему постулату.

К тому моменту в русском публичном пространстве утвердилось мнение, высказанное ещё в книге С. Бобчева: «Сербо-болгарский спор о Македонии не существует в самой Македонии,

где о сербах нет помину. Этот вопрос поднят тенденциозно и с исключительно политической целью коноводами и завзятыми публицистами из сербов». По его же словам, те, кто именовал себя македонцами, получали деньги от сербов[46]. В пользу болгарской этнической принадлежности жителей спорных земель публично выступали П.Н. Милюков, А.А. Башмаков, Н.Р. Овсяный[47], П.А. Кулаковский[48] и др. А в 1900 г. в Софии вышла книга бывшего директора болгарской гимназии в Салониках В. Кынчова. Согласно его труду, в Македонии имелись лишь сербы, недавно переселившиеся из других регионов Балкан, и «сербоманы» — поддавшиеся пропаганде влахи и болгары, по языку и обычаям не отличающиеся от болгар[49]. Снабжённое научным аппаратом и всеми атрибутами серьёзного исследования произведение получило широкое распространение, стало опорой для сторонников соответствующей точки зрения и способствовало укреплению болгарских позиций в споре. В России же оно получило распространение, будучи включенным в изданные П.Н. Милюковым пять этнографических карт Македонии. Из книги явствовало, что именно сведениям В. Кынчова составитель отдает предпочтение[50].

Тогда в Белграде сделали ставку на другую стратегию — доказательство того, что Македонию населяет этнически не определившееся славянское население и в будущем, благодаря пропаганде и культурному влиянию, оно может стать как болгарским, так и сербским. Дело упрощалось тем, что такую точку зрения высказали посетившие регион русские публицисты А.В. Амфитеатров[51] и П.А. Риттих[52]; её придерживались российские консулы в Македонии[53]. К тому же в России общество порядком устало от постоянного кровопролития в этих провинциях Турции, и даже звучали голоса, призывавшие «запретить болгарам и сербам принимать близко к сердцу» происходящее там[54].

Первыми крупными сербскими произведениями нового этапа пропаганды в России стали книги белградского профессора Й. Цвиича, опубликованные в Петербурге в 1906 г. Одна из них имела научный характер[55], вторая же — популярный[56]. Начинал автор ни много ни мало как с отрицания всего сложившегося представления о Македонии: «Совершенно ошибочны этнографические карты и статистические таблицы, в которых резюми-

рованы наблюдения и воззрения. Я уверен, что все ныне господствующие мнения относительно македонских славян основаны на заблуждениях»[57]. После приведения многочисленных доводов в пользу своей точки зрения, разбора всех существующих этнографических карт Й. Цвиич повторял тезис, выдвинутый на первых страницах книг, — «народная масса» македонских славян не имеет «определённой национальной краски», и в ней невозможно выделить сербов и болгар[58].

Последовавшая вскоре аннексия Боснии и Герцеговины переключила внимание сербской пропаганды на рассказ об этих землях. С началом Балканских войн лейтмотивом стало присоединение Старой Сербии и Албании. После же создания по воле великих держав албанского государства, что лишало Белград выхода к морю, сербы вернулись к идее присоединения Македонии. В 1912–1913 гг. на русское общество обрушился ворох книг о Балканах и балканских проблемах, и среди них был ряд написанных сербами по подданству или происхождению и разъясняющих их точку зрения на раздел спорных земель. При этом среди них имелось полное разнообразие жанров — и исторические, и филологические, и публицистические произведения. В издательстве «Нового времени» под псевдонимом Balkanicus вышли: книга сербского министра внутренних дел Ст. Протича, труд профессора А. Белича, доклад российского журналиста, уроженца Боки Которской И.П. Табурно, брошюра сербского консула в Приштине М.Г. Милоевича. Переводивший её на русский язык российский общественный деятель сербского происхождения Д.И. Семиз летом 1913 г. совместно с белградским профессором М. Вукичевичем опубликовал книгу, где пристрастно сравнивал сербский и болгарский пути к свободе. Этот момент можно рассматривать как четвертый этап сербской пропаганды.

Болгары же не сумели подстроиться под ситуацию. Их пропаганда заняла пассивную позицию и свое внимание сосредоточила на поддержании тезиса о необходимости соблюдения изначального договора, по которому бóльшая часть Македонии переходила во владения царя Фердинанда, а судьбу меньшей должен был решить российский император. Лишь по окончании Второй Балканской войны, самым тривиальным способом решившей маке-

донский вопрос в пользу сербов, сторонник Болгарии российский ученый Н.С. Державин подготовил соответствующий его взглядам труд о македонском вопросе. Книга на деньги болгарского правительства вышла уже после начала Первой мировой войны[59].

Возвращаясь к четвертому, кульминационному, этапу сербской пропаганды, следует указать на совокупность использовавшихся аргументов. К этническим и историческим добавились новые: «жизненные интересы» Сербии, заключавшиеся в транспортном коридоре по Вардару к порту Салоник, право пролитой крови при освобождении этих земель, а в качестве обоснования не соблюдать болгаро-сербский договор о разделе завоеваний — изменения, вызванные созданием Албании и лишением сербов необходимого выхода к Адриатике[60].

Однако это не значило, что были отброшены прежние аргументы. Если они показывали свою состоятельность, то продолжали использоваться. Трактовка этнической принадлежности славянского населения Османской империи в 1906–1913 гг. не менялась, хотя и выражалась разными словами. К примеру, в 1906 г. Й. Цвиич именовал македонское население «колеблющейся народной массой»[61], а М.Г. Милоевич в 1913 г. — «славянскими массами — столь же болгарскими, сколь и сербскими»[62]. Со ссылками на российских и зарубежных учёных представители Белграда подчёркивали, что далеко не все славяне на этих территориях — болгары[63], и «даже лучшие знатоки и авторитеты науки среди этнографов и историков» не в силах точно установить этнические границы[64]. Болгарский экзархат, по словам защитников сербской точки зрения, создавался как общеславянский, потому не может служить аргументом в пользу прав Софии. Самоназвание населения («бугари»), вслед за С. Гопчевичем и И. Драгашевичем, объяснялось желанием жителей не выглядеть в глазах турок бунтовщиками, синонимом чего якобы являлись сербы[65]. Длительное пестование этих идей если и не привело к их полному принятию общественностью, то как минимум посеяло в умах зёрна сомнений в непоколебимости болгарских доводов.

В силу своей убедительности продолжал использоваться ещё один аргумент сербской пропаганды, и он, будучи выдвинут ещё на первых её этапах, сохранялся в неизменном виде. Им яв-

лялось историческое право. Сербы апеллировали к событиям XIII–XIV вв., времени расцвета их средневекового государства. В 1282 г. окрепшая Сербия овладела северной частью данных земель вместе со Скопье, а в 1330 г. разбила болгар у Вельбужда и под руководством Стефана Душана Сильного утвердила своё доминирование на полуострове. В последующие десятилетия вся Македония покорилась Неманичам, в 1346 г. в Скопье Стефан Душан был провозглашён царём сербов и греков. Однако после его смерти держава распалась на независимые государства, вскоре покорённые османами[66]. Тем не менее, осколки Душанова царства сохранили свой сербский характер, а один из правителей — Марко Мрнявчевич, повелитель небольшого государства со столицей в Прилепе, — стал одной из важнейших частей местного фольклора, превратившись в героя эпических сказаний Марко Королевича.

Указанное царство Душана Сильного и Косовская битва 1389 г. являлись основами сербской исторической политики. Память о них занимала немалое место в воспитании детей и государственной риторике[67]. Но Косовская битва напоминала о сакральности Старой Сербии и носила мотив отмщения, а вот пределы Душанова государства могли рассматриваться как платформа для экспансии. Недаром о нём упоминалось в так называемом «Начертании» Илии Гарашанина, программе внешней политики Сербии, составленной в 1844 г., хотя и неизвестной широкой публике до 1906 г.[68]. Мобилизованное сербское средневековье стало в том числе инструментом внешнеполитической агитации.

В случае ведения её на поле русского общественного мнения, логика выглядела следующим образом. Признавая, что болгары первыми завоевали Македонию, А. Белич нивелировал значение этого тем, что тогда «государства не имели того государственно-политического характера, какой они получили позже, когда стали культурнее»[69]. Й. Цвиич же утверждал, что держава Неманичей была «по организации совершеннее и по культуре выше». И в подтверждение этих слов сербские пропагандисты приводили оставшиеся в Македонии многочисленные памятники культуры, в основном — архитектурные, что и определяло главенствующее право Белграда на приобретение спорной территории[70].

В данном случае сербские пропагандисты часто ссылались на непоколебимый авторитет — результаты экспедиции Н.П. Кондакова в эти земли. Впрочем, книгу знаменитого историка культуры они цитировали и признавали удачной лишь в отдельных местах. По словам А. Белича, в области современного положения региона Н.П. Кондаков являлся «не только не специалистом, но вообще очень плохо осведомленным лицом»[71]. Такая оценка объяснялась заключениями отечественного учёного насчёт этнического характера Македонии — его он считал безусловно болгарским[72], а изображение населения региона в виде «помеси всевозможных рас, своего рода хаоса» трактовал как сербские инсинуации[73]. Справедливости ради надо признать, что на взгляды Н.П. Кондакова мог оказать влияние сопровождавший его в экспедиции П.Н. Милюков. Последнего, в свое время жившего и работавшего в Софии, нередко обвиняли в пристрастии к Болгарии, а сербы во время Балканских войн прямо называли своим врагом[74].

Вторым результатом глубокого исторического влияния на Македонию представители Белграда называли народные эпические сказания, в которых отсутствовали болгарские исторические персонажи, а сербские были широко представлены, и в первую очередь Марко Королевич[75]. Здесь сербы также пользовались возможностью сослаться на русского учёного — П.Д. Драганова и строки из его удостоенного серебряной медали Российского географического общества «Македонского сборника»: «Прежде всего, резко бросается в глаза тот факт, что среди этих царей, королей, воевод, юнаков и проч. то и дело фигурируют самые дорогие лица и достопамятные события средней, новой и даже новейшей сербской истории»[76].

Болгарская агитация к дебрям истории апеллировала мало, в её основе лежала освободительная борьба XIX века, мнения путешественников и этнографов[77]. А. Бендерев дважды в своей книге указал, что «кратковременное завоевание сербами Македонии не оставило в ней следов», а сам Душан считал провинции болгарскими, потому взял в том числе и титул «царя болгар», тем не менее, историческая аргументация у него занимала третьестепенное место. Причиной пренебрежения достижениями тысячелетней давности представляется то, что болгарское об-

щество Третьего болгарского царства XIX–XX вв. не ощущало своей преемственности по отношению к деятелям Первого и Второго царств. Их исторический фундамент уходил корнями не далее эпохи национального Возрождения. И как отмечают исследователи, в школьном воспитании не прослеживался мотив восстановления древних царств, а доминировала идея освобождения «несчастной Македонии», которую населяли братья-болгары, представавшие в образе мучеников[78]. На доводы о культурном влиянии пытались возразить, но, по существу, было нечем. С. Бобчев писал, что, по сербской логике, Белград может выдвигать претензии на многие населенные пункты Балкан, ведь «какой-нибудь король сербский заезжал туда или же строил церковь»[79]. И. Шишманов подчёркивал кратковременность вхождения Македонии в державу Стефана Душана, рассказывал о возможностях миграции эпоса и заявлял о строительстве средневековых храмов силами местных македонских болгар[80]. Н.С. Державин же вспоминал Кирилла и Мефодия, их учеников и цитировал те места книги Н.П. Кондакова, о которых сербы старались умолчать[81].

Тем не менее в сербской исторической пропаганде имелось уязвимое место — труды ультрапатриотов, чьи заявления находились на грани разумного, а иногда и переходили за неё. Высмеивая их, можно было дезавуировать в глазах публики и более серьезные произведения. Так, Н.С. Державин в своём труде сначала подробно и издевательски разбирал вышедшую в Белграде книгу М.Й. Андоновича «Македонцы — славяне-сербы»[82]. В ней, в частности, рассказывалось об упоминаниях сербов на Балканах у Геродота, о том, что Кирилл и Мефодий создали славянскую письменность на основании сербских говоров и т. д.[83]. Потому, за исключением И. Драгашевича и еще одного известного нам случая, пропагандистские материалы писались людьми более здравыми*. Те если и высказывали патриотические взгляды

* Всё же у русской публики имелась возможность ознакомиться с трактовкой истории, проповедуемой сербскими ультрапатриотами. Один из подобных трудов был издан в России, автором его являлся активный публицист из Казани, судя по всему, черногорского происхождения — Й. Роганович (*Роганович И.П.* «Македонский вопрос» на почве его истории, этнографии и политики. Казань, 1900). Он утверждал, что в Македонии живут сербы, причём с давних времен. Уже в III в. они первыми

на историю, то делали это с оговорками. Так, Й. Цвиич писал, что, «может быть, и какое-нибудь сербское племя» первым заселило Македонию, и тут же уточнял — лингвистические исследования делают это вероятным, но «нет доказательств в писанных памятниках»[84].

Накануне присоединения Македонии к Сербии свою далёкую от общепринятой трактовку истории Балкан предложили и сторонники существования отдельного македонского народа. До Балканских войн толком организовать свою агитацию у них не получалось, попытка К. Мисиркова издавать журнал «Вардар» в Одессе в 1905 г. потерпела неудачу. Но в 1912 г. поставленный ребром македонский вопрос обострил интерес российского общества, и кружок выходцев из этих земель начал свою активную деятельность. Они публиковались в газетах, принимали участие в различных мероприятиях и собраниях. Н. Димов в Славянском благотворительном обществе в Петербурге прочёл лекцию о прошлом Македонии, а затем издал текст в виде отдельной брошюры, правда, не замеченной публикой. Его брат Д. Чуповски в апреле 1913 г. обратился к более широкой аудитории посредством газеты «Славянин», в которой изложил новое видение истории Балкан. «Македонские славяне поселились в пределах теперешней Македонии ещё в первых веках христианской эры, т. е. тогда, когда о болгарах ещё история мало знала, а сербов ещё не было на Балканском полуострове», — писал патриот своего народа и указывал «золотой век» средневековой Македонии — «царствование царя Самуила (X–XI вв.)», когда греки, сербы и болгары «были составными частями македонского царства»[85].

Тогда, конечно, в России никто всерьёз не воспринял последнюю идею. Но, как известно, она стала одной из основ современной македонской исторической мифологии, а в связи с тысячеле-

---

из славян поселились на Балканах, а «при царе Юстиниане (по-славянски Управда) многие греко-римские легионы имели во главе вождей сербов по национальности» (С. 36). В подобном духе освещая македонский вопрос, Й. Роганович, естественно, упоминал о восстановлении царства Стефана Душана, но при этом делал неожиданный вывод: наследницей средневековой державы он называл Черногорию, сохраняющую с 634 г. свою государственность, а потому и Старую Сербию, и Македонию следовало передать под скипетр черногорского князя (С. 28–31). Однако изданная в провинции книга, видимо, не получила широкого распространения, поскольку на неё не последовало сколько-нибудь заметной реакции.

тием битвы при Беласице 1014 г. в Болгарии и Македонии был осуществлён ряд публичных действий, нацеленных на доказательство своих прав на государство Самуила. Как отмечает современный отечественный исследователь Е.А. Колосков, в перспективе Северная Македония будет стремиться включить в собственный национальный пантеон и Стефана Душана[86]. И спустя век на Балканах пересказывают средневековую историю, ставя в ней акценты таким образом, чтобы обосновать свои права на земли*.

Итоговое решение сербско-болгарского спора было принято в результате прямого вооруженного столкновения. Летом 1913 г. болгары попытались выбить из Македонии сербские и греческие войска, но потерпели неудачу. Вдобавок против Болгарии двинули свои армии Румыния и Османская империя. Вторая Балканская война стала для страны первой национальной катастрофой — в её состав вошла лишь небольшая, Пиринская, часть Македонии. Остальное разделили сербы и греки.

Может показаться, что вся сербско-болгарская дискуссия не имела смысла — всё решило оружие, а не этнографические, исторические и иные аргументы. Однако именно сербская пропаганда, которая подстраивалась под ситуацию и прошла четыре стадии развития, позволила русскому обществу смириться с такой судьбой Македонии. Болгарское нападение 16 июня 1913 г. лишь усилило симпатии русских к сербам и узаконило приобретение спорных земель. Для закрепления результата краткое время использовался и еще один аргумент — привнесенные сербской гражданской администрацией культура и порядок. Первые наметки этого нарратива прослеживаются еще весной 1913 г. в виде рассказов о мирном и дружественном отношении населения к сербским войскам. Более ярко это выразилось в статьях и выступлениях русского журналиста В. Водовозова, посетившего Македонию в декабре 1914 г. — январе 1915 г. Ему выделили провожатых, что уже говорило об ответственном отношении к его визиту, содействие ему оказывали сербский престолонаследник,

---

* Отметим, что продолжением этой сербской пропаганды можно считать и книгу бывшего посла Сербии в РФ С. Терзича. В ней он повторил и критический разбор карт XIX века [*Терзич С.* Старая Сербия (XIX–XX вв.). Драма одной европейской цивилизации. М., 2015. С. 22–31], и тезис о культурном влиянии сербов на Македонию (С. 38), высоко оценил концепцию Й. Цвиича о населении спорных земель (С. 125).

премьер-министр и многие другие, включая участников пропаганды в России, — Д.И. Семиз, М.Г. Милоевич, А. Белич, Й. Цвиич, Г. Генчич[87]. Тогда македонский вопрос никем не рассматривался как окончательно решенный. И в Белграде опасались, что страны Антанты могут ценой македонских земель привлечь на свою сторону Болгарию. Однако, как известно, история пошла другим путем…

С высоты сегодняшнего дня все конструкции болгарских и сербских пропагандистов выглядят абстракцией. Насильственное воспитание из «аморфной славянской массы» сербов не дало результатов, и сейчас существование македонской нации не вызывает сомнений. Однако мотив исторического права, опора на средневековую историю в своих действиях или притязаниях и ныне присутствуют в жизни Балкан. Причём практически в не изменившемся более чем за столетие виде.

Примечания

1 *Антонин* [*Капустин А.И.*]. Поездка в Румелию. СПб., 1879. С. 251.

2 Об этом см.: *Валева Е.Л., Исаева О.Н.* Македонистика в СССР: к истории политических табу // Россия (СССР) и Македония: история, политика, культура. 1944–1991 гг. / отв. ред. К.В. Никифоров М., 2013.

3 *Сквозников А.Н.* Македония в конце XIX — начале XX века — яблоко раздора на Балканах. Самара, 2010.

4 *Учаева Н.А.* Македонский вопрос в период Балканских войн 1912–1913 гг.: автореф. дис… канд. ист. наук. Саратов, 2008.

5 *Ямбаев М.Л.* Российские наблюдатели об этнической принадлежности населения Македонии в конце XIX — начале XX в. // Человек на Балканах глазами русских / отв. ред. Р.П. Гришина., А.Л. Шемякин. СПб., 2011.

6 *Гусев Н.С.* Борбата на християнските религиозни институции в Македония през погледа на руски очевидци (края на XIX–началото на XX век) // Религиозни институции и национална идентичност на Балканите (XIX–XX век) / съст. З. Първанова. София, 2021.

7 *Бурбига В.А.* Македонське питання в російському слов'янознавстві та публіцистиці (1893–1912 рр.): автореф. дис… канд. ист. наук. Харків, 1997.

8 *Йолов И.* Руски автори за България и Сърбия в македонския конфликт 1885–1917 г. София, 1999.

9 *Германов С.* Руската общественост и революционното движение в Македония и Одринско 1893–1908. София, 1992; *он же.* Пиринска Македония в руската наука и култура (от средата на XVII в. до 1912 г.). София, 2021.

10 *Станоевски Ц.* Како ја видоа Македонија. Руски публикации за Македонија 1828–1913. Скопје, 1978.

[11] *Тодоровски Г.* Влогот на Русија во сестраното расветлување на македонското прашање во XIX–XX век (факти коментари) // Македонија. Прашања од историјата културата / уред. Б. Ристовски. Скопје, 1999.

[12] *Гусев Н.С.* Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М., 2020.

[13] *Илчев И*. Родината ми — права или не! Външнополитическа пропаганда на балканските страни 1821–1923. София, 1995.

[14] Россия и Македония: от прошлого к будущему. К 100-летию журнала «Вардар» (1905) / отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2008.

[15] *Терзиоски Р*. Некои активности на македонски дејци во Русија за решавање на македонското прашање (1914–1918) // Македонија. Прашања од историјата културата…

[16] *Стојанов П.* Македонија во времето на Балканските и Првата световна војна (1912–1918). Скопје, 1969.

[17] *Тодоровски Г.* Страници за македонофилството. Скопје, 1994.

[18] *Ристовски Б*. Димитрий Чуповский и македонское национальное сознание. М., 1999.

[19] *Риттих П.А*. По Балканам. Путевые впечатления военного туриста. СПб., 1909.

[20] Наиболее ярко это представлено в следующей части его публикации: *Тагеев Б.Л.* Из македонских воспоминаний русского добровольца // Русский вестник. 1904. № 4.

[21] *Илчев И*. Родината ми — права или не!.. С. 349–350.

[22] *Терзич С*. Старая Сербия (XIX–XX вв.). Драма одной европейской цивилизации. М., 2015. С. 120.

[23] *Милюков П.* Сербско-болгарские отношения по македонскому вопросу // Сборник журнала «Русское богатство» / ред. Н. К. Михайловский, В.Г. Короленко. СПб., 1899.

[24] *Ястребов И.С.* Обычаи и песни турецких сербов (в Призрене, Ипеке, Мораве и Дибре). Из путевых записок. СПб., 1886. С. 1–2.

[25] *Дринов М.С.* Несколько слов об языке, народных песнях и обычаях дебрских славян // Съчинения М.С. Дринова. Т. II. София, 1911. С. 370–371.

[26] *Селищев А.М*. И.С. Ястребов о Македонии // Македонски преглед. 1913. Кн. 3.

[27] *Бобчев С.С.* Письма о Македонии и македонском вопросе. СПб., 1889. С. 2.

[28] Там же. С. 41.

[29] Там же. С. 6, 42.

[30] Там же. С. 5, 22.

[31] *Ofeicoff*. La Macédoine au point de vue ethnographique, historique et littéraire. Philippopoli, 1887.

[32] Экземпляр книги был разослан во все дипломатические представительства в Константинополе, сербская дипломатия стала спешно готовить ответ. Книга распространялась по довольно низкой цене, очевидно ниже себестоимости, это наводило современников на мысли о государственном финансировании издания (*Риттих П.А.* По Балканам… С. 221).

[33] *Бендерев А.Ф.* Военная география и статистика Македонии и соседних с нею областей Балканского полуострова. СПб., 1890. С. 92.

[34] Там же. С. 108.

[35] Там же. С. 730.

[36] Там же. С. 648.

[37] Там же. С. 30.

[38] *Цанков Д., Груев П., Бендерев А.* Заявление болгарских эмигрантов // Славянские известия. 1890. № 18. С. 355–357. Примечательно, что поэта процитировали в оригинале, с некоторыми грамматическими особенностями, характерными для современного македонского, а не болгарского языка.

[39] *Драгашевич И.* Македонские славяне // Славянские известия. № 41. С. 725.

[40] *Драгашевич И.* Македонские славяне // Славянские известия. № 42. С. 743–745.

[41] Там же. С. 745–748.

[42] *Гопчевич С.* Старая Сербия и Македония. СПб., 1899. С. 107, 128.

[43] Там же. С. 28.

[44] Там же. С. 38.

[45] *Лабаури Д.О*. Идеология македонизма в 1886–1903 годах // Славяноведение. 2005. № 3. С. 26–28.

[46] *Бобчев С.С.* Письма о Македонии… С. 41–42. Это, впрочем, не было далеко от истины, хотя и не всегда являлось определяющим фактором. Будущие главные идеологи македонизма К. Мисирков и Д. Чуповски откровенно признавали финансовую помощь Сербии на начальном этапе их деятельности (*Лабаури Д.О*. Идеология македонизма… С. 34).

[47] *Бурбига В.А*. Македонське питання… С. 14.

[48] *Кулаковский П.А.* Из поездки по Болгарии // Московские ведомости. 1899. 13 XII. С. 2.

[49] *Кънчов В.* Македония. Етнография и статистика. София, 1996. С. 123.

[50] Пять этнографических карт Македонии с текстом П.Н. Милюкова. СПб., 1900.

[51] *Амфитеатров А.В.* Балканские впечатления. Страна раздора. СПб., 1903. С. 15, 17.

[52] *Риттих П.А.* По Балканам… С. 141.

[53] *Сквозников А.Н*. Македония в конце XIX — начале XX века… С. 124, 138–139.

[54] Хроника. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1902. Т. 6. С. 400.

[55] *Цвиич Й.* Заметки по этнографии македонских славян. СПб., 1906.

[56] *Он же.* Македонские славяне. Этнографические исследования. СПб., 1906.

[57] *Он же.* Заметки… С. 6.

[58] Там же. С. 7, 58; *он же.* Македонские славяне… С. 3, 52.

[59] *Гусев Н.С.* Публичная деятельность Н.С. Державина по македонскому вопросу в 1912–1915 гг. // Дриновский сборник / Дриновськи збірник. 2019. Т. XII. С. 159–160.

[60] *Он же.* Болгария, Сербия и русское общество… С. 287– 316.

[61] *Цвиич Й.* Заметки… С. 7.

[62] *Милоевич М.Г.* Равновесие на Балканах. СПб., 1913. С. 27; *Табурно И.П.* Вопрос о распределении завоёванной у Турции территории между Болгарией и Сербией. СПб., 1913. С. 3.

[63] *Balkanicus.* Сербы и болгары в Балканской войне. СПб., 1913. С. 30; *Белич А.* Сербы и болгары в Балканском союзе. СПб., 1913. С. 39.

[64] *Милоевич М.Г.* Равновесие… С. 13; *Белич А.* Сербы и болгары… С. 7.

[65] *Гопчевич С.* Старая Сербия… С. 147; *Цвиич Й.* Заметки… С. 7; *он же.* Македонские славяне… С. 31; *Белич А.* Сербы и болгары… С. 40, 72–75; *Табурно И.П.* Вопрос о распределении… С. 10.

[66] *Лукин П.Е.* Славяне на Балканах в Средневековье: Очерки истории и культуры. М., 2013. С. 103–106.

[67] *Белов М.В.* Актуальность героического прошлого: история и политика в предвоенной Сербии // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913) / отв. ред. А.Л. Шемякин. М., 2012. С. 92; *Гришина Р.П., Шемякин А.Л.* Трудный путь к европейской цивилизации: Сербия и Болгария в конце XIX — начале XX в. Приоритеты развития // Из истории Сербии и русско-сербских связей. 1812–1912–2012 / отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2014. С. 30.

[68] *Никифоров К.В*. «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842—1853 гг. М., 2015. С. 237.

[69] *Белич А.* Сербы и болгары… С. 34.

[70] *Цвиич Й.* Заметки… С. 19; *он же.* Македонские славяне… С. 23; *Белич А.* Сербы и болгары… С. 39, 64, 66, 70; *Balkanicus.* Сербы и болгары… С. 33; *Вукичевич М.М., Семиз Д.И.* Сербы и болгары в борьбе за свободу и культуру. Исторические параллели с XIV века до 1878 г. СПб., 1913. С. 7.

[71] *Белич А.* Сербы и болгары… С. 66.

[72] *Кондаков Н.П.* Македония. Археологическое путешествие. СПб., 1909. С. 23, 53, 294.

[73] Там же. С. 292.

[74] *Тимофеев А.Ю., Живанович М*. Можно ли рассматривать доклад Комиссии Карнеги о причинах и ведении Балканских войн 1912–1913 гг. как исторический источник // Славянский альманах. 2017. Вып. 1–2. С. 108–111.

[75] *Белич А.* Сербы и болгары… С. 48–49; Сербо-болгарский спор… С. 51; *Роганович И.П.* «Македонский вопрос» на почве его истории, этнографии и политики. Казань, 1900. С. 45.

[76] *Драганов П.Д.* Македонско-славянский сборник с приложением словаря. Вып. 1. М., 1894. С. VIII.

[77] *Бобчев С.С.* Письма о Македонии… С. 70.

[78] *Кайчев Н*. Македонийо, възжелана… Армията, училището и градежът на нацията в Сърбия и България (1878–1912). София, 2003. С. 236–241.

[79] *Бобчев С.С.* Письма о Македонии… С. 46.

[80] Сербо-болгарский спор… С. 77.

[81] *Державин Н.С.* Болгаро-сербские взаимоотношения и македонский вопрос. СПб., 1914. С. 32, 47, 49, 52, 117–119.

[82] *Андоновић М.Ј*. Македонски су Словени Срби. Београд, 1913.

[83] *Державин Н.С.* Болгаро-сербские взаимоотношения… С. 17.

[84] *Цвиич Й.* Заметки… С. 42.

[85] *Ристовски Б*. Димитрий Чуповский… С. 85–86.

[86] *Колосков Е.А.* «Македонское царство»: спор о праве на средневековую историю между Македонией и Болгарией // Славянский альманах. 2018. Вып. 3–4. С. 14–18.

[87] *Водовозов В.* По сербской Македонии // Вестник Европы. 1916. № 1 (отдельным оттиском с предисловием опубликован в том же году); *он же*. На Балканах. Пг., 1917.

DOI 10.31168/7576-0478-7.9

Любовь Алексеевна
КИРИЛИНА

Словенский либерал в поисках пути. По воспоминаниям В. Равнихара (конец XIX — начало XX вв.)

Молодость и зрелые годы Владимира Равнихара (1871–1954) пришлись на 1890–1910-е годы, период обострения политической борьбы в словенских землях как между словенцами и немцами, так и между словенскими партиями и между внутрипартийными течениями. Тогда перед молодыми словенскими интеллигентами остро встал вопрос выбора своего пути в национальной политике или вне ее. В этом плане богатый материал для понимания особенностей национального, культурного и политического развития словенцев и общей атмосферы в словенском обществе дает обширная словенская мемуаристика первой половины XX в. Мы рассмотрим воспоминания «Путь моей жизни» либерального политика Владимира Равнихара, впервые опубликованные в 1997 г., поскольку именно в них, в отличие от воспоминаний политиков старшего поколения (Й. Вошняка, Ф. Шукле, И. Хрибара, Х. Тума), наиболее подробно отражены проблемы молодого поколения, вышедшего на национально-политическую арену в конце XIX — начале XX вв.

Мемуары Равнихара, вероятно, написаны на основе предварительных (возможно, дневниковых) записей, они достаточно подробны, в них скрупулезно и последовательно описываются как общая обстановка в словенских землях, так и события его жизни, причем приводятся их точные даты. Равнихару присущ объективизм, он старался писать сухо и беспристрастно, избегал жесткого навязывания правоты своей позиции. Давая подчас резкие и нелицеприятные оценки деятельности словенских партий, он не переходил на критику личностей. Мемуары были написаны во время Второй мировой войны, в 1942 г., свое повествование Равнихар заканчивает начальным периодом оккупации

Югославии. Однако мы ограничим наше исследование анализом лишь той их части, которая охватывает его деятельность в конце XIX — начале XX вв., поскольку именно в этот период происходило формирование его национально-политических взглядов, общественных и партийных позиций.

К сожалению, политическая деятельность Равнихара еще не привлекла серьезного внимания историков, ее изучение пока ограничивается статьями в энциклопедиях, краткими упоминаниями в общих трудах по истории Словении и небольшими очерками В. Мелика и Б. Горопевшека, написанными в связи с выходом в свет его воспоминаний[1]. Постараемся отчасти восполнить этот пробел, опираясь на материалы его мемуаров.

Равнихар родился в 1871 г. в Любляне, в ней же провел и большую часть жизни. Отец его, Франц Равнихар, был провинциальным чиновником и при этом деятельным словенским либералом, старостой физкультурного общества «Сокол», председателем Музыкальной матицы в Любляне, членом Совета общины г. Любляны, одним из основателей читальницы и Драматического общества и, вероятно, русофилом. «В то время сознательные (в национальном плане. — *Л. К.*) словенцы имели русофильскую ориентацию», — пишет Равнихар, объясняя русское происхождение своего имени[2]. Он продолжил отцовскую традицию и также дал русские имена пятерым своим детям, а последней дочке — чешское.

Взросление его происходило, пожалуй, в самый благоприятный для словенцев период их жизни в Австро-Венгерской империи — во время правления Э. Тааффе (1879–1893 гг.). Словенские национальные деятели тогда сплоченно поддерживали правительство и взамен получили немало концессий. Больше всего их было выделено Крайне, которая уже в начале 1880-х годов приобрела статус словенской провинции. В ней начался активный процесс словенизации, он затронул и другие провинции, в которых проживали словенцы, но в меньшей степени. Владимир получил прекрасное образование дома и в люблянской гимназии, в первых четырех классах которой велось преподавание на словенском языке. Национальная конфронтация, обострявшаяся с начала 1890-х годов до Первой мировой войны, тогда еще не проявлялась резко. Так, Равнихар с большой благодарностью

вспоминал своего учителя немецкой литературы Й. Валлнера, убежденного немецкого националиста. Идейный посыл его лекций, «исполненных национального духа», но «не проникнутых шовинизмом», словенские ученики интерпретировали по-своему: «Становитесь и вы национально сознательными, люби́те свой язык, уважайте своих поэтов и писателей»[3].

В гимназические годы Владимир посещал театры, выставки, библиотеки, ходил на занятия в Музыкальную матицу, на уроки танцев, изучал иностранные языки, в том числе славянские: у себя дома он организовал кружок по изучению сербско-хорватского языка, а русский осваивал самостоятельно. «С тех пор я стал писать свой дневник кириллицей, конечно, по-словенски»[4]. Не остался он в стороне и от занятий спортом — основал клуб словенских велосипедистов (в противовес аналогичному немецкому), был членом общества «Сокол». Равнихар стал председателем подготовительного комитета и организатором первого словенско-хорватского слёта выпускников гимназий, состоявшегося в августе 1891 г. в Любляне и вылившегося в демонстрацию братства словенцев и хорватов. Равнихар вспоминает: «Встреча вовсе не была эпохальной. Но она показала особенности мышления того поколения. Мы не приняли никаких резолюций, не составили рабочей программы. Главным для нас было то, что мы встретились, познакомились и побратались, что мы обменялись мнениями и в конце концов поняли, что придерживаемся одинаковых — политических — взглядов, в соответствии с которыми будем действовать»[5]. Это высказывание прекрасно характеризует умонастроения словенской (и хорватской) патриотически настроенной молодежи той поры, уже выработавшей свою национально-политическую позицию, но еще не осознававшей необходимости создания организации и разработки программы, необходимых для ее защиты и хотя бы частичного осуществления.

В том же году Равнихар поступил на юридический факультет Венского университета. В то время большинство словенских студентов обучались в Вене и Граце (по приблизительным подсчетам, 2/3 в Вене, 1/3 в Граце)[6]. С конца XIX в. либерально настроенная молодежь отправлялась на учебу еще и в Прагу; в противовес католики посылали своих сторонников в польские университеты

в Кракове и Львове. В Вене небогатым словенцам (бóльшая их часть была из среды крестьян и ремесленников) было легче найти подработку. Равнихар, хотя его семья была достаточно состоятельна, часть времени обучался дома, чтобы не платить за съём квартиры и проживание в Вене. Во время учебы он по-прежнему вел активную общественную деятельность: стал членом комитета, затем секретарем венского студенческого общества «Словения», руководителем его хора, основал фехтовальный клуб и общество студенческого туризма «Сава» в Любляне (в противовес немецкому обществу «Карниола»). По воспоминаниям Равнихара, «Словения» поддерживала тесные контакты с другими славянскими студенческими обществами в Вене, а также с пражскими студентами-младочехами[7].

В начале 1890-х годов пришел конец «периоду согласия» в словенском национальном движении. Стали оформляться политические партии — католическая, либеральная и социал-демократическая, началась борьба между ними. Католики, энергично завоевывавшие симпатии народа благодаря социально-экономической деятельности христианских социалистов, находившихся в их рядах, создали сильную организацию. Они делили сферы влияния между собой и либералами быстро и бескомпромиссно. В 1892 г., после I католического съезда в Любляне, они потребовали, чтобы студенты, придерживавшиеся «католического мировоззрения», вышли из «Словении» и основали свое общество («Даницу»)[8]. Равнихар вспоминает, что прежнее согласие между словенскими студентами было нарушено и в первое время разделение их по партийному признаку происходило отчасти насильственным путем. Сожалея о произошедшем расколе, он пишет: «Наши товарищи, с которыми мы по-дружески общались и с которыми никогда не возникало никаких проблем из-за различий во взглядах, на самом деле неохотно последовали указу. Мы тоже неохотно их отпустили… Борьба началась»[9]. Как видно, уже в то время Равнихар стремился избежать дробления словенских национальных сил. В последующие годы такая позиция во многом стала лейтмотивом его действий.

Впрочем, в политическую борьбу в словенских землях Владимир окунулся лишь через несколько лет. В 1895 г. он закончил

университет и работал практикантом в суде сначала в Любляне, затем в г. Ново Место, а в 1897 г. занял должность помощника адвоката в Целье. Четырехлетний период жизни в Целье стал для словенского патриота, выросшего в комфортных люблянских условиях, совершенно новым опытом национальной борьбы. В Крайне словенцы составляли более 90% населения, а в Штирии всего 1/3, преимущественно они проживали в деревнях и сильно подвергались германизации. Равнихар столкнулся с тем, что в этой провинции условия для национального развития словенцев были намного хуже. Он отмечал, что в Целье все учреждения были немецкими, а словенские интеллигенты стремились уехать в Крайну.

Ярким свидетельством напряженности национальной обстановки в Целье, потрясшим не привыкшего к подобным демаршам Равнихара, стал конфликт, произошедший в связи с приездом в город в августе 1899 г. чешских студентов, совершавших тур по словенским землям. На вокзале их встретила разъяренная толпа немецких националистов, затем под прикрытием полиции и армейских частей, прибывших из Клагенфурта (слов. Целовец) и Марибора, их сопроводили до словенского Народного дома. Опять же под защитой полиции словенцам удалось показать чехам Цельский замок, но на обратном пути, у Народного дома, их попытались забить камнями. Поскольку Народный дом был окружен, выбраться из него удалось единицам. Свет ночью погасили, и большинство словенцев и чехов оставались там до утра. Чехи добирались до вокзала в обход, петляя по улицам, в сопровождении полиции и воинских частей, а перед вокзалом их вновь ждала толпа, метавшая в них камни. Сообщение об этом событии Равнихар немедленно отослал в печатный орган словенских либералов газету «Словенски народ» («Slovenski narod»)[10].

Равнихар полагал необходимым «пробудить национальное самосознание в сильно онемеченной Нижней Штирии и освободить народ от экономической и социальной зависимости от господствующей нации». В воспоминаниях он отметил старания словенских патриотов Й. Вошняка и И. Дечко достичь экономической эмансипации словенцев путем создания либеральных задруг, а также успешную деятельность лидера штирийских словенцев Й. Сернеца. Их работу Равнихар охарактеризовал

как «блестящую», «особенно в сфере экономики»[11]. При этом он подчеркивал, что в Нижней Штирии «словенская интеллигенция выступала слаженно» и ее лозунгом стал «Свои к своим», а внутриполитические раздоры словенцев перед лицом угрозы германизации считались недопустимыми. Размышляя о различии политической обстановки в разных провинциях Империи, он приходит к вполне обоснованному выводу: «Крайнская политика в тех условиях в Штирии была бы губительна, ведь в национальной борьбе против общего врага мы не должны были терять никакие даже самые незначительные силы»[12].

Очевидно, как и в студенческие годы, Равнихар продолжал выступать за объединение усилий словенских патриотов. Следует отметить, что обстановка «согласия» в Нижней Штирии не продлилась долго. Национальная либеральная партия, созданная в Целье в 1906 г., благодаря жесткой централистской организации, введенной ее руководителем В. Куковецем, а также активному проведению собраний и митингов и созданию окружных комитетов по всей области, сначала успешно выдерживала конкуренцию с католиками, но в 1909 г. всё же потерпела от них поражение[13], и Католический словенский крестьянский союз во главе с молодым священником А. Корошецом, созданный в 1907 г., стал главной политической силой словенцев в регионе.

В Целье Равнихар продолжал вести активную культурно-просветительскую работу в читальнице, обществе «Сокол», стал председателем Цельского певческого общества (с 1902 г. — его почетным членом). Он был сотрудником цельской либеральной газеты «Домовина» («Domovina», «Отечество»), издававшейся Д. Хрибаром, причем работал там бесплатно[14], а также постоянным корреспондентом газеты «Словенски народ». В 1899 г. Равнихар получил степень доктора права, в 1901 г. вернулся в Любляну, а в 1902 г., сдав экзамен на адвоката, открыл свою адвокатскую контору. Адвокатской практикой он занимался более 40 лет.

Политическое положение в Крайне в то время было крайне напряженным. Потерпев поражение на выборах 1895 г. от католиков, терявшие свои позиции либералы заключили в начале 1896 г. союз с Немецкой партией, который обеспечил им политическое преобладание в провинции вплоть до 1908 г. В своей про-

грамме они делали упор на национальном вопросе, социально-экономической программы так и не разработали, действенных мер для решения социального вопроса и преодоления экономического кризиса не предпринимали. Слабо организованная партия, которую один из лидеров либералов К. Триллер метко охарактеризовал как «объединение крайнской интеллигенции»[15], в основном сосредоточила усилия на попытках дискредитировать противников-католиков и вновь отвоевать у них голоса избирателей. В либеральной прессе, особенно в газете «Словенски народ», развернули так называемую «травлю попов», на которую католики отвечали соответствующим образом. Эта политика была недальновидной и вела к окончательному расколу национальных сил.

Неудовлетворенные бездеятельностью партии и ее союзом с немцами либеральные студенты, учившиеся в Граце, Праге и Вене, организовали движение «национальных радикалов», главную роль в котором играло венское общество «Словения» под руководством Г. Жерьява. Их печатным органом стала академическая газета «Омладина» («Omladina», «Молодежь»). Студенты выступали против клерикализма, в их программу были включены и социально-экономические требования. Движение приобрело наибольший размах в 1905–1907 гг. Национальные радикалы организовывали хозяйственные кооперативы (объединившиеся в 1907 г. в Союз словенских кооперативов), передвижные библиотеки и т. д. В национальном вопросе они поддерживали программу культурно-национальной автономии. В Крайне и Горице в либеральном лагере возникло независимое крестьянское движение. Его лидеры отрекались от каких-либо связей с либеральной партией и в начале XX в. стали выступать в качестве «независимых крестьянских кандидатов»[16]. Словенские студенты, учившиеся в Пражском университете и увлеченные идеями Т.Г. Масарика, ратовали за развитие буржуазно-демократических институтов и введение правительством демократических свобод, выступали за парламентские методы борьбы, против революционных действий пролетариата[17]. Они осуждали равнодушие либералов к проблемам крестьян и рабочих. Печатным органом словенских масариковцев был журнал «Наши записки». Возглавляли движение А. Дермота и историк Д. Лончар.

«Когда я вернулся из Целья, где мы знали только одну политику, защиты народа от наших национальных врагов и от правительства, крайнская политика показалась мне чуждой и непонятной, если не отвратительной», — писал В. Равнихар. В Любляне, по его мнению, царила «тяжкая атмосфера лютой партийной борьбы». Хотя он полагал, что политический католицизм вредит «общенациональным интересам и морали» словенцев, однако, был против того, чтобы выдвигать борьбу против него на первое место и использовать «травлю попов» как «главное и единственное средство» его победить. Он считал, что бороться с ним надо «позитивным трудом», а подобные нападки со стороны либералов только помогают католикам укрепить позиции[18]. «Я был убежден, что позитивной, целенаправленной работой в культурной, экономической и социальной сфере мы не только принесем непосредственную пользу своему народу …, мы выбьем почву из-под ног как клерикализма, так и экстремального социализма с его классовой борьбой, или, как сейчас говорят, — коммунизма»[19].

О партии католиков Равнихар отзывался достаточно нелицеприятно, хотя и признавал их заслуги на социальном и экономическом поприщах: «Беззастенчивое злоупотребление религиозными чувствами нашего народа и бесчестная демагогия облегчали им работу, которую они совершенно систематически проводили в экономической и социальной сферах, в культурной же лишь настолько, насколько ее допускала доктрина Махнича*, согласно которой национальный вопрос считался второразрядным». По мнению Равнихара, католики пользовались поддержкой правительства, либералы же, несмотря на то что у них была «хорошая программа», которую поддерживало много национально сознательных людей, не имели политиков, которые взялись бы за ее осуществление. «Партия как таковая прозябала в безделье, не было спланированной национальной экономики, никого, кто бы посвящал все свои силы всё более насущному социальному вопросу. Просвещение было отпущено на волю личной инициативе»[20]. Примечательно, что описывая конфликт либералов и ка-

* Махнич Антон (Mahnič Anton, 1850–1920) — словенский политик, один из идеологов словенского клерикализма. С 1881 г. — профессор богословия в Горице, с 1897 г. — епископ на острове Крка.

толиков, Равнихар сумел достаточно объективно охарактеризовать сильные и слабые стороны деятельности обеих партий, хотя, несомненно, данные им оценки свидетельствуют о либеральном мировоззрении автора. Он, в принципе, выступал против политического католицизма, считая, что «вера и церковь сами по себе достаточно сильны и не нуждаются в помощи какой-либо политической партии»[21].

Неудивительно, что в первые годы по возвращении в Любляну просветительская работа привлекала Равнихара намного больше, чем политика, и шла она по накатанной колее. Он стал членом комитета Музыкальной матицы (а в 1910–1911 и в 1918–1943 гг. возглавлял Словенскую филармонию), членом комитета Драматического общества и Словенской матицы. В 1902 г. был избран заместителем старосты общества «Сокол»[22], в 1904 г. стал организатором первого Всесокольского слёта в Любляне. В 1905 г., после ожесточенной полемики и давления со стороны Либеральной партии, выставившей своим кандидатом Й. Мурника, был избран первым старостой Словенского сокольского союза[23]. Свою сокольскую деятельность он продолжил и в начале 1920-х годов в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (СХС).

Пропаганде сокольского движения Равнихар придавал большое значение. Его обширная статья «Сокольская идея и словенцы» была опубликована в нескольких номерах газеты «Словенски народ» за 1903 год. В воспоминаниях он писал: «Сокольская идея своим призывом к братству, свободе и равноправию сама по себе решает социальный вопрос и задает направление национальной экономике в плане справедливого распределения доходов. Требование просвещения призывает к просветительской работе, чтобы мы подняли свой народ на как можно более высокую ступень культуры … Поэтому уважай свободу взглядов, свободу совести … И более того: свобода всем народам, чтобы они как равноправные развивались рядом друг с другом, обмениваясь своими материальными и культурными достижениями»[24]. Очевидно, что мысли Равнихара относительно значения сокольского движения являются явно идеалистическими, его значение он явно преувеличивал. Впрочем, необходимо отметить, что это движение действительно сыграло немаловажную роль в деле

сплочения свободомыслящих словенцев и развития их национального самосознания.

В 1904 г. Равнихар создал просветительское общество «Академия» и стал его председателем. По его мнению, новая организация была призвана восполнить лакуны в образовании словенцев в связи с отсутствием у них университета и подготовить почву для его будущего открытия. Он подчеркивал, что в обществе сотрудничают представители разных политических течений, у которых имеются разногласия, однако они всегда выступают единым фронтом, поскольку их «сплачивает позитивная работа». Действительно, в «Академии» работали и масариковцы, и национальные радикалы (в комитет общества входил их руководитель Г. Жерьяв), и социал-демократы. Общество развивалось успешно, занимаясь организацией лекций словенских и хорватских университетских преподавателей. Уже в 1905 г. им было организовано проведение 65 лекций по разным отраслям науки. К обществу присоединилось 11 читальниц. Вместе с каникулярным обществом «Просвета», созданным национальными радикалами, и люблянским «Соколом» «Академия» стала учредителем общественной библиотеки и читальницы им. С. Грегорчича. Члены общества также планировали открыть рабочие школы, каникулярные университетские курсы, реформировать читальницы и общества книголюбов[25].

К сожалению, просветительские организации также оказались вовлеченными в межпартийную борьбу. Появление «Академии» крайнские либералы восприняли прохладно из-за участия в ней национальных радикалов и масариковцев, а католики и вовсе осудили «антирелигиозный и антихристианский характер» общества. Когда в 1905 г. шла борьба за должность старосты Словенского сокольского союза, либеральные противники из Либеральной партии обвинили Равнихара даже в симпатиях к социал-демократам, поскольку члены общества печатали свои статьи в журнале «Наши записки» («Naši zapiski»), издававшемся масариковцами. На это он ответил, что общество не является политическим, а «Наши записки» — единственный словенский журнал, печатающий научные статьи[26], поэтому естественно, что «Академия» с ним сотрудничает. Хотя сам Равнихар не написал

для этого органа ни одной статьи, но о деятельности масариковцев неизменно отзывался с уважением[27].

Некоторые словенские историки причисляли В. Равнихара к лидерам национальных радикалов[28], но сам он отрицал принадлежность к этому движению. Он был старше их лидеров на 11–12 лет и закончил Венский университет раньше, чем они в него поступили, и никак не мог быть одним из руководителей студенческого движения, оформившегося в 1902 г. По взглядам он был им близок, публиковал свои статьи в их газете «Омладина». «Мы поддерживали контакты с новым национально-радикальным студенческим движением, ведь их “Просвета” преследовала те же цели, что и “Академия”. По приглашению я принял участие в Первом съезде национально-радикального студенчества 8 сентября 1905 г. в Триесте и выступил там с лекцией…», — писал Равнихар. Следует отметить, что в более поздних трудах по истории словенцев, вышедших после публикации воспоминаний Равнихара, он упоминается уже как «младолиберал»[29].

В политической борьбе словенские партии периодически предпринимали попытки привлечь на свою сторону талантливых людей из рядов политических соперников. Одному из лидеров либералов И. Хрибару в конце 1890-х годов предлагали присоединиться к партии католиков, но он отказался. Когда в 1906 г. идеолог и организатор движения христианских социалистов Я.Е. Крек предложил масариковцу А. Дермоте стать кандидатом от партии католиков на предстоящих выборах в рейхсрат, это оказалось для того решающим моментом, склонившим его выставить свою кандидатуру на выборах от социал-демократов[30]. Один из лидеров социал-демократов Х. Тума на I съезде национальных радикалов в Триесте в 1905 г. предложил их лидеру Г. Жерьяву вступить ряды Югославянской социал-демократической партии, ведь его речь на съезде была совершенно в «социал-демократическом духе»[31]. Однако Жерьяв отказался, а позже, как и многие другие национальные радикалы, вернулся в ряды партии либералов.

Весной 1906 г. и Равнихару, ставшему к тому времени достаточно значимой политической фигурой, поступило предложение от либералов вступить в их Национально-прогрессивную партию (НПП) и принять участие в ее II съезде. Он пишет, что принял

приглашение неохотно и заявил, что «программу партии нужно реформировать коренным образом …, а также найти людей, которые будут проводить ее в жизнь»[32]. В ноябре 1906 г. состоялся съезд представителей партии, на котором организационная деятельность либералов подверглась жесткой критике. Наиболее радикально выступил В. Равнихар, избранный на съезде членом Исполнительного комитета. Он призвал членов партии подняться из своих кресел и «пойти в народ и работать, засучив рукава, основывать среди народа общества, политические и неполитические»[33]. Исполком был переизбран, и Равнихар туда уже не вошел, а вскоре вообще покинул ряды партии. На съезде приняли новую программу, учитывавшую интересы крестьян, ремесленников и чиновников. Однако в сущности ничего не изменилось. По образному выражению историка словенского католицизма Ф. Эрьявеца, съезды либералов «не могли омолодить увядшего тела», практических результатов достигнуто не было[34].

А Равнихара бывшие однопартийцы обвинили в политической неустойчивости и даже едко прозвали «нетопырем». По этому поводу он заметил в своих воспоминаниях: «Направленность политической тактики всегда является результатом текущего политического положения … То, что сегодня выглядит грехом, возможно, в тот критический момент было уместным и обоснованным». Он полагал, что в разных обстоятельствах не только допустимо, но и нужно использовать разную тактику, и пояснял, что «в тех условиях попытка реализовать в НПП свои политические взгляды была бы безуспешной …, программе не хватало исполнителей. Все политические силы были израсходованы во вредоносной борьбе против “клерикалов”».

Следует отметить, что в этих размышлениях Равнихара затрагивается только вопрос о гибкости политической тактики. Что же касается политической этики, то он бескомпромиссно отстаивал ее необходимость. В заключительной части воспоминаний он отмечает, что «политическая цель всегда должна иметь этическую основу»[35], и никакая светлая цель не оправдывает использование грязных методов. Это было одним из его главных убеждений. Равнихар подчеркивает, что его «политическое мировоззрение было неизменно … с гимназических и студенческих лет». «Свой национализм я всегда понимал в радикальном смысле этого сло-

ва … На первом месте для меня мой народ. Ему нужно служить преданно и бескорыстно … укрепляя его культурные и экономические силы и одновременно улучшая социальное положение всех его слоев»[36]. Как видно, понимание Равнихаром задач политической деятельности вполне соответствовало нуждам словенцев того времени, но его представления о соблюдении этических принципов в политике были довольно идеалистическими.

Выйдя из Либеральной партии, Равнихар вместе с единомышленниками уже в декабре 1906 г. основал Словенскую экономическую партию, печатным органом которой с января 1907 г. стала газета «Нова доба» («Nova doba», «Новое время»). Он сам признавал, что программа этой партии «в идейном плане не отличается от программы НПП», только акцент в ней делается «на экономическом воспитании словенского народа, на защите и укреплении его экономических сил». Развившись в экономическом и культурном плане, народ осознает свою «суверенность». Политической целью общества была «национальная автономия», а также «экономическое, культурное и в конце концов политическое» сближение с родственными югославянскими и славянскими народами. Своих целей партия предполагала достичь путем систематической работы в народе. Ориентировалась она на крестьян, ремесленников, мелких торговцев. В 1907 г. ее члены провели много митингов в Рибницкой долине и Лошком Потоке. Стремясь к тому, чтобы партия не была ограничена рамками Крайны, Равнихар установил контакты с приморскими словенцами и со Степаном Радичем, главой Хорватской крестьянской партии[37].

Словенская экономическая партия выдвинула своих кандидатов на выборах в провинциальное собрание в феврале 1908 г., но они потерпели поражение. Равнихар также принял в них участие в качестве независимого кандидата против либеральных лидеров И. Тавчара и К. Триллера, но также неудачно. В результате ему пришлось отказаться от постов старосты Словенского сокольского союза и заместителя старосты люблянского «Сокола» и выйти из этого общества. Летом того же года он отошел от политики, деятельность его партии прекратилась, газета «Нова доба» перестала выходить. Ему оставалась только надежда, что их движение «посеяло доброе семя в словенскую землю»[38].

Размышляя о причинах неудач своей партии, Равнихар с грустью констатировал, что члены ее были «непрактичными идеалистами». Партии не хватало людей и средств, и ее члены не знали, как их добыть, а потому делали упор на личные пожертвования. Расчеты на «зрелость народа», способного проникнуться их идеями, также не оправдались. Партия не позиционировала себя ни как либеральная, ни как католическая, поэтому подверглась нападкам со стороны обоих лагерей и не выдержала их натиска. Ей не нашлось места на словенской политической сцене, поскольку, как писал Равнихар, «в партийном отношении всё уже было определено и приковано к существующим партиям»[39]. И в этом он был прав. Практически все словенские молодежные течения начала XX в. не сумели утвердиться на политической арене и вскоре присоединились к уже существовавшим крупным партиям: национальные радикалы — к Либеральной, оформив в ней младолиберальное крыло, масариковцы — к Социал-демократической, и в 1910-х годах уже действовали в их рамках.

В последующие годы вожди либералов И. Хрибар и И. Тавчар не раз предлагали Равнихару вернуться в НПП и включиться в политику. Хотя он признавал, что стал понемногу сближаться «с бывшими противниками», но снова вступать в партию либералов отказывался — до 1911 г., когда либералы выдвинули его кандидатом в депутаты в австрийский рейхсрат от г. Любляны[40]. Тогда Равнихар решил вернуться в партию. Одержав победу на выборах, он отправился в Вену.

После распада в 1910 г. Славянской унии, в то время крупнейшей группировки рейхсрата, по инициативе лидера католиков И. Шуштершича в 1911 г. был создан Хорватско-словенский клуб (27 чел.), в котором словенские католики объединились с хорватскими правашами. Малочисленные либералы, не желавшие в него вступать, либо присоединялись к тому или другому союзу в рейхсрате, либо выступали как независимые депутаты[41]. Равнихар поступил иначе — он вступил в Чешский клуб (клуб младочехов), возглавлявшийся К. Крамаржем, и оставался в нем до роспуска рейхсрата в 1914 г.

Выступал в рейхсрате Равнихар, в основном, по профессиональному профилю — говорил об ущемлении прав словенского

языка в школах, судах и учреждениях и т.п. Но не только. В речи на заседании рейхсрата 27 июня 1912 г. он высказался за «государственно-правовое … объединение всех югославянских областей монархии в единую автономную административную единицу»[42]. В интервью, которое Равнихар дал пражскому еженедельнику «Народни обзор» («Národní obzor», «Национальный горизонт») в апреле 1913 г., он разъяснил свое отношение к идее триализма, выдвинутой католиками, поддержанной либералами и предусматривавшей образование третьей — югославянской — административной единицы в Империи. Осуществление этого плана он считал нереальным: «Трудно поверить, чтобы властные круги захотели поднять нас на уровень первосортной нации, в то время как чехи и поляки, которые экономически и культурно намного более развиты, остались бы в числе второсортных наций … Данным условиям и возможностям намного больше подошел бы федерализм …». Как он вспоминал впоследствии, уже тогда югославянский вопрос требовал немедленного решения, «но мы еще не были достаточно зрелы» для этого, не было единства во взглядах. «Только когда у нас уже горела крыша над головой, мы постановили решить его, объединив усилия», — писал Равнихар, имея в виду образование Югославянского клуба в рейхсрате в 1917 г.[43].

В период своей депутатской деятельности Равнихар, по его словам, не вмешивался в конфликты между старолибералами и младолибералами (бывшими национальными радикалами). Он подчеркивал в воспоминаниях, что «всегда шел своим политическим путем» и был одинаково далек от обоих течений в партии. «Я ценил работу, способности, энергию и инициативу “молодых”, но ничуть не меньше уважал умеренность, политическую искушенность и трезвые суждения др. Тавчара и его ближайшего сотрудника др. Триллера»[44]. В 1913–1914 гг. Равнихар являлся главным редактором газеты «Словенски народ».

В годы Первой мировой войны он занимался преимущественно адвокатской практикой, поскольку политическая деятельность была невозможна, также был членом провинциального школьного совета[45]. В 1917 г. Равнихар присоединился к Югославянскому клубу рейхсрата и принял активное участие в агитации за Май-

скую декларацию. В Королевстве СХС в 1919–1921 гг. он был уполномоченным по правосудию в словенском правительстве и способствовал его успешному развитию в новом государстве. В 1921 г. он был избран в Совет общины Любляны от Югославской демократической партии, в 1932 г. стал членом югославского сената, в 1935 г. занимал должность жупана, затем, до 1942 г., заместителя жупана Любляны. Помимо этого, Равнихар много лет был членом комитета палаты адвокатов, членом комитета, а затем председателем Крайнского сбербанка (1930–1935 гг.), оставался председателем просветительского общества «Академия». С февраля 1944 г. вплоть до освобождения Любляны он находился в тюрьме из-за сотрудничества с Освободительным фронтом. Умер он в Любляне в 1954 г.

Можно согласиться с утверждением Равнихара, что в политике он «шел своим путем», хотя по мировоззрению был близок к национальным радикалам и младолибералам. В своей политической деятельности он стремился к объединению национальных сил для борьбы против германизации словенцев и ради осуществления их требований, к прогрессу своего народа не только в культурно-национальном, но и в социально-экономическом плане, к союзу с другими югославянскими народами Империи. При этом Равнихар настаивал на жестком соблюдении этических принципов в политике. Он уделял большое внимание культурно-просветительской работе, что в целом было характерно для молодежи того времени, продолжавшей в этом плане традиции отцов.

Поиски Равнихаром своего пути в политике не представляли из себя чего-то необычного, они были вполне характерны для поколения молодых, либерально настроенных словенских патриотов конца XIX — начала XX вв., определившихся против Католической партии, осуждавших бездеятельность и конформизм Либеральной партии и пытавшихся найти свое место в политике. Все они считали себя людьми прогрессивными, любили свой народ и стремились способствовать его развитию — культурному, национальному, социально-экономическому. Большинству из них были близки югославянские идеи. Попытки молодых словенских патриотов основывать свои движения закономерно завершались их последующим присоединением к одной из трех крупных пар-

тий. Они были более радикальны и деятельны, чем политики старшего поколения, но еще не имели опыта для того, чтобы успешно организовать работу своих течений и партий (особенно в финансовом плане). На смену им в 1912–1913 гг. пришло следующее поколение радикалов — препородовцы.

В воспоминаниях Равнихара рельефно обрисована политическая обстановка в словенских землях в рассматриваемый период, в них нашли отражение надежды и устремления словенской либеральной молодежи, ее попытки проторить свой путь в политике, а также бескорыстный труд на благо своего народа.

Примечания

[1] *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1973; Slovenska novejša zgodovina. 1848–1992. Ljubljana-Zagreb-Beograd-Sarajevo-Skopje-Sofija: Mladinska knjiga, 2005. Zv. 1; *Vodopivec P.* Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18 stoletja do konca 20. stoletja. Ljubljana: Modrijan, 2006; *J.C.* Slovenska gospodarska stranka // Slovenska kronika XX. stoletja 1900–1941. Ljubljana: Nova revija, 1995. S. 67; *Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В.* История Словении. Глава 8. СПб.: Алетейя, 2011; *Melik V.* Politična slika Ravniharjeva časa // *Ravnihar V.* Mojega življenja pot. Spomini dr. Vladimirja Ravniharja. Ljubljana: Oddelek za zgodovino Filozofske fakultete, 1997. S. 10–16; *Goropevšek B.* Politični cilj in smoter mora biti vselej etične narave // Zgodovina za vse. Celje, 1997. Letnik 4. Št. 2. S. 91–95.

[2] *Ravnihar V.* Mojega življenja pot. S. 17.

[3] Ibid. S. 20.

[4] Ibid. S. 22.

[5] Ibid. S. 24.

[6] *Melik V., Vodopivec P.* Slovenski izobraženci in avstrijske visoke šole 1848–1918 // Zgodovinski časopis. Ljubljana, 1986. № 3. S. 273–274.

[7] *Ravnihar V.* Mojega življenja pot. S. 26–29.

[8] *Кирилина Л.А.* Некоторые аспекты партийной борьбы в словенских землях в конце XIX — начале XX вв. // Славяне и Россия: Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю.А. Писарева. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 161.

[9] *Ravnihar V.* Mojega življenja pot. S. 27.

[10] Ibid. S. 41.

[11] Ibid. S. 64.

[12] Ibid. S. 37–38.

[13] *Perovšek J.* Organizacijsko-politična slika liberalnega tabora v letih 1891–1941 // Prispevki za novejšo zgodovino. 2017. № 1. S. 61.

[14] *Ravnihar V.* Mojega življenja pot. S. 39.

[15] Slovenski narod. 5.VI.1891.

[16] *Кирилина Л.А.* Словенские земли накануне и в период Первой мировой войны. (90-е гг. XIX в. — 1918 г.) // *Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В.* История Словении. С. 265–266.

[17] Подробнее о масариковцах см.: *Gantar Godina I.* Masaryk in masarykovstvo na Slovenskem (1895–1914). Ljubljana: Slovenska matica, 1987.

[18] *Ravnihar V.* Mojega življenja pot. S. 64.

[19] Ibid. S. 47.

[20] Ibid. S. 48.

[21] Ibid. S. 268.

[22] Ibid. S. 47, 50.

[23] Ibid. S. 55–61.

[24] Ibid. S. 49–50.

[25] Ibid. S. 52–58.

[26] Ibid. S. 58.

[27] Ibid. S. 51.

[28] См.: *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina… S. 289–290.

[29] *Pančur A.* Delovanje slovenskih strank // Slovenska novejša zgodovina… S. 38; *Vodopivec P.* Od Pohlinove slovnice… S. 118–119.

[30] *Gantar Godina I.* T.G. Masaryk in masarykovstvo na Slovenskem. S. 46–47.

[31] *Tuma F.* Iz mojega življenja: spomini, misli in izpovedi. Ljubljana: Založba Tuma, 1997. S. 299.

[32] Ibid. S. 62.

[33] Slovenski narod. 17.XI.1906.

[34] *Perovšek J.* Organizacijsko-politična slika liberalnega tabora… S. 55–56.

[35] *Ravnihar V.* Mojega življenja pot. S. 265.

[36] Ibid. S. 62–65.

[37] Ibid. S. 65–68.

[38] Ibid. S. 71–73.

[39] Ibid. S. 67–68.

[40] Ibid. S. 78–79.

[41] *Cvirn J.* Razvoj ustavnosti in parlamentarizma v Habsburški monarhiji. Dunajski državni zbor in slovenci (1848–1918). Ljubljana: Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani, 2006. S. 291.

[42] *Ravnihar V.* Mojega življenja pot. S. 85–86, 89.

[43] Ibid. S. 94–96.

[44] Ibid. S. 93–94.

[45] Ibid. S. 111.

DOI 10.31168/7576-0478-7.10

Пётр Ахмедович
ИСКЕНДЕРОВ

Албанское национальное движение (1878–1914 гг.) в балканском контексте: общее и особенное*

Албанское национальное движение изначально несло в себе как общие закономерности с аналогичными процессами у других балканских народов, так и собственные уникальные возможности. Это объективно вело к выделению в рамках указанного явления нескольких аспектов, направлений и измерений, зачастую находившихся друг с другом в противоречиях и прямых конфликтах, но в целом относившихся к одному типологическому явлению.

Среди уникальных особенностей албанского национального движения следует, в первую очередь, выделить следующие: историческое «запаздывание» данного процесса у албанцев в сравнении с другими балканскими народами; отсутствие единого исторического и географического центра «собирания» албанских земель (какими были, к примеру, Афины у греков, Белград у сербов, Бухарест у румын); меньшая востребованность религиозного фактора, в сравнении с факторами этническими и родо-племенными; важная роль активности албанских этнических общин за пределами собственно территории Албании; существование территориальных претензий со стороны других балканских государств в отношении практически всех территорий, которые лидеры албанского движения рассматривали в качестве ядра собственной национальной государственности; тесная интегрированность албанских лидеров в военно-политические и финансово-экономические структуры Османской империи.

Все вышеуказанные особенности самым непосредственным образом проявились в деятельности Призренской лиги 1878–

* Работа подготовлена в рамках Гранта РФФИ № 20-59-18004 Болг_а «Векторы исторического развития и национальные идеи на Балканах в XVIII–XXI вв».

1881 гг., ставшей первым институтом формирования албанской государственности на Балканах и одновременно апогеем подъема албанского национального движения в XIX веке и начавшей работу 10 июня 1878 г. — за три дня до открытия Берлинского конгресса — в составе 80 делегатов[1]. Среди участников Лиги преобладали крупные албанские феодалы, лидеры влиятельных местных кланов и представители мусульманского духовенства из Косово, Албании, Болгарии, Боснии и Герцеговины, Македонии и Новопазарского санджака, а также турецкие чиновники. Они приняли программу, написанную на турецком языке и озаглавленную «Карарнаме» («Книга решений»)[2]. Указанная программа имела достаточно умеренный характер и включала в себя такие основные положения, как «безоговорочная лояльность по отношению к турецкому султану», «борьба до последней капли крови против какой-либо аннексии албанских территорий», «объединение всех населенных албанцами территорий [Косовский, Битольский, Янинский и Скутарийский (Шкодринский) вилайеты. — *П. И.*] в одну провинцию, управляемую турецким генерал-губернатором», «придание албанскому языку официального статуса» и «введение национальной армии под командованием турецкого офицера»[3]. Программа предусматривала также возможное территориальное расширение Лиги за пределы первоначально обозначенных районов: «Представители других краев (земель), которые хотят присоединиться к Лиге, будут охотно приняты, и мы их внесем в список Лиги как друзей власти и страны». Столицей объединенного албанского вилайета предполагалось сделать город Охрид в силу его центрального географического положения[4].

Одновременно участники собрания направили специальный меморандум участникам Берлинского конгресса, а также турецкому правительству и дипломатическим представителям великих держав в Константинополе, в котором акцентировали внимание Европы на вышеуказанных положениях. Кроме того, в Берлин отправилась полномочная делегация Албанской лиги во главе с Абдюлем Фрашери.

Однако деятелям албанского национального движения не удалось принять участие в работе европейского форума наравне с представителями их балканских соседей и даже добиться вклю-

чения в повестку дня обсуждения в отдельном виде албанского вопроса. Великие державы отрицали сам факт существования албанской нации и рассматривали территории с албанским населением лишь в качестве географического понятия.

Решение Берлинского конгресса о уменьшении территории Болгарии, предусмотренной Сан-Стефанским прелиминарным договором, объективно было позитивным для Албании (тем самым район города Корча оставался в составе Османской империи). Однако, с другой стороны, документы, подписанные в германской столице, предполагали передачу Черногории, помимо Бара и Подгорицы, двух городов со смешанным албано-славянским населением — Плава и Гусинье, а Греции — значительной части Эпира, в том числе и районов с преобладающим албанским населением. Афинский корреспондент лондонской газеты «Таймс» сообщал о том значении, которое греческое руководство придавало «албанскому направлению» своей внешней политики, рассматривая присоединение го́рода Янина в качестве первого этапа постепенной «эллинизации» Албании[5]. Соответствующие карты широко распространялись как в самой Греции, так и в других европейских странах[6]. Впрочем, аналогичные великодержавные программы разрабатывались и в других столицах региона. Более того, «концепция “великой страны”, занимавшая постепенно господствовавшее место во внешнеполитических ориентирах балканских государств, уже была чревата межгосударственными конфликтами, несмотря на то, что объективно молодые страны полуострова, обретшие или восстановившие свою государственность, являлись союзниками в борьбе с главным противником — Османской империей»[7].

2 июля 1878 г. состоялось второе общее собрание Албанской лиги, на котором в числе основных обсуждались вопросы организации защиты албанских земель от их передачи под чужеземное господство. На основании принятых на нем решений, в северных областях Албании создавались вооруженные албанские отряды, призванные оказать сопротивление передаче присужденных Черногории и другим балканским странам земель, — в том числе в Плаве, Гусинье, Шкодере, Призрене, Превезе и Янине. Был принят Статут Лиги, которая приобрела официальное название

«Албанская», и был избран новый состав Генерального совета. Во главе этого органа остался богатый феодал из Дибры (Дебара) Ильяз-паша Дибра, однако в его составе усилилось влияние патриотических сил. Именно принятие Статута считается обретением Албанской лигой юридической базы «для постепенного оформления в рамках османского государства албанской автономии», поскольку «у албанцев впервые появился орган защиты военным и дипломатическим путем их национальных прав»[8].

Правда, турецкие власти и на этом этапе деятельности Лиги видели в албанцах своих естественных союзников в борьбе против диктата великих держав и нарушения территориальной целостности Империи. Часть делегатов Призренской лиги во главе с представителем Тетово Шейхом Мустафой Рухи Эфенди призывали своих коллег открыто заявить о том, что они «во-первых и прежде всего оттоманы, а уже затем албанцы». Константинополь также снабжал албанцев оружием и боеприпасами. В этой связи справедливыми представляются слова британской исследовательницы М. Виккерс, указывающей, что «одним из главнейших препятствий на пути культурного, национального и политического прогресса албанцев являлся продолжавшийся отказ оттоманской администрации признать, что албанцы — не турки, а особый народ с собственной отчетливой идентичностью. Обращение большого количества албанцев в ислам, а также предоставляемая им Портой безопасность против славян и греков окончательно способствовали тому, что они скорее отождествляли себя в целом с оттоманскими турками, нежели осознавали специфические албанские идеалы и цели. Таким образом, сама природа оттоманского правления отсрочила появление албанского национального самосознания и последующего национального движения и привела к тому, что албанцы стали последней балканской нацией, обретшей свою независимость от Оттоманской империи»[9].

В конце сентября 1878 г. радикальное крыло Албанской лиги, по-прежнему группировавшееся вокруг ее комитета в Константинополе, разработало и приняло новую программу этого общеалбанского объединения, имевшую более радикальный характер по сравнению с предшествовавшей и предусматривавшую, в част-

ности, объединение всех албанонаселенных областей в единый, так называемый «Албанский вилайет». При этом вне зависимости от религиозных различий, «все албанцы должны принять участие в организации и создании национальной армии, которая, несомненно, насчитывала бы свыше двухсот тысяч военнослужащих. Для этой элитной армии, которая будет создана, существовали бы особые военные правила, а к ее подготовке и обучению были бы привлечены офицеры из иностранного государства»[10].

Многие албанские историки (в частности, К. Фрашери) предпочитают в этой связи трактовать одно из ключевых требований Призренской лиги — о создании общего вилайета для албанцев — как исходившее из сохранения Европейской Турции и потому носившее «протурецкий» характер[11]. Однако многие турецкие исследователи — среди них С. Кюльдже — подчеркивают, что цели и деятельность Призренской лиги изначально «находились в противоречии с интересами и самим существованием Османской империи»[12]. Представляется, что более обоснованной и взвешенной является точка зрения российского исследователя Г.Л. Арша, характеризующего рассматриваемый документ следующим образом: «Это первая в истории албанского национально-освободительного движения развернутая программа политической автономии Албании»[13]. Аналогичную оценку дала принятой программе российская газета «Голос», подчеркнувшая, что Албанская лига «приняла в последнее время характер национальный, имеющий целью домогаться образования автономного Албанского княжества, которое бы находилось только под верховной властью султана»[14].

При этом не следует недооценивать не только конфессиональную и племенную, но и социально-экономическую разобщенность внутри албанского лагеря. Жители северных горных районов Албании традиционно пользовались большей степенью автономии в системе Османской империи, и потому «централизаторская политика Порты возмущала их больше, нежели южан»[15]. С другой стороны, и тех, и других объединяло стремление воспрепятствовать передаче их земель соседним государствам — Черногории и, возможно, Сербии на севере и северо-востоке, и Греции — на юге. Что же касается крупных землевладельцев Центральной Албании,

то они менее всего были склонны поддерживать радикальные национальные требования Призренской лиги. Во-первых, они не опасались за свои земли, а во-вторых — имели более широкое «представительство» в высших структурах иерархии Османской империи. Как справедливо указывала в этой связи российский албанист Ю.В.Иванова, ислам расколол балканское общество «не по этническому признаку, а по религиозному, который в действительности был признаком социальным»[16].

В конце марта 1881 г. турецкие войска развернули массированное наступление против албанцев, во главе которого встал печально известный своими карательными экспедициями против албанских повстанцев Дервиш-паша. Упорное сопротивление слабоорганизованных и плохо вооруженных албанских отрядов было сломлено в генеральном сражении у села Штимле; в том же месяце под контроль турецких властей перешел г. Скопье. В конце апреля 10-тысячная турецкая армия под командованием Дервиш-паши взяла штурмом Призрен, а вскоре восстановила контроль над остальными районами Косово. На всей территории, населенной албанцами, осуществлялись массовые репрессии против участников национального движения и депутатов Призренской лиги. Лидер ее радикального крыла Абдюль Фрашери был схвачен в районе албанского города Эльбасан и переправлен в Призрен, где был приговорен к смертной казни, впоследствии замененной пожизненным заключением.

Разгром турецким правительством Призренской лиги ознаменовал собой начало нового этапа в истории албанского национального движения, которое отныне было тесно связано с Косово. Как справедливо указывает албанский исследователь К. Фрашери, «Албанская лига Призрена в качестве патриотической организации, действовавшей в условиях Восточного кризиса в 1870-е годы, идентифицировала себя в качестве Национального албанского движения», в связи с чем ее деятельность «развивалась в рамках политической, общественной и культурной триады»[17].

После разгрома Призренской лиги центр албанского национального движения переместился за границу — в те страны и города, где имелись многочисленные албанские колонии — прежде всего, в Константинополе, Софии, Бухаресте, Южной

Италии, Египте[18]. Особо благоприятные условия для албанского национального движения в эмиграции были в Италии, во-первых, вследствие существования в этой стране значительной прослойки так называемых итало-албанцев — потомков 200 тысяч албанских эмигрантов, покинувших свою страну в XV веке после подавления турецкими властями восстания Скандербега, нашедших убежище в Неаполитанском королевстве, на Сицилии и особенно в Калабрии и на протяжении веков сохранявших и развивавших родной язык и родную культуру, а во-вторых, благодаря моральному и материальному покровительству премьер-министра Ф.Криспи, тоже итало-албанца по своему происхождению. Так, в 1900 г. в Неаполе при местном Восточном институте была открыта кафедра албанского языка и литературы[19].

Ключевая роль в развитии албанского движения в Соединенных Штатах Америки принадлежала священнику Фану Стилиану Ноли (1882–1965), который в 1906 г. прибыл из Египта в американский штат Массачусетс по призыву местного албанского землячества, ведшего борьбу за церковную автономию против местного греческого духовенства. 8 марта 1908 г. архиепископ русской православной церкви в Америке посвятил 26-летнего Фана Ноли в сан священника. В результате юрисдикция греческой Патриархии в Константинополе была заменена формальным главенством русской православной церкви в США; однако фактически албанская церковь пользовалась широкими суверенными правами, главным из которых было право использования албанского языка в церковных литургиях[20].

В 1884 г. Наим Фрашери основал албанское периодическое издание «Дрита» («Свет»), а через два года подготовил целый ряд сочинений, рассматривавшихся им в качестве учебников по истории, географии и другим наукам для будущих албанских школ. Первая из них — частная албанская школа для детей как из мусульманских, так и православных семей[21] — была открыта по инициативе Наима и Сами Фрашери в Корче в 1887 г.; вслед за ней албанские школы появились также в городах Эльбасан, Влёра, Тирана и в ряде деревень[22].

Продолжавшие же действовать на косовской территории албанские объединения перешли к решению культурно-нацио-

нальных задач. Это относилось, в частности, к Печской лиге, созданной в городе Печ в январе 1899 г. одним из активистов Призренской лиги Хаджи Зекой. Благодаря его стараниям, деятельность новой Лиги также стала приобретать политический характер под лозунгом предоставления автономии албанонаселенным районам Балкан[23]. В течение последующих месяцев в других районах Османской империи, населенных албанцами, проходили собрания в поддержку решений, принятых в Пече, кое-где учреждались местные органы власти, замещавшие турецкую администрацию, и даже вооруженные отряды. Однако деятельность Лиги не приобрела столь необходимый ей для успеха албанского национального движения общеалбанский характер из-за исторически существовавшей разделенности албанцев по географическому, культурно-национальному и религиозному признакам. Турецким властям, использовавшим метод «кнута и пряника», попеременно проводя военные карательные экспедиции и подкупая крупных албанских феодалов денежными суммами и высокими государственными должностями, удалось подавить разрозненные и неорганизованные выступления албанцев.

В 1900 г. Печская лига была распущена по требованию Константинополя, а сам Хаджи Зека в 1902 г. был убит в результате покушения. По албанской версии, покушение осуществил «сербский агент» при поддержке властей Османской империи[24].

Новая крупная веха в развитии албанского национального движения относится к 1908 г. На состоявшемся в ноябре в Битоле всеалбанском конгрессе (формально посвященном обсуждению вопроса о разработке и внедрении в Албании единого алфавита, что было чрезвычайно актуально для объединения усилий двух культурно-национальных общностей, существовавших в рамках единой албанской нации, — гегов и тосков) была принята развернутая программа действий, включавшая в себя как положения о признании и использовании реформированного албанского языка в государственной и образовательной деятельности, так и требования выборности местных органов власти из числа представителей албанцев, стимулирования хозяйственного развития региона, развития торговой деятельности и т.д.

Младотурецкая революция 1908 г. не привела к существенному улучшению положения широких масс населения, а после

подавления контрреволюционного мятежа турецкое руководство не только не пошло навстречу чаяниям албанцев, но и стало проводить репрессивную политику в отношении их национального движения. К лету того же года относятся первые вооруженные выступления албанцев против нового режима, которые весной следующего года переросли в массовое вооруженное восстание албанцев Косовского вилайета, что вызвало ответные вооруженные действия Константинополя, направившего на борьбу с албанскими отрядами крупные соединения регулярной турецкой армии во главе с Шевкетом Торгут-пашой, и введение в конце лета осадного положения на всей территории Албании. Как указывал в своем донесении от 4 мая 1910 г. российский представитель в Призрене Разумовский, «албанское движение, начавшееся из-за неудачного по времени введения городского налога, приобрело за последнее время чисто принципиальный характер борьбы против младотурок»[25].

Одновременно положение турецких властей осложнялось тем обстоятельством, что, как справедливо отмечалось в обстоятельной статье в петербургской газете «Новое время» от 30 мая 1910 г. под заголовком «Значение албанского движения», территориальные границы распространения албанского вопроса охватывали в той или иной мере все вилайеты Европейской Турции, и ареал восстания легко мог расшириться, вовлекая в свою орбиту многочисленные албанские племена как католического, так и мусульманского вероисповедания[26].

Еще более высоко оценивали масштабы и роль албанских выступлений западноевропейские и американские средства массовой информации. Газета «Вашингтон таймс» в октябре 1908 г. даже сообщила своим читателям о том, что Албания «сбросила иго» и «провозгласила независимость», добавив, что «эта гористая страна в Европейской Турции, омываемая Адриатикой», с населением «около 2.000.000 человек», подверглась влиянию духа сепаратизма «в период потрясений, предшествовавших провозглашению турецкой конституции»[27].

Изменилось и отношение к албанской проблеме со стороны европейских государств. Албанские сюжеты, взаимоотношения руководителей движения с представителями турецкой админи-

страции в центре и на местах, а также влияние этих событий на внешнеполитическую обстановку на Балканском полуострове с начала 1910 г. стали занимать важное место в донесениях дипломатических представителей держав как в Турции, так и в других балканских государствах.

С одной стороны, опасения в европейских столицах вызывало стремление ряда балканских политических деятелей использовать события в Албании в целях укрепления там своих политических позиций. Особую активность в этом плане проявлял черногорский князь Никола, ближайшие сподвижники которого разработали далеко идущую программу действий, рассчитанную на переход приграничных албанских племен под юрисдикцию Черногории. Как открыто признал в своей беседе с российским военным агентом в Черногории Н.М. Потаповым военный министр Черногории М. Мартинович, «взгляды великих держав на желательность скорейшего обновления Турции и закрепления в ней нового политического строя совершенно не совпадают теперь с нынешними видами и помыслами Черногории» и что не исключена возможность того, что пока Турция еще не окрепла, Княжество «попытается заварить кашу на Балканах, дабы затем вознаградить себя прилегающими частями Албании и Старой Сербии за потерю надежд на воприсоединение к нему Боснии и Герцеговины»[28].

С другой стороны, сами великие державы, прежде всего Австро-Венгрия и Италия, формально входившие в один военно-политический блок, укрепляя свои экономические позиции в Албании, стали отводить этой области всё более важное место в своих внешнеполитических планах. В том, что касается Италии, албанское направление впервые стало рассматриваться Римом в качестве самостоятельного и перспективного уже с начала 80-х годов XIX в. (а точнее — с оккупации Францией Туниса в апреле-мае 1881 г., в результате которой Италия не только потеряла существовавшие у нее серьезные надежды на его приобретение или какие-либо компенсации, но и поняла свою дипломатическую изоляцию и определенную «ущербность» своего статуса великой державы[29]), когда проблема места Италии в системе международных отношений в Европе и ее стратегической роли на Средиземном море стала особенно актуальной для итальянского руководства[30].

Осмысление албанских проблем в международных кругах поднялось на новую ступень в 1911 г. Это было связано, во-первых, с тем, что новое албанское восстание, вспыхнувшее в марте, имело более широкий размах и к лету того же года распространилось на всю Албанию. Как отмечал в своем донесении российский посланник в Сербии Н.Г. Гартвиг, оно «видимо организовано опытной рукой и направляется с необычной тактической последовательностью»; кроме того, «несмотря на значительное сосредоточение правительственных войск, турки в борьбе с албанцами испытывают серьезные затруднения, осложняемые к тому же общим внутренним кризисом»[31]. Лидерам албанского национального движения удалось установить устойчивые контакты с различными общественно-политическими кругами и движениями в других государствах, в частности, в Италии, Болгарии и Черногории.

23 июня 1911 г. в Подгорице членами местного Албанского комитета был подготовлен меморандум, получивший название «Красная книга», ставший первой целостной программой борьбы за широкую территориально-административную и экономическую автономию албанских земель и доведенный до сведения как турецкого руководства, так и правительств ведущих европейских держав.

Во-вторых, более активной стала поддержка, оказывавшаяся албанцам оружием, деньгами и добровольцами со стороны Черногории, что привело к осложнению как черногорско-турецких отношений, так и общей международной ситуации на Балканах. Великие державы в этот период уже предполагали возможность обсуждения в той или иной форме албанского вопроса на международном уровне. События в Албании также стали принимать в расчет при разработке своих внешнеполитических курсов и балканские государства.

К весне 1912 г. относится самое значительное албанское восстание рассматриваемого периода, начавшееся в условиях углублявшегося социально-экономического и политического кризиса в Турции, возраставшего влияния оппозиционных сил, установивших контакты с некоторыми лидерами албанского национального движения, в частности, с Исмаилом Кемали и Хасаном Приштини, а также неудачной для Турции Триполитанской войны.

В феврале 1912 г. в российском вице-консульстве в Шкодере (так же как и в дипломатических представительствах великих держав в этом городе) было получено обращение за подписью 50 видных деятелей албанского племени малиссоров, в котором они «обвиняют турок в неисполнении данных малиссорам обещаний и слагают с себя ответственность за беспорядки, которые возникнут, если их требования не будут исполнены немедленно же»[32].

Одновременно с этим руководители албанского движения пытались договориться о совместных антитурецких действиях с сербским населением албанских вилайетов. Кроме того, они обратились к правительству Сербии с просьбой оказать повстанцам материальное содействие. Однако Пашич отклонил эти предложения и, более того, направил специальных представителей в Албанию с целью попытаться «убедить албанских вождей в несвоевременности затеваемого ими движения»[33]. Но эти попытки окончились провалом. Данный курс сербского руководства объективно оказывал негативное воздействие на развитие сербо-албанских отношений, ибо албанское движение связывало определенные надежды с поддержкой со стороны Сербии и созданием единого антитурецкого блока в составе Албании, Сербии, Болгарии, а также, возможно, и Черногории[34].

Центром восстания вновь стал Косовский вилайет; позднее оно распространилось на центральные и южные районы Албании, причем имели место многочисленные случаи отказа частей и соединений турецкой армии принимать участие в военных действиях против повстанцев[35].

16 июля 1912 г. в г. Влёра состоялось собрание лидеров албанского движения, которое направило турецкому правительству требования восставших. Наиболее важными среди них были следующие: признание законной силы за всеми старыми албанскими обычаями, которые не противоречат интересам государства и положениям конституции и других законов; назначение в Албанию специального, периодически сменяемого турецкого посланника, который должен следить за деятельностью чиновников и поддержанием порядка; признание албанского языка в качестве официального в Албании, в том числе и в сношениях с правительством (фактически данные положения означали предостав-

ление Албании автономии), а также закрепление за албанскими военнообязанными права служить в своих областях, в том числе в пограничных с соседними государствами районах, и возвращение населению отобранного оружия[36].

7–8 августа 1912 г. на совещании руководителей восстания в Приштине были еще раз обсуждены и конкретизированы албанские требования. Они были переданы специальной комиссии, направленной в Албанию турецким правительством, для сообщения их в Константинополь.

В данных условиях турецкая оппозиция добилась отставки младотурецкого правительства и передачи власти новому кабинету во главе с Гази Мухтар-пашой, который, в свою очередь, распустил палату депутатов, имевшую младотурецкий состав, и тем самым удовлетворил основное требование Хасана Приштини — одного из руководителей албанского движения.

В итоге, несмотря на то, что ряд требований восставших не были приняты, Хасан Приштини подписал в Скопье соглашение с правительством Мухтар-паши и добился прекращения восстания, которое в конечном счете не привело к завоеванию национальной автономии, но ослабило позиции Турции в Албании и на Балканском полуострове в целом.

Однако окончательно из внутритурецкого в межгосударственный албанский вопрос трансформировался в конце 1912 г., когда в результате нового подъема освободительной борьбы 28 ноября 1912 г. была провозглашена независимость Албании, и на открывшейся 17 декабря того же года конференции дипломатических представителей великих держав в Лондоне началось всестороннее обсуждение албанского вопроса. Собравшееся 28 ноября 1912 г. во Влёре всеалбанское Национальное собрание стало ключевой вехой в истории албанского национального движения. Принятый его делегатами акт о провозглашении независимости Албании готовился с участием представителей ряда великих держав. Так, глава первого албанского правительства Исмаил Кемали предварительно побывал в Вене, где обсудил свои планы провозгласить Албанское государство и через местную прессу очертил его границы, включавшие в себя, помимо собственно албанских земель, также Битоли, Янину, Скопье, Приштину и Призрен.

И хотя открывшееся в декабре 1912 г. в Лондоне Совещание послов великих держав не признало акт о государственной независимости Албании и решило передать многие территории, на которые претендовали лидеры албанского движения, соседним балканским странам, главное было сделано: Албанское государство не просто было провозглашено, но стало реальным фактором балканской и общеевропейской политики.

Сложность и противоречивость внутренних тенденций в рамках албанского национального движения объективно осложняли задачи, стоявшие перед российским внешнеполитическим ведомством в том, что касалось выработки основных направлений политики Петербурга на албанском направлении. Ряд российских дипломатов занимали отличные от главенствующих на Певческом мосту представлений и подходов. Одним из наиболее нестандартно мыслящих дипломатов, умевшим просчитывать неординарные политические комбинации, являлся А.М. Петряев. В частности, он выступал за максимально возможное территориальное расширение албанских границ на юг — за счет Греции. Соответствующая идея (находившаяся в противоречии с общепринятым в российском МИД мнением в поддержку Греции) была озвучена дипломатом в частном письме из Лондона на имя директора 2-го Политического (Ближневосточного) департамента министерства иностранных дел России князя Г.Н.Трубецкого от 12 марта 1913 г. Дипломат считал расширение территориальных пределов новообразованного Албанского государства в южном направлении (в сторону Греции) выгодным для России в связи с тем, что подобное расширение способно сдержать и компенсировать аналогичный процесс в направлении Сербии и Черногории, а также противодействовать росту националистических настроений в самой Албании. Кроме того, Петряев прямо обвинил сербов в том, что они своими действиями ужесточают позицию Австро-Венгрии в вопросе сербо-албанского территориального разграничения и, в частности, по поводу принадлежности города Джяковица. Вот фрагмент этого заслуживающего несомненного внимания неопубликованного вплоть до настоящего времени письма:

«Проведение ее (Албании. — *П. И.*) южной границы представляет некоторые особенности по сравнению с северо-восточной границей. Население местностей к югу от р. Шкумбии, хотя этнически албанское, но столь давно находилось под исключительным влиянием греческой пропаганды и культуры, проникших туда при помощи культурных и школьных установлений, что оно носит несомненно ярко выраженный греческий характер. Вследствие этого расширение юго-восточной границы Албании введет во вновь создаваемое государство много эллинизированных элементов, которые явятся крупной помехой к развитию и процветанию албанского национализма.

Греческая пропаганда уже имеет в своем распоряжении готовые и прекрасно оборудованные школы, крепко сплоченные и богатые общины, разные благотворительные учреждения и т.п., между тем как албанским националистам придется всё это создавать с начала. Таким образом при устройстве будущего самоуправления Албании — греческое влияние на местные дела будет очень значительно тем более, что эллинизированные элементы южной Албании — почти единственный ресурс для вербования администрации и чиновничества. На этой почве между албанскими националистами и греками будет происходить упорная борьба. Влахи (балкано-романская этническая группа. — *П. И.*) окажутся, конечно, на стороне албанских националистов.

Из разговоров с моим австрийским коллегой здесь, Ибкеном, я убедился, что австрийцы учитывают это обстоятельство, и с этой точки зрения расширение Албании на юго-восток им не очень улыбается вследствие введения в большой дозе греческих элементов. С другой стороны им не нравится увеличение Албании на юг еще и потому, что этим как бы открывается большой район для экономического и политического проникновения Италии, которая уже имеет значительные коммерческие связи с югом. Они по-видимому ограничатся поддержкой итальянского проекта границ на юге по р. Каламас.

Если иметь в виду приведенные выше соображения, то окажется, что расширение Албании на юг для нас, может быть, вовсе не так нежелательно, и мы могли бы уступить даже Корицу (Корча. — *П. И.*)»[37].

Процитированный документ весьма наглядно характеризует основное отличие албанского вопроса для России в сравнении с другими аналогичными балканскими проблемами: его крайнюю запутанность и одновременно значительную важность в плане дальнейшего развития ситуации в регионе. Как подтвердило развитие событий на Балканах в последующие десятилетия, именно албанский вопрос во многом лежал и продолжает лежать в основе многочисленных региональных конфликтов, не позволяющих региону забыть о своей печальной участи «порохового погреба Европы».

Примечания

1 *Castellan G.* L'Albanie. Paris, 1980. P. 10.

2 *Reuter J.* Die Albaner in Jugoslawien. Münich, 1982. S. 18.

3 Ibidem.

4 *Vickers M.* The Albanians. A Modern History. I.B. Tauris. London–New York, 1995. P. 33.

5 Ibidem.

6 *Peckham R.Sh.* Map Mania: Nationalism and the Politics of Place in Greece, 1870–1922 // Political Geography, 2002. Vol. 19. № 1.

7 *Улунян Ар.А.* Политическая история современной Греции. Конец XVIII в. — 90-е гг. XX вв. М., 1998. С. 78.

8 Там же.

9 *Vickers M.* The Albanians… P. 31.

10 *Hasani S.* Kosovo. Istine i zablude. Zagreb, 1986. S. 284–285.

11 *Frashëri K.* Lidhja Shqiptare e Prizrenit. Tiranë, 1997. F. 115.

12 *Külce S.* Osmanli Tarihinde Arnavutlluk. Izmir, 1944. F. 250.

13 Краткая история Албании. М, 1992. С. 179.

14 Голос. 29.09.1878.

15 *Vickers M.* The Albanians… P. 34.

16 *Иванова Ю.В.* Албанцы и славяне: закономерно ли противостояние? // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов 15–22 марта 1999 г. Санкт-Петербург. СПб., 1999. С. 24.

17 *Frashëri K.* Lidhja Shqiptare… F. 419.

18 Активная деятельность албанских землячеств в различных странах — прежде всего, в Италии, Турции, США, не говоря уже о балканских государствах, — продолжается и в настоящее время. Что же касается данных о количестве албанцев, проживающих за пределами современных границ Албании, то, как отмечалось в 1976 г. на Национальной конференции этнографических наук в Тиране, оно составляло в то время около 5 млн человек // *Castellan G.* L'Albanie... P. 19.

19 Ibid. P. 11.

20 Ibidem.

[21] Ibidem.

[22] *Norris H.T.* Islam in the Balkans. University of South Carolina Press. Columbia, S.C., 1993. P. 164, 166; *Reti Gy.* Mit kell tudni Albaniarol? Kossuth Konyvkiado. Budapest, 1981. F. 30.

[23] Вопросам территориальной целостности и неприкосновенности албанских земель отводилось первоочередное место в документах, принятых Лигой, в отличие от требований и путей достижения албанцами автономии, по которым участникам форума не удалось прийти к взаимному согласию вследствие противостояния между радикальными и консервативными элементами.

[24] *Myzyri H.* Kriza lindore e viteve 70 dhe rreziku i copëtimit të tokave shqiptare // Historia e popullit shqiptar: për shkollat e mesme. Prishtinë, 2002. F. 182–185.

[25] Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2082. Л. 45.

[26] Новое время. 30 мая 1910 г.

[27] The Washington Times. 1908. 8 Oct.

[28] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2082. Л. 60.

[29] Подробнее о Тунисском инциденте см.: *Серова О.В.* От Тройственного союза к Антанте. М., 1983. С. 57–60.

[30] *San Giuliano A. di.* Briefe uber Albanien. Dieterichsche Verlagsbuchhandlung (Theodor Weicher). Leipzig, 1913. S. 9.

[31] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 152.

[32] Там же. Л. 326.

[33] Там же. Л. 366.

[34] Там же. Л. 247.

[35] Так, в ходе боевых действий в районе г. Призрен пять турецких батальонов во главе с офицерами отказались вести боевые действия против осаждавших город албанских вооруженных отрядов // АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 521.

[36] АВПРИ. Ф. Консульство в Валоне. Оп. 600 (603). Д. 22. Л. 65.

[37] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2087. Л. 269–272.

DOI 10.31168/7576-0478-7.11

Варвара Борисовна
ХЛЕБНИКОВА

Внешнеполитические планы черногорского монарха Николы на рубеже XIX–XX вв. и русская финансовая помощь

Давно известно, что внешнеполитические планы черногорского правителя Николы Петровича в конце XIX — начале XX вв. строились с учетом политической, дипломатической и финансовой помощи Российской империи, хотя на протяжении своего правления князь (с 1910 г. — король) стремился найти партнеров и в странах Западной Европы. Тем не менее, различные архивные документы (донесения и обзоры дипломатов, материалы особых совещаний с участием МИД России, рапорты военных чинов, письма и заключения сотрудников российского министерства финансов и др.) подтверждают, что важным фактором расширения национально-освободительной борьбы на Балканах на протяжении многих десятилетий была помощь России. Поэтому в исследованиях отечественных и зарубежных историков ей было уделено достаточно внимания. Однако в начале XXI в. эта тема снова стала актуальной. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы кардинально изменили свои внешнеполитические приоритеты, обрели новых друзей и стали критически оценивать вклад прежних союзников в процесс приобретения ими национального суверенитета. Например, делаются попытки внедрить в черногорскую историографию мысль о том, что финансовая поддержка России была исключительно инструментом грубого политического давления на Княжество[1]. Между тем архивные материалы не подтверждают такого однобокого негативного подхода. Подобное переписывание истории, в угоду текущим политическим настроениям и планам, не только не приближает академическую науку к истине, но, напротив, отдаляет исследователей от объективных выводов, вытекающих

из анализа огромного массива исторических документов, хранящихся в архивах России, Черногории, Австрии, Турции и других стран.

В данном случае речь пойдет не о размерах, целях или фактическом использовании русских субсидий и дотаций, выделенных Черногории на рубеже XIX–XX вв. Хотелось бы проследить, как руководители Княжества (Королевства) формулировали свои внешнеполитические цели и меняли взгляды на сущность национально-освободительной борьбы славянских народов, опираясь на регулярные денежные поступления из Российской империи. Особого внимания заслуживают стратегия и тактика князя-короля Николы, который сам называл себя «старым балканским революционером» и борцом за славянскую свободу. Министерство иностранных дел Российской империи не могло не учитывать в своей работе умонастроений балканских руководителей, стремившихся как можно скорее решить национальные задачи и определить место своих народов в европейском раскладе политических сил. Поэтому русские дипломаты должны были постоянно собирать информацию и анализировать текущие события на Балканах именно с этой точки зрения.

После Берлинского конгресса 1878 г. Черногорское княжество в силу своего географического положения оставалось в зоне повышенной турбулентности. Оно граничило с оккупированной австрийцами Боснией и Герцеговиной*, исторически было тесно связано со Старой Сербией, имело непростые отношения с соседями-албанцами, открывавшими новую страницу своей истории. Риски, связанные с подобным соседством, были слишком велики. Это стало ясно сразу после окончания Берлинского конгресса, когда вспыхнул вооруженный конфликт между подданными турецкого султана и черногорским войском, попытавшимся занять населенные пункты Плав и Гусине, которые по Берлинскому трактату должны были перейти к Черногорскому княжеству. Порта помешала выполнить это решение, подстрекая албанцев к вооруженному сопротивлению, а великие державы не торопились заставить ее исполнить взятые на себя обязательства. В 1880 г.

* Летом 1878 г. австрийские войска вошли на территорию Боснии и Герцеговины, к октябрю всё было закончено.

были составлены черногорско-турецкий меморандум и двусторонний протокол, по которому вместо Плавско-Гусиньского округа к Черногории должны были отойти менее привлекательные горные области, населенные племенами Хоты и Груды[2], однако и это соглашение не выполнялось. Турецкая администрация делала вид, что не может заставить местное население признать власть черногорского князя. В ноябре 1880 г. была подписана, наконец, двусторонняя конвенция о передаче Княжеству го́рода Улцинь и его окрестностей. При составлении конвенции был учтен предыдущий печальный опыт кровопролитных столкновений черногорцев и албанцев при очевидном попустительстве турецкой администрации. Поэтому статья VII содержала положение о том, что в момент передачи города «османские войсковые части будут разгонять все группы вооруженных албанцев, которые бы попытались мешать черногорскому войску»[3].

Разграничение с Османской империей после Берлинского конгресса и положение на новой границе между албанскими областями и Черногорией стали источником политического и военного напряжения. Многие годы проблемы, регулярно возникавшие в этом регионе, занимали значительное место в жизни Княжества. Стремление албанцев обрести самостоятельность и приступить к созданию национальной государственности хотели использовать в собственных интересах как великие державы, так и славянские правители, надеявшиеся за счет албанцев расширить тесные границы своих маленьких монархий. Эти планы Никола Петрович неразрывно связывал с повышением боеспособности своей страны за счет российской финансовой помощи.

Трудной оказалась задача размежевания с Боснией и Герцеговиной. Тамошнее население не смирилось с решениями Берлинского конгресса о переходе под управление Габсбургов и считало территорию Черногорского княжества естественным политическим убежищем в случае открытого вооруженного выступления против австрийской администрации. Тема беспорядков и волнений в этой местности стала одной из самых актуальных в донесениях российских дипломатов. Красной нитью через большинство сообщений, посвященных внешнеполитическому положению Черногории, проходит информация о постоянных

конфликтах и убийствах на боснийско-герцеговинской границе. За любую попытку поддержать повстанцев Австро-Венгрия грозила жестокими наказаниями экономического, дипломатического и военного характера. Конечно, черногорский народ был не из робких и никогда не упускал случая продемонстрировать солидарность с мятежными жителями оккупированных областей. Но политическая элита Княжества не могла игнорировать подобных угроз, понимая, что от Империи исходит смертельная опасность. Даже простое закрытие границ и рынков, которым австрийская бюрократия запугивала Черногорию, могло обречь ее население на жестокий голод. Подобные предупреждения австрийцы делали регулярно, нарушая тем самым взятые на себя обязательства, так как в австрийско-черногорском протоколе о разграничении, составленном в мае 1879 г., было записано, что установленная между Герцеговиной и Черногорией граница не должна наносить вреда частным имущественным интересам и ограничивать возможности пользоваться пастбищами, сенокосами, водоемами и лесами[4]. Однако австрийских чиновников это нисколько не смущало, и они не упускали случая ущемить хозяйственные интересы черногорцев. Понятно, что в конфликте с Австро-Венгрией силы были неравны. Поэтому власти Черногории, помогая герцеговинцам, были вынуждены проявлять крайнюю осторожность. Национально-освободительные настроения югославян и их взаимодействие разбивались о мощь Империи Франца Иосифа. Официальные представители России понимали, что этот очаг напряженности в любую минуту может изменить расстановку сил в регионе. Прогнозируя дальнейшее развитие международных отношений на Балканах, им приходилось признавать высокую вероятность новых военных конфликтов, в том числе с участием австрийской армии.

В Старой Сербии ситуация была еще более опасной, так как здесь борьба за освобождение от турок осложнялась территориальными спорами между правителями Черногории и Сербии. Старая Сербия стала буквально воспаленным нервом сербско-черногорских отношений. Правящие династии двух славянских государств никак не могли договориться о том, кому и что достанется в этом регионе после его окончательного освобожде-

ния от Османской империи[5]. Из-за этих территориальных споров долгое время не удавалось заключить политическое соглашение о совместных действиях Сербии и Черногории в вопросе о будущем Старой Сербии. Между тем, представители великих держав вынашивали собственные планы в отношении этих земель, что еще больше накаляло обстановку в европейской части Турции в конце XIX — начале XX вв. Вероятность военно-политических конфликтов за спорные земли держала черногорские власти в состоянии повышенной тревоги и нервозности. Можно утверждать, что князь Никола очень боялся упустить решающий момент и остаться без территориальных приращений в Старой Сербии.

Конец 70-х — начало 80-х годов XIX в. стали весьма непростыми для Княжества. Страна была разорена военными действиями и затянувшимися на несколько лет спорами о проведении новых границ. Между тем в 1882 г. вспыхнуло очередное восстание в Герцеговине, участники которого по традиции скрылись на территории Черногории. Содержание беженцев за счет казны было для балансировавшей на грани голода Черногории непосильной тяжестью. Помощь ждали из России, и она была оказана довольно быстро — выделили 40 тыс. рублей «на прокормление переселенцев», несмотря на то, что вопрос о численности беженцев был не совсем ясным: князь Никола утверждал, что на его территории скопилось около 8 тыс. герцеговинцев, а по подсчетам сотрудников русской миссии их было около 2 тыс. человек[6]. Таким образом, черногорские власти в очередной раз убедились, что в деле материальной поддержки славян Балканского полуострова, продолжавших борьбу за свое освобождение, Россия не станет мелочиться. Следовательно, можно было использовать ее щедрость для решения трудных территориальных вопросов, на которые не хватало собственных сил. Причем, ответственность за то, что князь Никола предпочитал военно-политические способы решения насущных проблем мирному хозяйственному курсу, лежала, большей частью, на российских руководителях, которые вели себя довольно непоследовательно. С одной стороны, официально Россия много раз заявляла о политике статус-кво на Балканах, поэтому черногорскому лидеру настойчиво советовали не вмешиваться в конфликты соседей и горячо хвалили

за «строгий и даже суровый нейтралитет, который князь не переставал наблюдать* по отношению к восставшим племенам». Именно такими словами оценивал российский МИД действия черногорского господаря в герцеговинском вопросе в 1883 г.[7]. С другой стороны, понимая, насколько Восточный вопрос далек от окончательного решения, российские политические круги не исключали возможность дальнейшей экспансии Австро-Венгрии, в частности, в Старой Сербии. Помнили и о росте освободительных настроений среди албанцев. Поэтому родилась концепция Черногории — «военного лагеря» и «боевого отряда», который сможет «отвлечь часть сил противников наших от главного театра военных действий»[8]. То есть, само политическое руководство Российской империи не было уверено, что статус-кво удастся долго сохранять, и поэтому готовилось к возможным военным действиям.

Никола Петрович чутко уловил это противоречие и стал настаивать на том, что его страна нуждается в дополнительной защите от агрессии. Например, в 1881 г. Княжество получило 1 млн 200 тыс. австрийских гульденов для закупки оружия[9]. В 1886 г. правитель Черногории снова просил помочь с вооружением и опять получил согласие. Было решено не затягивать с поставками, «так как снабжать Черногорию оружием и военным материалом возможно только в мирное время в виду отдаленности и изолированности княжества, которому при первой тревоге грозит блокада и далее занятие всего его ничем не защищенного побережья»[10]. 25 февраля 1886 г. было «высочайше повелено выдать миллион франков князю Черногорскому из оккупационного Болгарского фонда»[11]. Однако России, выступавшей за статус-кво, было неудобно доставлять на Балканы крупные военные грузы через несколько европейских стран. Поставки оружия в беспокойный регион могли обернуться политическим скандалом. Поэтому предпочли выслать деньги, на которые «черногорское правительство при негласном содействии наших военных агентов в Вене и Париже было бы в состоянии приобрести хотя бы 4 горных батареи орудий…»[12]. Так и складывалась практика выделения значительных средств на вооружение Черногории.

* Так в тексте документа.

Давая весьма солидные суммы совсем небольшому государству, российские кураторы аргументировали свое решение тем, что сфера его влияния «распространяется далеко за узкие пределы княжества»[13]. Причем, денежная форма помощи не исключала «натуральной», то есть поставок крупных партий оружия, как это было с 30 тысячами списанных с вооружения русской армии берданок[14].

После этого черногорский монарх приступил к выполнению следующей задачи. Нужно было сделать военную помощь России постоянной, не допустить оскудения финансовых потоков. Он стал обращать внимание российских дипломатов на снижение боевого духа черногорцев в условиях мирной жизни. Господарь жаловался российскому министру-резиденту в Цетине К.Э. Аргиропуло, что черногорская молодежь не только не приобретает необходимых военных навыков, но и «забывает даже те доблестные предания о войне, которые ей завещаны с детства в домашней среде»[15]. Довольно быстро была сформулирована идея поддержания и развития исторически сложившегося боевого опыта населения. Князь выразил желание создать учебный пехотный батальон и батарею из 4-х орудий. В этих воинских подразделениях молодые черногорцы должны были обучаться военному делу в течение четырех (в пехоте) и шести (в артиллерии) месяцев. По предварительным подсчетам, в год проходили бы боевую подготовку до 1 700 юношей. Препятствием для осуществления такого плана, как обычно, была нехватка собственных средств. Деньги «нашлись» у России: «На содержание в Черногории учебного батальона и полубатареи высочайше разрешен ежегодный отпуск в течение 10 лет, начиная с будущего января (1896 г. — *В. Х.*) по 82 тыс. кредитных рублей и на постройку казармы и первоначальное заведение единовременно 57.500 кредитных рублей»[16]. Таким образом, Никола Петрович сумел заменить разовые денежные выплаты на ежегодное пособие, которое в то время называли военной субсидией. Это была, скорее, дотация для покрытия постоянных расходов, тогда как субсидия носит одноразовый характер. Но дело не в названии, а в том, что крупные суммы денег из России стали поступать в княжескую казну на регулярной основе. Правитель Черногории

почувствовал себя намного увереннее во внешнеполитических делах, понимая, что потратив огромные суммы на вооружение Княжества, Россия не сможет отказаться от его поддержки.

Далее черногорские власти стали по-новому выстраивать свои контакты с ближайшими соседями, можно сказать, перешли от оборонительной тактики к наступательной. С 1901–1902 гг. в донесениях российской миссии появилась довольно неприятная тема подстрекательского поведения черногорской администрации на границах с Османской империей. 15 мая 1902 г. министр-резидент П.М. Власов, сообщая о столкновении на албанской границе из-за незначительной ссоры местных пастухов, отметил следующее: «Вследствие ли непосредственного внушения свыше или неправильного толкования предпринятых княжеским правительством в последнее время военных преобразований, черногорский народ, и в особенности пограничное население княжества, твердо убеждены в том, что не сегодня-завтра должны открыться военные действия против Албании, почему следует ожидать и опасаться, как бы изложенный выше инцидент не послужил началом к другим, еще более прискорбным по последствиям»[17]. Действительно, подобные происшествия случались всё чаще. Дипломаты пришли к выводу, что черногорское руководство хочет «во что бы то ни стало вызвать серьезные столкновения у себя на границе»[18]. П.М. Власов был твердо убежден, что «всякие усложнения на Балканском полуострове желательны князю Николаю и ожидаются с нетерпением, и будут ему на руку»[19].

Свою позицию глава российской миссии подкрепил следующими аргументами. Во-первых, к началу XX в. страна увязла в долгах, ей грозил международный финансовый контроль со стороны кредиторов. Без новых денежных вливаний из России не удавалось обслуживать этот непомерный долг, а деньги легче всего давали именно на нужды освободительного движения славян. Очевидно, господарь рассчитывал, что в условиях войны русские покровители будут намного щедрее. Во-вторых, внешняя задолженность заставляла черногорские власти постоянно повышать налоги и сборы, что непосильным бременем ложилось на народ; росло общественное недовольство, грозившее вылиться в открытое возмущение. Необходимо было срочно переключить

внимание с внутренних проблем на внешние вопросы. Провокации на границе были самым удобным способом сделать это. В-третьих, в 1902 г. ходили упорные слухи о готовящемся восстании в Македонии. Нетерпеливый вождь Черногории не хотел остаться в стороне от возможных политических и территориальных изменений в регионе. Для Российской империи в тот момент подобное развитие событий в южнославянских землях было крайне нежелательным, так как она была занята дальневосточными проблемами. Уже были арендованы порты Дальний и Порт-Артур на Ляодунском полуострове, закончилось строительство КВЖД, для ее охраны российские войска зашли на территорию Маньчжурии. Российскому правительству нужно было, во что бы то ни стало, сохранить мир на Балканах. И вдруг, казалось бы, всем обязанный Николаю II черногорский монарх самостоятельно взял курс на обострение отношений с Османской империей. Из Петербурга посыпались грозные выговоры, но ситуация на границах Княжества не улучшалась. Казалось бы, российские политики должны были понимать, что эти проблемы они создали собственными решениями по финансированию вооруженных сил Черногории. Однако официальные лица предпочитали негодовать, критиковать и осуждать действия Николы Петровича.

В 1902 г. П.М. Власов часто сообщал о появлении в Цетине жителей пограничных и даже внутренних областей Албании: «Приходили они сюда с целью получить подачку и, добившись оной, быстро исчезали, а по возвращении домой не стеснялись подсмеиваться как перед своими, так и перед турками над наивностью черногорского правительства, думающего ничтожными подарками привлечь их на свою сторону»[20]. Министр-резидент подчеркивал, что турецкие чиновники весьма вяло реагировали на попытки подкупа албанских вожаков. Князь Никола горячо уверял Высокую Порту в твердом намерении убедить албанцев подчиняться султану. Конечно, турки не были столь наивны, чтобы поверить его заявлениям. Беспокойства они не проявляли скорее потому, что не верили в успех княжеских затей. Как денежная помощь России, так и излишняя самоуверенность турок помогали черногорскому правителю шаг за шагом продвигаться к поставленной цели. Османские чиновники уже утратили

способность молниеносно реагировать на опасности, грозившие Империи, но всё еще верили в верноподданнические чувства албанцев-мусульман и, возможно, недооценивали стремление населения Албании к политической самостоятельности. Надеясь крепче привязать предполагаемых союзников-албанцев, князь Никола совершил бестактный, с точки зрения русских дипломатов, поступок: в 1902 г. он попросил французское правительство подарить черногорскому войску списанные с вооружения французской армии штыки к винтовкам. Секретарь миссии в Цетине С.А. Лермонтов был возмущен этой просьбой, считая, что, «благодаря щедрости русского царя», Черногория «прекрасно вооружена» русскими берданками и трехлинейными ружьями нового образца, поэтому ни в каких штыках не нуждается. А старые французские штыки нужны ей только для раздачи албанским главарям, которые нагнетают обстановку в соседних землях[21]. Обеспокоенный подобными сообщениями российский министр иностранных дел В.Н. Ламздорф потребовал от сотрудников миссии в Цетине вести себя твёрдо и передать следующее: «Надеемся, что князь Николай примет все меры к предотвращению смут в соседних албанских округах и недопущению перехода черногорских войск через границу»[22]. Никола воспринял рекомендацию Ламздорфа враждебно, не скрывая своей обиды и раздражения из-за попыток сдерживать его внешнеполитические амбиции и ограничивать свободу действий на границах. Однако негативные эмоции он вымещал на сотрудниках российской миссии, позволяя в их адрес резкие высказывания и «нервные сцены». В отношении же высшего российского руководства господарь предпочитал демонстрировать нарочитую покорность. Поэтому на словах он угодливо заверял в своей готовности подчиниться воле Петербурга, а на деле, напротив, продолжал поощрять провокации и конфликты в пограничных областях.

Нужно отдать должное политическому чутью и опыту князя Николы. С одной стороны, он тонко чувствовал настроения российской элиты и старался не переходить ту черту в двусторонних отношениях, за которой мог наступить полный разрыв с Россией. Слишком велика была ее поддержка, без финансовых дотаций из русской казны мгновенно мог наступить паралич всей адми-

нистративной системы Княжества. С другой стороны, не было полной уверенности в том, что спровоцированная своими силами война завершится так, как мечтали правители славянских монархий. Поэтому Никола продолжал играть роль верного младшего союзника России, готового подчиниться любому приказу. Более того, однажды в беседе с новым министром-резидентом А.Н. Щегловым черногорский лидер признал, что позиция российского руководства в освободительном движении балканских народов является решающим фактором. Вот как Щеглов передал смысл княжеских утверждений, сделанных по поводу попыток начать выступление в Македонии в 1902 г., подталкиваемых Болгарией: «Полноте, я сам старый революционер и хорошо знаю, как разжигаются и подавляются восстания в Турции. Пожелай Болгария прекратить смуту в Македонии, она бы это легко могла сделать, заявив, что Россия не считает данный момент удобным и приказывает ждать. Поверьте мне, что никто из нас, славян, не посмеет идти против твёрдо выраженной воли России, ибо мы хорошо знаем, что без нее мы будем подавлены и поглощены чуждым нам Западом, еще худшим врагом нашим, чем отживающая свой век Турция. Но мы все хотим за счет России поскорее решить свои делишки, не справляясь с тем, удобно ли это для нашей великой покровительницы или нет. Мы не умеем ждать. Чтобы обуздать скороспелые порывы славян на Балканском полуострове, надо вселить в них уверенность, что нельзя втянуть Россию в осложнения, что она не двинется с места в данный момент. Тогда всё успокоится и будет ждать, ибо не посмеет бороться за свой счет. Я говорю вам это как старый балканский революционер, опытом наученный знать, что можно и что нельзя здесь сделать»[23].

На первый взгляд, могло показаться, что эти выводы действительно были результатом успехов и неудач, пережитых за годы многолетней освободительной борьбы Черногории. Собственно в Петербурге именно так и толковали слова Николы Петровича. На донесении А.Н. Щеглова стои́т помета Николая II: «Очень правдивый взгляд на политику России на Балканах». Однако современные исследователи не могут разделить точку зрения русского царя и его ближайшего окружения. Самодержец все-

российский был введен в заблуждение кажущимся реализмом суждений князя и пропустил то, что в его высказываниях было самым главным. Между тем, гораздо важнее были слова господаря, показавшие его проницательность и умение видеть слабые стороны российской политики — отсутствие «твердо выраженной воли». Не одобряя действий местных правителей, русское правительство, может и неохотно, оставляло за ними право продолжать борьбу за окончательное освобождение территории Балкан и понимало, что без конфликтов и столкновений не обойтись. Сколько бы ни твердили о русском экспансионизме в прошлом и настоящем, феномен внешней политики Российской империи заключается в том, что она понимала надежды своих подопечных и сочувствовала им. При этом, будучи великой державой, несущей особую ответственность за ситуацию в Европе, Россия была обязана учитывать интересы других участников «европейского концерта». Отсюда ее раздвоенность и нерешительность. Если для англичан или австрийцев вмешательство в дела славян — это один из инструментов борьбы за сферы влияния, то для русских это куда более сложный вопрос. Он включал в себя и особенности национального сознания, сформированного доктриной «Москва — третий Рим», и историческую память о победах в русско-турецких войнах, и подлинное сочувствие «братьям-славянам», настоящее сопереживание, которому не может быть места в политике. Русские проявляли снисходительность к балканским правительствам в тех вопросах, в которых другие европейские державы не видели ни малейшего повода для сантиментов. Эту особенность отметил в своих мемуарах министр иностранных дел Черногории Г. Вукович: «Дипломатия вообще прихотлива, завистлива, а часто и злобна. Особенно капризной была русская дипломатия. Уступая нашим просьбам, адресованным к великим державам, сделать что-либо в нашу пользу, она тяжело принимала решения. А если мы добивались этого самостоятельно, аплодировала нашим успехам»[24]. Именно такая «чувствительность» российской элиты делала балканских монархов нетерпеливыми и «непослушными» в отношении своих покровителей. Они «спешили решить свои делишки», не всегда прислушиваясь к рекомендациям России.

Первым среди таких непредсказуемых партнеров был Никола Петрович, продолжавший определять задачи национального движения на западе Балкан по-своему, не слишком пугаясь грозных предупреждений российского МИД. В начале XX столетия он перешел к новой линии поведения во внешнеполитических делах, которую следует назвать черногорским экспансионизмом. Теперь князь и его окружение трактовали освободительное движение славян в Европейской Турции как прямой путь к территориальному расширению границ своего государства. Мечта об увеличении владений была давней и заветной, но до поры не выдвигалась на первый план, прикрывалась идеями югославизма и солидарности братских народов. В 1905–1906 гг., после неудач России на Дальнем Востоке, князь Никола вышел из повиновения и стал демонстративно игнорировать советы российских покровителей. Он считал, что настало время серьезной войны на Балканах, в ходе которой удастся захватить и оставить за собой новые области. Вскоре, в 1908 г., разразился Аннексионный кризис, и правитель Черногории, не раздумывая о возможных негативных последствиях, выдвинул требование компенсации за «потери», вызванные включением Боснии и Герцеговины в состав Австро-Венгрии. В самые первые дни кризиса в секретной телеграмме П.В. Максимова от 7(20) октября были перечислены условия, выдвинутые черногорским руководством, уверенным, что его интересы нарушены. Встал вопрос о созыве международной конференции стран-участниц Берлинского конгресса, на которой Княжество хотело бы настоять на передаче ему нескольких областей в Герцеговине, а также на разрешении в пользу черногорцев всех спорных вопросов с Османской империей[25]. Понятно, что требования Черногории мало интересовали руководителей великих держав, решавших судьбу Балкан. Но сам факт выдвижения территориальных претензий доказывал намерение черногорской элиты использовать любое политическое осложнение в регионе для расширения своих границ. Лидеры Черногории грозили начать боевую операцию совместно с Сербией. Военный агент Н.М. Потапов отправил из Цетине в Петербург служебную записку под красноречивым названием «Сущность предполагаемых Черногорией активных военных действий против Австро-Венгрии в случае отказа Сербии и Черногории в их требованиях»[26].

После аннексии Боснии и Герцеговины наступило время необъявленной пограничной войны, когда стычки черногорцев с турками и албанцами почти не прекращались, что изрядно затрудняло работу Н.М. Потапова. Он постоянно сообщал своему руководству об опасных маневрах черногорских военных чиновников вблизи границ, а также отмечал откровенное попустительство правящих кругов в вопросе о провокациях на границе с Османской империей. О нарастании напряженности писали и сотрудники русской миссии в Цетине. Такие же сведения поступали из Османской империи. Так, в октябре 1910 г. чрезвычайный и полномочный посол России в Константинополе Н.В. Чарыков сообщал в Петербург: «По сведениям Порты черногорское правительство переправляет секретно в Албанию 25.000 ружей, присланных для сего русским правительством». Посол не был склонен верить на слово туркам, но и черногорцам, судя по тексту секретной телеграммы, не слишком доверял, поэтому написал: «Желательно бы проверить, не отправляется ли действительно из Черногории в Албанию часть оружия, полученного из России. Известие о сем сильно вредит здешним русским интересам…»[27]. Сдерживать воинственные намерения черногорской верхушки уже не удавалось. В 1910 г. пришлось заключить «Военное между Россией и Черногорией соглашение», в 7-й статье которого было записано: «Королевское правительство обязуется не предпринимать своей армией никаких наступательных операций без предварительного соглашения с императорским правительством и не заключать военных соглашений ни с каким другим государством без согласия Его Императорского величества»[28]. Однако даже письменные обязательства перед Российской империей не остановили Николу от попыток расшириться за счет соседей.

Поведение короля во время Балканских войн доказало, что он окончательно поставил знак равенства между национально-освободительной борьбой и территориальной экспансией. Правитель Черногории твердо решил присоединить к своим владениям пограничные албанские области с городом Скадар (Шкодер), расположенным в 20 км от побережья Адриатики. Судя по тому, с каким упорством господарь хотел заполучить эти земли, они для него были своего рода плацдармом для дальнейшего продви-

жения в сторону моря. Вопреки запретам из Петербурга, была предпринята попытка захватить Скадар с помощью армии, вооруженной на русские деньги и обученной русскими офицерами. Но черногорцам не хватило сил и опыта современной войны, они понесли большие потери и не добились своих целей. Тогда черногорский монарх постарался достичь желаемого результата, прибегнув к хитрости. Была достигнута договоренность с военным комендантом Скадара Эссад-пашой о передаче города в руки черногорского командования. Оставалось только догадываться, что было обещано Эссад-паше за такую услугу. Российский посланник А.А. Гирс сообщал секретной телеграммой следующее: «Как ныне с точностью выяснилось, никакого штурма Скутари (Скадара. — *В. Х.*), непосредственно предшествовавшего сдаче этого города, и никаких жертв ни с той, ни с другой стороны не было. Капитуляция Скутари последовала в силу соглашения короля Николая с Эсад Пашой (так в телеграмме. — *В. Х.*) на следующем главном основании: Эсад уходит из Скутари с войском, знаменами, оружием, за исключением осадной артиллерии, и объявляет себя князем автономной Албании под суверенитетом султана, и в качестве такового предоставляет Черногории Скутари со всей территорией до Дрина. Черногорский же господарь тотчас признает его в этом звании»[29]. Правда, планам передела земель, разработанным местными вождями, не суждено было осуществиться. Натолкнувшись на решительный отпор со стороны великих держав, угрожавших военными демонстрациями, Никола был вынужден отступить и вывести свои отряды из Скадара[30]. Жесткое давление со стороны Европы заставило его на короткое время отказаться от экспансионистских замыслов. Однако в начале Первой мировой войны черногорский король снова предпринимал попытки осуществить свои мечты.

Подводя итог, следует отметить, что идеи национально-освободительной борьбы народов Балканского полуострова наполнялись разным содержанием на протяжении конца XIX — начала XX вв. После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. черногорское руководство приложило максимум усилий для того, чтобы сохранить уже сложившуюся репутацию защитника славянской свободы и надежного военного союзника России. Благодаря

такой славе оно смогло заполучить регулярную и постоянно возраставшую денежную помощь Российской империи, предназначавшуюся на создание и укрепление вооруженных сил, способных решать сложные боевые задачи. Никола настойчиво подчеркивал значение своей армии для достижения российских внешнеполитических замыслов. На самом деле черногорская элита последовательно боролась за право расширить владения Черногории, зачастую игнорируя интересы России и других славянских союзников. Она не боялась нарушать свои обещания, отступать от принципа статус-кво и провоцировать обострение конфликтов с соседними государствами. В начале XX в. стало очевидно, что не окончательное освобождение Балкан, а увеличение территории Княжества-Королевства лежит в основе всех внешнеполитических планов правителя Черногории. В его сознании произошла подмена понятий. Национальная свобода была приравнена к экспансионистским устремлениям, а партнерство и сотрудничество с Россией стали инструментом достижения этих устремлений. Нечестная и корыстная внешняя политика Николы Петровича раздражала российское руководство, но совладать с непомерными амбициями своего партнера оно не смогло.

Примечания

1 *Гардасевич И.* Россия и Черногория: как и почему были разорваны отношения, длившиеся столетиями // Connections QJ 17. No 1 (2018): 65–80. [Электронный ресурс: https://connections-qj.org/ru/system/files/17.1.04_gardasevic_montenegro_rus.pdf].

2 *Перазић Г.*, *Распоповић Р.* Међународни уговори Црне Горе 1878–1918. Зборник докумената са коментаром. Подгорица: Побједа, 1992. С. 139–140, 143–144.

3 Там же. С. 161–163.

4 Там же. С.137.

5 *Хлебникова В.Б.* «Дух раздора» или «дух единства»: к вопросу о черногорско-сербских отношениях в начале XX столетия // Славяне и Россия: славяне и Россия в системе международных отношений. Сб. статей. (Отв. ред. — С.И. Данченко). М., 2017. С. 153–165.

6 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 5293.

7 Там же. Д. 3318. Л. 6.

8 Там же. Л. 3.

9 Там же. Д. 1516. Л. 19 об.

[10] Там же. Д. 3332. Л. 6.

[11] Там же. Л. 4.

[12] Там же. Л. 5 об.

[13] Там же. Л. 5.

[14] Там же. Д. 3333. 1894–1895 гг.

[15] Там же. Д. 3334. Л. 4 об.

[16] Там же. Л. 24.

[17] Там же. Д. 1567. Л. 69.

[18] Там же. Д. 3351. Л.29.

[19] АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 21. Л. 123–124.

[20] Там же. Л. 139–140 об.

[21] АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1567. Л. 270–273 об. Кстати, французы были не так щедры, как русские, они готовы были продать черногорцам штыки как металлический лом за определенную сумму, а не отдать их даром.

[22] АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1568. Л. 16–16 об.

[23] Там же. Д. 1567. Л. 347–347 об.

[24] *Вуковић Г.* Мемоари. Обод-Цетиње: Побједа, 1985. Т. 3. С.105.

[25] Архивско одељење Народног музеја Црне Горе. Ф. Приновљени рукописи. 1908. Фас. LX. Приведем полный текст телеграммы П.В. Максимова: «По сведениям императорской миссии, княжеское правительство, помимо уничтожения стеснений, вытекающих из Берлинского трактата, имеет в виду в главных чертах следующие компенсации: 1/ Черногория и Сербия сговорились настаивать перед конференцией, чтобы вдоль северной границы Санджака была отрезана от Герцеговины и Боснии узкая полоса шириною в 15–20 километров, которая непосредственно соединила бы княжество с королевством и отделила бы австрийские владения от турецких. Невыполнение конференцией этого, по мнению Сербии и Черногории, весьма умеренного и целесообразного требования, непременно должно, как утверждает Миушкович, принудить свободных еще сербов взяться за оружие. 2/ Черногория претендует на возвращение ей в Герцеговине местностей, кои были заняты ею во время последней войны, Гацко, Невесинье, до Велеша близ Мостара. Эта претензия, однако, может считаться платонической. Князь более рассчитывает на возможность присоединения Спицы. 3/ Княжество будет настаивать на разрешении в его пользу спорных вопросов с Турцией: пограничных дел, урегулирования Бояны*, обеспечения свободного по ней плаванья, которого в действительности не существует, и осушение Скутарского озера. По поводу этих компаний мне еще не сделано никаких официальных сообщений. Для обеспечения принятия Европой сербско-черногорских требований, княжеское правительство решило, несмо-

---

* Урегулирование Бояны: Река Бояна (новая граница между Черногорией и албанцами) была внесена в Сан-Стефанский договор как река, которой черногорцы могли пользоваться при судоходстве. По Берлинскому трактату эти земли вернулись под юрисдикцию турок, но черногорцы в разграничительных работах 80-х годов XIX в. постоянно поднимали вопрос о том, чтобы они могли свободно плавать по этой реке. Турки мешали такому сообщению и осушительным работам на берегах Скутарийского озера, с которым связана р. Бояна. Эти крохотные земли были предметом постоянных споров (не пограничного характера, а как ими пользоваться). Спор очень локальный и очень мелкий, но для черногорцев был поводом ставить вопрос о расширении границ своего государства. Вот и после Аннексионного кризиса 1908 г. они вспомнили Сан-Стефано и снова заговорили о своем праве свободно плавать по Бояне.

тря на данные им мирные уверения, держать Австрию и другие державы, в том числе и Россию, в уверенности, что оно, в случае неуспеха на Конференции, готово прибегнуть к крайним мерам».

[26] *Потапов Н.М.* Русский военный агент в Черногории. Москва-Подгорица, 2003. Т. I. С. 363–364.

[27] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3364. Л. 65.

[28] *Перазић Г.*, *Распоповић Р.* Међународни уговори… С. 625.

[29] АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 133. Л. 143.

[30] *Хлебникова В.Б.* Скутари 1913 г.: проверка российско-черногорского союза на прочность // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). Сб. статей. Отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. М., 2012. С. 163–177.

DOI 10.31168/7576-0478-7.12

Ярослав Валерианович
ВИШНЯКОВ

«Революция Гуди» и идеология сербской военной элиты

29 мая 1903 г., в результате произошедшего в Белграде кровавого военного переворота, была свергнута правящая династия Обреновичей. На сербский престол взошел Петр Карагеоргиевич — внук знаменитого Карагеоргия, вождя Первого сербского восстания 1804–1813 гг., положившего начало процессу освобождения страны от турецкой зависимости. Жестокое убийство сербского короля и его супруги потрясло монархическую Европу, не знавшую подобного варварства со времен Великой Французской революции. Это событие отвернуло от Сербии другие европейские государства, дипломатические представители которых немедленно покинули Белград, а британский кабинет вообще разорвал дипломатические отношения с Сербским королевством, отозвав своего посланника Дж. Бонхама. В то же время современники описываемых событий связывали смену династии с началом кардинальных изменений в Сербии, могущих превратить ее в современное демократическое государство.

Действительно, внешне смена династии выглядела коренной переменой институционального развития Сербского государства, а сам военный переворот стал редким случаем, когда, вместо установления диктатуры, власть была немедленно передана гражданским структурам[1]. Нового монарха избрала созванная сразу после переворота Скупщина, которая являлась высшим законодательным органом страны, контролировавшим деятельность правительства. В свою очередь сербский парламент квалифицировал переворот как революцию, провозгласив заговорщиков «настоящими революционерами, истинными апостолами народной свободы»[2]. Немедленно после событий 29 мая с незначительными изменениями была восстановлена упразднённая королем Александром Обреновичем конституция 1888 г.

Вместе с тем тезис о гармоничном развитии Сербского королевства после переворота нуждается в существенной корректировке. Политические перипетии того времени, связанные с развитием в Сербии преторианских тенденций, усиление роли военной элиты в политических процессах Королевства проливают свет на условия, в которых стало возможным убийство в Сараево наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жены 15 (28) июня 1914 г.

Прежде всего отметим, что призвание на престол Петра Карагеоргиевича состоялось под прямым давлением офицеров белградского гарнизона — непосредственных участников переворота, которые, по словам свидетеля событий кровавой майской ночи российского посланника Н.В. Чарыкова, категорически заявили, что «они не допустят иного выбора»[3]. Кроме того, именно они получили полное влияние как при королевском дворе, так и в руководстве армией, а после восшествия на престол зависимость нового короля от своего нового военного окружения была практически абсолютной. По словам российского военного агента И.Н. Сысоева, «все лица, участвовавшие в майском перевороте, переведены теперь в Белград и все важные должности розданы им или сторонникам нового режима, так что Белград представляет теперь как бы укрепленный лагерь майских заверениковъ (заговорщиков. — *Я. В.*), которые, заняв также положение, по-видимому скорее готовы вступить в открытую борьбу, чем выпустить власть из своих рук»[4]. Из «11 человек, назначенных королевскими адъютантами и ординарцами», Сысоев насчитал по крайней мере пять, «принимавших самое деятельное участие в перевороте и бывших во дворце в роковую ночь». По информации российского военного агента, «первым адъютантом к себе король Пётр назначил известного полковника Поповича, выдавшего, как говорят, динамит (использован для взрыва дверей королевского дворца в ходе переворота 29 мая 1903 г. — *прим. Я. В.*) заговорщикам из нишского склада». А «капитан Люба Костич — бывший командир роты телесной гвардии (телохранители. — *Я. В.*) короля Александра, назначенный после переворота командиром всей телесной гвардии короля Петра» и «совмещающий теперь должности королевского ординарца и ко-

мандира королевской гвардии, как говорят, отпер ворота, а затем участвовал в убиении короля и королевы. Люба Костич всеми считается главнейшим деятелем в “кровавой бане”. (Вид у этого господина совершенно разбойничий: это мужчина колоссального роста, невероятной силы и звероподобной внешности.)»[5].

В первый день после своего вступления на престол, 12 июня 1903 г., новый сербский король провел торжественный смотр войск белградского гарнизона, обратившись к ним с речью, которая начиналась словами: «Мое милое войско». Как отмечал И.Н. Сысоев, «на смотру он был верхом, бодро держался на лошади и на всех произвел впечатление человека военного. Для своих лет, ему 57 лет, он действительно достаточно бодр. По окончании смотра король на коляске обогнал возвращающиеся домой войска и вступил в город во главе их, приветствуемый населением столицы. Давно уже Белград не видел такого зрелища! Покойный король Александр был человеком совершенно невоенным и войсками нисколько не интересовался»[6]. Однако, как на российского, так и на присутствовавшего на этом смотре австрийского военного агента, увиденное произвело не очень благоприятное впечатление, что позволило Сысоеву не без иронии заметить: «Люди были плохо одеты, на многих мундиры были очень подержанные; видимо, войска не имеют полного комплекта первосортного обмундирования, но зато все нижние чины в белых нитяных перчатках!» Тем не менее, после окончания смотра король Петр подъехал к российскому и австрийскому военным агентам, сказав: «Я очень доволен моей армией… Я вижу ее в первый раз… Есть, конечно, недостатки, но мы их исправим; я очень доволен»[7].

На следующий день, 13 июня, во дворце состоялось торжественное представление новому монарху офицерского корпуса страны, а кроме того Петр Карагеоргиевич посетил казармы VI пехотного полка, сыгравшего ключевую роль в успехе переворота 29 мая. «Все действия короля ясно показывают, что он хочет привязать к себе армию», — резюмировал российский военный агент[8].

Однако после переворота в стране начался опасный для спокойствия государства раскол среди сербского офицерского кор-

пуса. Моральное состояние сербской армии в этот период лучше всего иллюстрируется донесением российского военного агента в Цетинье А.Н. Щеглова от 11 (24) июня 1903 г., в котором дается пересказ его разговора с бывшим военным министром Сербского королевства М. Васичем, занимавшим во время белградских событий пост сербского посланника в Черногории. Полковник подчеркивал, что «он не видит, как может восстановить свое доброе имя сербская армия, поправшая все законы, божеские и человеческие». «Начальники её», по словам Васича, «дошли до такого озверения, что бахвалятся убийствами и надругательствами над трупами, рассчитывая не только на безнаказанность, но даже на награду». Далее он с горечью резюмировал: «Мы, сербы, не достойны самостоятельного существования как государство. Пусть Европа возьмет нас под свою опеку, хотя бы при помощи военной оккупации, а затем накажет злодеев и научит нас жить по-человечески. Как далек был я от мысли о чем-либо подобном, когда работал на пользу, казалось мне, армии и моего Отечества. Зверства моих клятвопреступных товарищей разнесли по ветру все мои иллюзии, и мне совестно носить сербский мундир, мне больно жить»[9].

Значительное число офицеров было отправлено в отставку либо перемещено из Белграда в провинцию на малозначительные должности. По свидетельству Сысоева, «в числе смещённых» были «войсковые начальники, выказавшие нерешительность в присоединении к движению против короля, вовсе исключившиеся от участия в перевороте»[10]. Белградская пресса сообщала, что в ходе переворота погибли 10 офицеров, из них 3 генерала и 2 подполковника, за первые полтора года после него были уволены в отставку 4 генерала, 15 полковников, 8 подполковников, 5 капитанов и 20 молодых офицеров, зачислены в резерв — генерал, полковник и 20 офицеров. 3 подпоручика сами подали в отставку, 2 были отставлены от службы против их желания. Так, в марте 1904 г. на пенсию был оправлен впоследствии обессмертивший своё имя в сражениях Первой мировой войны будущий генерал, а в то время полковник Ж. Мишич. Кроме того, 260 офицеров попали под суд[11]. «Это гонение было произведено с чисто революционной прямолинейностью и жестокосердием.

Пострадавшие поплатились прежде всего материально, так как все они попали на низшие оклады; потерпели они и нравственно, так как среди них есть много офицеров с незапятнанным прошлым, вся вина которых состоит в том, что они верно служили королю Александру и не участвовали в заговоре»[12], — отмечал российский военный агент.

Генерал Любомир Милич в своих воспоминаниях о событиях 29 мая и их последствиях разделил офицерский корпус страны того времени на три группы: первую группу составляли организаторы убийства Обреновичей, влияние которых было велико, так называемые «завереници» — заговорщики; ко второй группе относились офицеры, симпатизирующие загововорщикам, причем, их число постепенно увеличивалось; таких офицеров Милич назвал «заверители»; к третьей группе примыкали те, кто не смог смириться с убийством Обреновичей — их Милич называл «контрзаговорщиками» или «контрагами»[13]. Оппозиционное движение возглавил капитан Милан Новакович — кавалер ордена Почетного легиона, закончивший курсы военной подготовки во Франции и в российской Николаевской академии Генерального штаба. Сразу же после осуществления переворота он составил воззвание, подписанное 700 офицерами, в котором содержалось требование немедленного удаления из армии, как нарушивших присягу и запятнавших честь мундира, организаторов и участников этой кровавой расправы. «Во имя отечества, во имя нашей чести и нашей любви к свободе и независимости Сербии мы заклинаем Вас: соединимся без различия чинов и положения и потребуем согласно, твердо и непоколебимо: “Прочь мундир! Вы или мы!”»[14], — говорилось в этом воззвании.

И это были не просто слова. В августе 1903 г., во время пребывания короля Петра в Нише, стало известно о существовании «антидинастического» движения в военной столице Сербии[15]. Причем, судя по донесениям российского консула С.И. Чахотина, причиной его появления стали первые военные назначения нового короля, коснувшиеся исключительно офицеров-заговорщиков нишского гарнизона, многие из которых были переведены в Белград, получив там выгодные должности. «Указанное обстоятельство вызвало большое недовольство других офице-

ров и способствовало образованию среди военных Ниша двух партий: консерваторов — “легальных” приверженцев прежнего режима, и либералов — участников переворота 29 мая. Раскол носит столь острый характер, что лишь совершенно отказавшись от новых назначений, правительство будет в состоянии положить ему конец», — резюмировал российский дипломат[16]. Расследование привело на скамью подсудимых 27 офицеров[17]. Сам Милан Новакович, произнесший в суде блестящую речь о необходимости скорейшего увольнения из рядов армии всех офицеров, причастных к заговору, длившуюся целое заседание, тем не менее, получил два года тюрьмы.

Утихшие было страсти возобновились с новой силой осенью 1904 г., в связи с учреждением в честь столетней годовщины начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг. новой высшей награды страны — «Звезды Карагеоргия». Первыми кавалерами ордена первой степени оказались сыновья короля Георгий и Александр, а также его брат Арсений и его сын Павел. Кавалерами второй степени стали главные участники переворота — Й. Атанацкович, Д. Попович и А. Машин. Этой же степенью были награждены политики Й. Авакумович и Г. Генчич. Третья степень была вручена младшим офицерам — участникам переворота. В июне 1904 г. этот орден был вручен и черногорскому князю Николе. Заметим, что сыновья короля Петра — Георгий и Александр, не имевшие никаких военных заслуг, торжественно были приняты в штат сербской армии приказом военного министра лишь 4 декабря 1903 г.

Раздача «Звезды Карагеоргия», в том числе и молодым офицерам-заговорщикам, вызвала бурное обсуждение в сербской печати, дав очередной повод к расколу как в среде офицерского корпуса, так и в обществе в целом. «Раздражение против заговорщиков начинало, по крайней мере наружно, утихать. В газетах преследовались только четверо из них: бывшие министры Владан Георгиевич (В. Джорджевич. — *Я. В.*), Генчич и полковники Машин и Д. Попович. Теперь имена всех “одликованных” (отличенных) красуются в газетах, которые справедливо спрашивают, за какие заслуги государству награждены ничтожные капитаны и поручики сразу высшим орденом», — сообщал рос-

сийский посланник в Белграде К.А. Губастов. Он же подчеркнул, что, «по распространившемуся в Сербии мнению, “Звезда Карагеоргия” как бы учреждена была для королевского семейства, для многочисленных и отдаленных родственников короля и награждений сербских преторианцев, способствовавших возвращению на престол династии Карагеоргиевичей»[18].

Внутриполитический кризис в Сербии обострился вновь, усилилось и антизаговорщическое движение, центрами которого стали Ниш и Крагуевац. И эта борьба имела некоторый успех. В апреле 1906 г. в Сербии был назначен новый военный министр, которым стал известный генерал Радомир Путник, а 16 мая Петр Карагеоргиевич подписал долгожданный указ об удалении из армии пяти наиболее одиозных офицеров — участников переворота, тем самым ненадолго сбив накал политических страстей. В отставку были отправлены командир Дунайской дивизии полковник Д. Попович, начальник Главного генерального штаба полковник А. Машин, подполковник П. Мишич, командующий белградским гарнизоном подполковник Л. Лазаревич и командир гвардии короля майор Л. Костич.

Однако долгожданная политическая стабильность, столь необходимая для поступательного развития страны, так и не наступила. Новая волна политических страстей была связана с событиями Аннексионного кризиса 1908 г., вызвавшего волну патриотического подъема в стране[19]. Вместе с тем события 1908–1909 гг. внесли существенные коррективы и в идеологию собственно сербской военной элиты, которая не только трансформируется в самостоятельную политическую силу, но и стремится взять инициативу в решении вопроса «об объединении всех сербов» на себя, что привело к образованию в стране оформленной военной партии — «партии войны». Российский военный агент В.А. Артамонов в одном из донесений 1911 г. весьма показательно отразил эту ситуацию: «Для создания нового политического объединения или партии почва давно уже являлась подготовленной. Политические круги в Сербии утомлены борьбой и разочарованы. В коалиционном радикальном кабинете свыше года тянулся кризис. В июне состоялось преобразование кабинета в старорадикальный, но кризис не только не избегнут, но и еще

более обострился. В мае предстоят выборы. Программа радикалов, не выполненная ими, нуждается в обновлении. Мелочная борьба партий утомила общество; чувствуется необходимость образования новой сильной партии с программой, отвечающей государственным интересам Сербии. Яркая национальная программа могла бы привлечь к себе и объединить членов многих настоящих партий. Такая мысль носилась в воздухе, и авторитетный общественный деятель, вероятно, мог бы ее осуществить. К сожалению, за эту идею взялись люди совершенно неподходящие, вместо партии создали тайную организацию, напугавшую многих, а привлечением нескольких молодых офицеров бросили тень на репутацию офицерского корпуса»[20].

Буквально сразу же после объявления аннексии, в начале октября 1908 г., на базе общества «Словенский юг»[21], в Белграде было основано общество «Народная оборона», целью которого являлась организация четнического движения в Боснии и Герцеговине. На совещании у министра иностранных дел Сербии М. Миловановича, на котором и было основано данное общество, присутствовали лидеры радикалов, в том числе Н. Пашич, Л. Йованович и Л. Стоянович[22]. Помимо них, в состав новой организации вошли и офицеры армии, прежде всего Д. Димитриевич-Апис, В. Танкосич, М. Васич и бывший военный министр генерал Божидар Янкович, ставший председателем общества. Его секретарем стал Милан Прибичевич — в те годы майор сербской армии. В общество также вошел Живоин Дачич — директор правительственной типографии, в которой одно время работал Неделько Чабринович, перед тем, как летом 1914 г. отправился вместе с Г. Принципом убивать Франца-Фердинанда. Членами организации были также некоторые офицеры пограничной стражи — К. Тодорович в Лознице, Д. Павлович в Шабце, Ч. Попович в Ужице, Б. Симич во Вранье. «Народная оборона» насчитывала до 5000 человек, делилась на 223 филиала и имела значительное число сторонников за рубежом[23]. Поскольку сербское правительство, согласно соглашению с Веной, было обязано не только прекратить содействие четническому движению, но и пресекать его, «Народная оборона» формально трансформировалась в культурно-просветительское общество, вынужденно перейдя

«от тактики ближнего прицела к тактике прицела дальнего — непосредственную подготовку к войне заменить длительной и упорной “культурно-просветительной работой” по идейной подготовке войны»[24].

Впрочем, кипение страстей было связано не только с унизительным для Сербии фактом аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. В разгар событий крупный скандал возник в связи с так называемой аферой Рашича и Влаича — офицеров, обвиненных в приемке некачественных снарядов с заводов Шнейдера в 1909 г. Этот вопрос, поднятый депутатом-социалистом Т. Кацлеровичем в декабре 1910 г., вызвал серьезное разбирательство в Скупщине, длившееся 25 дней. Оно закончилось оправданием этих офицеров, но в отставку вынужден был уйти очередной военный министр. По словам В.А. Артамонова, «непрекращающиеся взаимные обвинения офицеров, судебные разбирательства, а также вынесенное убеждение в недобросовестности некоторых поставленных французскими заводами боевых материалов — всё это весьма волнует общественное мнение. О том много уже отчасти писалось, так же, как и о том, что офицеров, желающих ехать во Францию в качестве приемщиков, ныне не находится»[25].

Еще один крупный скандал был связан с вновь неожиданно обострившимся династическим вопросом. В марте 1909 г. без ведома Скупщины, которую просто поставили перед свершившимся фактом, наследник сербского трона Георгий подписал отказ от своих прав на престол в пользу брата Александра. Однако в октябре 1910 г. Александр тяжело заболел — он слег, вернувшись из Ниша, где вместе с Георгием участвовал в осенних маневрах. Врачи диагностировали брюшной тиф. Около трех месяцев наследник находился между жизнью и смертью. Российский посланник в Белграде Н.Г. Гартвиг с тревогой писал, что «несчастный исход дела может повести к самым опасным государственным мятежам. Снова в Сербии будет поставлен на очередь династический вопрос, так как, кроме ничтожной партии, большинство населения выскажется против королевича Георгия, права коего на престол считаются навсегда утраченными»[26]. И в этом смысле будущее монархии опять могло оказаться

в руках «военной партии». К счастью для династии, к середине ноября 1910 г. здоровье престолонаследника значительно улучшилось.

На этом фоне становится понятным образование в 1911 г. новой, стремившейся объединить вокруг себя весь офицерский корпус страны, организации «Объединение или смерть» («Черная рука»), тем более, что к тому времени офицеры сербской армии окончательно разделились на две большие группы — «старых» и «молодых». Как замечал В.А. Артамонов, «к *старым* принадлежат те, которые искали переворотом личных выгод и нашли их. Они вознаграждены материально и пользовались большим негласным влиянием. *Молодыми* заговорщиками называются те, которые вошли в заговор из идеальных побуждений (свергнуть тирана) и после 29 мая остались в стороне, не извлекши никакой личной пользы из совершенного ими переворота». Тот же Артамонов замечал далее: «Недовольные настоящим положением ставят в вину правительству следующее: во внутренней политике — преследование личных целей; во внешней — неопределенность и нерешительность вообще; промедление в осуществлении национальных идеалов; недостаточный интерес к соплеменникам, находящимся под игом Турции и Австрии; излишнее подчинение сербского правительства взглядам доброжелательных Сербии государств. Из приведенного видно, какое деморализующее влияние приписывается недовольными настоящему правительству. Причин для образования общества или партии, проникнутой национальными стремлениями, как видно, имеется достаточно»[27].

Однако Боснийский кризис 1908–1909 гг. наглядно продемонстрировал и то, какую большую роль могут сыграть военные в осуществлении глобальных государственных задач. Примером тому служила, прежде всего, сама Османская империя, где, по словам российского посла в Константинополе И.А. Зиновьева, «армия считается и действительно служит опорою верховной власти»[28]. Тем более, что при оценке роли армии в выработке внутриполитического курса Османской империи, по словам отечественного историка В.И. Шеремета, следует иметь в виду то обстоятельство, что «если рядовой состав и младшие офицеры низама (регулярного войска) вынуждены были усвоить евро-

пейские приемы военной подготовки, то большинство старших офицеров оставались на уровне профессиональной и тем более морально-политической подготовки почти на прежнем уровне — командиров сипахийского войска»[29]. Младотурецкая революция, проведенная молодыми офицерами — членами партии «Единение и прогресс», основанной в 1899 г., в этом смысле была весьма показательна. Именно на них турецкое общество возлагало надежды на решение национального вопроса, построение правового государства, проведение экономических и военных реформ[30]. В результате начавшихся 3 июля 1908 г. событий Османская империя была провозглашена конституционной монархией с восстановлением конституции 1876 г.

Российский военный агент в Турции полковник И.А. Хольмсен в рапорте от 11 июля 1908 г. писал: «Первым делом следует отметить, что носителями либеральных идей являются исключительно молодые офицеры, которые до самого конца провели революцию без всякого участия старших начальников, которые показали свое полнейшее ничтожество, оставаясь безучастными зрителями совершавшихся событий. Система султана выдвигать вперед одни бездарности в надежде таким образом обезвредить армию и флот была использована против него самого, и он теперь находится лицом к враждебной ему армии, предводительствуемой неведомыми ему силами. Занятое армией положение служит серьезной угрозой для будущего, и можно опасаться повторения роли, которую в свое время в истории играли преторианцы и янычары»[31]. Член «Черной руки» Чедомир Попович особо подчеркивал, что события Младотурецкой революции внесли некоторый раскол в планы сербской военной и политической элиты в деле «объединения всех сербов»: если умеренные ее слои выступали за политику компромисса, то наиболее радикальная часть во главе с сотрудником сербского МИД Богданом Раденковичем предлагала активизировать революционную борьбу, особенно в Македонии и Старой Сербии[32].

Аналогичным образом развивались события в Греческом королевстве, где, под влиянием турецкой военно-политической организации «Единение и прогресс», в 1908 г., в связи с движением за объединение о. Крит с Грецией, во главе с полковни-

ком Н. Зорбасом была создана «Военная лига», исповедовавшая «панэллинистические» взгляды. Основные ее требования свелись к следующему:

1. Возвращение к двухлетнему сроку службы.
2. Уничтожение штаба главнокомандующего.
3. Удаление из действующей армии королевичей.
4. Несменяемость морского и военного министров и назначение их королем.
5. Приглашение иностранных специалистов для стрелковой и кавалерийской школ.
6. Пополнение недостающих боевых запасов при соблюдении в заказах должной экономии.

Правительство Д. Раллиса, который стал премьером страны незадолго до означенных событий, отказалось вести переговоры и принять делегацию офицеров. В ответ на прекращение переговоров Н. Зорбас отдал приказ всем войскам афинского гарнизона собраться в предместье греческой столицы Гуди. Город фактически оказался под контролем военных. Король вынужден был принять все требования офицеров: из армии были удалены члены королевской семьи, Д. Раллис вынужден был уйти в отставку, на службе были восстановлены уволенные ранее офицеры[33]. «16 августа, построив в Гуди войска, полковник Зорбас объявил об исполнении всех требований ”союза офицеров”, поздравил с успехом и заявил, что ”союз” будет продолжать следить за точным исполнением требований, не позволяя никому безнаказанно дурного управления страной как это было до сих пор; после чего Зорбас провозгласил троекратную здравицу королю, подхваченную войсками», — отмечал В.А. Артамонов, в то время российский военный агент в Греции[34].

Отметим, что события в Афинах являют собой еще один яркий пример осуществления верхушечного военного переворота, который, так же, как и белградский переворот 29 мая 1903 г., не затронул основ существующих в стране политической и социально-экономической систем. Правда, в отличие от сербских офицеров в 1903 г., греческая «военная революция» 1909 г. не носила ярко выраженного антидинастического характера[35]. Тем не менее, успех «Революции Гуди» серьезно отразился на на-

строениях и программах расколотого сербского офицерского корпуса, повлияв на идею создания новой офицерской организации «Объединение или смерть» («Черная рука»).

Решение об этом было принято 3 марта 1911 г. на квартире Велимира Вемича, причем идейным вдохновителем создания организации стал Богдан Раденкович — сотрудник сербского МИД, позднее, в 1914–1916 гг., секретарь сербской миссии в Афинах и один из главных организаторов четнического движения в Македонии и Старой Сербии[36]. Отметим, что вскоре после основания «Черной руки» интересы правящей партии и этой части заговорщиков окончательно разошлись. Однако и Д. Димитриевич, и Н. Пашич преследовали общую цель — создание на сербской основе нового обширного славянского государства. Различие между ними было лишь в форме и методах этого объединения. Апис и его соратники, выступавшие за усиление королевской власти, никак не могли примириться с концепцией Н. Пашича «народного» славянского государства[37]. Лидеры «Черной руки» видели будущее государство унитарной монархией с сильной королевской властью, построенное на принципе единого народа.

Известный югославский историк В. Дедиер, ссылаясь на дневник В. Вемича, утверждает, что непосредственно Апис не участвовал в подготовке создания новой организации, а был приглашен на тайное совещание только 6 марта 1911 г.[38]. В ее состав входил также В. Туцович (1875–1947), который занимался вербовкой в организацию молодых офицеров сербской армии. В. Дедиер указывает, что в планы основания «Черной руки» был посвящен и престолонаследник Александр, которого Апис убедил пожертвовать 20000 динар на издание «Пьемонта» — печатного органа нового общества[39]. Среди членов организации отметим Чедомира Поповича, в 1914 г. руководившего пограничной службой Сербии, при том, что его брат Душан был одним из лидеров Социал-демократической партии Сербии, а также полковника Милана Гр. Миловановича, майора Милана Васича, бывшего одновременно секретарем «Народной обороны».

Председателем общества был избран начальник белградской жандармерии Илия Радивоевич[40], а В. Вемич стал секретарем организации[41]. С конца 1913 г. эту должность занимал полковник

Р. Лазич. В состав Верховной управы новой организации также входили полковник Илия Йованович, майоры Война Танкосич и Милан Васич и полковник Генерального штаба Милан Гр. Милованович[42]. Среди членов «Черной руки» нельзя не отметить герцеговинца Мустафу Голубича и одного из участников Сараевского убийства, служащего сербских железных дорог Милана Цигановича. В Далмации интересы организации представлял журналист Оскар Тарталья — редактор газет «Покрет», «Застава» печатавшихся в Сплите, и «Нови лист», выходившей в Риеке (Фиуме). Впоследствии он стал одним из главных авторов загребского журнала «Новая Европа» и напечатал там цикл патетических статей о «Черной руке».

Сербский историк З. Ненезич писал, что на создание этой тайной организации большое влияние оказали члены масонской ложи «Объединение», которая была основана в Белграде в 1903 г., являясь филиалом ложи «Великий Восток Франции». Он же, указывая, что вопрос о членстве в ней главных участников общества «Объединение или смерть» Д. Аписа, В. Танкосича и М. Цигановича остается открытым, подчеркивает, что Любомир Йованович-Чупа входил в состав этой ложи[43]. Посвящение в члены организации также напоминало масонский обряд. Генерал Панта Драшкич писал в своих мемуарах, что при этом присутствовал некий человек в длинной черной мантии и маске, который положил на стол кинжал и револьвер, что «символизировало смерть и революцию»[44]. В этом же смысле показательна печать нового общества, на которой были изображены бомба, череп, кости и сосуд с ядом.

Окончательное решение об организации тайного общества было принято только в мае 1911 г., когда был подготовлен его устав, основной текст которого, при участии В. Танкосича, составил Любомир Йованович-Чупа. По словам Л.Д. Троцкого, это был «Мадзини молодой Сербии. Очень высокий, изможденный, с большим лбом, неутомимый работник и последовательный аскет, фанатик, агитатор молодой Сербии, Йованович путешествовал по всем сербским провинциям, часто пешком, сближаясь со страной и с людьми, знакомясь с выдающимися политическими деятелями, завязывая связи, направляя, толкая

вперед. Он прекрасно знал болгарскую общественную жизнь и имел личных друзей среди македонских деятелей»[45]. Йованович был убит во время Второй Балканской войны, сражаясь в рядах сербской армии в чине сержанта.

Впервые австро-венгерское правительство узнало о существовании «Черной руки» в ноябре 1911 г. от своего посланника в Белграде Угрона и военного агента Гелинека. Однако самые подробные сведения сообщил в Вену агент Теодор Стефанович Виловский, который представил «Черную руку» как организацию офицеров-заговорщиков 29 мая 1903 г., цель которой — занять господствующее положение в политической жизни Сербии[46].

В сербской прессе первое упоминание о новом обществе появилось в газете «Трибуна» в октябре 1911 г.[47], о чем В.А. Артамонов незамедлительно сообщил в российский Генеральный штаб. Российские правящие круги также не могли оставить создание этой организации без внимания. С программой нового общества их, естественно, познакомил В.А. Артамонов, который, судя по всему, первоначально не имел достоверной информации о его структуре, а тем более о его членах. Так, информируя о его появлении секретаря русской миссии в Белграде В.Н. Штрандтмана, он упомянул имена Петра Живковича и Драгутина Димитриевича-Аписа как его руководителей[48].

Объясняя причины создания «Черной руки», российский военный агент в Сербии подчеркивал: «Между тем, хотя ценой займов за последние три года сербская армия снабжена в достаточной мере вооружением, боевыми припасами и прочею материальной частью, но в моральном отношении улучшения отнюдь не последовало. В политической жизни страны тот же разлад, те же раздоры партий. Переносимые на армию, на ее личный состав, на касающиеся ее вопросы… Непрерывно возникали разного рода аферы с поставками для армии, сыпались грязного рода обвинения, по партийным соображениям не выяснявшиеся до конца[49]; подвергалось сомнению качество оружия и боевых припасов, с которыми войска пойдут в бой… И всё это в целях партийной борьбы, личных счетов и т.д. Недовольные настоящим положением ставят в вину правительству следующее: во внутренней политике — преследование личных целей; во внешней —

неопределенность и нерешительность вообще; промедление в осуществлении национальных идеалов; недостаточный интерес к соплеменникам, находящимся под игом Турции и Австрии; излишнее подчинение сербского правительства взглядам доброжелательных Сербии государств. Из приведенного видно, какое деморализующее влияние приписывается недовольными настоящему правительству. Причин для образования общества или партии, проникнутой национальными стремлениями, как видно, имеется достаточно»[50]. А вот что мы читаем в циркуляре «Черной руки»: «Внутренняя политика правительства Королевства Сербии — партийна, а внешняя неопределённа и нерешительна в такой степени, что внешние события застанут нас врасплох и неготовыми. Обязанность всякого члена — словом, делом и всякими другими средствами направлять всех и каждого в смысле идей нашей организации. Пусть каждый член будет уверен в том, что наша армия в материальном отношении, принимая во внимание соседей, вполне готова ко всем событиям»[51].

К этому же свелись основные положения программы «Черной руки», заметим, кстати, никак не направленные против правящей сербской династии и весьма схожие с требованиями греческих офицеров — организаторов «Революции Гуди». Вот как их изложил В.А. Артамонов:

> «1. Вмешательство в дела армии политиканов; аферы; частые перемены военных министров; бесплодность их работы; отсутствие авторитета в армии, имеющей главой “кабинетного министра”, — всё это заставляет “Черную руку” требовать *назначения военного министра королем и несменяемости военного министра при сменах кабинета*.
>
> 2. Опровергая слухи о своей антидинастичности, «Черная рука», напротив, заявляет, что желает усиления власти короля, ныне ставшего чересчур конституционным.
>
> 3. От правительства “Черная рука” требует большего внимания к национальным интересам сербского народа и действий в полном согласии с Россией.
>
> 4. В случае же если бы Россия, по своим соображениям, оставила Сербию на произвол судьбы при движении Австрии к Салоникам, то “Черная рука” поднимет всех сербов для борьбы с Австрией во что бы то ни стало, до истребления»[52].

В контексте практической реализации программы нового общества, предполагавшей вести «революционную работу на всех землях, где живут сербы»[53], в г. Прокупле была основана конспиративная четническая школа для обучения членов организации, инструктором которой стал В. Танкосич, а вблизи г. Лозница, на границе с Боснией, находился пограничный пункт, на котором служили офицеры — члены «Черной руки» и через который летом 1914 г. переправилась группа Г. Принципа.

Таким образом, к началу Балканских войн «Черная рука» стала совершенно самостоятельной политической силой, проникнутой серьезной националистической доктриной, а успех Младотурецкой революции и греческой «Революции Гуди» явились для офицеров сербской армии примером для подражания.

Примечания

1 *Никифоров К.В.* Парламентаризм в Сербии в XX веке // Славяноведение. 2004. №3. С. 7–20; *он же*. Сербия на Балканах. XX век. М., 2012. С. 30, 31.

2 См.: *Поповић-Обрадовић О.* Парламентаризам у Србији. Београд, 2008. С. 122, 123; Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 400. Оп. 4. Д. 313. Л. 60, 61.

3 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2868. Л. 50.

4 РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 313. Л.98–103 об.

5 Там же. Л. 67–69 об.

6 Там же. Л. 48–52.

7 Там же. Л. 44–47

8 Там же. Л. 48–52.

9 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2868. Л. 117–117 об.

10 Там же. Л. 21.

11 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2869. Л. 124.

12 РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 313. Л. 75.

13 *Бојовић Р.* Сећања на Мајски преврат 1903. Генерала Јовице Јовичића и Љубомира Милића. Сепарат из Зборника радова Народног музеја XXIX. Чачак, 1999. С. 126.

14 Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 505. Д. 76. Л. 46.

15 По сведениям российского военного агента, о существовании заговора донес кавалерийский офицер Живоинович, представивший список его участников // РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 313. Л. 89.

16 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2868. Л. 210.

17 *Vasić D.* Devetsto treća (Majski prevrat). Beograd, 1925 (reprint izd. 2000). S. 176–177.

18 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2869. Л. 111–111 об.

[19] *Вишняков Я.В.* Боснийский кризис 1908–1909 гг. и славянский вопрос // Вестник МГИМО-Университета 2011. № 1. С.103–111.

[20] *Вишняков Я.В.* Балканы: хватка «Черной руки» // Военно-исторический журнал. 1999. №5. С. 37.

[21] Организация «Словенский юг» была основана в Белграде в начале мая 1903 г., незадолго до свержения Обреновичей, формально как студенческое культурно-просветительское общество, целью которого было содействовать объединению всех южнославянских народностей. Основатели этой организации находились в тесной связи с членами белградской масонской ложи «Препород» («Возрождение»). После Майского переворота общество значительно укрепило свои позиции, активизировав деятельность в Албании, Македонии, Боснии и Герцеговине. Одним из главных основателей общества был Милан Прибичевич — брат известного сербского политика Светозара Прибичевича, в то время редактора загребской газеты «Србобран», впоследствии ставшего лидером Демократической партии. Среди других деятелей можно выделить капитана Якова Ненадовича, поручика Александра Срба, полковника Чедомира Поповича, соратника Н. Пашича Любомира Йовановича, капитана Мирко Наумовича, чиновника министерства иностранных дел Л. Нешича, майора Милана Васича, Любу Йовановича-Чупу, написавшего проект устава этой организации, и доктора Милорада Годжевца, наряду со С. Симичем являвшегося видной фигурой в деле организации сербского четнического движения в Македонии и Старой Сербии. В тесных контактах с этой организацией находились видные сербские политики — лидеры «младорадикалов» Л. Давидович, Я. Проданович, Л. Стоянович, Ж. Живанович, а также офицеры — участники Майского переворота — генерал Йован Атанацкович, майор Петр Пешич, поручик Живоин Рафаилович и будущий лидер организации «Черная рука» Д. Димитриевич-Апис.

[22] *Фей С.* Происхождение мировой войны: в 2-х т. М.,-Л.: Соцэкгиз, 1934. Т. 2. С. 51.

[23] *Ђоровић В.* Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку. Београд, 1992. С. 584.

[24] *Полетика Н.П.* Сараевское убийство. Исследование по истории австро-сербских отношений и балканской политики России в период 1903–1914 гг. Л., 1930. С. 120–121.

[25] *Вишняков Я.В.* Балканы: хватка «Черной руки». С. 34–47.

[26] РГВИА. Ф. 2000. Д. 3035. Л. 92–156. В этой связи следует указать на находившегося на русской службе младшего брата короля Петра Арсения (1859–1938), у которого в 1893 г. родился сын Павел, ставший в 1934 г. регентом при малолетнем сыне Александра Петре II.

[27] *Вишняков Я.В.* Балканы: хватка «Черной руки». С. 34–47.

[28] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 502. Л. 3.

[29] *Шеремет В.И.* Османская империя и Западная Европа. Вторая треть XIX века. М.: Наука, 1986. С. 186.

[30] Российский военный агент Хольмсен, оценивая события Младотурецкой революции, высказался весьма категорично: «Уже теперь становится ясно, что «свобода, братство, равенство будет понято турками по своему, а никак не в пользу инородцам и в Турции живущим европейцам, в каковом обстоятельстве скрывается повод к возможным внутренним и внешним осложнениям». См.: РГВИА. Ф. 2000. Д. 1011. Л. 241 об.

[31] Там же. Л. 212–212 об. Оценивая события Младотурецкой революции, российский военный агент особо подчеркивает роль масонских организаций в этих событиях. Он пишет в рапорте от 21 марта 1908 г.: «Образуется, таким образом, что-то вроде масонских лож с определенной политической программой.

Организация настолько похожа на масонство, что можно подумать, что она родная дочь масонства. Связь с Лондоном несомненна. Балканский комитет официально поздравил центральный комитет с успехом. А действия комитета указывают на несомненное содействие опытных деятелей освободительного движения. Сегодня ж я узнал, что евреи играли большую роль в революции оказанием материальной поддержки».

32 См.: Российский государственный военный архив. Ф. 579-1. № 71. С. 403.

33 *Улунян Ар. А.* Политическая история современной Греции (конец XVIII — 90-е гг. XX в.). М.,1998. С. 90–91. См. также: *Никитина Т.В., Соколовская О.В.* Социально-политический кризис и «великий бросок» в Греции 1909–1912 гг. // Реформы и революции на Балканах. Балканские исследования. Вып. 12. М., 1994. С. 167–189.

34 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 855. Л. 129.

35 *Никитина Т.В., Соколовская О.В.* Указ. соч. С. 172. Греческий король Георг был убит в Салониках в марте 1913 г., в разгар Первой Балканской войны.

36 Сам же Богдан Раденкович планировал в 1911 г. занять пост рашско-призренского митрополита. См.: Архив Србије. Ф. Солунски процес. 1917. I. Fascikla II. Одбрана за Б. Раденковића.

37 *Шемякин А.Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998.

38 *Dedijer V*. Sarajevo, 1914. Beograd, 1978. Knj. II. S. 79–80.

39 *Ibid.* S. 96.

40 Радивоевич был убит во Второй Балканской войне в 1913 г., и его место председателя занял Д. Димитриевич-Апис, ставший подлинным лидером этого общества.

41 *Пејчић П.* Четнички покрет у Краљевини Србији 1903–1908. Крагујевац, 2007. С. 106–107.

42 Милан Васич был убит в 1913 г. Майор Воислав Танкосич был тяжело ранен в боях под Пожаревацем в 1915 г. и вскоре умер. М. Гр. Милованович был осужден по приговору Салоникского процесса 1917 г.

43 *Nenezić Z.* Masoni u Jugoslaviji. Beograd, 1984. S. 325.

44 *Драшкић П.* Моји мемоари. Београд, 1990. С. 48–49. Самого Драшкича летом 1911 г. в организацию завербовал Владимир Туцович, использовав в качестве аргумента сведения, что якобы и престолонаследник Александр также состоит членом этого тайного общества.

45 *Троцкий Л.Д.* Годы великого перелома. Бельгия и Сербия в войне. М.: Коммунист, 1919. С. 12–13.

46 См.: *Казимировић В*. Црна Рука. Личности и догађаји у Србији од преврата 1903 г. до Солунског процеса 1917. године. Крагујевац, 1997. С. 369–370.

47 Программа «Черной руки» была опубликована в книге Нешковича. См.: *Нешковић Б.* Истина о Солунском процесу. Београд, 1953.С. 301–305.

48 *Штрандман В.Н.* Балканске успомене. Београд, 2009. Књ I. Део 1–2. С. 77.

49 Правительство не пожелало внести в Скупщину для рассмотрения доклад скупщинской военной анкетной комиссии по вопросу о военных поставках. — *Прим. В.А. Артамонова*.

50 РГВИА. Ф. 2000. Д. 7371. Л. 28 об.

51 Там же. Л. 42.

52 Там же. Л. 49.

53 *Нешковић Б.* Истина о Солунском процесу. С. 301.

DOI 10.31168/7576-0478-7.13

Ольга Игоревна
АГАНСОН

Национально-освободительное движение в Македонии как фактор балканской политики Лондона*

«Локальный и незначительный, македонский вопрос сделался главной заботой европейской дипломатии», — писал в своих воспоминаниях авторитетный британский журналист, специальный корреспондент газеты «Таймс» в Вене У. Стид, размышляя о судьбах Османской империи в контексте развития мировой политики в начале XX в.[1]. Как вышло, что национально-освободительные движения в европейских провинциях султана, вопрос в общем-то второстепенный с точки зрения глобальной стратегии Великобритании, оказался одной из самых обсуждаемых тем в британском медиапространстве? Почему официальный Лондон своей негативной реакцией на действия турецкой администрации в балканских вилайетах отчасти намеренно придал международное измерение македонскому вопросу?

Ослабление экономических позиций Великобритании вследствие изменений в системе мирового хозяйства, обострившееся соперничество великих держав на колониальной и полуколониальной периферии, а также разворачивавшаяся на рубеже XIX–XX вв. перегруппировка сил в мире — все эти тенденции стали предвестниками заката *Pax Britannica.* Политика «блестящей изоляции», обеспечивавшая Лондону «свободу рук» во взаимодействиях с другими державами и пространство для политического манёвра, начинала всё более и более тяготить британское правительство. Одним из факторов, запустивших эти неблагоприятные для Англии процессы, явилось возрастание

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии №20-59-18007 «От региональных конфликтов к эпохе глобальных трансформаций: взгляд российских и болгарских историков на международные отношения в конце XIX — начале XXI в.».

экономической и военно-политической мощи Германской империи, превратившейся в ключевого соперника Великобритании на международной арене. Настоящим вызовом для Лондона стало планомерное и разностороннее (военное, экономическое и политическое) проникновение Германии на Ближний Восток, что, в свою очередь, подрывало две традиционные доминанты балканской политики Англии — поддержание территориальной целостности Османской империи и сотрудничество с Австро-Венгрией. На протяжении долгого времени эти две «мультисубрегиональные» империи служили геополитическими скрепами, препятствовавшими продвижению России в направлении Восточного Средиземноморья. Подобный расклад сил, сопряженный с рисками для британских имперских коммуникаций, требовал от Лондона переоценки прежних внешнеполитических императивов на Балканах и Ближнем Востоке.

Переосмысление Великобританией своей стратегии в этом геополитически важном регионе происходило, с одной стороны, под влиянием событий Ближневосточного кризиса 1895–1897 гг. (резня армянского населения в Константинополе и Малой Азии, восстание 1896 г. на Крите и фактическое введение там международного управления, греко-турецкая война 1897 г.), с другой — в условиях отказа Османской империи от своей традиционной функции, какой она виделась Лондону, а именно охрана Черноморских проливов от недружественных Великобритании великих держав. Так, проблема обороноспособности Турции вызывала у британского правительства сильную обеспокоенность. Со времени вступления на престол султана Абдул-Хамида османский флот пришел в полную негодность: на 1893 год из 19 бронированных кораблей в состоянии боевой готовности находились только два; на судна рекрутировались матросы из числа проживавших в континентальных частях страны крестьян, не прошедших специального обучения. Причину подобного небрежения со стороны падишаха к морским силам своей страны англичане усматривали в подозрительном отношении Абдул-Хамида к флоту как ядру возможного заговора[2].

Британские дипломаты и военные отмечали усиление русско-французских позиций в Константинополе и с этим обсто-

ятельством связывали пассивное поведение султана в вопросе о модернизации фортификационных сооружений на Босфоре, по контрасту с возведением новых укреплений на Дарданеллах[3]. Абдул-Хамид, по предположению английского адмиралтейства, имел договоренности с царским правительством о том, что в случае мятежа в Константинополь будет выслана русская эскадра для его подавления. Действия английского командования в Восточном Средиземноморье также сковывались существованием франко-русского союза: возрастала вероятность того, что английский флот мог оказаться зажатым между русской и французской эскадрами[4]. В итоге, в ноябре 1896 г. кабинет лорда Солсбери пришел к выводу о нецелесообразности противодействия России при попытке захватить Босфор[5]. Спустя семь лет, в феврале 1903 г., эта установка снова была озвучена на заседании Комитета имперской обороны, который констатировал, что «поддержание статус-кво в отношении Константинополя не является первостепенным морским или военным интересом этой страны»[6].

Проецирование данного подхода на события в Балканском регионе допускало возможность некоторой дестабилизации обстановки в европейских провинциях султана. Иными словами, в балканской политике Лондона произошло смещение приоритетов с общесистемного уровня (взаимодействие с Австро-Венгрией и Турцией с целью «сдерживания» России) до регионального (не просто внимание к «малым» балканским игрокам в лице независимых государств и национально-освободительных движений, но и, в каком-то смысле, стремление «управлять» ситуацией, являвшейся результирующей их деятельности).

В начале XX в. наблюдался всплеск активности революционных организаций в Европейской Турции, где, по свидетельству очевидцев, положение дел находилось в критическом состоянии. Еще в 1898 г. германский посол в Константинополе А. Маршалль фон Биберштейн в разговоре со своим британским коллегой Н. О'Конором указывал на высокую вероятность восстания в европейских провинциях султана, что, по его мнению, вновь могло дать толчок дезинтеграционным процессам на территории Османской империи[7]. Западные консулы отмечали существовавшую взаимосвязь между македонскими и армянскими революционны-

ми комитетами[8]. Таким образом, антитурецкие движения не были изолированным явлением на периферии Османской империи, а приобретали всеобъемлющий характер.

Кульминацией этой национально-освободительной борьбы стало Илинденско-Преображенское восстание, вспыхнувшее в Македонии и Фракии в августе 1903 г. Выступление было подготовлено проболгарскими организациями — Внутренней Македонско-Одринской революционной организацией (ВМОРО) и Верховным македонским комитетом (ВМК). Как писал известный британский журналист и эксперт по македонскому вопросу Г. Брэйлсфорд, члены этих организаций были искусными этнологами-практиками и решали вопрос о национальной принадлежности славянского населения Македонии, пусть и грубыми методами, в свою пользу[9].

Илинденско-Преображенское восстание поставило перед британским правительством ряд серьезных вопросов: об официальной реакции на кровавое подавление Портой повстанческого движения и в целом об англо-турецких отношениях, а также о путях взаимодействия Англии с другими великими державами в процессе нормализации обстановки в Македонии — захолустной османской провинции, судьба которой оказалась плотно вплетена в ткань европейской дипломатии начала XX века.

Осенью 1903 г. взоры европейской общественности были обращены на Россию и Австро-Венгрию, позиционировавших себя в качестве наиболее заинтересованных сторон в делах Балканского полуострова. Обе державы действовали в духе достигнутого ими в 1897 г. соглашения о поддержании статус-кво в регионе[10]. Результатом австро-русского сотрудничества стали два проекта «умиротворения» Македонии: Венская (февраль 1903 г.)[11] и Мюрцштегская (октябрь 1903 г.)[12] программы реформ. Второй пакет преобразований явился ответом российского и австро-венгерского руководства на Илинденско-Преображенское восстание. Хотя в Мюрцштегской программе предусматривалось введение института гражданских агентов, реорганизация местной жандармерии при участии европейских офицеров, а также установление частичного контроля великих держав за финансовой и судебной системой балканских вилайетов, она носила довольно общий и

расплывчатый характер и не ограничивала суверенитет султана над македонскими территориями[13].

На данном этапе австро-русское сотрудничество по урегулированию македонского вопроса становилось фактором принципиальной важности для ближневосточной политики Германии. Берлин рассматривал восстание в балканских вилайетах в категориях «реальной политики». Нарастание центробежных тенденций внутри Османской империи вело к ее дальнейшему ослаблению и ставило под угрозу осуществление масштабных экономических и политических проектов Германии на Ближнем Востоке. Руководствуясь подобными соображениями, германская дипломатия стремилась не допустить, с одной стороны, вооруженного конфликта на Балканах с участием Турции, с другой — проведения радикальных реформ, а потому рекомендовала Абдул-Хамиду без промедления подавить восстание в Македонии и Фракии и таким образом укрепить авторитет центральной власти и предотвратить вмешательство держав[14]. В Берлине и Константинополе исходили из того, что если мятежные провинции не усмирить силой и в корне не пресечь революционное брожение, то у европейского общественного мнения сложится впечатление о полной потере Портой контроля над балканскими территориями[15]. На Вильгельмштрассе были убеждены в том, что антитурецкие движения в Македонии и Фракии инспирировались извне, а потому разрешение жизненно важных для Османской империи вопросов должно было оставаться исключительно в ведении султана[16].

Однако руководители германской дипломатии, осознавая всю тяжесть последствий для Порты от затянувшегося македонского кризиса, были склонны санкционировать Мюрцштегскую программу, которая, по их мнению, не наносила удара по статус-кво в регионе. Даже такой яростный противник вмешательства во внутренние дела Турции как Маршалль настоятельно советовал султану поддержать проект Вены и Петербурга. Порта, по его уверениям, могла навести порядок в Македонии только опираясь на Россию и Австро-Венгрию, и единственный способ это сделать — осуществить намеченные реформы[17].

Берлин без колебаний воспользовался трудностями турецкого правительства, рассчитывая с выгодой для себя нарастить воен-

ную помощь Османской империи. В британской прессе всплыла информация о том, что Порта заключила с фирмой «Крупп» контракт на поставку в Турцию 32 батарей скорострельной полевой артиллерии[18]. По данным французского политического аналитика А. Шерадама, османское правительство закупило 96 пушек у Круппа и 22 000 ружей у Маузера на общую сумму 900 000 турецких лир[19].

Страх перед усилением германской мощи напрямую влиял на позицию Франции. В Париже полагали, что Россия должна активизировать свою политику на Балканах, дабы помешать германскому «натиску на Восток»[20]. От Петербурга ждали более решительного настроя в вопросе македонских реформ. Во французской публицистике того периода настойчиво мелькала мысль о необходимости введения европейского контроля в мятежных вилайетах[21]. Вместе с тем на Кэ д'Орсэ в целом положительно оценивали перспективы сотрудничества России и Австро-Венгрии: французские дипломаты полагали, что австро-русское сближение по балканскому вопросу уменьшало зависимость Двуединой монархии от Германии и, в конечном счете, способствовало изоляции последней[22].

И если для Франции преобладание Германии на Ближнем Востоке представлялось «злом» скорее в абстрактных терминах геополитики, то для Великобритании это была реальная проблема, особенно после подтверждения султаном в апреле 1903 г. окончательной концессии на строительство Багдадской железной дороги. Внутриполитические же осложнения и кризисы объективно ослабляли Османскую империю и оттягивали ее силы и ресурсы от совместных германо-турецких проектов в азиатских провинциях. Именно в этом ключе Лондон рассматривал вопрос о нарастании центробежных тенденций на территории Турции. Особенно это касалось Балкан, поскольку отказ Англии от защиты Константинополя, как уже отмечалось, предполагал ее согласие на изменение статус-кво в регионе. В Форин оффисе понимали, что Мюрцштегская программа реформ в Македонии была выгодна основным соперникам Великобритании на Ближнем Востоке (России и Германии): нормализация обстановки в европейских провинциях являлась лишь отсрочкой их стратегических

замыслов. В случае успешного осуществления австро-русской схемы всё вновь возвращалось бы на круги своя.

Среди всех великих держав Англия наиболее жестко критиковала действия турецких властей в период Илинденско-Преображенского восстания. Не дожидаясь обнародования австро-русского проекта реформ, британский статс-секретарь по иностранным делам Г. Лэнсдаун изложил собственное видение преобразований в балканских вилайетах султана. Во-первых, он требовал от Порты назначить в Македонию губернатора-христианина, не связанного ни с балканскими государствами, ни со странами, подписавшими Берлинский трактат, или, по крайней мере, прикрепить к губернатору-мусульманину европейских экспертов. Ведь любая программа реформ, как утверждал Лэнсдаун, была обречена на неудачу, если ее исполнение зависело от мусульманской администрации, полностью подчиненной турецкому правительству и неподконтрольной международному сообществу. Во-вторых, Лондон рекомендовал великим державам направить своих военных атташе в турецкие войска для оказания на них сдерживающего воздействия и получения достоверной информации непосредственно с места событий[23]. Лэнсдаун, как отмечал французский поверенный в делах в Лондоне Жофрэ, выступал за введение в Македонии автономии на принципах, схожих с административным устройством Ливана и Крита[24]. Фактически это было равнозначно ущемлению суверенных прав султана над балканскими провинциями.

Однако в условиях существовавшей на международной арене расстановки сил официальный Лондон счел целесообразным санкционировать Мюрцштегскую программу, которая хотя и подразумевала лидирующую роль России и Австро-Венгрии в урегулировании македонского вопроса, в то же время являлась для них обоюдно сдерживающим фактором. По заявлению Лэнсдауна, Англия в целом выражала свое согласие с австро-русской схемой, но в случае ее неуспеха оставляла за собой право выдвигать альтернативные решения и предлагать более радикальные меры[25].

Тактика, которой придерживался Форин оффис, не означала бездействия. Напротив, в Лондоне придавали большое значение

событиям, происходившим в Македонии. Ведь они были следствием внутренних процессов, протекавших в балканских вилайетах Турции. Подъем национально-освободительного движения вынес на повестку дня македонский вопрос не по воле великих держав, а вопреки ей. Антитурецкая борьба местных народов становилась самостоятельным фактором балканской политики наравне с интересами великих держав. И Британия с ее радикальной схемой реформ рассчитывала этот фактор использовать для достижения собственных внешнеполитических целей в регионе — дальнейшей компрометации власти султана над европейскими территориями и, вследствие этого, переключения на них внимания Порты с азиатских провинций.

Избрав такую линию поведения, Англия намеревалась не только «зарезервировать» за собой особое положение в неформальном «клубе» великих держав, но в определенной степени сигнализировала малым балканским странам и народам, что она в качестве европейского лидера осознавала свою ответственность за улучшение условий жизни местного населения и была готова выполнять обязательства, возложенные на нее статьей 23 Берлинского трактата. В таком контексте весьма показательным является некоторое совпадение контрпредложений Лэнсдауна по Мюрцштегской программе и требований инсургентов, причем в таких принципиальных вопросах, как назначение в Македонию христианского генерал-губернатора и введение там европейского контроля[26].

Вместе с тем, следуя своей обычной тактике ограниченного вмешательства в дела Балканского полуострова, британское правительство избегало в открытую солидаризироваться с антитурецким движением, дабы не захлопывать «окно возможностей» во взаимоотношениях с Портой, в частности, рассчитывая на получение от нее выгодных концессий. В свете этого Форин оффис следовало найти альтернативные каналы проведения своего влияния в регионе. Эта задача в общем-то им была выполнена блестяще через налаживание диалога с неофициальными кругами, представленными левым крылом Либеральной партии — радикалами. В своих внешнеполитических воззрениях, в том числе в подходах к Восточному вопросу, они опирались на идеи, сформулированные в 1870-х годах лидером либералов У. Гладстоном.

Он, в отличие от тогдашнего премьер-министра Б. Дизраэли, призывал Британию ориентироваться на динамичные, жизнеспособные балканские народы, а не на дряхлеющую Османскую империю[27]. Радикалы возлагали ответственность на Англию за то бедственное положение, в котором находились балканские провинции. Ведь именно под давлением Лондона они были в 1878 г. возвращены в состав Турции. А потому, на взгляд радикальной общественности, британское правительство было просто обязано принимать самое активное участие в проведении реформ на этих периферийных территориях Османской империи[28]. Таким образом, радикалам на теоретическом уровне удалось обосновать право Великобритании вмешиваться во внутренние дела Турции во имя исполнения «общечеловеческого долга».

Более того, представители неофициальных кругов участвовали в формировании практического механизма проведения британского влияния в регионе. В августе 1903 г., на волне восстания в Македонии, был создан Балканский комитет, в который вошли известные политики и журналисты либерального толка, ученые, религиозные деятели. Они инициировали проведение многочисленных благотворительных акций и мероприятий просветительского характера, организовывали различные фонды для оказания помощи жителям македонских вилайетов, пострадавшим во время подавления восстания[29]. Члены Балканского комитета организовали в прессе широкую кампанию по сбору средств для пострадавших от турецких преследований[30]. При их непосредственном участии был создан Македонский фонд помощи, который осуществлял благотворительную деятельность в европейских вилайетах. Британскими добровольцами были открыты госпитали в Кастории и Охриде[31]. Фонд оказывал материально-техническую помощь македонским крестьянам: им поставлялись сельскохозяйственные орудия и домашний скот[32]. Британское посольство в Константинополе и консульская служба в балканских вилайетах всячески содействовали английским волонтерам в их начинаниях. По воспоминаниям Р. Грейвза, британского генерального консула в Салониках, ему неоднократно приходилось преодолевать обструкционизм местной турецкой администрации, чтобы добиться допуска благотворительных миссий в пострадавшие районы[33].

Журналисты ведущих британских изданий подробно и добросовестно освещали ситуацию в Македонии, интервьюировали вождей повстанцев. Так, специальный корреспондент «Таймс» на Балканах Дж. Баучер неоднократно встречался с лидерами ВМОРО — Д. Груевым, Г. Делчевым, Х. Татарчевым[34], которые, как показало Илинденско-Преображенское восстание, хорошо усвоили принципы ведения «информационной войны» и придавали большое значение сотрудничеству с английской прессой, позиционировавшей себя в качестве независимого и объективного наблюдателя. Инсургенты выражали готовность помогать британским корреспондентам в их работе. Зачастую последние проникали на восставшие территории в рядах четнических отрядов. Например, в своих донесениях английский консул в Софии Ф. Эллиот сообщал о том, что Х. Татарчев оказывал всевозможное содействие корреспонденту «Дэйли грэфик» У. Кёртону, чтобы «получить беспристрастного свидетеля, который мог бы подтвердить, что жестокости, приписываемые повстанцам, не имеют под собой реальных оснований»[35].

На примере македонского вопроса отчетливо прослеживалось стремление Лондона использовать волнения на Балканах как инструмент давления на Порту, чем отчасти объяснялась острота британской критики турецкой администрации. Однако во многом эти действия возымели обратный эффект: в глазах Порты всё выглядело так, будто Уайтхолл, при нескрываемом одобрении британской общественности, поддерживал македонских сепаратистов, преимущественно болгарского происхождения. Так, турецкий посол в Лондоне, по поручению своего правительства, призывал Форин оффис ограничить деятельность британских благотворительных организаций в Македонии на том основании, что они помогали мятежникам, укрывавшимся в Болгарии[36]. Турецкие дипломаты жаловались своим британским коллегам на антитурецкий тон ряда английских изданий[37], а султан просил О'Конора употребить свое влияние на то, чтобы пресечь публикации Балканским комитетом «фальшивой информации, которая вводила в заблуждение общественное мнение»[38]. На рубеже XIX–XX вв. в турецкой прессе (например, в близкой к султанскому окружению газете «Сервет») циркулировали слухи о причаст-

ности англичан к волнениям в Македонии и Йемене[39]. Причем, среди политической элиты балканских государств, болгарской и сербской, бытовало убеждение в том, что «Англия также работает… через своих агентов, готовясь к энергичному вмешательству в македонские дела, лишь только определит, что выработанные реформы не принесут практических результатов»[40].

Естественно всё это вносило дополнительную напряженность в англо-турецкие отношения. Так, например, видные османские интеллектуалы рассматривали расширение британской вовлеченности в дела Балканского полуострова как проявление «туркофобии». По словам турецкого вице-консула в Великобритании Халил Халида, в английской прессе, как радикальной, так и джингоистской* направленности, из номера в номер повторялись предложения «вырвать» из рук турок дела их собственной страны и «назначить губернаторов-христиан, которых Проведение, несомненно, наделит особенным административным гением»[41].

На фоне давления Лондона на Порту в вопросе реализации программы реформ в Македонии произошло обострение англо-турецких отношений и в других стратегически значимых регионах. В начале 1906 г. Англия и Турция оказались на грани военного столкновения из-за египетской границы на Синае[42]. Британским комитетом имперской обороны даже прогнозировались совместное выступление Германии и Османской империи против Англии на Востоке и их наступление на Египет[43]. При таком сценарии развития событий Великобритания не просто утратила бы стратегическую инициативу, но под ударом оказались бы ее имперские коммуникации. Возможный германо-турецкий альянс привел бы к силовому дисбалансу на Ближнем Востоке, выражавшемуся в асимметричном усилении позиций Германии в регионе.

Помимо традиционных для османской дипломатии маневрирования и игры на противоречиях великих держав, Порта прибегала к другому проверенному оружию, которое имелось в ее арсенале: предоставление экономических и военно-политических привилегий державам, поддерживавшим турецкое правитель-

* Джингоизм — шовинистический национализм в англо-саксонских странах.

ство на международной арене. В частности, султан, по словам британского посла в Турции Н. О'Конора, обусловил получение Англией концессии на продление железнодорожной линии Смирна-Айдын отказом Лондона от проведения финансовой реформы в Македонии[44]. Как доносил в своем секретном письме российский поверенный в делах в Константинополе А.Н. Свечин, немцы поощряли сопротивление турок английским требованиям[45].

Другой яркой иллюстрацией неуступчивости Порты были переговоры, которые она вела с английской стороной об аренде одного из островов в Красном море (о. Фарасан). Этот остров, как заявляли англичане, они собирались передать в распоряжение Японии, нуждавшейся в морской станции. Причем, возглавивший в 1906 г. Форин оффис Э. Грей уверял турок в том, что Англия воспользуется станцией лишь в случае *наступления casus foederis* в соответствии с англо-японским союзным трактатом 1902 г.[46]. Как стало известно российскому послу в Константинополе И.А. Зиновьеву, Порта увязывала учреждение морской станции в Красном море с отказом англичан от их настойчивости в вопросе подчинения судебных структур Македонии иностранному контролю. Султан, что примечательно, рассчитывал на посредничество в этом деле японцев, которые должны были склонить Грея «к более умеренному образу действий» в Македонии. Но британский статс-секретарь по иностранным делам решительно отверг какую-либо связь между македонскими реформами и арендой острова Фарасан, ибо Англия, по его утверждению, была ответственна за сохранение мира на Балканах[47].

Неблагоприятное для Лондона соотношение сил на Ближнем Востоке свидетельствовало о том, что ставка на дестабилизацию Османской империи и интернационализацию ее внутриполитических проблем не позволяла решить насущную проблему британской внешней политики – воспрепятствовать возрастанию и укреплению германского влияния в этом регионе. Более того, британское правительство и общественные организации, ратовавшие за европейское вмешательство во внутренние дела Османской империи, лишь толкали ее в объятия рейха. Противовесом эвентуальному германо-турецкому тандему явилось бы сотрудничество с Россией, для которой турецко-германский союз

и германское доминирование в регионе затрудняли реализацию ее внешнеполитических интересов на Ближнем Востоке, в частности установление контроля над Проливами. Поскольку между Лондоном и Петербургом существовали глубокие противоречия в Азии и процесс их урегулирования был долгим и сложным, несмотря на заключение Антанты в 1907 г., тенденция англо-русского сближения в наибольшей степени проявилась на Балканах. Так, влиятельный британский журналист Дж. Гарвин писал о расширении географии англо-русского «согласия», его распространении на Европу, наглядным подтверждением чего стало свидание Николая II и Эдуарда VII в Ревеле в июне 1908 г.[48]. Достижение сторонами консенсуса по вопросу македонских реформ во время ревельской встречи оценивалось современниками как «событие исторического масштаба, поскольку впервые за сотню лет Англия и Россия, при полной поддержке Франции, смогли договориться о принципах решения Восточного вопроса»[49]. В свете этого компромисс по македонской проблеме казался первым шагом на пути консолидации англо-франко-русской Антанты.

Подводя черту под нашими рассуждениями, мы можем констатировать, что британский подход к македонскому вопросу отличался гибкостью и вариативностью. В изменившихся мирополитических реалиях, перед лицом новых международных вызовов Лондон смог преодолеть стереотипы, определявшие его ближневосточную политику на протяжении большей части XIX века: поддержание территориальной целостности Османской империи, что предполагало «замораживание» центробежных тенденций в ее балканских вилайетах, и противостояние с Россией. Конечно, будет преувеличением говорить о том, что Великобритания сделала разворот от Realpolitik в сторону более либерального внешнеполитического курса, покоившегося на незыблемых гуманистических устоях, или же перестала рассматривать Россию как серьезного внешнеполитического соперника, несмотря на существование англо-русской Антанты. Политика Форин оффис по-прежнему отличалась известным прагматизмом, принявшим на этот раз форму моральной критики османской администрации в Македонии, тесного взаимодействия с общественными организациями, служившими инструментами

британского влияния в регионе, а также участия в проведении преобразований в мятежных вилайетах в рамках «европейского концерта», которым Лондон стремился незаметно дирижировать. Если переложить политику Великобритании в отношении национально-освободительного движения в Македонии на язык современной теории международных отношений, то Лондон пытался использовать внешнеполитический ресурс «мягкой мощи», но в реалиях начала XX века его возможности оказались весьма ограниченны. Вместе с тем руководство британской дипломатии сумело зафиксировать важный тренд того периода: национально-освободительные движения и национальные устремления малых балканских стран, как продемонстрировали кризисы, разразившиеся на Балканах в преддверии Великой войны, действительно, стали фактором мировой политики.

Примечания

1 *Steed H.W.* Through Thirty Years, 1892–1922: A Personal Narrative. Vol. I. New York, 1924. P. 199.

2 *Marder A.J.* The Anatomy of British Sea Power. A History of British Naval Policy in the Pre-Dreadnought Era, 1880–1905. N.Y., 1940. P. 153–154.

3 Ibid. P. 155–156.

4 Ibidem.

5 Ibid. P. 272–273.

6 The National Archives, Kew (далее — TNA). CAB 38/2/6. Report of the Conclusion arrived on the 11th February in reference to Russia and Constantinople. 14.02.1903.

7 *O'Conor N.* Notes from Constantinople. The Political Diary of Sir Nicholas O'Conor, Britain's Ambassador to the Porte, 1898–1908 / Ed. by J. Burman. Istanbul, 2010. P. 42.

8 Извештаи од 1903–1904 година на австриските претставници во Македонија. Скопје, 1955. С. 41.

9 *Brailsford H.* The Macedonian Revolt // The Fortnightly Review. Vol. 74 (September 1903). P. 440.

10 *Pribram A. (ed.).* Secret Treaties of Austria-Hungary, 1879–1914. Vol. I. Cambridge: Harvard University Press, 1920. P. 189–191.

11 British Documents on the Origins of the War (далее — BD) / Ed. by G.P. Gooch and H. Temperley. Vol. V. London: Stationery office, 1928. P. 51–53 (Project for reforms in Macedonia, 17.02.1903).

12 Сборник договоров России с другими государствами. М., 1952. С. 329–332.

13 Там же.

14 Die große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914 (далее — GP). Bd. XVIII (1). № 5586. Richthofen an Marschall. 24.08.1903; Documents diplomatiques français

relatifs aux origines de la guerre de 1914 (далее — DDF). 2 sér. T. 3. № 438. Bihourd à Delcassé. 22.09. 1903; *O'Conor N.* Op. cit. P. 219.

15 GP. Bd. XVIII (1). № 5587. Marschall an das Auswärtige Amt. 25.08.1903.

16 *Попов Р.* Германия и българо-турските отношения (1902–1904) // Великите сили и балканските взаимоотношения в края на XIX и началото на XX в. София, 1982. С. 222.

17 GP. Bd. XVIII (1). № 5617. Marschall an das Auswärtige Amt. 16.10.1903.

18 The Times. 17.08.1903.

19 *Chéradame A.* La Macedoine; Le chemin de fer de Bagdad. Paris, 1903. P. 369.

20 Ibid. P. 389.

21 *Bérard V.* Pro Macedonia: L'action austo-russe. — Les bombes de Salonique. — Le memorandum bulgare. — Une action anglo-franco-italienne. — Aux Hellènes. Paris, 1904. P. 33.

22 DDF. 2 sér. T. 3. № 32. De Montebello à Delcassé. 17.01.1903.

23 Реформы в Македонии. Т. 2. Спб., 1906. № 4. Сообщение великобританского посла в Вене. 19.09.1903.

24 DDF. 2 sér. T. 3. № 431. Geoffray à Delcassé. 16.09.1903.

25 Hansard's Parliamentary Debates. 1904. Vol. 129. Col. 40.

26 The Times. 1903. Septembre 19; Affaires de Macédoine, 1903–1905. Paris, 1905. № 37.

27 См. подробнее: *Gladstone W.E.* Bulgarian Horrors and Russia in Turkistan, with Other Tracts. Leipzig, 1876.

28 Hansard's… Col. 123.

29 Только за август 1903 г. Балканским комитетом было организовано более 200 публичных лекций по македонской проблеме в различных городах Великобритании // Manifestations franco-anglo-italiennes. Pour l'Arménie et la Macédoine. Paris, 1904. P. 222.

30 The Times. 25.01.1904.

31 *Graves R.* Storm Centers of the Near East. Personal Memories 1879–1929. London, 1933. P. 201.

32 British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Ser. B. Pt. I Vol. 19. University Publications of America, 1985. Doc. 51. P. 219. Macedonian question. Memorandum by A. Parker. 8.12.1904.

33 *Graves R.* Op. cit. P. 214.

34 *Grogan E. F.B.* The Life of J.D. Bourchier. London, 1926. P. 110.

35 TNA. FO 78/5295. № 219. Elliot to Lansdowne. 9.09.1903.

36 Ottoman Diplomatic Documents on the Origins of World War One. Vol. IV (The Macedonian Issue). Pt. 1 // Ed. by S. Kuneralp and G. Tokay. Istanbul: Isis Press, 2011. № 899–900. P. 466–467.

37 BD. Vol. V. № 10. Bonham to Lansdowne. 18.04.1903.

38 *O'Conor N.* Op. cit. P. 216.

39 Ibid. P. 48–49.

40 Архив внешней политики Российской империи. Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 52. Л. 277–278. Секретное письмо Н.В. Чарыкова В.Н. Ламздорфу. 5.05.1903.

41 Цит. по: *Wasti S.T.* Halil Halid: Anti-imperialist Muslim Intellectual // Middle Eastern Studies. 1993. Vol. 29. № 3. P. 564.

[42] См. подробнее: *Burman J.* British Strategic Interests versus Ottoman Sovereign Rights: New Perspectives on the Aqaba Crisis, 1906 // The Journal of Imperial and Commonwealth History. 2009. Vol. 37. №. 2. P. 275–292.

[43] TNA. CAB 38/12/42. A Turco-German invasion of Egypt: Note by Sir John French. С 1882 г. Египет находился под британской оккупацией.

[44] *O'Conor N.* Op. cit. P. 278–280.

[45] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 559. Оп. 1. Д. 13. Л. 1. Секретное донесение А.Н. Свечина 5 (18) августа 1906 г.

[46] ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 41. Л. 7. Весьма секретная депеша И.А. Зиновьева 26 июля (8 августа) 1907 г.

[47] Там же. Л. 13–13 об. Депеша И.А. Зиновьева (весьма секретно). 10 (23) октября 1907 г.

[48] *Calchas (Garvin J.).* The Triple Entente // The Fortnightly Review. 1908. Vol. 84. P. 27.

[49] Ibid. P. 28.

DOI 10.31168/7576-0478-7.14

Татьяна Викторовна
ВОЛОКИТИНА

Из истории послевоенного территориального урегулирования: болгарская составляющая «греческого вопроса». 1944–1946 гг.*

На завершающем этапе Второй мировой войны одной из центральных в отношениях между участниками антигитлеровской коалиции являлась проблема послевоенного мирного урегулирования и её важнейшая территориальная компонента: вопрос о государственных границах. На Балканах в результате неоднократных переделов территорий и изменений состава населения накопилось немало спорных вопросов, и поныне кое-где отзывающихся громким, а подчас и грозным эхом. Ведь границы — это не только географическое понятие, определяющее разграничение различных территорий, но ещё и историческая память народов о прошлых угрозах и нанесенных при территориальном размежевании обидах. В этом участвовали и великие державы, интересы которых переплетались и сталкивались в указанном регионе. Думается, правы исследователи, утверждающие, что «на Балканах нет ни одной государственной границы, которую два соседних государства могли бы считать справедливой. Скорее всего, все границы являются или компромиссом сторон, или результатом отсутствия выбора у одной из них»[1]. Данное обстоятельство способствует появлению феномена фантомных границ, когда в представлениях общества государственная территория видится в уже не существующих, более «справедливых» конфигурациях и вызывает ностальгию по утраченным землям и былому, действительному или мнимому, величию государства[2].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии, проект № 20-59-18004.

Это убедительно иллюстрирует и история Западной Фракии — одной из невралгических, конфликтогенных точек на Балканах, объекта взаимных территориальных претензий и споров, неоднократно заканчивавшихся военными столкновениями. В конце Второй мировой войны Западная Фракия стала существенным аспектом территориального урегулирования, важной составляющей «греческого вопроса» и болгаро-греческих отношений.

Небольшая, всего около 9 тыс. кв. км, территория Западной Фракии находится на северном побережье Эгейского моря (его болгары нередко и сегодня, как и столетия назад, называют Белым морем), в междуречье Месты (греч. Не́стос) и Марѝцы. Построенная в 1870 г. железная дорога связала пристань Дедеагач* с турецкими Одрином (Адрианополем) и Стамбулом (Константинополем) и греческими Фессалониками (Солунь). Восточнее р. Марицы проходит граница с Европейской Турцией (Восточная Фракия), западнее р. Месты до р. Струмы (греч. Стримо́н) простирается территория греческой Восточной (Эгейской) Македонии, а с севера Западную Фракию ограничивают отроги Западных Родоп, по хребтам которых проходит граница с Болгарией. Западная Фракия и Восточная Македония образуют историко-географическую область Беломорье, которая традиционно являлась объектом геополитических устремлений балканских государств и важным компонентом Восточного вопроса. Для болгар владение пристанью (портом) Дедеагач, означавшее прямой выход в Белое море, являлось мечтой нескольких поколений.

В прошлом Беломорье характеризовалось значительной этнической чересполосицей: на этой территории с давних времен соседствовали турки, греки, болгары, армяне, албанцы, пома́ки (болгары-мусульмане), евреи, ро́мы (цыгане), аромýны (арумыны, македо-румыны), причем, если религиозную принадлежность ещё можно было хотя бы частично установить по турецким переписям населения, то статистика этнического состава территории отсутствовала.

С конца XIX в. на турецкую часть Фракии претендовали Болгария и Греция. При этом столкнулись две «Великие идеи» —

* Современное название города и порта — Александруполис.

Беломорье:
Западная Фракия и Восточная Македония

болгары мечтали об «идеальном отечестве», государстве двух морей — Чёрного и Эгейского, а греческая «Мега́ли идеа» преследовала цель создать «Великую Грецию»: реставрировать Византийскую империю со столицей в Константинополе и с Эгейским морем в качестве «внутреннего озера».

В соответствии со Сан-Стефанским проектом, часть Беломорья с выходом в Эгейское море предполагалось закрепить за Болгарией: хотя Западная Фракия с Дедеагачем оставалась турецкой, но Болгария получала порт Кавала в греческой Восточной Македонии. Берлинский конгресс разрушил надежды болгар на реализацию «Великой идеи». Однако с того времени «Сан-Стефанская Болгария» прочно утвердилась в политическом сознании болгарина, превратившись в «священную корову» болгарского национализма[3].

Первая Балканская война (октябрь 1912 г. — апрель 1913 г.), в которой объединившие свои усилия Болгария, Сербия, Черногория и Греция одержали победу над Османской империей, принесла Болгарии значительное приращение территории. По Лондонскому мирному договору от 30 мая 1912 г. в пределы Болгарии были

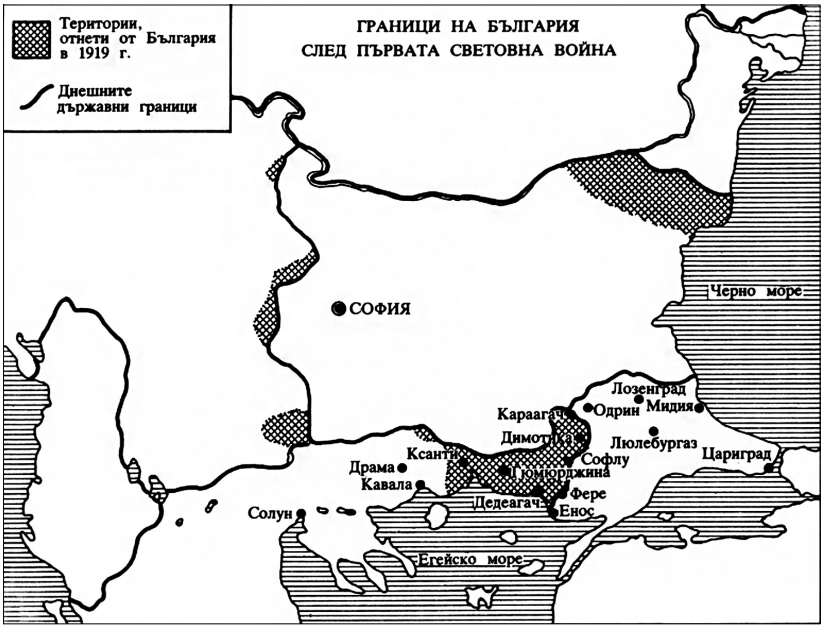
включены междуречье Струмы и Марицы, то есть Беломорье, почти вся Македония, значительная часть Восточной Фракии. Порты Кавала и Дедеагач стали болгарскими[4]. Однако Вторая Балканская (Межсоюзническая) война в июне-июле 1913 г., вызванная намерением балканских союзников провести новый дележ территорий, закончилась стремительным разгромом Болгарии. Подписанный в Бухаресте 10 августа мирный договор передал Румынии Южную Добруджу, разделил историческую Македонию между Сербией, Болгарией и Грецией, лишил Болгарию почти всей Восточной Фракии. Незначительная часть Западной Фракии с Дедеагачем всё же осталась за болгарами[5].

Принятые решения лишь частично и временно сняли остроту территориальных вопросов, и геополитические расчеты балканских государств вполне объективно оценивались современниками. Секретарь российского посольства в Японии князь Л.В. Урусов записал в середине сентября 1914 г. в своем дневнике: «…Возрожденная Греция нелицемерно тянется по Эгейскому морю на Босфор воскресить угасшую Византию…», «Болгария вовсе не прочь наложить свою мужицкую лапу на Конст[антинополь], являющийся естественным завершением её территориальных притязаний», «…не будет вовсе странным, если Болгария… очутится вновь под стенами Адрианополя»[6].

Во время Первой мировой войны перспективы территориальных приращений Болгарии определялись политическим выбором страны, присоединившейся в сентябре 1915 г. к Тройственному союзу. Первоначальные успехи болгарской армии на Салоникском фронте летом 1916 г. рассматривались в Софии как реванш: болгарская армия оккупировала всё Беломорье. Настроения эйфории усилила победоносная «Добричская эпопея» — разгром русско-румынских войск в сентябре 1916 г. и занятие болгарами Добруджи вплоть до устья Дуная[7].

Однако поражение блока Центральных держав, завершившееся подписанием 27 ноября 1919 г. Нёйиского мирного договора, лишало Болгарию приобретенных территорий. Южная Добруджа перешла к Румынии, Западная Фракия — к Греции. Молодое, созданное в декабре 1918 г. Королевство сербов, хорватов и словенцев получило так называемые Западные окраины — населенные

преимущественно болгарами приграничные районы с городами Цариброд, Босилеград, Струмица и земли по течению правого притока Дуная — р. Тимок в районе болгарского г. Кула. Общие территориальные потери Болгарии составили более 11 тыс. кв. км.



Вместе с тем Нёйиский договор предусматривал предоставление Болгарии «свободного *экономического* (здесь и далее курсив мой. — *Т. В.*) выхода» в Эгейское море (ст. 48). Это подтвердил и подписанный союзниками в августе 1920 г. Фракийский договор с Грецией[8]. Болгария получала право пользоваться свободной зоной в порту Дедеагач (ст. 5) и ведущей к нему через греческую территорию железной дорогой (ст. 4). Однако София не признала такое решение, как не обеспечивавшее реального права на *свободный (то есть территориальный)* выход в Эгейское море. Фракийский договор не был ратифицирован и главными союзными державами. Подписанный позднее специальный протокол Лозаннской конференции 1922–1923 гг. отклонил возможность «прирезки Болгарии куска турецкой территории» для выхода

в Эгейское море и оставил Западную Фракию у Греции, а Восточную — до р. Марица — у Турции. Попытка устроителей конференции ограничиться статьями Фракийского договора о «свободной зоне» (прибрежной полосе Эгейского моря шириной 3 км и глубиной 1 км), предоставляемой в аренду на 99 лет, была отвергнута болгарами, настаивавшими на превращении Западной Фракии в автономную область под международным управлением. В Софии считали такой вариант единственной гарантией получения территориального доступа к морю. Однако сопротивление англичан (особенно жесткую позицию занял в Лозанне министр иностранных дел Великобритании Джордж Керзон) сделало своё дело: болгарская делегация во главе с премьер-министром Александром Стамболийским покинула конференцию[9]. Таким образом, в отношении Болгарии Версальская система под предлогом «стратегической безопасности» и «экономической целесообразности» фактически закрепила принцип наказательной аннексии, который и в будущем, после Второй мировой войны, окажется для западных союзников определяющим при решении вопроса о болгарских претензиях на Западную Фракию.

Мюнхенское соглашение 1938 г. обострило территориальные проблемы. В ноябре 1938 г. София открыто поставила вопрос о ревизии границ с Румынией и Грецией. Стараясь обезопасить свои сухопутные границы с Турцией, Югославией, Албанией и Болгарией, греки быстрыми темпами завершали начатое в 1936 г. сооружение оборонительного вала — «линии Метаксаса» протяженностью 300 км и включавшего 21 автономный форт. Наиболее укрепленный участок длиной в 200 км приходился именно на болгаро-греческую границу, а один из самых оборудованных фортов — Истибей находился всего в 250 м от неё[10].

Основания для беспокойства у греческого правительства, действительно, имелись. В одной из справок 2-го Западного отдела НКИД СССР, датированной ноябрем 1938 г., подчеркивалось, что Болгария не претендовала «на все старые владения, отошедшие к Греции», но намеревалась вернуть себе порт Дедеагач и «прилегающую [к нему] узкую полосу территории»[11]. Удовлетворение указанных территориальных требований становилось непременным условием нормализации болгаро-греческих отношений.

В развернувшемся между Германией и Советским Союзом зимой 1940 г. «сражении» за Болгарию территориальные претензии Софии, в том числе обеспечение выхода в Эгейское море, заняли значительное место с точки зрения общей стратегии безопасности СССР[12]. Однако советская сторона проиграла это «сражение», и 1 марта 1941 г. Болгария примкнула к Тройственному пакту, что, естественно, изменило геостратегическую конфигурацию Балкан.

Союз с гитлеровской Германией неизбежно превращал Болгарию в соучастника фашистской агрессии. Уже в апреле 1941 г. с её территории германские войска нанесли удары по Греции и Югославии, в то время как болгарские части, обеспечивая охрану болгаро-турецкой границы, прикрывали тыл германской армии на юго-востоке. Тогда же был сформирован болгарский оккупационный корпус в Сербии численностью до 23 тыс. штыков, что позволило высвободить часть немецких войск и перебросить их на Восточный фронт. В конце ноября 1941 г. последовало присоединение Болгарии к Антикоминтерновскому пакту, а в декабре по требованию Берлина — объявление войны США и Англии. Болгария стала южным стратегическим плацдармом и надежным тылом Германии, что впоследствии сыграло важную роль при определении судьбы страны.

После завершения балканской кампании вермахта 1941 г. болгарские войска вступили в принадлежавшие Югославии и Греции Вардарскую Македонию, Западную Фракию и на Западные окраины (последние София считала болгарскими землями). На оккупированных территориях начала действовать временная болгарская администрация. Учитывая передачу Румынией в сентябре 1940 г. Южной Добруджи и последовавший за этим обмен нацменьшинствами[13], территория Болгарии увеличилась наполовину, а численность населения возросла на треть. Царь Борис III, добившийся подобного результата мирным путем, приобрел в глазах нации имидж «царя-объединителя».

Исследовавшая эти сюжеты Е.Л. Валева (1952–2017) отметила, что ревизия Нёйиского мирного договора вызвала в болгарском обществе небывалую эйфорию: возрождалась «Великая Болгария», простирающаяся «от моря до моря». Современники

событий вспоминали о массовом энтузиазме населения, «состоянии опьянения» от мысли, что справедливость наконец-то восстановлена. Лишь незначительная часть общества испытывала тревогу за будущее, а кое-кто даже угрызения совести за немецкий «подарок», в целом же все — «от крайних националистов до коммунистов — были довольны результатами, которые… принес [болгарам] “новый порядок” Гитлера на Балканах»[14].

Позиция Афин была в этих условиях вполне предсказуемой. Вопрос о возвращении утраченной территории лег в основу греческих территориальных требований. Диапазон их, однако, расширился на завершающем этапе Второй мировой войны, когда «греческий вопрос» стал переходить в практическую плоскость и находившееся в эмиграции национальное правительство начало размышлять об обеспечении «стратегической безопасности» страны в будущем. Хотя «Великая идея» перестала быть движущей силой внешней политики Греции ещё в начале 1920-х годов, её отголоски слышались и впоследствии и влияли на формулирование если не внешнеполитической программы в целом, то конкретных территориальных требований греков к соседним балканским странам.

Историки единодушно признаю́т, что к исходу военного противостояния главные союзники по антигитлеровской коалиции уже оформили основные направления своей балканской политики. Великобритания следовала традиции геостратегического соперничества с Россией, зародившейся ещё во времена Екатерины Великой. Установление контроля в Восточном Средиземноморье, защита морского пути в Индию рассматривались в Лондоне как ключ к безопасности Империи. Стратегическая цель США также заключалась в недопущении «русских» в этот, по оценке американцев, «огромной важности в экономическом и стратегическом плане» регион[15]. (Позднее современник событий, влиятельный американский журналист-международник Уолтер Липпман объяснит интерес США к Греции и Турции, помимо «демократического ореола» этих стран, ещё и тем, что «они представляют собой стратегические ворота, ведущие в Чёрное море, к сердцу Советского Союза»[16].) Не будем забывать и о том, что в то время под влиянием крупных наступательных победоносных операций

Красной армии в Европе уже формировалась западная стратегия «сдерживания коммунизма». Советская сторона, в свою очередь, готовилась к жесткому противостоянию, рассчитывая на обретение выхода России в «теплые моря». Однако наличие у руководства ведущих держав приоритетных задач и принципов действия общего характера отнюдь не исключало эволюции политических курсов и изменения подготовленных ранее «сценариев». Элемент неожиданности, действий «по ситуации» бывал весьма значительным и требует от исследователя внимательного учета.

Принципиальная позиция Москвы по территориальным вопросам начала оформляться задолго до вступления войны в заключительную фазу. 30 декабря 1941 г., комментируя визит в Москву министра иностранных дел Великобритании Антони Идена, лондонская «The Times» писала, что на встречах дипломата с И.В. Сталиным обсуждалось «множество важных и полезных тем», связанных *с послевоенным* временем[17]. И действительно, уже на первой встрече 16 декабря Сталин изложил Идену свою «схему реорганизации европейских границ после войны»[18], вошедшую в общих чертах в проект Дополнительного секретного протокола, тогда же предложенный англичанам[19]. «Схема» свидетельствует о том, что в Москве в конце 1941 г. не просто были определены перспективы раздела послевоенной Европы, включая Балканы, на советскую и британскую сферы ответственности, но и проработаны некоторые конкретные детали. И этот факт, судя по всему, оказался для Идена неожиданностью. Министр был вынужден признать, что проблемами послевоенного миропорядка британское правительство «всерьез не занималось» и «здесь оно далеко отстало от Советского правительства»[20]. Эмоциональную оценку Идена подтвердил известный исследователь Второй мировой войны английский историк Дэвид Дилкс, отметивший, что уже тогда «русские точно сформулировали свою политику и… уверенно её проводили»[21].

Сталинские намерения относительно корректировки послевоенных границ были в значительной степени продублированы в январе 1944 г. в записке руководителя Комиссии НКИД СССР по возмещению ущерба, нанесенного гитлеровской Германией, И.М. Майского наркому иностранных дел В.М. Молотову. Рас-

сматривая вопросы границ на Балканах — «в одном из наиболее взрывчатых углов Европы», Майский особо подчеркнул, что здесь территориальные и иные мероприятия сложны, деликатны и требуют при их проведении осторожности, учета не только региональных противоречий, но и политики других держав, в первую очередь Англии. Конкретизируя этот вывод, Майский, в частности, указал, что СССР заинтересован в Греции «гораздо меньше, чем в других балканских странах», а Англия, наоборот, «чрезвычайно заинтересована». Старая граница Греции должна быть восстановлена. Болгария возвращает Греции и Югославии все аннексированные земли, возможно, кроме Дедеагача. (Удержание Дедеагача Болгарией в случае заключения пакта о взаимопомощи между Софией и Москвой «могло бы представлять интерес для СССР».) А его потерю, полагал Майский, можно будет компенсировать переходом к Греции Додеканезских островов*, и это Греция, безусловно, заслужила своей героической борьбой против итальянцев и немцев[22].

Летом 1944 г., когда на повестку дня выдвинулся вопрос о выходе Болгарии из войны, в дипломатических ведомствах союзников внимательно анализировались отношения между балканскими соседями. В поле зрения экспертов оказались и Греция с Болгарией. Так, в справке IV Европейского отдела НКИД СССР от 5 июля указывалось, что в Болгарии отношения к Греции «крайне напряжены и направлены на создание атмосферы подлинной ненависти… Настойчивые утверждения греков об актах большой жестокости по отношению к греческому населению в оккупированных районах, хотя и страдают преувеличениями, несомненно, не лишены оснований»[23]. О «глубоком традиционном антагонизме, существующем между болгарским, греческим и югославским народами» говорилось и в проекте условий капитуляции Болгарии, представленном американской стороной в Европейскую консультативную комиссию** 26 июля 1944 г.

---

* Додеканезские острова (Додеканес) — архипелаг в юго-восточной части Средиземного моря, вблизи от побережья Турции. Включает не менее 17 обитаемых островов (самый крупный — о. Родос). До 1912 г. архипелаг входил в состав Османской империи (санджак Родос), в 1912–1947 гг. принадлежал Италии.

** Европейская консультативная комиссия (ЕКК) была создана по решению Московской конференции министров иностранных дел Великобритании, Советского

Болгарская репутация «запятнана незаконным захватом» югославской (Вардарской) Македонии, греческой Восточной Македонии и Западной Фракии, и притязания Болгарии на эти земли «неосновательны», подчеркивалось в документе[24].

Позиция болгарского правительства была изложена на чрезвычайной сессии Народного собрания, открывшейся 17 августа 1944 г. и ставшей, по оценке американских дипломатов, поворотным пунктом во внешней политике страны. Премьер-министр Иван Багрянов заявил, что правительство будет стремиться к заключению мира с Великобританией и Соединенными Штатами, поскольку болгарский народ никогда не желал вмешиваться в конфликты между великими державами. Итог развернувшихся в парламенте дебатов подвел министр иностранных дел Пырван Драганов. Признав объявление Софией войны Великобритании и США в декабре 1941 г. «ошибкой», а оккупацию болгарами сербских земель «неприятной полицейской обязанностью», Драганов подчеркнул, что на сербские земли болгары не претендуют, но надеются на удержание за собой Беломорья (Западной Фракии и Восточной Македонии). Комментируя результаты парламентской сессии, американский генеральный консул в Стамбуле Бартон Берри указал на традиционные расчеты болгар получить выход в Эгейское море и расценил речь Драганова как «прощальный жест [болгар] в отношении стран Оси и предложение о мире с союзниками»[25].

Понятно, однако, что не только реализация внешнеполитической программы болгарского правительства, но и сама судьба страны, являвшейся сателлитом Германии, напрямую зависели от развития военно-политической ситуации в Европе и геополитических планов союзников по антигитлеровской коалиции. Документы свидетельствуют о большой тревоге британского руководства в связи с «гигантским наступлением русских». Позднее это нашло отражение в мемуарах Черчилля[26], а 4 сентября 1944 г. в присутствии личного врача лорда Чарльза Макморана британский премьер не смог сдержать своих эмоций. В своем

Союза и США (19–30 октября 1943 г.) для выработки совместных решений стран-союзников, членов антигитлеровской коалиции. ЕКК приступила к работе в Лондоне в декабре 1943 г.

дневнике Макморан так передал сказанное его высокопоставленным пациентом: «Боже милосердный! Неужели Ты не видишь, что русские разливаются по Европе, как море. Они захватили Польшу, и ничто их не сдерживает от вступления в Турцию и Грецию»[27]. Близкое к отчаянию состояние Черчилля объяснимо: напомню, что уже произошел 25 августа государственный переворот в Румынии, а к границам Болгарии подходили соединения 3-го Украинского фронта, и всего несколько дней оставалось до событий 9 сентября.

Немецкое командование, понимая, что «потеря» Болгарии отрежет находившиеся в Греции части вермахта, решило, не теряя времени, начать их отвод из страны. Реальная в тех условиях, но крайне нежелательная перспектива захвата власти коммунистическими силами ЭАМ/ЭЛАС*, заставила Лондон приступить к решительным действиям. 12 октября 1944 г. началась операция «Манна»: снятые с действующего итальянского фронта британские части численностью в восемь тысяч военнослужащих десантировались в Греции под предлогом содействия в оказании грекам гуманитарной помощи[28]. В день начала операции «Манна» немецкие части ушли из Афин, и центр столицы начали занимать находившиеся в городе легковооруженные отряды 1-го корпуса ЭЛАС. Исследователи указывают, что немцы, отходя, вели арьергардные бои с греческими партизанами, а англичане никаких военных действий фактически не предпринимали и эвакуации немцев не препятствовали[29]. Главная цель британских войск под командованием генерал-лейтенанта Рональда Скоби заключалась в противодействии силам ЭЛАС.

Большая политика во многом определяла происходившие изменения на оперативных картах, отражая ранее достигнутые секретные политические договоренности между союзниками. 9 октября 1944 г., за несколько дней до операции «Манна», в Москве началась встреча Черчилля со Сталиным, на которой по инициа-

---

* ЭАМ — Национально-освободительный фронт Греции. Создан 27 сентября 1941 г. по инициативе Коммунистической партии Греции. В состав учредителей входили также Социалистическая и Аграрная партии и Союз за народную демократию. Основные цели: полное освобождение страны от немецких оккупантов, создание временного правительства из членов ЭАМ, решение вопроса о форме правления. ЭЛАС — Народно-освободительная армия, созданная в декабре 1941 г. Объединяла левоориентированные партизанские отряды.

тиве британского лидера было достигнуто неформальное «процентное соглашение», обозначившее особые интересы сторон на Балканах. Сталин согласился с желанием Лондона иметь «первое слово» в Греции и стать, таким образом, «руководящей средиземноморской силой». Великобритания получала в Греции 90% своего влияния, признав за СССР такую же долю в Румынии. После трудных переговоров министра иностранных дел Идена и наркома Молотова было закреплено доминирование Советского Союза в Болгарии в соотношении 80:20. В Венгрии и Югославии оно было равным (50:50). Примечательно, что советский интерес к Болгарии и Румынии Молотов объяснил стремлением быть руководящей силой в бассейне Чёрного моря (англичане называли его «озером») и особо подчеркнул, что России «нечего делать в Средиземноморье» и она готова «остаться *на своём* “озере”»[30]. При этом советская сторона склонялась к идее «интернационализации» режима пользования Черноморскими проливами. Поздней осенью 1944 г. при работе над документом «О перспективах и возможной базе советско-британского сотрудничества», датированным 15 ноября, заместитель наркома иностранных дел, руководитель Комиссии НКИД СССР по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства М.М. Литвинов четко определил сущность «интернационализации» как «передачу контроля над Проливами исключительно черноморским державам», что ещё раз объясняло особое внимание Москвы к Румынии и Болгарии. На Балканах к «максимальной сфере интересов Советского Союза» Литвинов отнес Турцию и «славянские страны… полуострова» (Югославию и Болгарию. — *Т. В.*)[31]. Отсутствие в этом раскладе Греции свидетельствовало, что советское руководство признало Грецию «чужой» территорией, и это обстоятельство, в конечном счете, станет и впредь определяющим тактику советской дипломатии в «греческом вопросе», в частности при рассмотрении территориальных претензий Афин. Москва будет стремиться всячески ослаблять позиции Греции как союзницы Великобритании и извлекать максимальную выгоду для стран своей сферы влияния — Болгарии и Югославии. При этом вопрос о том, на чьей стороне находились те или иные страны в годы войны, отступит на задний план.

«Процентное соглашение» отразило попытку достичь геополитического компромисса, и его условия, в общем и целом, стороны выполняли. На конференции Лейбористской партии (11–15 декабря 1944 г.) профсоюзный деятель и будущий министр иностранных дел Эрнест Бевин отметил, что политика Великобритании в отношении Греции «развивается в полном согласии с Советской Россией»[32]. Как отмечал позднее Черчилль, «Сталин никогда не нарушал данного мне слова»[33]. Москва, что называется, закрыла глаза на расширение британского воинского контингента в Греции (к декабрю 1944 г. его численность возросла до 50 тыс. чел.) и прямое участие британских военных в широкомасштабных действиях против ЭЛАС в период так называемой декемврианы (3 декабря 1944 г. — 11 января 1945 г.). Черчилль вспоминал: «Во время шести недель боев против ЭЛАС ни “Известия”, ни “Правда” не упомянули эти события. Но в двух причерноморских балканских странах он [Сталин. — *Т. В.*] следовал противоположной политике. Но если бы я прижал его, он мог бы сказать: “Я не мешаю тому, что вы делаете в Греции. Следовательно, по какой причине вы не даете мне действовать свободно в Румынии?”»[34]. Сам Сталин подтвердил позицию невмешательства в беседе с Георгием Димитровым 19 января 1945 г., отметив беспочвенность надежд «людей ЭЛАС» на то, что «Красная Армия спустится до Эгейского моря»: «*Мы этого не можем делать. Мы не можем посылать в Грецию свои войска…*»[35].

Но это будет сказано позже, а пока находящийся в Москве Черчилль узнаёт о том, что 12 октября освобождены Афины. Находившееся в эмиграции правительство национального единства во главе с Георгиосом Папандреу (старшим) возвращается 18 октября на родину. Вскоре правительство разоружит и распустит ЭЛАС…

К тому времени территориальный аспект «греческого вопроса» уже имел определенную историю. Впервые греческая сторона сформулировала свои территориальные претензии летом 1942 г. в специальном меморандуме, который глава правительства в эмиграции Эммануил Цудерос вручил Государственному секретарю США Кордэллу Хэллу. Указав на четырехкратную неспровоцированную агрессию против Греции в 1913, 1916, 1940

и 1941 гг., греки, ссылаясь на необходимость обеспечения безопасности страны, выдвинули требования передачи им южной части Албании — Северного Эпира и обеспечения выхода в Адриатику, «исправления» границы с Болгарией (переноса её в северном направлении к Родопскому горному массиву), передачи Греции Додеканезских островов в Восточном Средиземноморье и острова Крит[36].

Зимой 1944 г. территориальные претензии греков были зафиксированы на опубликованной в Афинах карте «Великой Греции», согласно которой её территория включала всю Македонию, Албанию, Южную Болгарию и даже Добруджу. Греки считали, что настало время реализации этого плана, который на протяжении XIX века всегда поддерживала Великобритания. Понятно, что и на данном этапе Афины рассчитывали на благосклонность Лондона. Основания для этого имелись. Британская сторона была весьма жестко настроена в отношении Болгарии из-за её «очень плохого поведения» в двух мировых войнах, в частности, из-за жестокостей, творимых в Югославии и Греции, и не желала, по словам Черчилля, чтобы «болгары сидели с союзниками за одним столом»[37]. Публикация вызвала значительный резонанс среди «соседей» и широко обсуждалась на страницах югославской «Борбы» и болгарского «Работническо дело».

В мае 1945 г. началась подготовка Парижской мирной конференции, на которой предстояло выработать мирные договоры с сателлитами Германии. Больше года до ее открытия кипели страсти по поводу установления болгаро-греческой границы. Болгария стремилась обеспечить поддержку своих претензий на часть Западной Фракии, что давало ей реальный выход в Эгейское море. Официальная София не уставала напоминать, что владела Западной Фракией в 1912–1919 гг., что эта территория была обещана Болгарии по Нёйискому мирному договору. Советская сторона высказалась, однако, за небольшие изменения. В Основных положениях советского проекта мирного договора с Болгарией (август 1945 г.) и Объяснительной записке к ним (1 сентября 1945 г.) предлагалось оставить за Болгарией полосу побережья шириной 30–50 км, включая железную дорогу от Свиленграда до порта Дедеагач. Авторы этих документов (среди них был и руководитель

упомянутой выше Комиссии НКИД СССР по вопросам подготовки мирных договоров и послевоенного устройства М.М. Литвинов) привели развернутые исторические, этнические и экономические обоснования своей позиции, хотя прекрасно понимали, что перевесить все доводы мог один-единственный аргумент: недопустимость территориального приращения страны — участницы «Оси» за счет страны, входившей в антигитлеровскую коалицию. В качестве противовеса ожидавшимся возражениям со стороны Великобритании и, понятно, Греции Литвинов выдвигал тезис о возможности будущих трений на Балканах из-за Западной Фракии, а также предложение о компенсации грекам — передаче Додеканезских островов и части болгарской Македонии[38].

Греция, обосновывая свои территориальные требования, исходила из «славяно-коммунистической угрозы с севера» (имелись в виду соседние Болгария, Албания и Югославия). При этом греки Северного Эпира (Южной Албании) объявлялись угнетенным меньшинством, а греки Фракии и Беломорья — жертвами «славянской угрозы»[39]. Греческие официальные лица и пресса проявляли неприкрытую враждебность к соседям. В болгарском министерстве иностранных дел и вероисповеданий в начале июня 1945 г. был подготовлен пространный документ о шовинистических проявлениях в Греции с обильным цитированием газет разных политических направлений. Важно, что информацию из греческих изданий в ряде случаев подтверждали такие официальные лондонские издания, как журнал «Economist» и газета «Manchester Guardian Wilkie», опубликовавшие, в частности, речи регента Греции афинского архиепископа Дамаскина во время его поездки по Северной Греции. Клеймя презрением «так называемых болгар», Дамаскин резко выступил против их «нахального требования» считать себя «совоюющим народом», напомнил о политике болгаризации оккупированных греческих территорий. Западные обозреватели признавали, что эмоциональные речи Дамаскина вызвали сильный патриотический подъем среди греческого населения и взрыв антиболгарских настроений. Сообщалось, в частности, о многочисленных митингах, на которых участники скандировали лозунги: «К оружию!», «На Софию!», «В Пловдив!», «Требуем Великую Грецию!», «Требуем

границу за Струмой!», «Оккупация Болгарии на 55 лет!» и пр.[40]. Обстановку накаляли и призывы греческих газет избавиться от болгар в Эгейской Македонии (их насчитывалось там от 60 до 70 тыс. чел.). Сравнивая болгарское население с «занозой, которая в скором времени загноится», и «раковой опухолью в легких Греции», периодические издания, ссылаясь на принудительное выселение немцев в соответствии с решениями «большой тройки», подчеркивали, что «точно так же следует поступить и со славянами»[41]. В этом антиболгарском хоре не потерялся голос и известного турецкого журналиста Джахида Ялчина. Он напоминал о «зверствах» болгарской армии в Греции и Югославии, пугал соотечественников «славянской агрессией» и требовал гарантий безопасности турецкой и греческой границ от возможного вторжения «славян»[42].

Реакцию болгар на эти появившиеся в прессе материалы нетрудно было предугадать.

В напряженной обстановке великие державы на II сессии СМИД* в Париже весной-летом 1946 г. достигли более-менее согласованной позиции по болгаро-греческой границе: Великобритания выступала за довоенный её вариант, СССР и США не возражали, но оговаривали его предварительный, «условно принятый» характер[43] (позиции обеих сторон предлагалось заслушать непосредственно на предстоящей мирной конференции). Это намечало перспективу будущих дискуссий. Судя по некоторым документам, их исход оценивался и в Москве, и в Софии достаточно пессимистично. 9 мая 1946 г., беседуя в Париже с болгарским посланником Иваном Мариновым, заместитель министра иностранных дел СССР В.Г. Деканозов заметил, что на мирной конференции советская делегация поддержит справедливое болгарское требование выхода к Эгейскому морю, «хотя, конечно, *обстановка неблагоприятна для того, чтобы можно было рассчитывать на положительное решение этого вопроса на самой конференции*»[44].

---

* СМИД — Совет министров иностранных дел СССР, США, Китая, Великобритании и Франции — создан в 1945 г. по решению Потсдамской конференции (июль-август 1945 г.) для подготовки мирных договоров с участниками бывшего фашистского блока и рассмотрения других дел по согласованию с правительствами стран, входивших в Совет.

Этот прогноз подтвердил Сталин 5 июня 1946 г. на встрече в Москве с болгарскими коммунистами Г. Димитровым, В. Коларовым и Тр. Костовым, прибывшими на советско-болгаро-югославские переговоры относительно мирного договора и создания Балканской федерации. СССР, подчеркнул Сталин, как и американцы, не участвовал в установлении болгаро-греческой границы после Первой мировой войны и «не признаёт её как справедливую». Советский лидер посоветовал болгарам: «Требуйте территориального выхода в Белое море, а если не получится, тогда требуйте экономического. У вас есть право требовать территориальный выход, но *сейчас трудно рассчитывать на его получение. Подобные требования можно реализовать только силой. Во всяком случае, вы должны подготовиться на будущее*»[45]. Министр иностранных дел Болгарии Георги Кулишев в беседе с советским посланником в Софии С.П. Кирсановым 7 июня подчеркнул, что территориальное требование болгар облегчило борьбу против греческих притязаний и продемонстрировало болгарской политической оппозиции готовность власти защищать национальные интересы страны, но не более того: «*Я не надеюсь, что в настоящих условиях нам удастся получить выход к Эгейскому морю*»[46].

29 июля 1946 г. в Париже в Люксембургском дворце открылась мирная конференция. На пленарном заседании 3 августа премьер-министр и министр иностранных дел Греции Константинос Цалдарис очертил крупные вопросы, которые предстояло всесторонне рассмотреть на будущих заседаниях: о репарациях за причиненный Греции ущерб, о присоединении к Греции Северного Эпира и об обеспечении безопасности своей страны путем «исправления» границы с Болгарией. Член советской делегации посол СССР в Вашингтоне Н.В. Новиков отмечал, что, «исправляя» границу, греки рассчитывали аннексировать болгарскую Северную Фракию, претендовали на 10% болгарской территории с населением в 300 тыс. чел.[47]. Главный аргумент греческого делегата состоял в невозможности организовать эффективную оборону на узком длинном участке (фактически представлявшем собой полосу) Восточной Македонии и Западной Фракии из-за отсутствия глубокого тыла. Цалдарис взял на себя смелость утверждать, что исход военных действий на северных рубежах Греции в апреле 1941 г. мог

быть иным, если бы греческие войска находились не на северных склонах Родоп, держа оборону, а севернее, в районе Кресненского ущелья на юго-востоке Болгарии (в период Второй Балканской войны греки одержали там победу над болгарской армией)[48].

На заседании 3 августа при рассмотрении процедурных вопросов обсуждалось предложение пригласить на конференцию «пять побежденных стран» — Италию, Болгарию, Румынию, Венгрию и Финляндию. С того момента применительно к ним вводилось новое определение — «бывшие вражеские страны». Официальное решение о приглашении было принято на пленарном заседании Комиссии по процедурным вопросам 8 августа. Тогда же по предложению американского делегата был уточнен порядок их заслушивания в соответствии с «перечнем», озвученным на Потсдамской конференции, — Болгария поменялась местами с Румынией и должна была предстать на заседании третьей по счету после Италии и Румынии.

9 августа 1946 г. приглашение было отправлено в Софию, и 11 августа болгарская делегация прибыла в Париж. Через два дня, 14 августа, началось слушание по болгарскому вопросу. Предполагалось, что с речью на пленарном заседании выступит премьер-министр Кимон Георгиев, но из-за недомогания главы кабинета его заменил Георги Кулишев[49]. Болгарский делегат подробно остановился на участии страны в войне на стороне Объединенных Наций, возражая против определения Болгарии как бывшего сателлита и призывая считать её «совоюющей» страной. Касаясь территориального вопроса (возвращения Западной Фракии), Кулишев привел целый комплекс доводов.

В качестве *этнического* довода он сослался на результаты первой официальной переписи населения этой территории, проведенной в марте 1920 г. под контролем Межсоюзнической комиссии. По её поручению руководил этой акцией управляющий Западной Фракией и делегат Главнокомандующего союзнических войск французский генерал Шарль Шарпи. Кулишев заявил, что, согласно переписи, «господствующим элементом» в Западной Фракии были болгары, тогда как греки занимали лишь третье место, уступив ещё и туркам. Такой расклад ещё не единожды прозвучит на конференции.

Болгарский делегат, однако, был прав лишь отчасти. Из литературы становится ясно, что основанием для вывода о численном преобладании болгар было сообщение ежедневной софийской газеты «L´Écho de Bulgarie» от 4 мая 1920 г.[50]. Однако официальный доклад генерала Шарпи от 6 июня 1920 г. скорректировал приведенные в печати сведения: хотя греки, действительно, оказались в перечне этносов третьими, — из общего населения Западной Фракии, насчитывавшего 204700 чел., на их долю пришлось 56114 «христиан» (нетрудно подсчитать, что это составляло 27,4%); «господствующим элементом» (этносом) оказались турки — 74720 мусульман (36,5%). Болгары стали вторыми: их насчитывалось 65927 чел., в том числе 54079 христиан и 11848 мусульман (всего 32,2%)[51]. Другое дело, что распределялось население крайне неравномерно: в четырех из шести околий Западной Фракии большинство составляли болгары[52]. Ссылка Кулишева на перепись 1920 г. сама по себе показательна, хотя, безусловно, болгарской делегации была известна более поздняя греческая демографическая статистика, отражавшая рост этнической гомогенизации Западной Фракии в результате масштабного и неравноценного обмена населением Турции и Греции.

Предложение об обмене населением по религиозному признаку выдвинула греческая сторона ещё на Парижской мирной конференции 1919 г., а в ходе Лозаннской конференции Греция и Турция 30 января 1923 г. заключили по этому вопросу конвенцию, реализацию которой предстояло начать с 1 мая. Но в Лозанне де-юре было закреплено уже сложившееся реальное положение дел вследствие массовых перемещений населения в ходе греко-турецкой войны 1919–1922 гг. Современные исследователи указывают, что всего около полутора миллиона христиан переселились в Грецию, а полмиллиона мусульман, в основном из Северной Греции (Македонии), — в Турцию. Что касается Западной Фракии, то, согласно предоставленным греческой делегацией данным, в 1923 г. там преобладал греческий этнос (63,6% населения), на долю турок приходилось 30,4%, и лишь 5,4% составляли болгары[53]. Но в Париже эти цифры не прозвучали. Этнический фактор в речи Кулишева был призван подчеркнуть несправедливость некогда принятого в Лозанне решения о передаче Западной

Фракии Греции. В новых условиях он не мог стать определяющим при решении вопроса в пользу Болгарии.

Историческая аргументация болгарской делегации сводилась к тому, что Греция не только отняла после Версаля у болгар часть Беломорья, но и наращивала агрессивные действия против Болгарии. Кулишев напомнил о событиях октября 1925 г., когда очередной инцидент на болгаро-греческой границе едва не перерос в военный конфликт между двумя странами. 22 октября 1925 г. греческие войска под командованием диктатора генерала Теодороса Пангалоса вторглись на болгарскую территорию, действуя против чет ВМРО*. Наступая по фронту шириной 32 км и глубиной 10 км, греческие войска захватили, а затем сожгли 10 болгарских сел, а г. Петрич был, по некоторым сведениям, подвергнут бомбардировке с самолета. Болгарское правительство срочно известило Совет Лиги Наций о нарушении суверенитета своей страны. Собравшись на чрезвычайное заседание, Лига Наций потребовала немедленного вывода греческих войск и возмещения в течение двух месяцев ущерба болгарам в размере 25 млн золотых франков (30 млн левов). Благодаря вмешательству международного органа, отношения между Грецией и Болгарией удалось урегулировать[54].

Обосновывая претензию Болгарии на Западную Фракию и обеспечение выхода в Эгейское море с *экономических* позиций, Кулишев назвал побережье между реками Марица и Места «неделимой частью важной географической и экономической области, которая не только включает всю Южную Болгарию, но простирается и далее на север» и которая «не могла бы жить и развиваться без своего болгарского хинтерланда так же, как и хинтерланд не в состоянии удовлетворять свои хозяйственные потребности без доступа к морю»[55]. Заметим, что если после Нёйиского договора 1919 г. болгарские политики образно сравнивали Беломорье с «легкими», нужными Болгарии, чтобы нормально «дышать», то современная болгарская историография уже ставит диагноз: определяет экономическое значение территории и её отсутствие

* ВМРО — нелегальная Внутренняя македонская революционная организация, была образована в 1919 г. из македонских и фракийских болгар с целью создания независимой Македонии.

в составе Болгарии как «лёгочную недостаточность» (insufficientia pulmonum)[56].

В ответной речи Цалдарис обосновал греческую позицию, подчеркнув миролюбие Греции, отказ от «Великой идеи», принадлежность к Объединенным Нациям и, как и ожидалось, резко критикуя действия страны-сателлита, предъявляющей территориальные требования жертве агрессии[57].

В дальнейшем рассмотрение спорных вопросов было перенесено в специальные комиссии конференции, созданные в первой декаде августа 1946 г. Болгарскими вопросами занимались три комиссии — Военная, Экономическая и Комиссия по политическим и территориальным вопросам по Болгарии. Последняя начала свою работу 17 августа. В неё вошли представители 13 стран, в том числе Белоруссии, Украины, Чехословакии, Югославии, СССР. По предложению англичан возглавил Комиссию министр иностранных дел БССР К.В. Киселёв. Генеральным секретарем делегации СССР и главным от всех «советских» делегаций на конференции был Н.В. Новиков, которого накануне отъезда в Париж лично проинструктировал В.М. Молотов.

Советская сторона подготовила два варианта предложений по Западной Фракии. Они предполагали либо возвращение этой территории Болгарии, либо её «интернационализацию», то есть введение международного управления. Иными словами, допускалась возможность реанимировать старый, времен Лозанны, проект превращения Западной Фракии в автономную область под международным контролем.

В МИД СССР считали, что вариант «интернационализации» этой территории вполне жизнеспособен и имеет больше шансов на успех, нежели передача её Болгарии. Эксперты прогнозировали, в частности, что Соединённые Штаты Америки проявят интерес к своему представительству в структурах управления, что «интернационализация» будет не столь обидной для греков, а для советской стороны она «также более выгодна, чем оставление этой территории в руках Греции»[58].

Проект «интернационализации» планировалось обсудить с американскими представителями, причем наделенный соответствующими полномочиями Новиков должен был предложить

американцам инициировать этот вопрос в Комиссии. В случае их отказа следовало задействовать запасной вариант: предложение об особом статусе Западной Фракии (международном управлении) предстояло внести белорусскому делегату. Далее, после выступлений греческого и болгарского делегатов, согласно советскому сценарию, слово должен был взять представитель СССР с подтверждением прежней позиции о возвращении Западной Фракии болгарам, но и с принципиальным уточнением: учитывая сложившуюся обстановку, Советский Союз готов поддержать также предложение об «интернационализации»[59]. Примечательно, что, как отметил в своем рабочем дневнике посланник СССР в Софии С.П. Кирсанов, болгарские делегаты были готовы согласиться на любой вариант «интернационализации» Западной Фракии и, более того, «уже втянулись в пропаганду этой идеи среди иностранцев». Однако наиболее желательным для Москвы вариантом было всё же возвращение спорной территории болгарам. В связи с этим Кирсанов в беседе с членами болгарской делегации К. Георгиевым, В. Коларовым и Г. Кулишевым 24 августа 1946 г. посоветовал «крепко держаться за своё требование о возращении Западной Фракии. Тогда скорее может родиться какой-либо проект интернационализации»[60]. Совет возымел действие: на заседании Комиссии по Болгарии 2 сентября 1946 г. Коларов предложил внести поправку в статью 1 проекта мирного договора, устанавливавшую границу Болгарии в соответствии с Бухарестским миром 1913 г., то есть, включая часть Западной Фракии. Болгарский представитель подробно обосновал требование возврата этой территории, особо подчеркнув необходимость разрешить, наконец, «открытый вопрос» о выходе Болгарии в Эгейское море и устранить допущенную некогда «вопиющую несправедливость»[61]. Болгарская позиция была остро раскритикована греческим делегатом Панайотисом Пипинелисом. Греков поддержали делегации Великобритании, Южно-Африканского союза, Австралии, Новой Зеландии, а болгар — советская, югославская, чехословацкая, белорусская и украинская делегации. Вопрос явно заходил в тупик…

В этих условиях главный акцент в дискуссии был перенесен с проблемы Западной Фракии на греческий проект «стратеги-

ческого исправления» болгаро-греческой границы. Обсуждение вопроса сразу приняло острый характер.

Югославский делегат Димитр Влахов напомнил, что 18 марта 1946 г. в афинской газете «Ανεξαρτησία» («Независимость») появилась статья премьер-министра Цалдариса под характерным названием «Сигнал к борьбе». Рассматривая вопрос о греческих довоенных границах, Цалдарис охарактеризовал их с точки зрения безопасности. По его мнению, на четырех участках греко-югославской границы безопасность оценивалась как «весьма сомнительная», «проблематичная», «почти никакая» или полностью отсутствующая. Что касается междуречья Месты и Марицы, то есть Западной Фракии, то там, как утверждал Цалдарис, «безопасность [границы] вообще не обеспечена»[62].

Болгарскую позицию обосновал Коларов. В упомянутом выше выступлении 2 сентября 1946 г. он подчеркнул безосновательность греческих требований, отсутствие действительно «стратегических» причин для «исправления границы». Заявив об экспансионистских устремлениях Афин, Коларов указал на желание «увеличить греческую территорию за счет нового куска болгарской земли, на котором нет никакого греческого населения, но где выращивают лучшие сорта табака — главной статьи болгарского экспорта», и тем самым «экономически задушить Болгарию»[63].

6 сентября 1946 г. от имени советской делегации Н.В. Новиков изложил декларацию по вопросу о болгаро-греческой границе. Он подчеркнул, что греческие требования означают «существенную передвижку границы Греции на север». Новой границе, по замыслу греков, предстояло пройти в 95 километрах от столицы Софии и всего в 35 километрах от Пловдива — второго по величине города Болгарии. «…“Стратегические соображения” греческой делегации, — констатировал дипломат, — сводятся, по существу, к тому, чтобы сделать основные экономические и политические центры Болгарии стратегически уязвимыми. … Советская делегация, исходя из вышесказанного, будет возражать против принятия предложений греческой делегации»[64]. Новиков вернулся и к вопросу о Западной Фракии, поддержав болгарскую поправку к статье 1 проекта мирного договора, выработанного на сессиях СМИД. Согласно поправке, границы Болгарии пред-

лагалось установить по состоянию на 1 января 1941 г., за единственным исключением: болгаро-греческая граница должна соответствовать Бухарестскому договору от 10 августа 1913 г., по которому Западная Фракия отходила к Болгарии.

Уже становилась традицией поддержка болгарской позиции «пятеркой» — советской, украинской, белорусской, чехословацкой и югославской делегациями. В пользу греков высказались представители Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, Южно-Африканского союза. Делегаты США и Франции заняли своего рода промежуточную позицию: отказавшись от безоговорочной поддержки Греции, считали необходимым гарантировать ей безопасность. Посол США в Париже Джефферсон Кэффери предложил изучить компромиссный вариант демилитаризации границы с болгарской стороны, посоветовавшись с военными экспертами делегаций[65]. Впоследствии этот совет был воспринят. Таким образом, советский блок выступал за передачу Западной Фракии Болгарии и против «стратегического исправления» границы. О проекте «интернационализации» региона уже и не вспоминали. Другие делегации единодушно выразили противоположное мнение относительно Западной Фракии, но по вопросу о новой границе только Южно-Африканский союз поддержал Грецию. Остальные делегации или проголосовали «против», или воздержались.

Процесс обсуждения в Комиссии по Болгарии осложнился неожиданно возникшим «инцидентом». 13 сентября Пипинелис предложил запросить «компетентное мнение знающих людей», а именно Военную комиссию конференции, о необходимости «стратегической поправки» болгаро-греческой границы в пользу Греции. Расчет греков на поддержку Военной комиссии был очевиден, поскольку в ней были представлены все участники парижской встречи. Однако руководитель Комиссии по Болгарии К.В. Киселёв отказался поставить предложение Пипинелиса на голосование под тем предлогом, что греки якобы нарушили установленный регламент конференции и предоставили свои поправки по статье 1 проекта мирного договора в письменном виде лишь 7 сентября при установленном сроке — 20 августа. Более того, Киселёв дал понять, что предложение греческой стороны не было проработано,

содержало лишь названия нескольких горных массивов — Пирин, Родопы, гора Доспат Даг, хребет Карлык балкан и горная цепь Беш тепе с долиной по течению р. Арда, в районе которых границу предлагалось «исправить». Понятно, что речь шла о весьма приблизительной пограничной линии, в соответствии, как высказался греческий делегат, с рельефом местности. Справедливо возражал против такого подхода югославский делегат Моше Пияде[66].

Бурная дискуссия, затронувшая и юридические вопросы, связанные с регламентом конференции, закончилась тем, что, указав на невозможность прийти к общему мнению и позднее время, Киселёв закрыл заседание и вместе с другими делегатами славянских стран покинул зал. Оставшиеся задержались ненадолго, записав в протоколе заседания, что «председатель [Комиссии] действовал в нарушение решений конференции»[67].

Скандал на заседании, кстати, единственный на конференции, получил широкое освещение в печати. Французские газеты, поместившие на следующий день фотографии Киселёва, пестрели заголовками: «Раскол между Востоком и Западом углубляется», «Пять членов уходят с заседания комиссии на мирной конференции», «Славянский блок прекращает разговоры о Греции», «Инцидент относительно греко-болгарской границы» и пр. Американская «New York Herald Tribune» 15 сентября 1946 г. писала: «Впервые на конференции заседание закончилось таким замешательством и раздражением. Это означает прямой раскол между Востоком и Западом… Поводом к разногласиям является решение вопроса: удовлетворить ли претензии Греции за счет территории Болгарии…»[68].

Чтобы разрядить обстановку, Киселёв был вынужден проконсультироваться с генеральным секретарем конференции Жаком Фук-Дюпарком. Явившись в Комиссию 16 сентября, Дюпарк разъяснил, что 20-м августа ограничивался срок подачи таких поправок к законопроекту, которые предполагали введение новых статей в мирные договоры. Что касается предложения греческой делегации от 7 сентября, то Комиссия вправе рассмотреть его и принять решение.

Начался новый раунд изнурительной дискуссии. Некоторые делегаты выступали по несколько раз. В результате греческая

«стратегическая» поправка не прошла, но вопрос был передан на рассмотрение в Военную комиссию.

В исследованиях Н.Д. Смирновой (1928–2001) и белорусского историка А.П. Салькова указывается, что стороны вполне сознательно, из тактических соображений, затягивали обсуждение, выискивая дополнительные аргументы[69]. Более того, попытка К.В. Киселёва и Н.В. Новикова ускорить темп работы была сразу же пресечена жестким указанием Молотова исправить допущенную «ошибку». «Долгоговорение», по мнению Н.Д. Смирновой, являлось элементом советской тактики[70], предполагавшей максимальное ослабление Греции. В Москве исходили из убеждения, что греческие власти были готовы предоставить свое побережье для базирования американского военно-морского флота в Средиземноморье*, а это означало новую угрозу для безопасности южных районов Советского Союза[71].

Военная комиссия конференции рассмотрела греческое требование об установлении «стратегической» границы 28 сентября. Характерно, что греческая сторона представила на выбор три варианта, но в результате остановилась на минимальном «исправлении» — переносе границы на 15–20 км севернее, в глубь болгарской территории, в зависимости от рельефа местности; Болгария при этом лишалась территории в 2 тыс. кв. км с населением 40 тыс. чел.[72]. По ходу обсуждения, однако, грекам не удалось убедить военных экспертов в необходимости «стратегической» поправки границы. А ироничная реплика советского представителя генерала Н.В. Славина: «Разумеется, греческая безопасность будет усилена, если вся Болгария будет включена в границы Греции», вызвала смех собравшихся, от которого не удержались и сами греки[73].

Итог дискуссии подвел американский делегат бригадный генерал Джесмонд Балмер, предложивший дать следующий ответ Комиссии по Болгарии: «Военная комиссия считает, что любая

---

* Прогноз вскоре подтвердился: в 1951 г. греки создали военно-морскую базу в бухте Су́да на северо-западном побережье о. Крит. База, на рейде которой могли одновременно находиться до 30 военных кораблей, а также имелись ремонтная база и полигон для подводных лодок, использовалась военно-морскими силами Греции и ВМФ США (*Полонский И.* Зачем Греции американские военные базы — topwar.ru/148467-zachem-grecii-amerikanckie-voennye-bazy.html (дата обращения: 12.01.2022).

поправка границы может увеличить или уменьшить возможности обороны конкретной страны, но что подобное решение всегда имеет политические, экономические и этнические мотивы, по которым Военная комиссия не может давать заключения»[74].

Большинством голосов предложение Балмера было принято, и 30 сентября 1946 г. соответствующие документы вернулись в Комиссию по Болгарии. Вместе с тем Военная комиссия пошла навстречу греческой стороне, запретив болгарам строительство военных укреплений севернее болгаро-греческой границы. Это ограничение имело исключительный характер и не налагалось на другие бывшие вражеские страны. Кроме того, в дополнение к уже имевшемуся решению по военно-морскому флоту (запрет иметь подводные лодки, крейсеры, линкоры, штурмовые суда) было отменено право Болгарии иметь и производить торпедные катера. Советская делегация протестовала против этого ужесточения, но безрезультатно.

Ответ Военной комиссии относительно «исправления» болгаро-греческой границы был рассмотрен на заседании Комиссии по Болгарии 1 октября 1946 г. Греческие требования были отклонены большинством голосов. Представитель Великобритании воздержался, а советский и американский проголосовали «против». Таким образом, Комиссия приняла предложение, которое было сформулировано ещё на второй сессии СМИД в Париже весной-летом 1946 г., а именно о неизменности болгарской границы по состоянию на 1 января 1941 г. Это подтвердило и голосование в Комиссии по Болгарии статьи 1 проекта мирного договора, сформулированного «большой четверкой». При этом голоса распределились ещё более убедительно, поскольку «за» высказался представитель Великобритании. Однако на пленарном заседании конференции 14 октября 1946 г. британский делегат изменил мнение — снова воздержался при голосовании по статье 1 и «увёл» за собой группу из 11 представителей. Молотов определил возникшую ситуацию как «искусственную комбинацию» из 12 голосов, «своеобразную игру на голосах» и осудил действия англичан[75].

Это событие не могло не повлиять на общую оценку работы Парижской мирной конференции советской стороной. Молотов

счел её неудовлетворительной. Примечательно, что в подтверждение своего заключения он назвал, помимо прочего, и нерешенный вопрос о болгаро-греческой границе. Вместе с тем советский представитель выразил твердую уверенность, что СМИД «вновь одобрит своё прежнее решение о [её] стабильности» и заверил: «Болгары, будьте спокойны, ваша граница останется непоколебимой»[76].

Правоту Молотова подтвердила третья сессия СМИД, проходившая в Нью-Йорке в ноябре–декабре 1946 г. С ней связан завершающий этап болгаро-греческого территориального урегулирования. Болгарская и греческая стороны направили в адрес сессии специально подготовленные документы: меморандум правительства Болгарии[77] и письмо посла Греции в Вашингтоне Симона Диамантопулоса Генеральному секретарю СМИД Уорнеру Келчнеру[78]. Их содержание в целом не выходило за рамки уже известной позиции Софии и Афин в болгаро-греческом территориальном споре. Но территориальные претензии в Беломорье (Восточной Македонии и Западной Фракии) греческая сторона ещё раз сократила, сведя их к 875 кв. км. Население этой территории, общая численность которого составляла 45 тыс. чел., характеризовалось важной особенностью: в Западной Фракии его большинство — 25 из 30 тыс. чел. — являлись помаками[79]. Они дистанцировались от болгар по вере, а от турок по языку. Это дополнительно осложняло вопрос, но, вместе с тем, открывало болгарской и греческой сторонам возможности для маневра.

На нью-йоркской сессии рассматривались также новые греческий и болгарский меморандумы, соответственно от 3 и 11 ноября 1946 г., однако взаимные претензии сторон вновь были отклонены. Мирный договор с Болгарией от 10 февраля 1947 г. определил границы страны «такими, как они существовали на 1 января 1941 года»[80], то есть до присоединения Болгарии к Тройственному пакту. Что касается действий советской дипломатии, то, по всей вероятности, в то время они отразили предел возможного.

Много позднее, в начале ноября 1978 г., в одной из бесед с В.М. Молотовым поэт и писатель Феликс Чуев (1941–1999), ссылаясь на вопросы болгар, поднял «неудобную» территориальную тему: «Почему после войны мы к ним не присоединили

часть Греции, приморскую область (Беломорье. — *Т. В.*)?» «…Невозможно было, — ответил Молотов. — …Надо знать меру. Это бы расстроило очень многие дела. Англичане и французы выступили бы против. У нас бы сразу получилась раскоряка в начале мирного периода. *Этот вопрос поставили, но было невозможно. …Желательно, но несвоевременно*»[81]. Эта оценка лишний раз подтвердила, что территориальные вопросы на конференции рассматривались под углом зрения «большой политики», оттесняя этнические, исторические, экономические и прочие доводы и, уж тем более, призывы к восстановлению «справедливости».

Итоговые решения сессии СМИД были с недовольством восприняты в Болгарии. Критически высказывалась не только оппозиция, подчеркивая «большие уступки» Молотова англичанам и американцам. Министр иностранных дел Кимон Георгиев выразил в письме Молотову «глубокое огорчение некоторыми несправедливостями» мирного договора, в том числе лишением Болгарии Западной Фракии и выхода в Эгейское море[82].

Однако в интересах объективности следует признать, что за счет сохранения за собой Южной Добруджи Болгария стала единственной из побежденных стран, увеличившей после Второй мировой войны собственную территорию[83].

После Парижской мирной конференции потребовалось время для налаживания отношений между Болгарией и Грецией, в том числе и для практического решения вопросов, связанных с мирным договором. В 1954 г. были восстановлены дипломатические отношения на уровне посольств, улажены пограничные инциденты, восстановлены погранзнаки[84].

В последующие годы вопрос о пересмотре болгаро-греческой границы на официальном уровне никогда не ставился: обе стороны понимали бесперспективность такого шага, к тому же чреватого возникновением взрывоопасной ситуации. Однако, судя по некоторым сведениям, среди болгар ностальгия по старым «справедливым» пограничным рубежам сохранялась. Проявилась она и «на высшем уровне». На пленуме ЦК БКП 11–12 марта 1963 г. болгарский лидер Тодор Живков, подробно изложив историю и современное состояние македонского вопроса и подчеркнув незыблемость болгарских границ, в заключи-

тельном слове констатировал: «Нас (болгар. — *Т. В.*) как нацию разорвали после Берлинского конгресса. Буржуазия говорила об этом в своих шовинистических речах, мы это не должны говорить! Но это факт. Может быть, 30–40% нашей территории и населения оторвали тогда. Трудно мне судить, почему, может быть, не было другого выхода, но в конце Второй мировой войны национальные вопросы только в отношении Болгарии и Албании не были решены… Объединения Болгарии не произошло в силу ряда обстоятельств, предвиденных или непредвиденных. Таково действительное положение. …*Сегодня нет никакой необходимости поднимать эти вопросы и начинать борьбу, потому что ничего мы не получим, но завтра, если что-то случится, мы должны обеспечить себе Западную Фракию и выйти на Эгейское море и в Одринско**. Меня …албанцы считают современным ревизионистом, а сейчас *я стал националистом*»[85]. Вряд ли есть необходимость комментировать сказанное болгарским лидером, но обращает на себя внимание созвучие его слов с приведенной выше рекомендацией Сталина болгарским коммунистам в июне 1945 г. — «подготовиться на будущее».

И в наши дни территориальные потери Болгарии в результате Второй Балканской (1913 г.) и Первой мировой войн прочно закреплены в сознании болгар, как «две национальные катастрофы». Да и в общественных и научных кругах других балканских стран суждения о несправедливости зафиксировавших нынешние реальные государственные рубежи соглашений и договоров отражают живучесть фантомных границ в памяти поколений.

Примечания

1 *Задохин А.Г., Низовский А.Ю.* Пороховой погреб Европы. Балканские войны XX века. М., 2000. С. 250–251.

2 Подробнее см.: *Колосов В.А.* Фантомные границы как феномен в политической географии // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2017. № 5. С. 3–11.

---

* Одринско (болг.), Одринская Фракия или Восточная Фракия — единственное европейское владение современной Турции, составляющее примерно 5% её общей площади. Граничит с Болгарией. Самый крупный город — Одрин (болг.) или Эдирне (тур.), Адрианополь (греч.).

[3] Подробнее см.: *Илчев И.* Мит за Санстефанска България като «Свещена крава» на българския национализъм // История. София, 1995. № 1. С. 55–60.

[4] Лондонский мирный договор [30 мая 1912 г.] // Дипломатический словарь: в трех томах / Гл. редакция — А.А. Громыко, А.Г. Ковалёв, П.П. Севостьянов, С.Л. Тихвинский. Том II. К–Р. М., 1986. С. 164–165.

[5] Бухарестский мирный договор 1913 // Дипломатический словарь: в трех томах… Том I. А–И. М., 1985. С. 163.

[6] Дневники Л.В. Урусова. 1914–1917. Тамбов, 2017. С. 70, 68.

[7] Подробнее об истории военного противостояния русских и болгар в 1916 г. в Добрудже см.: *Каширин В.Б.* Поход в Добруджанскую степь: эволюция замысла, планирование и подготовка экспедиции русских войск за Дунай в 1916 году // Studia balcanica. К юбилею Р.П. Гришиной / Отв. ред. А.Л. Шемякин. М., 2010. С. 139–185.

[8] Фракийский договор 1920 (договор о Фракии) // Дипломатический словарь: в трех томах… Том III. С–Я. М, 1986. С. 519.

[9] *Филчев И.* Тракийският въпрос и тракийското движение в България. София, 2007. С. 186–190.

[10] *Мельниченко Д.* Грецкий орех на границе с Болгарией — URL: warspot.ru/17350-gretskiy-oreh-na-granitse-s-bolgariey (дата обращения: 12.01.2022).

[11] *Сальков А.П.* Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе во внешней политике СССР (1939–1949 гг.). Минск, 2019. С. 548.

[12] Подробнее см.: *Волокитина Т.В.* К истории формирования советской стратегии безопасности в годы Второй мировой войны: сражение за Болгарию // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. По материалам работы круглого стола (г. Воронеж, 10–11 марта 2015 г.). Воронеж, 2015. С. 115–132.

[13] Подробнее см.: *Валева Е.Л.* Возвращение Южной Добруджи Болгарии в сентябре 1940 г. // Славяне и Россия: Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю.А. Писарева / Отв. ред. С.И. Данченко. М., 2017. С. 452–470.

[14] *Валева Е.Л.* На перекрестке геополитических интересов великих держав (1939–1941) // Болгария в XX веке: Очерки политической истории /Отв. ред. Е.Л. Валева. М., 2003. С. 257.

[15] Соперничество СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1944–1947 гг. // Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. / Отв. ред. В.Т. Юнгблюд. Киров, 2014. С. 345.

[16] *Lipptan W.* The Cold War. N. Y., 1947. P. 29; *Васильева Н., Гаврилов В.* Балканский тупик?.. Историческая судьба Югославии в XX веке. М., 2000. С. 202.

[17] Архивы: Визит Идена в Москву и поездка на Восточный фронт — URL: inosmi.ru/history/20120107/181791170.html (дата обращения: 04.11.2021).

[18] *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 37–40.

[19] Там же. С. 52–53.

[20] *Ржешевский О.А.* Война и дипломатия: Документы, комментарии (1941–1942). М., 1997. С. 19.

[21] Цит. по: *Трухановский В.Г.* Антони Иден. Страницы английской дипломатии. 30–50-е годы. М., 1976. С. 235.

[22] Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы: в 2-х томах / Отв. ред. Т.В. Волокитина. Том I. 1944–1948. М., 1999. С. 31–32.

[23] Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 077. Оп. 33. П. 113. Д. 14. Л. 11.

[24] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 34. Д. 405. Л. 7.

[25] Великите сили и България. Том I. Примирието между СССР, Великобритания, САЩ и България (януари — октомври 1944 г.) / Съст. Л. Ревякина, В. Тошкова, Т. Волокитина (далее — Примирието…). София, 2014. С. 117–118.

[26] *Черчилль У.* Триумф и трагедия /Сокр. перевод с англ. под ред. доктора ист. наук А.С. Орлова. М., 2004. С. 117–118.

[27] Цит. по: *Cytowska-Siergrist E.* Stany Zjednochona a Polska. 1939–1945. Warszawa, 2013. S. 305.

[28] WW2 People's War. An archive of World War Two memories — written by the public, gathered by the BBC Timeline 1939–1945. British Expedition to Greece. September 1944 to January 1945 — URL: bbc.co.uk/history/ww2peopleswar/timeline/factfiles/nonflash/a1125136.shtml (дата обращения: 22.12.2021).

[29] Операция «Манна». 1944 — URL: ru.wikipedia.org/wiki/Операция_»Манна»_(1944) (дата обращения: 22.12.2021).

[30] Примирието… С. 274, 276.

[31] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 143. Л. 52.

[32] *Сальков А.П.* Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе… С. 576.

[33] *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии… С. 435–436.

[34] Цит. по: Гражданская война в Греции: декемвриана — URL: warspot.ru/8001-grashdanskaya-voyna-v-gretsii-dekemvriana (дата обращения: 22.12.2021).

[35] *Димитров Г.* Дневник. Март 1933 — февруари 1949. София, 1997. С. 238.

[36] *Калинин А.А.* Греческий аспект послевоенного территориального урегулирования в отношениях СССР и США в 1945–1946 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2018. Т. 18. № 1 (148). С. 186.

[37] *Волокитина Т.В.* Болгарский вопрос и союзники по антигитлеровской коалиции (1941–1945 гг.) // Славяне и Россия: Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю.А. Писарева / Отв. ред. С.И. Данченко. М., 2017. С. 438.

[38] *Сальков А.П.* Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе… С. 579.

[39] Великите сили и България. Том II. Съюзната контролна комисия в България (ноември 1944 — декември 1947 г.). Документи. Втора част / Съст. Л. Ревякина, Т. Волокитина (далее — СКК в България…). София, 2018. С. 655–656.

[40] Там же. С. 650–653.

[41] Цит. по: *Даскалов Г.* Българите в Егейска Македония: мит или реалност. Историко-демографско изследване (1900–1990 г.). София, 1996. С. 254–255.

[42] Централен държавен архив на Република България (далее — ЦДА). Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 3. Л. 68.

[43] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 35. П. 126. Д. 16. Л. 90.

[44] СКК в България… С. 693.

[45] България в секретния архив на Сталин: от правителството на Кимон Георгиев до смъртта на Сталин. Документи, писма, ноти, телеграми, протоколи, стенограми. София, 2005. С. 141.

[46] СКК в България… С. 869.

[47] *Новиков Н.В.* Воспоминания дипломата (Записки о 1938–1947 годах). М., 1989. Электронная версия: URL: militera.lib.ru/memo/russian/novikov_nv2/29.html (дата обращения: 07.01.2022).

[48] *Сальков А.П.* Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе… С. 584–585.

[49] Полный текст речи см.: *Васев Сл., Христов К.* България на Мирната конференция. Париж-1946. София, 1947. С. 46–59.

[50] *Задохин А.Г., Низовский А.Ю.* Пороховой погреб Европы… С. 252.

[51] *Трифонов Ст.* Антантата в Тракия. София, 1989. С. 109.

[52] Там же. С. 110.

[53] Западная Фракия — Western Thrace — star-wiki.ru/wiki/Western_Thrace (дата обращения: 04.01.2022).

[54] Подробнее см.: *Палова М.* Ролята на Обществото на народите за разрешаване проблемите на българското малцинство в Западна Тракия и Егейска Македония (1919–1925) // Известия на катедра «Българска история и археология» и катедра «Обща история» — ЮЗУ «Неофит Рилски». Т. 1. Благоевград, 2003. С. 254, 257–259.

[55] *Васев Сл., Христов К.* България на Мирната конференция… С. 48–54.

[56] См.: *Караганев Р.* България и нейната insufficientia pulmonum или националната кауза за излаз на Бяло море, 1919–1941. София, 2005.

[57] *Васев Сл., Христов К.* България на Мирната конференция… С. 66; *Сальков А.П.* Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе… С. 585–586.

[58] *Смирнова Н.Д.* «Греческий вопрос» на Парижской мирной конференции // Сталин и холодная война. М., 1997. С. 12; *она же.* Вопрос о болгаро-греческом разграничении на международных конференциях (1945–1947 гг.) // България в сферата на съветските интереси (Българо-руски научни дискусии). София, 1998. С. 133.

[59] *Она же.* «Греческий вопрос» на Парижской мирной конференции… С. 13.

[60] *Сальков А.П.* Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе… С. 586.

[61] *Васев Сл., Христов К.* България на Мирната конференция… С. 116.

[62] Там же. С. 151.

[63] Там же. С. 108.

[64] *Новиков Н.В.* Воспоминания дипломата… (Электронная версия).

[65] *Васев Сл., Христов К.* България на Мирната конференция… С. 148.

[66] Там же. С. 158–159.

[67] Там же. С. 161.

[68] Цит. по: *Киселёв К.В.* Записки советского дипломата. М., 1974. Электронная версия:.art-of-diplomacy.ru/books/item/100/s00/z0000007/st006.shtml (дата обращения: 07.01.2022).

[69] *Смирнова Н.Д.* «Греческий вопрос» на Парижской мирной конференции… С. 14; *она же.* Вопрос о болгаро-греческом разграничении… С. 134; *Сальков А.П.* Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе… С. 588.

[70] *Смирнова Н.Д.* Вопрос о болгаро-греческом разграничении… С. 134.

[71] *Сальков А.П.* Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе… С. 589.

[72] Там же; *Васев Сл., Христов К.* България на Мирната конференция… С. 194.

[73] Там же.

[74] Там же. С. 195.

[75] Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. Том II. Сентябрь 1944 — декабрь 1958. М., 1981. С. 165–166.

[76] Там же; *Васев Сл., Христов К.* България на Мирната конференция… С. 297–298.

[77] Меморандум, изложенный в материалах Отдела Балканских стран МИД СССР, см.: СКК в България… С. 755–756.

[78] Там же. С. 756–761.

[79] *Сальков А.П.* Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе… С. 591.

[80] Советско-болгарские отношения и связи… С. 184.

[81] Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 92–93.

[82] *Сальков А.П.* Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе… С. 593.

[83] *Калинова Е.* Роль СССР в подготовке мирного договора с Болгарией после Второй мировой войны: мифы и факты // Славяне и Россия. Россия: взгляд на Балканы. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения И.С. Достян (Отв. ред. С.И. Данченко). М., 2021. С. 545.

[84] Десталинизацията. Дилемата на едно противоречиво десетилетие. 1953–1964 / Съст. Б. Киряков, Г. Пиндикова, М. Коев. София, 2013. С. 49.

[85] ЦДА. Ф. 1б. Оп. 5. А.е. 567. Л. 327.

DOI 10.31168/7576-0478-7.15

Заключение

Настоящая коллективная монография посвящена важным в научном и общественно-политическом смысле вопросам — национально-освободительным движениям балканских народов, месту региона в системе международных отношений в Европе и исторической роли России. Авторы проанализировали широкий спектр вопросов, хронологически относящихся к периоду с середины XVIII в. до середины XX в. Это позволило им сделать принципиальные выводы о важности балканского направления во внешней политике России и той помощи, которую Российское государство оказывало и продолжает оказывать странам и народам Балканского региона. Понимание данного обстоятельства позволяет, в свою очередь, глубже понять сегодняшние непростые процессы, происходящие в Европе и мире в целом, и помочь выработать концепцию балканской политики Москвы на современном этапе и на предстоящие годы с учетом ее собственных национально-государственных интересов.

Резюме

Артём Акопович УЛУНЯН

Бунт, восстание, революция? 200-летний юбилей «греческих событий» 1821 г. в современных дискурсивных практиках обществ ряда государств Балканского региона

Аннотация:

Автором рассматриваются особенности содержания общественного дискурса по теме Греческой революции 1821 г. в ряде государств Балканского полуострова (Албании, Болгарии, Республике Северная Македония, Румынии, Сербии и Турции) в связи с отмечавшимся на официальном уровне в Греции 200-летним ее юбилеем. На основе материалов национальных СМИ, как формирующих, так и отражающих основные тенденции в подходах и оценках этого события, делается вывод о том, что «борьба» за Греческую революцию в рамках этих дискурсов ведётся на основе национального нарратива собственной этнополитической и государственной истории с различной степенью «дружественности» и враждебности.

Ключевые слова:

Албания, Болгария, Греческая революция 1821 г., общественный дискурс, Республика Северная Македония, Румыния, Сербия, Турция.

Ольга Евгениевна ПЕТРУНИНА

Революция 1821 г. в школьном курсе истории в Греции и на Кипре

Аннотация:

В разделе на основе современных школьных учебников в Греции и на Кипре исследуется репрезентация в школьном курсе основополагающего для новогреческой истории события — Греческой национально-освободительной революции 1821 г. Рассматриваются подходы к преподаванию и представление событий революции в национальном и мировом историческом процессе, анализируются связанные с ней стереотипы, современный пантеон героев революции, ее место в системе ценностей современных греков.

Ключевые слова:

Греческая революция 1821 г., преподавание истории в школе, новогреческие исследования, история современной Греции, история Кипра.

Светлана Ивановна ДАНЧЕНКО

История Греческой революции 1821–1829 гг. и русско-греческих связей в трудах Г.Л. Арша

Аннотация:

В связи с 200-летием начала Греческой революции 1821–1829 гг. автор анализирует труды Григория Львовича Арша (1925–2017), известного российского учёного-балканиста, специалиста по истории Албании и Греции XVIII–XIX вв., посвящённые греческому национально-освободительному движению и русско-греческим связям. За 60 лет своей научной деятельности Г.Л. Арш открыл в отечественных и зарубежных архивах обширный корпус уникальных документов, что позволило ему внести значительный вклад в изучение целого ряда вопросов: греческая эмиграция в Россию, формирование идеологии греческого национально-освободительного движения, создание тайного общества «Филики Этерия», греческое Просвещение и роль в этом процессе греческих колоний на юге Российской империи, великие державы и Греческая революция, деятельность Иоанна Каподистрии и Александра Ипсиланти.

Ключевые слова:

Григорий Львович Арш (1925–2017), Греция, Россия, историография, Греческая революция 1821–1829 гг., Иоанн Каподистрия, Александр Ипсиланти.

Василий Борисович КАШИРИН

«А называть можно их арнаутами»: к вопросу о появлении иррегулярных формирований из уроженцев Дунайско-Балканского региона в русской армии в начале войны с Турцией 1768–1774 гг.

Аннотация:

Данное исследование посвящено проблеме появления в русской армии иррегулярных формирований из уроженцев Дунайско-Балканского региона, так называемых арнаутов, в начальный период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Это стало одним из первых опытов использования русской армией в борьбе с Османской империей многонациональных добровольческих отрядов из местных жителей. С привлечением вновь найденных архивных материалов автором доказывается, что появление арнаутских отрядов на русской службе не было запланировано, а стало результатом стечения ряда обстоятельств, в том числе случайных, а также инициативы местного командования. В результате специальных мероприятий командующего передовым корпусом русской армии гене-

рал-майора князя А.А. Прозоровского зимой-весной 1769 г. на русскую сторону перешли арнаутские формирования, набранные господарем Молдавии на службу Османской империи. Образованные из них подразделения русской армии успешно действовали на Дунайском театре войны в качестве иррегулярной легкой кавалерии. После вступления русских войск в Молдавию и Валахию арнаутские формирования стали активно пополняться местными добровольцами. Несмотря на серьезные проблемы с дисциплиной, в целом подразделения арнаутов доказали свою эффективность в условиях войны. Помимо прочего, автором анализируется терминология, использовавшаяся русским командованием для обозначения этих отрядов, и доказывается тождественность в тот период понятий «арнауты» и «волонтеры».

Ключевые слова:

Российская империя, Османская империя, Молдавия, русско-турецкая война 1768–1774 гг., арнауты, иррегулярные войска, А.М. Голицын, А.А. Прозоровский.

Ирина Михайловна ЗАХАРОВА

Дворянская грамота Николаю Алфераки в собрании Эрмитажа. К истории рода Алфераки

Аннотация:

В исследовании речь идет о хранящейся в Государственном Эрмитаже грамоте (ЭРДр-1774) о возведении в дворянское достоинство, с пожалованием герба российского подданного, грека по происхождению Николая Дмитриевича Алфераки (1815–1860). Эта грамота, помимо того, что является интересным памятником дипломатики, палеографии и сфрагистики, может служить источником дополнительных сведений о биографии Н.Д. Алфераки, позволяет приоткрыть завесу над историей рода Алфераки и его нахождением на российской службе, а также опосредованно пролить свет на историю русско-греческих отношений последней трети XVIII–XIX вв. На основании привлеченных архивных и печатных источников приводятся сведения о четырех поколениях рода Алфераки. Некоторые материалы, включая саму грамоту, вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова:

Алфераки Николай Дмитриевич (1815–1860), Алфераки Михаил Николаевич, Алфераки Мария Михайловна, Смирнова-Марли Анна, Бетулинский Юрий Дмитриевич, Государственный Эрмитаж.

Марина Михайловна ФРОЛОВА

Из истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: болгары и отряд генерал-майора В.Д. Дандевиля (захват г. Этрополя 12 ноября 1877 г.)

Аннотация:

В исследовании на основе опубликованных источников и воспоминаний русских офицеров, участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг., рассмотрены действия отряда генерал-майора В.Д. Дандевиля во время захвата г. Этрополя 12 ноября 1877 г., а также содействие болгарской четы Георгия Антонова при подъеме орудий на гору у Троицкого монастыря. Раскрыты непростые взаимоотношения болгар и русских, представлены размышления офицеров о причинах подобного явления, отмечен тот факт, что информация, доставляемая болгарами, тщательно перепроверялась, поскольку к ноябрю 1877 г. безусловное доверие к болгарам исчезло. Жители г. Этрополя встречали русские войска с радостью и радушием, что для гвардейцев было удивительно, поскольку их соплеменники в Придунайской Болгарии были негостеприимны.

Ключевые слова:

русско-турецкая война 1877–1878 гг., взятие г. Этрополя, генерал-лейтенант И.В. Гурко, генерал-майор В.Д. Дандевиль, Георгий Антонов.

Никита Сергеевич ГУСЕВ

Сербская и болгарская пропаганда по македонскому вопросу в России в конце XIX — начале XX вв.

Аннотация:

Автором рассмотрены действия Болгарии и Сербии по обоснованию в глазах русского общества собственных прав на македонские земли. Болгарская пропаганда занимала пассивную позицию, поскольку уповала на устоявшееся мнение, что в Македонии живут болгары. Сербам пришлось быть активнее и учитывать сложившуюся обстановку, потому их пропаганда прошла четыре стадии. На первой доказывалось, что в Македонии живут сербы, а не болгары. На второй ставка делалась на существование отдельного македонского народа. На третьей стадии была выдвинута идея, что на этих землях живёт славянское население, не имеющее чёткой национальной идентификации. На завершающем этапе аргументы были дополнены политическими доводами. Накануне силового решения македонского вопроса был озвучен и македонский взгляд на историю Балкан. Болгаро-сербский спор рассматривается в развитии, указываются его основные участники и аргументы сторон.

Ключевые слова:

Македония, Болгария, Сербия, Россия, македонский вопрос, пропаганда, историческое право.

Любовь Алексеевна КИРИЛИНА

Словенский либерал в поисках пути. По воспоминаниям В. Равнихара (конец XIX — начало XX вв.)

Аннотация:

В исследовании рассматривается проблема поисков своего пути в политике словенского либерала Владимира Равнихара в конце XIX — начале XX вв. Оно основано на материалах его опубликованных, но еще малоизученных историками воспоминаний. Эти мемуары позволяют не только проследить эволюцию политических взглядов Равнихара и его попыток претворить их в жизнь, но также представляют широкую панораму национально-политической и культурной жизни словенцев в указанный период. К тому же, на их основании можно выявить ряд общих моментов, характерных для мировоззрения и деятельности словенской либеральной молодежи того времени.

Ключевые слова:

Владимир Равнихар (1871–1954), словенско-немецкий антагонизм, либералы и католики, Словенская экономическая партия (1906–1908 гг.).

Пётр Ахмедович ИСКЕНДЕРОВ

Албанское национальное движение (1878–1914 гг.) в балканском контексте: общее и особенное

Аннотация:

Настоящее исследование посвящено проблематике развития албанского национального движения в 1878–1914 гг. В центре внимания автора — типологические особенности указанного явления, роднившие его с аналогичными процессами у других балканских народов, и одновременно его уникальные черты и особенности. Работа основана на неопубликованных архивных документах.

Ключевые слова:

Россия, Балканы, Албания, Сербия, Косово, великие державы, международные отношения, межэтнические конфликты, конфликтология, национальные движения.

Варвара Борисовна ХЛЕБНИКОВА

Внешнеполитические планы черногорского монарха Николы на рубеже XIX–XX вв. и русская финансовая помощь

Аннотация:

В очерке речь идет о том, как изменялись взгляды черногорского монарха Николы Петровича на задачи освободительной борьбы славянских народов. После международного признания суверенитета Черногории он сумел убедить своего главного союзника — Российскую империю, что необходимо оказывать постоянную финансовую помощь развитию черногорских вооруженных сил для окончательного освобождения Балкан от турецкого господства, а также для предотвращения попыток западноевропейских держав усилить свое влияние в этом регионе. Однако на самом деле черногорская элита преследовала иные цели и стремилась расширить свои владения за счет соседних государств.

Ключевые слова:

Черногорское княжество-королевство, поддержка Российской империи, национально-освободительная борьба черногорцев против турецкого господства, территориальная экспансия.

Ярослав Валерианович ВИШНЯКОВ

«Революция Гуди» и идеология сербской военной элиты

Аннотация:

На основе документов Российского государственного военно-исторического архива и Архива внешней политики Российской империи автор раскрывает особенности политического развития Сербского королевства после свержения династии Обреновичей 29 мая 1903 г. Конфликт в офицерском корпусе и существенное вмешательство офицерства в политику стали определяющими факторами государственного развития Сербии в 1903–1914 гг. В исследовании показано, как события на Балканском полуострове (Аннексионный кризис 1908–1909 гг., греческая «Революция Гуди», Младотурецкая революция) отразились на усилении политической роли сербской военной элиты в государственной жизни страны, приведя к образованию в 1911 г. офицерской организации «Объединение или смерть» («Черная рука»), с деятельностью которой связано Сараевское убийство 15 (28) июня 1914 г.

Ключевые слова:

Сербия, «Революция Гуди», «Объединение или смерть», «Народная оборона», Н. Пашич, Д. Димитриевич.

Ольга Игоревна АГАНСОН

Национально-освободительное движение в Македонии как фактор балканской политики Лондона

Аннотация:

В очерке исследуются подходы Великобритании к национально-освободительному движению в Македонии в начале XX века. Автор вписывает македонский вопрос в широкий контекст развития международных отношений того периода и показывает, что интерес Великобритании к этой локальной проблеме был обусловлен подвижками в ее ближневосточной стратегии, определявшей, в том числе, вектор балканской политики Лондона. Констатируется, что перспектива реконфигурации системы международных отношений в результате подчинения Османской империи, мультирегиональной державы, выполнявшей функцию геополитической скрепы, влиянию Германии подтолкнула Англию пересмотреть свои взгляды на рост национально-освободительного движения в Европейской Турции. Особое внимание уделено механизмам и методам проведения британского влияния в регионе в связи с македонским кризисом 1903 г.

Ключевые слова:

Великобритания, Балканы, Македония, Османская империя, Балканский комитет, Илинденско-Преображенское восстание.

Татьяна Викторовна ВОЛОКИТИНА

Из истории послевоенного территориального урегулирования: болгарская составляющая «греческого вопроса». 1944–1946 гг.

Аннотация:

Автором анализируется болгарская составляющая «греческого вопроса» в контексте территориального урегулирования после Второй мировой войны. Охарактеризованы позиции союзников по антигитлеровской коалиции по «греческому вопросу», освещены дискуссии в Совете министров иностранных дел и на Парижской мирной конференции 1946 г. о принадлежности Западной Фракии и «стратегическом исправлении» болгаро-греческой границы.

Ключевые слова:

послевоенное территориальное урегулирование, «греческий вопрос», Западная Фракия, болгаро-греческая граница.

Summary

Artyom Akopovich ULUNYAN

Rebellion, uprising or revolution? The 200th anniversary of the events in Greece in 1821 in modern discursive practices of the societies of some Balkan states

Abstract:

The author examines special features of the public discourse content on the topic of the Greek Revolution of 1821 that commenced in several states of the Balkan Peninsula (Albania, Bulgaria, Serbia, Romania, the Republic of North Macedonia and Turkey) in view of the 200th anniversary of the events which was celebrated in Greece on the official level. Having studied the materials published in national media, which both shapes and reflects the main trends in the approaches to this event and its assessments, the author comes to the conclusion that the "struggle" for the Greek Revolution within these discourses is carried out along the lines of the mainstream national narratives of the Balkan countries according to the assessments of their own ethno-political and state history and with varying degrees of "friendliness" and hostility.

Keywords:

Albania, Bulgaria, Greek Revolution of 1821, public discourse, Republic of North Macedonia, Romania, Serbia, Turkey.

Olga Evgenievna PETRUNINA

The Revolution of 1821 in the school History curriculum in Greece and Cyprus

Abstract:

Based on modern school textbooks, the paper studies representation of the fundamental event for modern Greek history — the Greek Revolution of 1821 (Greek War of Independence) — in the school History curriculum in Greece and Cyprus. The paper examines approaches to teaching and presentation of the events of the Revolution in the national and world historic process, analyzes stereotypes associated with it, the modern pantheon of heroes of the Revolution, its place in the system of values of modern Greeks.

Keywords:

Modern Greek history, Modern Greek studies, Greek Revolution of 1821, Cyprus history, teaching history at school.

Svetlana Ivanovna DANCHENKO

History of the Greek Revolution of 1821–1829 and Russia-Greece Relations in the works of Grigory Arsh

Abstract:

In connection with the 200th anniversary of the beginning of the Greek Revolution of 1821–1829, the author analyzes the works of Dr Grigory Arsh (1925–2017), a famous Russian Balkan studies specialist, whose research mainly focused on the history of Albania and Greece of the 18th–19th centuries. The paper covers historian's works dedicated to the Greek national liberation movement and Russia-Greece relations. During 60 years of his scientific activity, Dr Arsh opened an extensive record of unique documents in Russian and foreign archives, which allowed him to make a significant contribution to the research in a number of issues: Greek emigration to Russia; formation of the ideology of the Greek national liberation movement; creation of the secret society "Filiki Eteria"; Greek Enlightenment and the role of Greek colonies in the south of the Russian Empire in this process; Great Powers and the Greek Revolution; the activities of Ioannis Kapodistrias and Alexandros Ypsilantis.

Keywords:

Grigory Lvovich Arsh (1925–2017), Greece, Russia, historiography, the Greek Revolution of 1821–1829, Ioannis Kapodistrias, Alexandros Ypsilantis.

Vasiliy Borisovich KASHIRIN

"And they can be called Arnauts": revisiting the appearance of irregular formations made up of the natives of the Danube-Balkan region in the Russian army at the beginning of the war with Turkey of 1768–1774

Abstract:

This study is devoted to the problem of the appearance of irregular formations from the natives of the Danube-Balkan region, the so-called Arnauts, in the Russian army in the initial period of the Russian-Turkish war of 1768–1774. It was one of the first experiences of using multinational volunteer detachments from local residents in the fight against the Ottoman Empire. With the involvement of newly found archival materials, the author proves that the appearance of the Arnaut detachments in the Russian service was not planned, but was the result of a combination of a number of circumstances, including accidental ones, as well as the initiative of the local command. As

a result of a special operation of the commander of the vanguard corps of the Russian army, Major General Prince A.A. Prozorovsky in the winter-spring of 1769, Arnaut formations, recruited by the Prince of Moldavia to serve the Ottoman Empire, deserted to the Russian side. Units of the Russian army made up of these people successfully operated in the Danube theater of war as irregular light cavalry. After the entry of Russian troops into Moldova and Wallachia, the Arnaut formations began to be actively replenished with local volunteers. Despite serious problems with their discipline, in general, the Arnaut units proved their effectiveness in war conditions. Among other things, the author analyzes the terminology used by the Russian command to designate these units, and proves that the concepts "Arnauts" and "volunteers" were perceived as identical at that time.

Keywords:

Russian Empire, Ottoman Empire, Moldavia, Russo-Turkish war of 1768–1774, Arnauts, irregular troops, A.M. Golitsyn, A.A. Prozorovsky.

Irina Mikhailovna ZAKHAROVA

Patent of nobility to Nikolai Alferaki in the Hermitage collection. Some aspects in the history of the Alferaki family

Abstract:

The study deals with the patent (ERDr-1774) kept in the State Hermitage Museum about the elevation to the nobility with the award of the coat of arms of a Russian subject Nikolai Dmitrievich Alferaki (1815–1860), a Greek by origin. This patent, in addition to being an interesting historical and diplomatic monument, paleography and sphragistics, can serve as a source of additional information about the biography of N.D. Alferaki, and also allows to lift the veil over the history of the Alferaki family and its service in Russia, as well as indirectly shed light on the history of Russia-Greece relations in the last third of the 18th–19th centuries. Based on the archival and printed sources, the article covers four generations of the Alferaki family. Some materials, including the patent itself, are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords:

Nikolai Dmitrievich Alferaki (1815–1860), Mikhail Nikolaevich Alferaki, Maria Mikhailovna Alferaki, Anna Smirnova-Marly, Yuri Dmitrievich Betulinsky, State Hermitage Museum.

Marina Mikhailovna FROLOVA

On some aspects of the Russo-Turkish War of 1877–1878: bulgarians and the detachment of Brigadier general Victor Dandeville (occupation of Etropole on November 12, 1877)

Abstract:

Based on the published sources and memoirs of the Russian officers, participants in the Russo-Turkish War of 1877–1878, the study examines the actions of Brigadier general Victor Dandeville's detachment during the capture of the town of Etropole on November 12, 1877, as well as the assistance of the Bulgarian armed detachment of Georgy Antonov in lifting guns up the mountain at the Trinity Monastery. The author reveals the complexity of the relationship between Bulgarians and Russians and presents the reflections of the officers on the causes of this phenomenon. The fact that the information delivered by the Bulgarians was also carefully double-checked, since by November 1877 unconditional trust in the Bulgarians had disappeared. The inhabitants of the town of Etropole greeted Russian troops with joy and cordiality, which was surprising for the guards, since their fellow tribesmen in Danube Bulgaria were inhospitable.

Keywords:

Russo-Turkish war of 1877–1878, occupation of the town of Etropole, Major General I.V. Gurko, Brigadier general V.D. Dandeville, Georgy Antonov.

Nikita Sergeevich GUSEV

Serbian and Bulgarian propaganda on the Macedonian question in Russia in the late 19th — early 20th centuries

Abstract:

The author examines the actions of Bulgaria and Serbia to justify their right to possess the Macedonian lands in the eyes of Russian society. Bulgarian propaganda was rather passive, because it relied on the well-established opinion that Bulgarians live in Macedonia. The Serbs had to be more active and take the situation into account, so their propaganda underwent four stages. At the first stage, they proved that Serbs, not Bulgarians, live in Macedonia. At the second stage, the stake was placed on the existence of a separate Macedonian people. At the third stage, they promoted an idea that these lands are inhabited by Slavic population that does not have any clear national identity. At the final stage, the arguments were supplemented by political arguments. On the eve of settlement of the Macedonian issue

by force, the Macedonian view of the history of the Balkans was also voiced. The Bulgarian-Serbian dispute is considered in development, its main participants and arguments of the parties are also indicated.

Keywords:

Macedonia, Bulgaria, Serbia, Russia, Macedonian question, propaganda, historic right.

Lyubov Alekseevna KIRILINA

Slovenian liberal in search of a path. According to the memoirs of Vladimir Ravnichar (late 19th — early 20th centuries)

Abstract:

The study deals with the problem of finding one's way in politics and considers the example of a Slovenian liberal Vladimir Ravnihar who lived in the late 19th–early 20th centuries. It is based on the materials of his published, but still poorly studied memoirs. These memoirs allow us not only to trace the evolution of Ravnihar's political views and his attempts to put them into practice, but also provide a broad panorama of the national, political, and cultural life of the Slovenes. On the basis of these documents, it is also possible to identify a number of common points characteristic of the mindset and activities of the Slovenian liberal youth of that time.

Keywords:

Vladimir Ravnihar (1871–1954), Slovenian-German antagonism, liberals and Catholics, Slovenian Economic Party (1906–1908).

Pyotr Akhmedovich ISKENDEROV

Albanian national movement in 1878–1914 in the Balkan context: commonalities and differences

Abstract:

The research is devoted to the Albanian national movement in 1878–1914. The author pays particular attention to its historical patterns that have a lot in common with the processes going on in other Balkan societies as well as the movement’s unique aspects. The research is based on the unpublished archive documents.

Keywords:

Russia, Balkan Peninsula, Albania, Serbia, Kosovo, Great Powers, international relations, inter-ethnic conflicts, conflictology, national movements.

Varvara Borisovna KHLEBNIKOVA

Foreign policy plans of the Montenegrin monarch Nikola at the turn of the 19th–20th centuries and Russian financial assistance

Abstract:

The essay elucidates the views of the Montenegrin monarch Nikola Petrovich on the liberation of the Slavic peoples and how they changed over time. After the international recognition of Montenegro's sovereignty, he managed to convince his main ally, the Russian Empire, that it was necessary to provide constant financial assistance to the development of the Montenegrin armed forces for final liberation of the Balkans from the Ottoman Empire, as well as to prevent the attempts to increase influence of the western European countries in this region. However, in fact, the Montenegrin elite pursued other goals and sought to expand their territorial possessions at the expense of neighboring states.

Keywords:

Montenegrin principality-kingdom, support of the Russian Empire, liberation struggle against the Ottoman Empire, territorial expansion.

Yaroslav Valerianovich VISHNYAKOV

"Goudi coup" and the ideology of the Serbian military elite

Abstract:

The article, based on the documents of the Russian State Military Historical Archive and the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire, reveals the features of the political development of the Kingdom of Serbia after the toppling of the Obrenović dynasty on May 29, 1903. The conflict in the officer corps and the significant interference of officers in politics became the determining factors in the state development of Serbia in 1903–1914. The author shows how the events on the Balkan Peninsula (the Annexation crisis of 1908–1909, the Goudi coup in Greece, the Young Turk Revolution) affected strengthening of the political role of the Serbian military elite in the state life of the country, leading to the formation of the officer organization "Unification or Death" ("The Black Hand") in 1911, whose activities are connected with the Sarajevo assassination on June 15 (28), 1914.

Keywords:

Serbia, Goudi Coup, "Unification or Death", "People's Defense", N. Pasic, D. Dimitrijevic.

Olga Igorevna AGANSON

National liberation movement in Macedonia as a factor in Great Britain's Balkan Policy

Abstract:

The paper examines Great Britain's approach to the national liberation movement in Macedonia in early 20th century. The Macedonian question is put into a wider international context and it is stated that Britain's interest in this local issue was caused by some revision of its Near-Eastern strategy which shaped direction of the Balkan policy. The prospective realignment of international system as an a result subjugation of the Ottoman empire, which was a multi-regional power with a function of geopolitical staple, as well as rising German influence pushed London to revise its attitude towards the rise of the national movement in European provinces of the Ottoman Empire. Special attention is drawn to the mechanism and methods of Britain's Balkan policy during the Macedonian crisis of 1903.

Keywords:

Great Britain, Balkans, Macedonia, Ottoman empire, Balkan committee, Ilinden-Preobrazhenie Uprising.

Tatiana Viktorovna VOLOKITINA

From the history of post-war territorial settlement: the Bulgarian component of the "Greek question" in 1944–1946

Abstract:

The author analyzes the Bulgarian component of the so-called "Greek question" in the context of the territorial settlement after the Second World War. The attitudes of the Allied Powers to the "Greek question" are determined by the author and the discussions in the Council of Foreign Ministers and at the Paris Peace Conference in 1946 on the ownership of Western Thrace and the "strategic correction" of the Bulgarian-Greek border are highlighted as well.

Keywords:

post-war territorial settlement, Greek question, Western Thrace, Bulgarian-Greek border.

Сведения об авторах

Агансон Ольга Игоревна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории исторического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова.

ORCID: 0000-0002-4736-0789

Вишняков Ярослав Валерианович — доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО).

ORCID: 0000-0002-2316-7116

Волокитина Татьяна Викторовна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, зав. Отделом истории Восточной Европы после Второй мировой войны, Институт славяноведения РАН.

ORCID: 0000-0002-4239-017X

Гусев Никита Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь Института славяноведения РАН.

ORCID: 0000-0002-9573-7018

Данченко Светлана Ивановна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время, Институт славяноведения РАН.

ORCID: 0000-0003-0354-3185

Захарова Ирина Михайловна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, главный хранитель Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа.

Искендеров Пётр Ахмедович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

ORCID: 0000-0001-5914-7662

Каширин Василий Борисович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.
ORCID: 0000-0002-2653-7063

Кирилина Любовь Алексеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.
ORCID: 0000-0001-5272-8077

Петрунина Ольга Евгениевна — доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.
ORCID: 0000-0002-6956-6745

Улунян Артём Акопович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН.
ORCID: 0000-0002-1861-4823

Фролова Марина Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.
ORCID: 0000-0002-4068-5193

Хлебникова Варвара Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения, МГУ им. М.В. Ломоносова.

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Никитинские чтения
«Славяне и Россия»

СЛАВЯНЕ И РОССИЯ.
Балканы в вихре национально-освободительных движений
(К 200-летию начала Греческой революции 1821–1829 гг.)

Коллективная монография

Утверждено к печати
Ученым советом Института славяноведения РАН
(Протокол № 5 заседания Ученого совета
ФГБУН Института славяноведения РАН от 25.10.2022)

Ответственный редактор
С.И. Данченко

Компьютерная верстка
П.Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Институт славяноведения РАН
119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32А, корп. «В»
Адрес электронной почты:
inslav@inslav.ru

Подписано в печать 00.11.2022. Формат 60×84 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 18,02.
Объем 19,38 печ. л.

Заказ № 83.

Тираж 500 экз.